

ББК 63.3(4)
С 75

Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения. Часть II. Европейский мир X—XV вв. Серия «Всемирная история и культура глазами современников и историков». — М.: Интерпракс, 1995. 384 с.

ISBN 5-85235-221-7

Цель издания — приобщить читателя к новому историческому знанию и дать представление о мало известном облике западноевропейского средневековья. В издании сочетается сжатое изложение основного содержания отдельных работ ведущих отечественных и зарубежных историков нового направления с публикациями фрагментов из этих работ и небольшими оригинальными авторскими очерками. Широко представлены фрагменты источников, как в оригинальном переводе, так и в перепечатке из имеющихся на русском языке публикаций.

ББК 63.3(4)

ISBN 5-85235-221-7

© Интерпракс, 1995
© Ястребицкая А.Л., и др. 1995

РАЗДЕЛ I

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Люди — творцы своей истории. Естественно поэтому, что вопрос о численности народонаселения в те или иные ее эпохи — один из тех вопросов, который прежде всего возникает перед историком. При этом его интересуют не только абсолютные цифры общего числа жителей области, страны или континента в целом, но и их изменения под влиянием увеличения или уменьшения смертности или рождаемости, то, как это население было размещено, компактно или рассеянно, какие изменения претерпевал его этнический состав или ареал расселения в целом, — словом все то, что ученые объединяют понятием «движение».

Для каждой исторической эпохи характерны свои особенности движения народонаселения. Изучением соответствующих процессов и проблем занимается специальная научная дисциплина — историческая демография. Это сравнительно молодая область исторического знания, насчитывающая немногим больше сорока лет, и именно ей мы обязаны нашими сегодняшними представлениями о движении народонаселения средневековой Европы.

Численность населения

При всех успехах исторической демографии, а может быть как раз именно благодаря им, вскрывшим всю сложность изучения подобных проблем и ограниченность наших возможностей в этом отношении, трезвомыслящие иссле-

дователи проявляют большую осторожность в вопросе определения численности населения в средневековой Европе. Принимая во внимание скудость и отрывочность источников, особенно касающихся раннего Средневековья, пишет один из крупных авторитетов в этой области бельгийский историк Ж. Ван Хуттен, какие-либо ответственные цифровые обобщения просто невозможны. Сказанное, однако, не исключает выводов, касающихся общих тенденций, характера демографического развития в целом размещения населения, относительной оценки его численности. Ученые сегодня все более склонны к признанию резкого сокращения численности населения уже ко времени распада Поздней Римской империи со 120 млн. человек (по оптимистическим оценкам) в период ее расцвета до 50 млн. к середине V в. К 500 г. оно составляло уже не более 27 млн. человек.

Раннее Средневековье повсеместно в Европе, как в латинско-германских областях, так и в ареале Восточной Римской империи (Византия), — период тяжелого демографического спада. Что явилось его причиной: коренился ли он в структуре уже самой Поздней Римской империи или же стал развиваться под влиянием массовых людских потерь периода Великого переселения народов? Этот вопрос остается дискуссионным. Но низшую точку демографической депрессии историки единодушно относят к VII — первой половине VIII столетий, когда к уже действовавшим факторам прибавилась чрезвычайно высокая смертность населения в результате эпидемий чумы, поразивших Средиземноморье и Северную Галлию. Население Европы сократилось тогда на одну треть.

Малопроясненной остается на сегодня и демографическая ситуация следующих ближайших столетий. Плотность населения в Европе IX—XI вв. сильно различалась по областям, и эти различия постоянно увеличивались из-за социальных потрясений. Обезлюдившему Иберийскому плато противостояли Италия (особенно Северная), Фландрия, Северная Галлия, и в последующие столетия выделявшиеся как области с наиболее высокой плотностью населения в Европе. Именно эти регионы поставляли человеческий

материал для внутренней колонизации и служили неиссякаемым источником людских резервов для различных военных предприятий — таких как, например, завоевание Англии норманнами в 1066 г., Лиссабона маврами в 1147 г. или крестовых походов (см. стр. 157); наличие избыточного населения сыграло свою роль и в оживлении здесь городской жизни. Однако ничтожная плотность населения, неравномерность его распределения — характерная черта раннего Средневековья. На всей территории Европы, пишет известный французский историк Марк Блок, в эту эпоху было куда меньше людей не только по сравнению с периодом, начавшимся с XVIII столетия, но и со временем после тысячного года. Даже в городах, население самых крупных из которых не превышало нескольких тысяч душ, между домами там и сям вклинивались пустоши, сады, даже поля и пастбища (см, стр. 30—31).

Выход из демографической депрессии забрезжил к XI в. Практически повсеместно в Европе в это время фиксируются признаки роста численности населения. Наибольшим, по подсчетам английского историка-демографа Дж. Рассела, он был в Средиземноморье (с 9 млн. человек в середине VII в. до 17 млн. к 1000 г). Затем следовали Франция, Нидерланды, Британские острова, Скандинавия (прибл. с 5 млн. человек до 12 млн.), а также славянские земли (с 3,5 млн. до 9,5 млн. человек). В стороне от этого движения поначалу оставалась Византия, где из-за войн с болгарами и социальных процессов, связанных с образованием крупного землевладения, наблюдалось даже снижение численности населения. Но в XII в. и она вступила в полосу демографического подъема.

Рост населения неуклонно продолжался вплоть до начала 40-х годов XIV в. В большинстве европейских стран, для которых имеется соответствующий цифровой материал, историки фиксируют удвоение численности населения между XI—XIV столетиями. К 1340 г., как предполагает Дж. Рассел, население Европы увеличилось до 73,5 млн. человек (с 38 с лишним млн. человек в 1000 г.). В результате Европа не только достигла удовлетворяющей ее численности населения, но и испытала некоторое его перепроизводство.

А это породило свои проблемы. Одна из них — продовольственная.

Под давлением демографического роста, особенно стремительного в XII—XIII вв., стали заселяться области с неблагоприятными климатическими и природными условиями, осваиваться под пашню малоплодородные земли. Это не могло не сказаться на обеспечении людей продовольствием. Нехватка его принимала катастрофические формы, особенно в неурожайные годы. Жертвами прежде всего становились малоимущие слои населения. Так в Ипре (Фландрия) из-за неурожая и голодных смертей среди бедноты в 1315—1317 гг. население сократилось на одну десятую. В Брюгге умерло от голода 2 тыс. человек из 35 тыс. населения в целом. Сокращались рабочие руки, забрасывались пашни, опустевали деревни. Все это не могло не вызвать падения доходов феодальных поместий. К началу XIV в. в Европе сложилась ситуация, которая в научной литературе получила название аграрного кризиса или *кризиса феодализма*, когда возникла необходимость изменения самих основ феодальной организации хозяйства. Это самостоятельная большая тема, которая требует специального рассмотрения. Здесь же важно обратить внимание на взаимосвязи, существующие между демографическими изменениями и структурными процессами в обществе в целом.

Голодовки, болезни, эпидемии

В этом контексте, в частности, приобретает особое звучание проблема голода и голодовок. Они были бедствием средневековой Европы, особенно городов, зависевших от ввоза продовольствия, правда, в высокое Средневековье они не были уже столь частыми, но угроза их висела над сознанием людей. И тому были основания.

Голодовки коренились в самой природе средневекового общества и порождались комплексом причин: плохим техническим оснащением средневекового человека, низкой урожайностью, несовершенством способа хранения продуктов питания, наконец, самой социальной системой в целом,

парализовавшей экономическую инициативу работника — зависимого крестьянина. Средневековый Запад, по выражению Жака Ле Гоффа, «представлял собой мир, находящийся на крайнем пределе, он без конца подвергался угрозе лишиться средств к существованию». Достаточно было засухи или наводнения, просто недорода — частого явления, чтобы разразилась продовольственная катастрофа, Хроники описывают неурожайные годы, столь же бедственные как и эпидемии. Накануне 1033 г., по рассказу бургундского монаха-историка Рауля Глабера, Нормандия была охвачена столь страшным голодом, что люди питались древесными корнями, собирали травы, растущие по берегам рек и ручьев. Кое-где голодающие нападали на путешественников, убивали и пожирали их или заманивали детей, чтобы съесть их. Доходили до того, что вырывали трупы и даже на рынках стала появляться вареная человечина. Этот ужасный голод свирепствовал в течение трех лет. Умирающих было так много, что их не успевали погребать. Случалось, что несчастные, узнав, что другие провинции в лучшем положении, оставляли свою страну, но они погибали на дороге.

Не всегда последствия голода были столь драматичными, как описанные знаменитым хронистом, но всегда с человеческими жертвами и смертельными исходами, поражающими воображение современников. Ж. Ле Гофф приводит впечатляющий перечень сообщений хронистов XIII в., когда эти мрачные события стали уже значительно более редкими. «1221—1222 г.: «В Польше три года подряд лили проливные дожди и происходили наводнения, результатом чего стал двухлетний голод, и многие умерли». 1223 г.: «Были сильные заморозки, которые погубили посевы, от чего последовал великий голод во всей Франции». В том же году: «Очень жестокий голод в Ливонии... люди поедали друг друга и похищали с виселиц трупы, чтобы пожирать их». 1263 г.: «Очень сильный голод в Моравии и Австрии; многие умерли, ели корни и кору деревьев». 1277 г.: «В Австрии, Иллирии и Каринтии был такой сильный голод, что люди ели кошек, собак, лошадей, трупы». 1280 г.: «Великая нехватка продуктов: хлеба, мяса, рыбы,

сыра, яиц. Дело дошло до того, что в Праге за грош с трудом можно было купить два куриных яйца, — тогда как раньше столько стоило полсотни. В тот год нельзя было сеять озимые, кроме как в далеких от Праги краях, да и там сеяли очень мало; и сильный голод ударил по беднякам, и много их от этого умерло» (*Ле Гофф Жак*. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 222).

Об угрозе голода постоянно говорят средневековые писатели, и это относится не только к крестьянам и бедноте. В средневековом романе о Ренаре-Лисе голодный желудок — постоянная тема, и автор с наслаждением описывает окорока, сельдь, сыры, кур, угрей, за которыми идет постоянная охота. Народная фантазия создает миф о стране Кокань, изобилующей всеми видами пищи, а агиография — житийная литература—приписывает святым чудотворцам удивительное искусство побеждать голод: «Великий голод свирепствовал во всей Кампаньи (Италия), когда однажды в монастыре св. Бенедикта, рассказывается в его житии, братья обнаружили, что у них осталось лишь пять хлебов. Святой Бенедикт, видя как они удручены, мягко - упрекнул их за малодушие, после чего сказал в утешение: «Как можете вы пребывать в горести из-за столь ничтожной вещи? Да, сегодня хлеба не достает, но ничего не доказывает, что завтра вы не будете иметь его в изобилии». Действительно, назавтра у дверей кельи святого нашли двести мешков муки. Но и поныне никто не знает, кого послал для этого Господь». Близко к этому и чудо св. Якова: «Случилось однажды так, что некий паломник родом из Везеле оказался без гроша. А так как он стыдился просить милостыню, то лег спать голодным под деревом. Проснувшись, он нашел у себя в котомке хлебец. Тогда он вспомнил, что видел во сне как святой Яков обещал позаботиться о его пропитании. И этим хлебом он жил две недели, пока не вернулся домой. Он не отказывал себе в том, чтобы утолять голод дважды в день, но назавтра вновь, находил в котомке целый хлебец» (Там же. С. 216).

Те, кто не умирал от голода, подвергались другим опасностям. Плохо питавшиеся, употреблявшие в пищу

недоброкачественные продукты, павших животных, насекомых, даже землю, физически ослабленные люди легко становились жертвами болезней, в том числе хронических, уродовавших их и, в конечном счете, также убивавших. В охваченной голодом Нормандии, писал Рауль Глабер, придумали одно новое средство для питания: многие начали мешать последние остатки муки и отрубей с белой землей, похожей на глину и делали из такой смеси хлеб для утоления голода. Но результат не соответствовал их желаниям. Лица их делались бледными, кожа натягивалась и пухла, голос слабел и напоминал собой жалобный крик издыхающих птиц. Туберкулез, малярия, различные уродства, нервные болезни (эпилепсия, лунатизм, идиотизм и т. п.) были бичем Средневековья. Недоброкачественное питание становилось также причиной многих эпидемий, в частности дизентерии и страшной «огненной» болезни или, как ее называли современники, «священного» или «дьявольского» огня, «огненной чумы». Она охватила многие области Западной Европы в последние два десятилетия XI столетия и была связана (как это установили много позже — в XVII в.) с заражением зерновых, прежде всего ржи, спорыньей. Ядовитые вещества концентрировались в колосьях, которые в годы неурожая и голода шли в пищу. Особенно токсичны были незрелые колосья.

Выразительным описанием этого заболевания обязаны мы бенедиктинскому монаху-хронисту Сигеберту из Жамблу, который под 1089 г. пишет: «Это был год эпидемии, особенно в западной части Лотарингии; у многих, чьи внутренности истреблял «священный огонь», загнивали конечности, которые становились черными как уголь. Они либо умирали жалкой смертью или оставались жить еще более убого, потому что сгнившие ноги и руки отваливались, источая зловоние. Но многие страдали от нервных судорог». О «священном огне», пожирающем человеческую плоть, свидетельствуют и хронисты XII—XIII вв.

Беспомощные, отчаявшиеся люди, видевшие в болезни кару Божию, в поисках заступничества обращались к святым. Известно более 20 имен святых, паломничество и прикосновение к мощам которых сулило, якобы, облег-

чение страдающим этой страшной болезнью. Но самым могущественным считался св. Антоний. Культ его как исцелителя от болезни «священного огня» возник в последней трети XI в. во французской провинции Дофине, где тогда свирепствовала эпидемия. С тех пор «священный огонь» стали называть «антоновым огнем», а аббатство, где хранились мощи святого — Сент-Антуан-ан-Вьеннуа. Вскоре здесь возникло специальное братство — монашеский орден антонитов (или антонинов), оказывавшее помощь страдавшим «антоновым огнем». Это самый ранний из орденов, члены которых были связаны обетом милосердия по отношению к страждущим и калекам. Антониты распространили свои филиалы вплоть до Венгрии и Святой Земли. Они принимали в своих аббатствах-госпиталях паломников и больных. Между 1120—1130 гг. в аббатстве Сент-Антуан-ан-Вьеннуа была выстроена большая больница, получившая название госпиталя для «увечных».

Основателем ордена антонитов, как считают некоторые исследователи, был знаменитый проповедник Фульк из Нейи, «который начал с того, что метал громы и молнии против ростовщиков, скупающих продовольствие в голодные времена, а кончил проповедью крестового похода. Примечательно, что фанатичные участники Первого крестового похода 1096 г были бедными крестьянами из районов, наиболее сильно пострадавших в 1094 г. от эпидемии «священного огня» и других бедствий — Германии, рейнских областей и восточной Франции» (Там же. С. 224).¹

Приведенная цитата из работы известного французского ученого важна тем, что обращает наше внимание на средневековый мир в его связях, обычно ускользающих от внимания. Он предстает здесь в неразрывном переплетении, в единстве житейского, материального и духовно-возвышенного, экономических и социальных бед и «неистовых порывов». Именно из этих сплетений выкристаллизовалось своеобразие Средневековья, его культуры и массовых представлений, так же как и рассматриваемых в данном случае демографических процессов.

¹ См. также Раздел IV. Городская Европа.

Постоянное недоедание и снижение физической сопротивляемости человеческого организма несомненно, сыграли свою роль и в тех опустошениях, которые произвела в Европе «великая чума» 1348 г. или «черная смерть», как ее чаще называют. Уже склонявшаяся демографическая кривая резко пошла вниз, и «кризис превратился в катастрофу» (Ж. Ле Гофф).

Впервые бубонная чума широко посетила Европу в VIII в. Впоследствии она давала о себе знать лишь спорадически. В 1347 г. она была завезена в Европу генуэзскими моряками с Востока и в течение трех лет распространилась по всему континенту и на Британские острова. Незатронутыми или почти незатронутыми остались Нидерланды, чешские, польские, венгерские земли, Русь. Впрочем, география распространения чумы изучена еще далеко не достаточно.

Жертвами эпидемии чумы становились в первую очередь крупные, густонаселенные города. Показательно, что направления ее движения совпадали с путями европейской торговли. Вспыхнув в июне 1348 г. в Бордо, чума быстро распространилась на атлантические порты Англии и Нормандии, появилась в Руане и в июле—сентябре впервые дала о себе знать в Париже. Крупные города, являвшиеся и узловыми пунктами европейской торговли, принимали на себя первый удар, превращаясь затем в очаг распространения эпидемии в прилегающих регионах.

Растерянность, насилие, погромы сопровождали часто начало этой страшной болезни, поражавшей всех — и бедных, и богатых. Свидетельства современников запечатлели прежде всего шок, в который повергало людей зрелище почерневших трупов, нагроможденных в огромных наспех вырытых неглубоких рвах. Это то, что главным образом сохранила коллективная память современников об этой страшной болезни, подобной опустошительной, все сжигающей на своем пути молнии.

Историки сегодня стремятся определить реальные масштабы бедствия. Новые исследования показывают, что высота смертности даже там, где чума свирепствовала, варьировала от местности к местности. В целом, количество

жертв колебалось от 1/8 до 2/3 общего числа жителей. Часто вымирали целые семьи. Дань чуме платили все, независимо от общественного положения, хотя, конечно, низшие слои страдали, прежде всего, и сильнее.

Эпидемия 1347—1349 гг. была лишь прелюдией зла, волны которого то, затихая, то, вздымаясь вновь давали о себе знать до конца позднего Средневековья и даже позже, препятствуя стабилизации населения Европы. Демографические и социальные последствия эпидемий чумы, как впрочем, и других болезней (коклюша, чесотки, оспы) были тем острее и действовали тем дольше, чем больше поражали они людей в расцвете жизни, порождая тяжелый дисбаланс в структуре населения. В 1361—1363 гг. в Англии и в Италии эпидемия поразила преимущественно маленьких детей («детская чума»), то же произошло в Париже в 1418 г. В этом же году в Перигоре (Франция) жертвами чумы стали люди среднего возраста, т. е. самого работоспособного и благоприятного для продолжения рода. В 1380—1400 гг. во французском городе Шалон-сюр-Саон, по наблюдениям историка-демографа Х. Дюбуа, наибольшее сопротивление болезни наблюдалось у пожилых глав домохозяйств, в отличие от молодых членов их семей, ставших в основном жертвами эпидемии. Все это чрезвычайно затрудняло восстановление численности населения после массового мора и оказывало разрушительное действие на социальную структуру общества в целом, влияло на коллективное поведение, порождая атмосферу страха и паники.

Чума — подлинный бич Средневековья. Врачи практически не могли распознать это заболевание. Оно фиксировалось, как правило, слишком поздно, когда остановить его было уже невозможно. Возбудители болезни были неизвестны, лечения как такового не существовало вообще. Смертность среди заболевших нередко даже и в более позднее время составляла 77—97 %. Испытанным рецептом, которого придерживались в народе, было, вплоть до XVII в. да и позже, — *cito, longe, tarde*: бежать из зараженной местности скорее, дальше и возвращаться позже.

¹ См. Часть пятую.

В средние века слово «чума» было собирательным для обозначения многих болезней, особенно тех, чьи симптомы обнаруживали себя на кожных покровах. В германских землях этим словом, в частности, часто обозначалась проказа — еще один бич Средневековья. Следы этого заболевания археологи фиксируют еще в раннее Средневековье. Апогей его приходится на XII—XIII столетия и совпадает с усилением европейских контактов с Востоком. Проказа косила население Европы вплоть до начала Нового времени. Страх перед заражением породил специальные и жесткие предписания относительно заболевших проказой. Им запрещалось появляться в обществе, пользоваться общественными банями. Больницы для прокаженных — лепрозории строили за городской чертой, вдоль важнейших дорог с тем, однако, чтобы не только обезопасить жителей от заражения, но и обеспечить больным возможность собрать как можно больше милостыни, которая являлась единственным источником существования для этих несчастных. О разгуле болезни говорит тот факт, что во Франции, например, в 1227 г. было около двух тысяч лепрозориев. В 1214 г. Латеранский собор разрешил строить на территории лепрозориев часовни и кладбища, предопределив тем самым их превращение в особые замкнутые миры, откуда больные могли выходить, только предупредив «добрых христиан» шумом трещотки о своем появлении. Над прокаженными висело множество запретов, и они легко превращались в козлов отпущения во время бедствий, как, например в 1315—1318 гг. во время великого голода, когда прокаженные и евреи, которых подозревали в отравлении колодцев и источников, подверглись гонениям по всей Франции. Но так поступали только с простыми людьми, тогда как высородные прокаженные могли жить среди здоровых.

Чувство панического ужаса, которое сеяли эпидемии и болезни в средневековом обществе, нашло отражение в молитве о заступничестве: «От чумы, голода и войны спаси нас, Господи!» Эта триада осмыслялась людьми той эпохи как основная причина катастрофических взлетов смертности. И действительно, их последствия были зримо

взаимосвязаны: войны сокращали или вовсе уничтожали скудные запасы продовольствия, лишали необходимого, ослабляя людей настолько, что они уже не могли противостоять болезням и эпидемиям.

Гигиена. Врачебная помощь

Распространению инфекций и эпидемий способствовала крайне низкая гигиена и жалкое состояние медицины, которая, по выражению Ж. Ле Гоффа, «не находила себе места между рецептами знахаря и теориями ученого педанта» (см. стр. 31—34).

Античная традиция ухода за телом и личной гигиены до некоторой степени сохранялась в раннее Средневековье, прежде всего в Италии и исламской Иберии. По мере распространения христианства утверждалось недоверчиво-подозрительное отношение, предубеждение против обнаженного тела, даже собственного. Общественными банями типа римских терм западное Средневековье не пользовалось, во всяком случае до XIII в., да им попросту и не было места в условиях, когда общественная жизнь резко сократилась. Лишь в некоторых монастырях строились помещения для мытья, как например в Клунийском, где в XI в. существовала дюжина деревянных клетушек, служивших умывальнями. В богатых домах купались в лоханях.

И все же мы можем говорить о культуре бани в средние века, особенно в XIII—XIV вв., хотя она и не достигла, как в греко-римском античном мире, уровня «особой формы жизни» и отношение к ней, как и положение в обществе в целом, было противоречивым. С XIII в. баня становится модой. В Париже в 1292 г. было по меньшей мере 26 общественных бань. Они были оборудованы парильнями; тут же можно было побриться и помыть голову. Баня была местом встреч, развлечений, приятного времяпрепровождения и вплоть до распространения (с конца XV в.) в Европе сифилиса бани посещали часто, получая от этого большое удовольствие. Свобода нравов посетителей бань, где подчас мужчины мылись

вместе с женщинами, способствовала дурной репутации содержателя бани и ее персонала (музыкантов, банщиков и банщиц), которых не без оснований обвиняли в сводничестве. Но как бы то ни было, баня была общественным учреждением, что подтверждалось ее особым правом. К тому же она являлась важным гигиеническим средством и местом, где можно было получить медицинскую помощь. Кстати, дурная репутация бань усугублялась как раз врачебной практикой банщиков-цирюльников. Они занимались хирургией, кровопусканием, вправляли суставы, ампутировали. Именно эта сторона их деятельности сближалась в общественном сознании с «нечистыми» профессиями, связанными с кровью, трупами, больным человеческим телом (такая же печать отверженности лежала на палачах, живодерах, могильщиках). К этому примешивался еще и страх перед черной магией знахарей и бродячих рыночных врачевателей.

Забегая вперед, надо сказать, что с конца XV в. число общественных бань в городах резко сокращается, уменьшается вообще притягательная сила бани как гигиенического средства: «грим и пудра вытесняют мыло». Немалую роль играл, как уже упоминалось, страх перед заражением сифилисом. Бани позднего Средневековья — преимущественно места свиданий для профессиональных и случайных обитательниц улицы. Одновременно, однако, во врачебной практике банщиков (цирюльников) появляется новое направление — лечение «заморской» болезни. Это усиливало, с одной стороны, общественную дискриминацию этой профессиональной группы, а с другой — сознание ее практической важности. Если общественная баня как гигиеническое средство утрачивала свою привлекательность, то авторитет банщика как лекаря-практика, напротив, возрастал. К ним обращались страждущие в первую очередь, к докторам медицины — в крайних случаях. Постепенно профессия банщика превращалась из презираемой в достойную уважения и почета. Это был сложный и долгий процесс, сопровождавшийся повышением требований к профессиональному мастерству лекарей-практиков (срок ученичества до восьми лет, специальный экзамен в присутствии

старшин цеха банщиков, представителя городского совета и докторов медицины). Около 1500 г. в Кельне из числа банщиков (цирюльников) был учрежден цех врачей-хирургов. Но общественное сознание с трудом отказывалось от своих предубеждений, и в том же Кельне возможность участвовать в городском управлении, так же как и стать членом некоторых цехов (например, ювелиров) была закрыта для тех, чьи родители занимались врачеванием. Вместе с тем усиливались попытки со стороны высших властей — императора, князей — поднять общественный престиж врачевателей ран и таким образом полевых хирургов, которые были так необходимы. Уже в XVII в. в Баварии при княжеском дворе была учреждена «бадешуле» («банная школа»), готовившая хирургов и полевых врачей, с середины XIX в. они стали именоваться «земскими» врачами. Так завершилась занявшая не одно столетие линия развития от врачевания как ремесла к врачебной профессиональной общественно-признанной деятельности.

Своеобразное положение в жизни средневекового общества занимали больницы — госпитали. Их функции также далеко выходили за рамки лечебного заведения в современном понимании.

Продолжительность жизни. Демографическая пирамида

Как мы видели, жизненная и житейская ситуация средневекового человека имела мало общего с современной и, соответственно, продолжительность его жизни была иной — много короче, чем сегодня. Археологическое изучение средневековых кладбищ, отдельных захоронений обнаружило, что предполагаемая продолжительность жизни в среднем не превышала 22—32 лет. При этом было бы ошибкой ожидать ее постепенного и неуклонного повышения. Напротив, серийные данные, относящиеся, например, к венгерским землям начала XI и XII столетий, где тогда, по наблюдениям ученых, имелось даже известное перенаселение, свидетельствуют о сокращении средней продолжительности жизни с 32 до 25 лет. Близкая картина

наблюдалась и в Англии середины XIII — второй четверти XIV столетия.

Для Средневековья характерна исключительно высокая смертность в младенческом и детском (до 14 лет) возрасте. В той же самой Венгрии в названные столетия она составила 39 % общего числа смертных случаев. В Польше в раннее Средневековье смертность в первые пять лет жизни ребенка превышала 20 %. Эти цифры прямо определялись низким уровнем гигиены и состоянием здоровья населения.

До возраста глубокой старости — 70 лет — доживали единицы. Продолжительность жизни была низкой даже в княжеских родах. Так в португальско-бургундском доме в XII—XIV вв. она не превышала 40 лет. Относительно редким явлением для средних веков было, чтобы люди знали при жизни своих дедушек и бабушек и проживали с ними бок о бок в течение долгого времени.

Исследования историков-демографов открыли нам и другие особенности пирамиды населения средневековой Европы. От современной ее отличают, в частности, бросающаяся в глаза малочисленность женщин по сравнению с мужчинами и их чрезвычайно высокая смертность именно в цветущем возрасте. Хотя мужчины в массе, как правило, особенно из рыцарских семей, уже в очень юном возрасте участвовали в ратных делах, тем не менее, в возрастной группе от 14 до 40 лет соотношение между мужчинами и женщинами составляло 120/130 к 100. Соответственно, демографически, крайне редкими были женщины глубоко преклонного возраста (старухи).

Характерное для Средневековья нарушение демографического равновесия между мужской и женской частями населения было порождено многими причинами. Одна из главных — общее тяжелое положение женщины особенно в низших слоях населения, в аграрном обществе, где они лишь в очень редких случаях исключались из полевых работ. Сказывались и очень ранние браки, с 12—14-летнего возраста, частые деторождения (дети погодки или с разрывом в два года — распространенное явление в средние века) и связанные с этим осложнения и заболевания.

Таким образом, современные историко-демографические исследования разрушают один из распространенных обывательских мифов о средних веках как времени долгожителей и богатырей. Слабая хозяйственная основа, политическая и социальная нестабильность, низкий уровень гигиены и медицины в эту эпоху делали человека легкой добычей и жертвой войн, болезней и голода.

Не дают они оснований и для казалось бы, на первый взгляд «логичного» вывода о том, что в силу очень высокой частоты родов и неразвитой регуляции деторождения прирост, увеличение населения в средние века происходили очень быстро. В действительности, этот процесс был очень медленным из-за высокого процента смертности. Даже в период апогея демографического подъема — в XI—XIII вв. он составлял, по оценкам ученых, 36 % при рождаемости в 42 %. Поэтому численность семьи в среднем редко превосходила 5 человек. Венгерские историки-демографы подсчитали, что процент прироста населения в городе Штульвайсенбурге в X—XI столетиях не превышал 4 % (промилле) и что для удвоения числа жителей при тогдашнем уровне общественного и социального развития понадобилась бы четверть тысячелетия!

И, тем не менее, как отмечалось уже в другой связи, в Европе имелись плотно заселенные регионы, избыточное население которых мигрировало в поисках лучшей жизни в другие, менее освоенные людьми области, что, в свою очередь, становилось мощным импульсом для развития этих последних и европейской цивилизации в целом. Вместе с тем этот вывод требует осторожности. Отвечающий ситуации высокого Средневековья он вместе с тем не может быть распространен в целом на феномен средневековых миграций, к рассмотрению которого мы и переходим.

Миграции в средние века

Современные историко-демографические исследования Средневековья не только позволили установить главные тенденции движения численности народонаселения и факто-

ры, влиявшие на него. Они позволили также по-новому взглянуть и на самую эпоху как время мощных миграционных процессов — перемещений огромных масс и групп людей, в ходе которых осуществлялось формирование этнического облика европейского континента и его хозяйственно-культурное освоение.

Миграции — явление, присущее всем историческим обществам, так же как и современному. Но в средние века этот процесс имел свои особенности и формы, разные для разных периодов этой многовековой эпохи.

Миграции раннего Средневековья, как и периода Древности, отличались от позднейших тем, что они нередко втягивали в себя целиком весь народ, который в течение относительно короткого времени переселялся полностью на новое место. Именно такой характер носили миграции германских племен. Их результатом было значительное обновление населения на европейском Западе, что засвидетельствовано как письменными и археологическими источниками, так и данными топонимики — названий селений, областей, до сих пор напоминающих об этом «Великом переселении народов»¹. Во Фландрии, Лотарингии, Эльзасе, Франш-Конте широко распространены топонимы с суффиксом «инг», обозначающим у германцев ближайшее окружение — «фамилию» франкского, алеманнского или бургундского вождя: «люди такого-то». Таков, например, Ракранж в департаменте Мозель, название которого происходит от слова «рахеринг» — «люди Рахера». Особенно многочисленны названия со словом «фер» или «фара», обозначающим у франков, бургундов, вестготов и лангобардов семейный германский клан, осевший после переселения в одном месте и сохранявший единство. Таковы во Франции Ла-Фер (деп. Эн), Фер-Шампенуа (деп. Марна), Ла-Фар (деп. Буш-дю-Рон, Воклюз) и многочисленные «фара» в наименовании поселений, встречающиеся в Италии. (*Ле Гофф Жак. Цивилизация... С. 33—34*).

На первых порах расселение новопришельцев, их гос-

¹ См: «У истоков западноевропейской средневековой цивилизации». Часть первая, Раздел I.

подствующего слоя регулировалось римскими властями. Уже в период Поздней Империи было обычным, что народы, которых правительство пригласило само, исходя из своих нужд — обычно охраны границ Империи, расселялись на отведенных им общественных землях или конфискованных частных владениях. Эту практику старались сохранить и тогда, когда переселение приняло обвальный характер.

Остготы именно таким образом получили в Италии треть римских культурных земель, бургунды — половину, вестготы в Аквитании и Испании — две трети. Относительная легкость, с которой осуществилось германское расселение, свидетельствует о степени обезлюдения имперских территорий. Сыграло свою роль вероятно и то обстоятельство, что и готы, и вандалы, и бургунды были еще «крепко привержены» римскому миру: они стремились воспринять не только то высшее, что осталось от Империи в области культуры и политической организации, но также и в экономической сфере. Об этом говорит сохранение денежного хозяйства, дальней торговли, крупного землевладения, основанного на эксплуатации рабов и колонов. Римляне сохранили свой высший слой — сенаторскую знать, которая по-прежнему обитала в городах. Германцы в массе осели в сельской местности, но их правители и короли имели резиденции в городах: Равенна стала столицей вестгота Теодориха; Тулуза, Барселона, Мериде, Толедо — центрами обитания вестготских правителей; Турне, Суассон, Париж — главными городами франкских королей; Лион — столицей бургундов; Павия — лангобардов.

И, тем не менее, как показывают археологические раскопки, подтверждающие письменные свидетельства, разрушения, которыми сопровождалось переселения, были достаточно внушительны, чтобы посеять панику среди местного населения и заставить его искать убежища. Вот как описывает страдания населения провинции Овернь, захваченной предводителем франков Теодорихом, один из современников и очевидцев событий аббат-хронист Хуго. Все, кто был знаменит происхождением и богатством дошли до нищенской суммы и вынуждены были удалиться

из страны, выпрашивая кусок хлеба или зарабатывая на жизнь поденным трудом. Жителям ничего не было оставлено кроме земли и то только потому, что варвары не могли ее унести с собою. Когда были скрыты все укрепления, а добыча поделена, длинные ряды повозок и пленников, окруженные франкскими воинами, потянулись из Оверни на север Галлии. За обозом вели людей всех состояний, и духовных и светских. Особенно много шло детей, юношей и молодых женщин, которых франки продавали во всех местах, через которые они проходили,

В Италии при приближении лангобардских полчищ местное население римской культуры, к которой относились и быстро ассимилировавшиеся остготы, бежало на побережье, где утвердился Византизм, и на лагуну Венецианского залива. Когда двумя столетиями позднее на полуостров вторглись каролингские отряды, настала очередь спасаться и лангобардам, бежавшим в область Беневента, которой в течение довольно длительного времени удавалось оставаться вне пределов Каролингского господства.

Подобными явлениями сопровождалось и завоевание Пиренейского полуострова арабами (VIII в.). В ходе его возникли замкнутые поселения сирийских, палестинских, египетских, берберийских военных групп. Одновременно, несмотря на довольно толерантное отношение завоевателей к местному вестготскому населению, произошел мощный отток его на север под защиту гор.

Миграции в Европу варварских народов, даже первые волны, завершившиеся адаптацией германцев к римской культуре, в конечном счете, ускорили тот процесс упадка, который наметился уже в Поздней Империи. Их варварство наложилось на варварство одряхлевшего римского мира, выпустив наружу, по выражению Ж. Ле Гоффа, «дикие примитивные силы, скрытые ранее лоском римской цивилизации». Но регресс этот был чисто количественным: «загубленные человеческие жизни», разрушенные памятники архитектуры и система коммуникаций, хозяйственные

¹ Об арабском вторжении см. «Франкское государство и империя Карла Великого». (Часть первая, Раздел II).

постройки, исчезновение произведений искусства, систем орошения и т. п.

К середине XI в. сопровождающиеся насилием миграции в Западную Европу этнически замкнутых групп кочевых народов прекращаются. После военных набегов X в. на юго-востоке Европы осели венгры, а на северо-западе континента и Британских островах — норманны.¹ То мощное миграционное движение, которое, начавшись с середины XI в., охватило всю Европу и продолжалось вплоть до середины XIII в., было вызвано уже иными, внутренними жизненными импульсами самого европейского континента и имело другую природу и иные последствия. В основе его лежал резкий, охвативший более чем два с половиной столетия рост народонаселения Европы и связанный с этим процесс освоения — так называемой колонизации обширных пространств, осваивались, прежде всего, приграничные и пограничные земли Иберийского плато и равнины за Эльбой, а также площади старинных областей расселения, что полностью преобразило культурный ландшафт европейского континента. Корчевались леса, целина превращалась в пашню, а на полянах, отвоеванных у леса, на девственной земле вырастали новые поселения и деревни.

Все это способствовало сближению людей. Отныне селения уже не разделялись обширными пустынными пространствами, которые трудно было преодолевать, за исключением, конечно, самых бедных областей, особенно в труднодоступных, например горных местностях. Именно к эпохе великой колонизации восходит обычай европейцев присоединять к своему имени прозвище, указывающее на местность, откуда этот человек был родом — так называемый патронимии. Исследование патронимов, передававшихся по наследству, позволило историкам-демографам изучить географию переселенческих потоков. Так, например, анализ патронимов крестьян-мигрантов в Пикардии показал, что жители новых поселков происходили из деревень, расположенных по соседству — не более чем в 15 км. Аналогичная ситуация имела место и в юго-западной

¹ См. Очерк «Распад Каролингской империи» (Часть первая. Раздел II).

Франции, где большинство крестьянских мигрантов происходило из ближайших сельских поселений. Избыточное население устремлялось и в города, что способствовало их росту. Среди переселенцев в городах могли быть не только местные, но и люди из областей за несколько десятков и даже сотен километров, особенно, если речь шла о крупных торговых центрах (см. стр. 96—103).

Избыточное население, политические интересы и устремления феодальных господ, духовно-религиозные движения XI—XIII вв. являлись мощным импульсом для перемещения больших масс людей, включавшихся в освоение завоеванных силой оружия новых территорий. К числу таких миграций, связанных с завоевательными походами, ученые относят сегодня, например, норманнское завоевание Англии в 1066 г., в ходе которого на Британские острова переселилось до 6 тыс. воинов со своими семьями; Оттонову экспансию за Эльбу и Заале; испанскую Реконкисту; крестовые походы, в ходе которых образовалась Латинская империя и крестоносные княжества на Ближнем Востоке; шведскую экспансию в область Восточной Балтики; захват англичанами Ирландии и Уэльса, также как и постоянный обмен людскими ресурсами между континентальной Европой и Англией в правление Анжуйской династии, т. е. в годы Столетней войны.

В миграционные процессы, связанные с завоевательными походами, были вовлечены (по призыву власть имущих или по собственной инициативе) люди разного социального статуса, положения, осваивавшие новые земли либо своим трудом, либо как организаторы их хозяйственной жизни. С этой точки зрения особенно активна была церковь, создававшая на новых землях епископства и аббатства, обеспечивавшиеся огромными земельными владениями, требовавшими для своего освоения рабочих рук. Не уступали церкви в активности и светские феодалы. Так, наряду с фламандскими рыцарями, принявшими участие в походе Вильгельма Завоевателя, в Англию переселилось немало фламандских крестьян. Но несравнимо большие размеры крестьянское переселение приобрело в ходе так называемой восточной колонизации.

Движение на Восток, за Эльбу, как политическое и завоевательное началось с середины X в. и сохраняло такой характер до XIII столетия, когда развернулось мощное крестьянское переселенческое движение, которое очень скоро вышло за пределы империи и вновь присоединенных к ней земель, распространившись на соседние венгерские и западно-славянские территории: высшие сословия этих территорий были заинтересованы в приеме квалифицированных рабочих рук.

Основную массу крестьян-переселенцев составляли выходцы из перенаселенных западных областей, прежде всего — из Рейнской области, а также из Фламандии и Голландии. С переселением крестьяне связывали надежды не только на обзаведение собственным хозяйством, уменьшение опасности голодовок, но и на освобождение от барщины, снижение денежных платежей и оброка, словом, на более свободный статус, чем был у крестьян в тех землях, которые они покидали, и у местных жителей. Расселившиеся в Бранденбурге, Саксонии, Силезии, предгорьях чешских Рудных гор эмигранты осваивали пустоши, заболоченные земли. Льготы, которыми они пользовались, были зафиксированы в специальном праве: «немецком» или «фламандском».

Вместе с тем в землях, куда направлялся поток эмигрантов с Запада, развертывалась собственная внутренняя колонизация. По инициативе чешских, польских, венгерских королей местное крестьянство, соблазненное льготами, переселялось в приграничные местности, в предгорья для того, чтобы поднимать новь и осваивать для жизни новые места.

Восточная колонизация не ограничивалась только переселениями крестьян. В нее было вовлечено и ремесленное население городов, мастера горного дела и по обработке металлов из различных областей Германии, Италии, Валлонии. В ходе колонизации возникла сеть не только новых деревень, но и городов, основанных по инициативе правителей, королей или крупных князей. Так был основан Любек в 1158 г., в 1160 г. — Шверин и Лейпциг. Через полстолетия волна градостроительства распространилась в

Силезии, Чехии, Моравии, в землях Польского королевства, в Венгрии. Новые города создавались как на новых, неосвоенных землях, так и рядом с уже существующими старинными центрами. Некоторые из новых городов скоро сами превращаются в исходные пункты колонизационного движения. Так произошло, в частности, с Любеком, одним из самых могущественных городов на Балтике, жители которого (выходцы из Рейнской области и Вестфалии) создали сеть торгово-ремесленных колоний на Востоке — вплоть до Литвы и Эстонии, а также в Скандинавии. Здесь в XIII в. большинство горожан было немецкого происхождения. Одним из ярких свидетельств демографических результатов восточной колонизации может служить Саксония, население которой в течение XII—XIII вв. удесятилось.

На самом Западе Европы ареной мощного колонизационного процесса сделался в XI—XIII вв. Иберийский полуостров. Однако колонизация здесь отличалась от той, что происходила на Востоке Европы, прежде всего тем, что развертывалась в ходе отвоевания (Реконкисты) христианскими государями и их воинством мавританских владений, в хозяйственном отношении не только не уступавших, но порой и превосходивших области, откуда родом были прибывшие сюда переселенцы. Имелось здесь достаточно и рабочих рук для возделывания земель. Апогей Реконкисты приходится на XIII в., когда были отвоеваны богатые южные провинции и после поражения берберов при Лас-Навас-де-Толоза исчезла опасность нападений со стороны мавров (см. также стр. 157—170).

* * *

Изучение миграционных процессов открыло неведомый прежде облик средневековой Европы. Одностороннее представление о неподвижности средневекового мира, привязанности к месту — клочку земли и господину человека в эту эпоху оказалось несостоятельным. Люди много путешествовали. Перемещались в пространстве купцы, школяры и студенты, стремившиеся посетить знаменитые монастырские школы, а с XII в. — новые и редкие еще

университеты. Перемещались из города в город монахи, мелкие клирики, паломники, нищие и бродяги, но также и подмастерья, стремившиеся к овладению профессией. От двора к двору, от бурга к бургу, от города к городу переходили художники, работавшие на заказ, трубадуры и миннезингеры, предлагавшие свою поэзию, не говоря уже о миссионерах, видевших свое призвание в том, чтобы нести свет христианской религии в новые земли¹.

Перемещениям огромных масс населения, как мы видели, способствовали также и трагические события. Люди бежали от войн, эпидемий, устремляясь одновременно туда, где наступало затишье и где из-за больших людских потерь возникла острая потребность в рабочих руках. Характерно, в частности, что на всем протяжении Средневековья города восполняли потери в населении исключительно за счет притока иммигрантов из числа как крестьян, так и жителей других городов. Путем естественного прироста население городов начинает пополняться лишь в Новое время.

Таким образом, несмотря на огромные пространства и расстояния, отделявшие подчас страны и земли, европейскому средневековому обществу была присуща очень высокая степень географической мобильности. Для неподвижной старины здесь просто не оставалось места.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

РАННИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

... В сельских местностях природные условия, а также социальные навыки способствовали сохранению глубоких различий между заселенностью разных зон. В одних местах семьи, по крайней мере некоторые, селились подалее

¹ См. Часть третью.

одна от другой, каждая в центре своего земельного надела-владения — так было в Лимузене. В других, например в Иль-де-Франсе, почти все жители, напротив, были сосредоточены в селах. В целом, однако, давление господ и особенно забота о безопасности служили серьезными помехами для слишком большого рассеяния. Смуты раннего средневековья способствовали возникновению многолюдных поселений, где жили очень скученно. Но между этими последними повсюду пролегали пустынные земли. Даже под пашни, доставлявшие селу пропитание, надо было выделять, по отношению к числу обитателей, гораздо более обширные пространства, чем в наши дни. Ибо земледелие являлось тогда великим пожирателем территорий. На мелко вспаханных и, как правило, плохо унавоженных нивах колосья были тощие и росли негусто. А главное, никогда не подготавливался под посев весь участок целиком. Самые передовые методы чередования культур предписывали, чтобы каждый год половина или треть возделываемой земли отдыхала. Часто бывало и так, что чередование пара и посевов проводилось беспорядочно, и поэтому дикой растительности всегда предоставлялся более длительный отрезок времени, чем культурным растениям; поля в таких случаях отвоевывались у целины лишь на время, причем на короткое. Так в самом сердце населенных мест природа постоянно стремилась взять верх. А вокруг, окаймляя селения и проникая в них, простирались леса, кустарники и ланды, огромные дикие пространства, где человек не то, чтобы вовсе отсутствовал, но где он, угольщик, пастух, отшельник или изгой, мог существовать, лишь решившись на долгое отчуждение от подобных себе.

Блок М. **Апология истории.**
М., 1986. С. 123—124.

2.

БОЛЬНИЦЫ И МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

Больницы занимали своеобразное положение в жизни средневекового общества. Их функции далеко выходили за рамки просто лечебного заведения. В раннее Средне-

вековье больницы основывались преимущественно церковными учреждениями — монастырями, церквами и епископами и предназначались не только для больных, но главным образом для пилигримов, странников. Здесь же находили приют и нищие. Больница рассматривалась как место, находящееся под покровительством и защитой церкви. Как правило, она составляла единое целое с церковным зданием и помещение для больных и пилигримов находилось около алтаря. С конца XII в. появляются больницы, основанные светскими лицами — городскими сеньорами, а несколько позднее — состоятельными горожанами. Больница и церковь разделяются теперь и в строительном отношении, составляя два отдельных здания, это, однако, не меняло положения больницы как учреждения, пользующегося покровительством церкви. Со второй половины XIII в. начинается процесс т. н. коммунализации больниц, в полной мере проявивший себя уже в следующем столетии: городские власти стремятся принять участие в управлении ими или даже полностью взять в свои руки. Изменяются и функции больниц: они превращаются в благотворительные учреждения, доступ в которые открыт только бюргерам — полноправным горожанам и местным жителям при условии внесения специального взноса. Меняется и месторасположение больниц: если прежде они обычно строились на окраине города, у городской стены или перед городскими воротами, то к XIV в. их все чаще сооружают в центре города и даже на рыночной площади. Больница перестает быть церковным учреждением в строгом смысле слова, однако она по-прежнему находится под покровительством церкви и имущество ее в силу этого считается неприкосновенным. Последнее обстоятельство имело важные хозяйственные и политические последствия: состоятельные горожане охотно вкладывали свои средства в больницы, обеспечивая тем самым их сохранность, а городской магистрат использовал больницы в качестве орудия своей территориальной политики. В 1295 г. больница города Эслингена (Юго-Западная Германия) приобрела у графа Готфрида фон Тюбингена его права и владения в деревне Мэринген, через два года — в деревне Вайхинген, а у

рыцаря Конрада Бернхаузена в этом же году лес Катценбах. Поземельная книга 1304 г. свидетельствует о планомерной политике больницы по приобретению земельных владений. К 1331 г. благодаря ее действиям город располагал уже значительной территорией вдоль Неккара. Территории таких имперских городов как Биберах, Мемминген, Кауфбайрен, Нордлинген, Аугсбург, Ройтлинген в большей своей части состояли из земельных приобретений больниц.

Располагая собственным имуществом и хозяйством, больницы играли важную роль в финансовой и хозяйственной жизни средневекового города, особенно возросшую в XIV в. Они предоставляли ссуды и пожизненные ренты отдельным бюргерам, иногда и магистрату под небольшие проценты, а подчас и без процента: запасы зерна, которыми они располагали, в случае неурожая могли быть использованы для обеспечения населения и регулирования цен.

Научная медицина в средние века была развита слабо — медицинский опыт перекрещивался с магией, астрологическими наблюдениями и религией. Кровопускание и очистка желудка оставались основными, если не единственными лечебными средствами. Чтение «Отче наш» сочеталось с применением порошка из имбиря и корицы (для излечения перелома), а к постели человека, уснувшего летаргическим сном, рекомендовали привязать свинью. Лечебные свойства приписывались драгоценным камням и всевозможным раритетам, например, печени жабы. Еще в XIV и XV столетиях лучшие специалисты рекомендовали такой способ борьбы с болезнью как подвешивание за ноги, чтобы яд вышел из ушей, носа, рта и глаз. Хирургия находилась под запретом, кроме практической хирургии, которая была отдана не врачам, а банщикам-цирюльникам. Парижский медицинский факультет около 1300 года прямо выразил свое отрицательное отношение к хирургии. Впрочем, интерес к изучению человеческих внутренностей уже рождался, однако он являлся на свет в суровом средневековом обличье. Хронист Салимбене рассказывает о медицинских экспериментах императора Фридриха II (1212—1250 гг.), который обильно угостил двух людей, а затем одного отправил спать, а другому приказал бодрствовать. Через

некоторое время он приказал умертвить обоих, вскрыть желудки и установить, в каком случае пища усвоена лучше. Другой опыт Фридриха II носил более «теоретический» характер: он запер человека в плотно запечатанный ящик и когда ящик вскрыли, там нашли только тело, но души не обнаружили; это обстоятельство укрепило Фридриха в его сомнениях о существовании посмертного бытия. Представления об устройстве и функционировании человеческого организма оставались смутными. Желудок трактовали как котел, в котором пища варится с помощью огня, выделяемого печенью, служащей очагом.

Жалобами на врачей-обманщиков, на невежественных лекарей полна средневековая литература задолго до Мольера. И все-таки советы средневековых врачей не всегда были совершенно бессмысленны. Любопытное руководство по сохранению здоровья, составленное в XIII веке «в соответствии с принципами салернской медицинской школы», содержит ряд советов относительно диеты и гигиены. Оно рекомендует по утрам вымыть глаза и руки холодной водой, пройтись, чтобы немного размяться, причесаться и даже почистить зубы. Не стоит злоупотреблять горячими ваннами. Отправляясь спать, нужно сперва лечь на левый, потом на правый бок. Обжорство вредно, впрочем, следует избегать и чрезмерного похудения. Автор наставляет, какое вино вредно для печени и для желудка. Он советует пить дождевую воду: она мягче и лучше способствует пищеварению, а также из источников, текущих к востоку, — вода, бегущая на юг вредит кишечнику. Он отдает предпочтение свинине перед зайчатинной, но замечает, что молочный поросенок и молочный ягненок вредны для печени...

Ястребицкая А. Л. Западная
Европа XI—XIII веков. Эпоха.
Быт. Костюм. М., 1978. С. 58—65.

¹ См. также очерк «Женщина-врачевательница». Часть третья, раздел V.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Блок М.* Апология истории. М., 1986.
- Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии // Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1984.
- Женщины. Брак. Семья до начала Нового времени (демографические социокультурные аспекты) // Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1993.
- Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы. Проблемы и исследования // Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1988.
- Ле Гофф Жак.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI—XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

РАЗДЕЛ II

ФЕОДАЛИЗМ — ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В средние века — как и во все другие древние времена — люди избегали уединенной жизни. В одиночку совладать с опасностями, которыми дикая природа угрожала тогда человеку, было очень непросто. Люди старались селиться сообща. Самыми распространенными в средние века были сельские поселения. Поэтому в течение большей части Средневековья именно их устройство характеризовало собой строй общества в целом.

Средневековая деревня

Мыслимо ли узнать, какими были эти давно исчезнувшие поселения? В чем видели их жители счастье и несчастье? В каких отношениях находились друг с другом и с властью? Чем были заполнены их будни и праздники? Не на все эти вопросы удастся сегодня найти ясные ответы, но многое мы уже знаем.

Археологические раскопки средневековых поселений рассказывают об устройстве крестьянских хижин (как и возвышавшихся над ними жилищ властителей), о домовых утвари, о том, чем и как пахали землю, что сеяли, и даже о том, какие игрушки были у детей и какие украшения носили женщины. Но еще важнее сведения, которые удастся почерпнуть из дошедших до нас письменных текстов. Чаще всего их авторами были монахи, лучше других знавшие тогда грамоту. Будучи рачительными хозяевами, они составляли подробные описи принадлежавших им деревень. В некоторых из таких рукописных

свитков перечислены десятки или даже сотни сельских поселений, упомянуты по именам их жители и их занятия, описаны имевшие место споры между соседями, сделки между ними и пр.

Одна из самых обширных из числа сохранившихся монастырских описей была составлена в начале IX в. в области Парижа и касалась владений монастыря Святого Германа. В ней перечислено более сотни деревень. Каждая из них насчитывала обычно по 10—12 дворов, изредка встречались большие села по 30—40 дворов. Дома были небольшими, чаще всего наполовину врытыми в землю. Стены дома делались из жердей и обмазывались глиной, крышу крыли соломой.

Крестьянская семья. В каждом из домов жила чаще всего одна семья — отец, мать и несколько ребятишек, Крестьянские женщины рожали часто, но большинство из новорожденных вскоре умирали из-за болезней. До 10—12 лет, т. е. до возраста, который считали тогда наступлением совершеннолетия, доживало не более половины родившихся. Особенно тщательно родители стремились выхаживать мальчиков — будущих кормильцев. К новорожденным девочкам, да и к взрослым девушкам и женщинам относились с некоторым пренебрежением: главными во всем, что выходило за рамки ведения домохозяйства, считались тогда мужчины. Долгое время даже имена мужчин и женщин составлялись по-разному. Счастьем крестьянской семьи считалось уберечь от смерти побольше сыновей. В средние века вообще, а в раннее Средневековье в особенности, больше всего ценились рабочие руки, без которых особенно в сельском хозяйстве нельзя было достичь достатка: ведь все основывалось тогда на ручном труде.

Крестьянские будни. Судя по описи владений монастыря Святого Германа и другим подобным ей описям, все свои будни крестьяне отдавали труду на полях. Тем не менее урожаи были очень низкими, так как не хватало удобрений, было очень мало тяглого скота, а железные орудия труда использовались еще редко. В IX—X вв. считалось удачей, если удавалось собрать зерна хотя бы вдвое против посеянного. В XI—XIII вв. — второе или вчетверо. Хранить

зерно и овощи не умели, запасов на «черный день» не было. Домашний скот (в VIII—IX вв. — овцы, свиньи, волы, в XI—XIII вв. — еще и козы, коровы, лошади) был немногочисленным. Недороды случались чуть не каждые 5—6 лет. В такие годы от голода и болезней умирали целыми семьями. Поэтому средневекового человека мало что страшило больше, чем угроза голода.

Зависимые *крестьяне*. Для самих крестьян угроза голода не была бы столь неотступной, если бы не необходимость отдавать немалую часть урожая господину земли. На землях монастыря Св. Германа таким господином — не считая короля — был сам монастырь. Первые земельные пожалования он получил еще в VI в. от одного из франкских королей, рассчитывавшего таким путем замолить свои грехи перед Богом. За прошедшие после этого 300 лет права и привилегии монастыря выросли многократно и не только за счет новых королевских пожалований. Немало уступок в пользу монастыря сделали жившие по соседству мелкие свободные земледельцы. Многим из них приходилось время от времени обращаться в монастырь за помощью. То надо было заручиться поддержкой против притеснений со стороны какого-либо особенно наглого королевского чиновника. То требовалось подзанять зерна в неурожайный год. То нужна была помощь в споре с соседями из-за прав на леса и пастбища. Взамен за свою поддержку монастырь добивался согласия этих людей на выполнение в его пользу продуктовых или денежных повинностей или же на помощь во вспашке земли и уборке урожая на господских полях. Ценой выполнения в пользу монастыря таких оброков и барщин мелкие земледельцы сохраняли свои хозяйства, но вполне свободными этих людей уже не назовешь. Ведь они могли отныне пользоваться своими землями только при условии наследственного выполнения повинностей в пользу монастыря. Таких крестьян стали называть зависимыми держателями земли, а их земли — зависимыми держаниями.

Когда какой-либо зависимый держатель умирал, его держание переходило сыновьям. Монастырь не препятствовал этому, так как найти нового держателя из-за не-

достатка людей было трудно. Крестьяне привыкли, поэтому считать держания своими наследственными владениями. При необходимости они обменивали их с соседями или даже продавали другим крестьянам. Если те соглашались безоговорочно выполнять установленные повинности, монастырь не возражал против таких сделок, поскольку его права оставались неизблемыми. Когда в крестьянской семье подрастали сын или дочь, которым не удавалось подыскать себе брачную партию в родной деревне, они могли переселиться в соседнюю, если только соглашались по-прежнему уплачивать монастырю «поголовную пошлину» и другие личные платежи. На тех же условиях могли переселяться и целые крестьянские семьи. Большинство западноевропейских зависимых крестьян имело таким образом относительную свободу перехода с места на место.

Были, однако, и такие крестьяне, которые такой свободы не имели: земельного надела у них не было вовсе (или же он был очень мал), жили они в основном за счет продуктов, выдававшихся приказчиком монастыря, и целыми днями работали на господских полях или в господском дворе. Таким крестьянам нечего было продавать или обменивать, чтобы переселиться в другое место. Возможности уйти от своего господина у них не было. Некоторые из них не могли без его соизволения даже жениться. По большей части это были наследники позднегерманских рабов. Историки называют таких крестьян «крепкими земле» или крепостными.

Со всеми другими крестьянами их объединяло, однако, то, что они могли пользоваться многими из окружавших деревню лесов, собирать там сухостой или даже рубить дрова, охотиться на некоторые виды дичи, ловить в реках мелкие сорта рыбы, пасти скот на пустошах, собирать дикие фрукты и ягоды. Этими правами на лесные и пастбищные угодья все жители деревни владели сообща. Спорные вопросы крестьяне решали на сельских сходах всей деревенской общиной. На ее сходах мог присутствовать и представитель монастыря. Но случалось, что общинное собрание помогало всем недовольным объединиться против несправедливых требований землевладельца.

Натуральное хозяйство. В описи владений монастыря Святого Германа (как и во всех ей подобных) почти все крестьянские обязанности описывались очень детально. Вот, например какие повинности должен был выполнять в течение года крестьянин Иворий из селения Вилламильт: взамен военного сбора, который монастырь Св. Германа собирал от имени короля, Иворий должен был отдать четырех баранов; в качестве поголовной пошлыны ему полагалось уплатить с каждого члена семьи по 4 денария; за сбор дров в господском лесу — еще 4 денария; после сбора урожая — 5 мер полбы; отдельно — 100 жердей и 100 дранок (для покрытия крыши) из собственного леса, 6 кур и яйца; кроме того семье Ивория предписывалось вспахать 4 участка господской земли под озимые и 2 под яровые, а также присылать во время пахоты одного работника на 3 дня в неделю; еще следовало совместно с соседями снаряжать запряженную волами повозку для перевозки монастырских продуктов.

Выполнить все эти повинности было кончено нелегко. Важно, однако, что их объем и состав не менялись не только годами, но и многими десятилетиями (а то и столетиями). Стремления к непрерывному и непрестанному увеличению доходов не проявляли ни монастыри, ни другие крупные землевладельцы, ни сами крестьяне. В первую очередь это объяснялось тем, что люди того времени еще почти ничего не знали о возможностях улучшения жизни и потому довольствовались очень немногим — тем что можно было изготовить своими средствами. Не только крестьяне, но и их господа долгое время носили домотканую одежду, самодельную обувь, ограничивались утварью и инвентарем, которые удавалось изготовить на крестьянском дворе, или в лучшем случае усилиями местных умельцев-ремесленников. Господа покупали по большей части лишь предметы роскоши, да оружие. Крестьяне — почти ничего, кроме железных частей сельскохозяйственного инвентаря. Таким образом, крестьяне вели хозяйство, при котором люди довольствуются тем, что произведено преимущественно собственными силами, т. е. натуральное хозяйство.

Мерилом удачи для простых людей было при таком строе не накопление богатства, но поддержание и сохранение достигнутого социального положения. Средневековый крестьянин мечтал не о том, чтобы возвыситься, но о том, чтобы жить так, как жили предки, сохраняя прежние права и возможности, оберегая от невзгод себя, семью, родственников и близких. О поддержании в неизменном виде всех общественных порядков мечтали тогда и господа крестьян, хотя многие из них и не довольствовались имевшимися у них привилегиями.

Господствующий класс

Все крупные землевладельцы имели то общее, что на полях они не работали и жили за счет труда крестьян. Но почти во всем другом они отличались друг от друга. Заметнее всего были различия между *церковными* и *светскими* господами. К первым относились монастыри, подобные уже известному нам богатому монастырю Св. Германа, или же менее крупные монастыри и церкви. Это были как бы коллективные земельные собственники. Каждый из них объединял десятки (или даже сотни) монахов или *клириков-служителей* церковей, которыми управляли выборные (или назначенные) *аббаты* и *епископы*. В отличие от церковных господ не причастные к церкви знатные и служилые люди—королевские и герцогские приближенные — владели землями и крестьянами индивидуально. Однако между собой все они были тесно связаны отношениями вассальной верности.

Вассалы и сеньоры. Феодалы. Впервые такие отношения возникли еще при первых франкских королях, которые использовали их, чтобы обеспечить послушание военных слуг, но повсеместное распространение они получили со времен Карла Великого и его преемников. От каждого, кто соглашался служить королю или другому *сюзерену-властелину*, стали требовать принесения особой вассальной клятвы. Это была торжественная церемония, устраивавшаяся при дворе короля или иного сюзерена. В присутствии всех придворных будущий *вассал*, безоружный и коленопрек-

лоненный вкладывал свои ладони в руки сюзерена и клялся верно служить ему, не жалея сил и самой жизни. Сюзерен удостоивал его поцелуя и награждал каким-либо пожалованием, чаще всего землей с крестьянами из состава собственных владений.

Эти пожалования были похожи на те, которыми награждал своих конных воинов еще Карл Мартелл, но отличались от них возможностью передачи по наследству. Назывались такие пожалования *феодами*, их владельцев именовали *феодалами*. Отныне по первому зову сюзерена, которому принес клятву вассальной верности данный феодал, он должен был являться в его отряд, приводя вместе с собой своих собственных вассалов. Но и сюзерен обязывался при любой опасности защищать вассала, а если потребуется — заботиться об оставшихся после него сиротах и его вдове. Расторгать вассальный договор не разрешалось. Нарушение вассальной клятвы навлекало позор и бесчестье не только на самого вассала, но и на весь его род.

Понятие феодального строя

По названию пожалования вассалу — «феоду» — весь строй средневекового общества принято условно именовать «феодальным». Не все историки считают это удачным, так как слово «феод» не содержит в себе достаточной характеристики средневекового общественного устройства. Пока что мы познакомились лишь с некоторыми наиболее важными его особенностями. К ним следует отнести: господство натурального хозяйства; сосредоточение абсолютного большинства населения в деревнях; господствующее положение в обществе крупных землевладельцев, взаимосвязанных между собой и с менее крупными землевладельцами личными вассальными связями; несвободное положение крестьян-земледельцев, лично зависящих от своих господ; отсутствие в обществе безудержной жадности накопления богатства. Кроме этих уже изученных особенностей средневековое общество отличалось и некоторыми другими: во-первых, разделением власти над обществом между ко-

ролями и их вассалами и, во-вторых, господством христианской церкви,

Феодальные междоусобицы. Вершиной вассальной пирамиды выступал король. Однако после распада империи Карла Великого во всех странах Западной Европы королевская власть долгое время не имела ни авторитета, ни реальной силы. Почти всеми ее правами овладели бывшие королевские чиновники и другие крупные землевладельцы. В их руках были и суд, и налоги, и даже сбор военного ополчения и распоряжение вассальной дружиной. Тем не менее, титул короля продолжал манить многих знатных, так как он сулил особый почет и возможность возвышения своего рода. Поэтому в раннее Средневековье в среде знати шла непрерывная борьба за королевский титул. Очень часто она приобретала вооруженный характер. Многие крупные феодалы, собрав своих вассалов, нападали на соперников, требуя признать свое верховенство и принести клятву вассальной верности. Каждая такая военная операция длилась недолго — несколько дней или недель. Ни жизни, ни даже материальному благополучию самих феодалов она почти не угрожала. Многие из соперников давно знали друг друга или даже находились между собой в близком родстве. Нередко сразу же после очередной стычки победители и побежденные усаживались за один стол и отмечали примирение общей трапезой. Каждый из противников рассчитывал на больший успех в следующей стычке. Но для простых крестьян эти бесконечные военные столкновения всегда оборачивались бедой, так как воюющие феодалы не щадили ни полей, ни домов, принадлежавших простым людям.

Средневековое христианство и церковь. Против феодальных усобиц выступала и церковь. Уже первые франкские короли действовали в союзе с церковью и возглавлявшими ее римскими папами. С тех пор при поддержке королевской власти христианство получило дальнейшее распространение во всех странах. Правда, в умах очень многих простолюдинов христианские представления искажались и причудливо преобразовывались. Например, среди них было распространено убеждение, что все войны,

включая и феодалов, господствующие над земным миром, обречены на погибель на «том свете». Наоборот, все сельские труженики, бесхитростные и простые, смогут после смерти обрести райское блаженство и своими глазами увидят муки их угнетателей в аду. С действительным содержанием христианского вероучения, в котором подчеркивалась личная ответственность каждого человека за судьбу его души — независимо от социальной принадлежности в земном мире — народное истолкование христианства имело мало общего. Зато оно помогало простым людям смириться с тяготами повседневной жизни, примириться с их угнетенным положением.

Этому же способствовала и деятельность всей церковной организации. В каждой области ее возглавляли епископы и архиепископы, выбиравшиеся на специальных церковных соборах по согласованию с папой. Именно в среде этих высших служителей церкви были составлены ученые трактаты, оправдывавшие земное неравенство. В них, в частности, объяснялось, почему следует считать справедливым и соответствующим предначертаниям Бога разделение людей на клириков, воинов и трудящихся: первые молятся о спасении человеческих душ всех христиан, помогая искупить первородный грех и последующие грехи; вторые, — действуя во главе с королями — призваны карать мечом тех, кто не следует господним заветам или вовсе не принимает христианскую веру; третьим же надлежит обеспечивать всех остальных хлебом насущным: выполняя свой долг, каждый из этих социальных разрядов помогает всем остальным и тем обеспечивает всеобщее благоденствие.

Феодальные усобицы резко противоречили церковному учению о взаимосвязанности социальных разрядов и взаимопомощи между ними, ставили под сомнение все христианские представления об устройстве мира. Но церковь выступала против феодальных усобиц не только поэтому. Многие епископы были недовольны тем, что феодальные властители бессмысленно растрачивают силы в борьбе друг с другом, вместо того чтобы отвоевывать области на юге и юго-востоке Европы, где господствовали арабы и мусульманство. К тому же в ходе феодальных усобиц каждая

из соперничающих кланов не гнушалась использовать для привлечения новых вассалов имущество монастырей, опустошая их, и церковные здания. Все это объясняет, почему в XI в. многие епископы стали призывать к запрету частных войн между отдельными феодалами. На территории таких епископств объявлялся «угодный Богу мир», «Божий мир». Нарушителю мира грозило отлучение от церкви и изгнание из страны. Осуществлялось это силами военного ополчения, создававшегося самими епископами из числа военных слуг и уцелевших еще в некоторых местах свободных земледельцев. Церковь старалась также повсюду привлечь к борьбе с феодальными усобицами королевские семьи и их вассалов. Если в раннее Средневековье короли помогали усилению христианской церкви, то в более поздний период церковь стала одной из сил, опираясь на которую короли смогли начать борьбу за подчинение знати своей власти. Как мы увидим, это не помешало в дальнейшем острому соперничеству между королями и церковью.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1969.
История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986.
Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века // Избранные труды по истории. М., 1973.
Coulton G. G. Medieval Village. Cambridge, 1925.
Fossier R. Paysans d'Occident (XI—XIV siècles). P., 1984

РАЗДЕЛ III

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В X—XI ВВ. ОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Развитие общественного устройства и государственности у народов Западной Европы прошло в период раннего Средневековья два этапа. Первый этап характеризовался сосуществованием видоизмененных римских и германских общественных институтов и политических структур в форме «варварских королевств». На втором этапе раннефеодальное общество и государство выступают как особая социально-политическая система.

Раннефеодальные государства Западной Европы складывались в бурной обстановке массовых переселений, постоянного перемещения границ, ближних и дальних военных походов, непрерывных междоусобных войн, территориальных разделов и внешних вторжений, из синтеза примитивных форм германской государственности и остатков римских учреждений (там, где таковые имелись). Динамика этого процесса во многом определялась скоростью перераспределения земельной собственности, изъятой у римского фиска и римских посессоров в пользу дружинной аристократии и церкви в эпоху «варварских королевств». Важнейшую роль в феодализации варварских обществ сыграла *королевская власть*. Крупные королевские земельные пожалования, а также раздача магнатам и церкви налоговых и судебных привилегий—иммунитетов создали материальную и правовую базу *сеньориальной власти*. Зачастую иммунитетные грамоты, передающие в качестве особых

привилегий ряд полномочий верховной власти магнатам и запрещавшие деятельность королевских чиновников на территориях, принадлежавших имунистам, только закрепляли фактически сложившееся положение. В процессе социального расслоения и роста влияния землевладельческой аристократии между собственником земли и населением, сидящим на его земле, естественно возникли отношения господства и подчинения. В подобных случаях иммунитет лишь завершал становление сеньории. Но нередко тому или иному магнату предоставлялись иммунитетные права на получение доходов и управление населением территорий, не находившихся ранее под их властью, что открывало им возможность последующего «феодалного освоения» этих территорий и создания новых сеньорий. На такую же перспективу могли реально рассчитывать графы и герцоги, которые получали в вознаграждение за свою службу не только часть собиравшихся ими судебных штрафов, пошлин и других денежных поступлений с населения их округов, но и значительные земельные пожалования. Превращение этих должностей в наследственные, а службы — в вассальную снимало различия в положении населения подвластных им округов и их частных владений. Впрочем, не меньшую роль в сеньориальной экспансии играло прямое насилие, о чем красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас документы.

Из грамоты XI в.

Граф Райнальд (фогт монастыря св. Михаила в Верденском диоцезе) хищнический сбор денег, в простонародье называемый тальей, первый ввел на земле нашей; людей [наших] заключал в темницу и пытками вымогал их имущество; вынуждал их на собственный их счет укреплять замки. Часто на земле нашей проживал и не на свои средства, а на средства бедняков жил, [так что] в конце концов земля наша более чем его собственная, всячески отягощена была поборами в его пользу. Тиранство это ныне здравствующему сыну своему Райнальду он оставил, признавшись, впрочем, публично перед ним в том, что все это вершил не по праву. Этот же настолько превзошел

в коварстве отца, что люди наши, коим не под силу выносить его притеснения, земли наши впусте оставляют; те из них, кои остаются на месте, следуемое нам с них платить не могут, или же не желают, и одного его только боятся, одному ему только служат. Когда же в прошлом году мы испросили против него справедливый приговор апостолического престола, он сверх меры на то разгневался... и, изощряясь в коварстве, [настолько] каждодневно притеснения умножает, [что] нам угрожает опасность, за неимением средств к существованию, монастырь наш покинуть... (Социальная история средневековья. Т. 1. М., Л., 1927. С. 220).

Из Анжуйских хроник XI в.

Жеро, сеньор Монтрей-Беллей, жестоко утеснял монахов и крестьян приорства Мерон, зависимого от аббатства Сент-Обен в Анжерском диоцезе. Он «грабил собственные припасы монахов, вывозил добычу, брал в плен людей, ввергал их в узилище, [держал там] до тех пор, пока не отдавали ему свое имущество до последней монеты». Сверх того он силою установил на землях приорства сеньориальные права — «неслыханные и злые обычаи», хотя земли эти считались свободными и избавленными от всяких сеньориальных поборов. Укрепившись в своей неприступной башне, Жеро не обращал никакого внимания ни на угрозы графа Анжу, ни на проклятия епископа. В конце концов монахи «рассудили, что лучше [добровольно] отдать часть, чем потерять все», и «заключили с тираном договор, признавши и себя самих и всех своих людей его данниками». Договор написали на пергаменте, и к нему были приложены печати графа, аббата Сент-Обен и «самого тирана», «беззаконное насилие которого [тем самым] как бы превращено было в право». Однако счастье скоро изменило Жеро, потерпевшему в борьбе с графом Анжуйским полное поражение. Замок его был осажден и взят, а сам он со всею семьею и челядью был захвачен в плен графом. Тогда и монахи добились уничтожения ненавистного, силою исторгнутого у них документа (Там же. С. 221—222).

По мере упадка родовых институтов и расширения комплекса административных, полицейских и судебных прав землевладельца по отношению к своим «подданным» сеньориальная власть росла и укреплялась. Территориальные владения сеньора сначала фактически, а затем и юридически превращались в судебно-административный округ и единицу комплектования вооруженных сил, а его хозяйственный и военный персонал — в аппарат непосредственного принуждения. Тах сеньория стала основной социальной и политической ячейкой феодального общества, (см. стр. 61—64).

Особая роль в процессе формирования новых общественных связей принадлежит развитию *отношений вассалитета*. С одной стороны, мелкие землевладельцы, стремясь получить защиту и покровительство, сплошь и рядом сами подчиняют свою землю более крупным сеньорам, заключают с ними соответствующие договоры и становятся их вассалами. С другой стороны, в поисках средств для новой организации войска государственная власть в лице Каролингов (Мерсенским капитулярием 847 г. Карл Лысый предписал, чтобы «каждый свободный человек выбрал себе сеньора») обращается к возникшему помимо нее общественному институту личной зависимости и покровительства и юридически закрепляет его, в результате чего практика вассалитета становится всеобщей, а ответственность сеньоров за своих «людей» официально признанной. Материальным обеспечением вассальных отношений являлось земельное держание за военную службу — *феод* (по-французски — *фьеф*, по-немецки — лен), «передача» которого оформлялась личным договором, подразумевавшим определенные феодальным обычаем взаимные права и обязанности. Это обычное феодальное право — кутюмы Северной Франции XI в. было зафиксировано письменно гораздо позднее — в середине XII в. в так называемых Иерусалимских Ассизах, которые были вскоре утрачены, однако юристы XIII в. вновь собрали, записали и прокомментировали сохранившиеся в устной традиции правовые нормы. Наиболее важной из этих записей считается трактат кипрского сеньора и юриста Жана Ибелина (см. стр. 64—67).

Как бы ни возник вассальный фьеф, он считался

пожалованным, само же пожалование предполагало символическую процедуру инвеституры (ввода во владение), которая следовала за ритуалом феодальной присяги—**оммажем** и клятвой верности—**фуа**. Смысл этой клятвы раскрывается в письме епископа Шартрского Фульберта герцогу Аквитании Гильому (1020 год): «...Кто клянется в верности своему сеньору, неизменно должен помнить о следующих шести [обязательствах]: невредимость, безопасность, почитание, польза, легкая доступность, прямая возможность. Невредимость — это значит не наносить вреда телу сеньора. Безопасность — это значит не выдавать его тайн и не вредить безопасности его укреплений. Почитание — это, значит не наносить вреда его праву суда и всему другому, что касается его положения и прав. Польза — это значит не наносить ущерба его владениям. Легкая доступность и прямая возможность — это значит не мешать ему достигать тех выгод, которых он легко может достигнуть, а также не делать для него невозможным то, что возможно. Если верный [вассал] остережется от этого вреда, то ведь того требует справедливость, и [еще] не заслуживает вассал за это феода, ибо недостаточно воздержаться от зла, если не сотворить блага. Остается поэтому, чтобы при соблюдении упомянутых шести [обязательств] вассал давал совет и оказывал помощь своему сеньору без обмана, если он хочет быть достойным награждения феодем, а также неизменно соблюдал верность, в которой клялся. И сеньор во всем этом должен точно таким же образом поступать в отношении к своему верному [вассалу]. А если этого не выполнит, по заслугам будет считаться вероломным, как и тот [вассал] будет обманщиком и клятвопреступником, если будет уличен в нарушении своих: обязательств действием или сговором...» (Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. М., 1961. С. 488—489.). О торжественных формулировках можно судить по сохранившейся записи клятвы, принесенной в 1068 г. Раймондом Беранже, виконтом Нарбонны, Раймонду Бернару, виконту Альби и Нима: «Впредь от настоящего часа

См. Часть третью, Раздел II.

я, Раймонд, сын Гарсенды, не обману Раймонда виконта, сына Рангарды, ни в том, что касается его жизни, ни в том, что касается членов его тела, и не лишу его жизни, и не захвачу в плен, и ни один мужчина и ни одна женщина по моему совету и моему умыслению [не сделают этого]. И не отниму у тебя ни городов твоих, ни замков, ни феодалов твоих, какие имеешь и впредь с моею помощью приобрести сможешь... И если кто-либо из мужчин или женщин это сделает, я, Раймонд ...буду твоим помощником по чести и без коварства в тот самый час, как ты призовешь меня сам или через своих уполномоченных...» (Социальная история средневековья, Т. 1. С. 232).

Таким образом система договорных отношений со временем связывает отдельные сеньории в сложную иерархическую структуру — «феодалную лестницу». На высшей ее ступени находятся графы, герцоги, территориальные князья, представители аристократической элиты, степень властных полномочий которых нашла отражение в термине *domini* (господа, государи), отличавшем их от простых сеньоров — *seniores*. За ними следовали епископы и аббаты, бароны и другие крупные сеньоры с должностями и без оных. Низшие ступени занимали мелкие землевладельцы — рыцари, которые могли не иметь собственных вассалов. Возглавлял иерархию верховный сеньор — сюзерен. Все остальные сеньоры были одновременно и вассалами. Понятие знатности, отличавшей ее носителей от остальных свободных, обозначалось современниками термином *nobilis*, который в течение X в. вытесняется другим термином *miles*, что отражало конституирование рыцарства как социальной группы (см. стр. 67—72).

«Феодалная лестница» была, однако, не очень прочна и легко «опрокидывалась» с изменением фактического баланса сил между вассалом и сеньором, включая и самого сюзерена. Способствуя усилению частной власти феодалов, вассалитет неизбежно ослаблял центральную власть, делал ее по существу номинальной.

Король сам был прежде всего крупнейшим землевладельцем и верховным сеньором, а власть его опиралась

на имеющиеся в его распоряжении земельный фонд и людские ресурсы, в первую очередь на вооруженных вассалов, которые получали от него земли в феоде и были связаны с ним особыми договорными отношениями службы и верности. Королевская служба и щедрые пожалования могли быстро ввести удачливого вассала в число самых влиятельных магнатов королевства, а рост могущества последних не исключал перераспределения верховной власти в их пользу, включая право вести войны, чеканить монету, а иногда и право осуществлять высшую юрисдикцию по всем делам в пределах своих владений. Одним из выражений зависимости королевской власти от аристократии, игравшей все большую роль в управлении государством, стала активизация периодически созывавшихся королями собраний и советов светских и духовных магнатов, в компетенцию которых входило решение всех важнейших государственных вопросов, а иногда и выборы самих королей, как, например, в Западно-Франкском государстве, где эта практика возродилась в смутное время и завершилась избранием в 987 г. Гуго Капета, положившего начало династии Капетингов.

Вот как описывает это событие, завершившее период правления Каролингской династии в Западно-Франкском королевстве, хронист-монах Реймского монастыря св. Ремигия:

«Галльские князья в назначенное время собрались в Санлис. Когда они сошлись на совещание, архиепископ по знаку герцога начал говорить следующим образом: «С тех пор, как блаженной памяти король Людовик (Людовик V Ленивый), не оставив детей, похищен был с земли, мы должны были самым старательным образом обдумывать, кого призвать на его место к правлению, чтобы государство, не лишенное своего правителя, не пришло в упадок через небрежение... Известно, что Карл (герцог Лотарингский, дядя Людовика V) имеет приверженцев, которые по происхождению считают его достойным трона. Но на подобные доводы мы возражаем, что трон не приобретает наследственным правом и что никто не может быть избран в короли, кого, кроме благородства

происхождения, не просвещает также и мудрость души, кого правдивость не делает твердым и великодушие сильным... Позаботьтесь о благе государства и предохраните его от несчастья. Если вы хотите погубить страну, то вы можете избрать Карла. Но если вы хотите ее осчастливить, то коронуйте знаменитого герцога Гуго (Гуго Капет из рода Робертинов, герцог Иль-де-Франса). Берегитесь поэтому, чтобы склонность к Карлу не ввела кого-нибудь в заблуждение и чтобы нерасположение к герцогу не отравило кого-нибудь от общественного блага...» Когда архиепископ подал таким образом свой голос и все его одобрили, герцог единогласно был возведен на трон. В Нуайоне он был коронован архиепископом и другими епископами и 1 июня (987 года) сделался королем галлов, бретонцев, нормандцев, аквитанцев, готов, испанцев и гасконцев» (Хрестоматия по истории средних веков. Т.1. С. 505—506).

Уже знаменитый Кьерсийский капитулярий, санкционировавший передачу по наследству графств и других фьефов, ознаменовал поворотный пункт в социально-политической истории Франции. Возведя сложившуюся практику в юридическую норму, он связал руки королю в распоряжении феодами: он мог отнять фьеф у какого-либо семейства только в случае нарушения его владельцем обязательств, налагаемых феодальным обычаем. Вне обычного феодального права он не имел никакого контроля над графами и, таким образом, рычаги управления графствами со стороны центральной власти были потеряны.

В политической истории Франции феодализация графств сыграла огромную роль, поскольку графство стало территориальной основой нового феодального порядка, который постепенно возник из руин Каролингской державы. Уже в X в. феодальные отношения во Франции принимают наиболее завершенную, классическую форму, а государство распадается на сравнительно небольшие по территории феодальные владения, имеющие собственные довольно устойчивые границы, этническое своеобразие, историко-культурную общность. Реальная власть избранного королем Гуго Капета, равно как и его ближайших преемников —

Роберта (996—1031 г.) и Генриха I (1031—1060 г.), ограничивалась по существу их собственными сеньориальными владениями — королевским доменом. Что касается прав сюзерена — верховного сеньора, возглавлявшего феодальную иерархию, то они ни в коей мере не ограничивали фактической самостоятельности их крупнейших вассалов, не говоря уже о пользовавшихся особым статусом герцогах Нормандии, Бретани, Аквитании. Конфликты вассалов со своим сеньором-королем были явлением столь же распространенным как и конфликты между вассалами, разрешение которых требовало его вмешательства. Нюансы этих отношений прекрасно передает письмо Одона, графа Блуа, королю Роберту, датированное 1025 г.:

«Государю своему Роберту, королю, граф Одон... Граф Ришар, твой вассал, увещевал меня явиться для суда или соглашения по поводу споров, которые ты со мною имел, и я передал все это дело в его руки. Тогда он, с твоего согласия, назначил мне срок для суда... Но с наступлением срока, когда я готов был отправиться, уведомил он меня, чтобы я не трудился являться на суд как было условлено, ибо, ибо неудобно-де принимать тебе другого оправдания или соглашения, кроме как того, чтобы признать меня недостойным держать от тебя какой бы то ни было феодал. Говорил он также, что не годится ему представлять меня на этот суд без собрания пэров. Вот причина, почему я не явился к тебе на суд. Но удивляешь ты меня очень, государь мой, как столь поспешно, не разобравши дела, присудил ты меня недостойным феодала твоего? Ведь если дело касается условий происхождения, то, благодарение богу, родовитость есть у меня. Если [дело касается] качества феодала, который ты мне дал, то известно, что не из твоих он владений, но из того, что мне, по милости твоей, от предков моих перешло по наследству. Если [дело касается] выполнения службы, то хорошо тебе ведомо, что пока я был у тебя в милости, служил тебе и при дворе, и в войске, и на чужбине. Если же потом, когда ты наложил на меня опалу и данный мне феодал порешил отобрать, я, обороняя себя и феодал свой, нанес тебе какие-либо обиды, то ведь совершил я это, раздраженный

несправедливостью и вынужденный необходимостью. Ибо как же я могу оставить и не оборонять феода своего? Бога и душу свою ставлю в свидетели, что лучше предпочту умереть на своем феоде, нежели жить без феода. Если же ты откажешься от замысла меня феода лишить, ничего более на свете я не буду желать, как заслужить твою милость» (Социальная история средневековья. Т. 1. С. 231). Десятилетия междоусобных войн и внешних вторжений принесли народам Западной Европы бесчисленные человеческие и материальные потери и привели к дальнейшему обособлению и дифференциации различных регионов, составлявших владения бывшей Каролингской империи. В результате целой серии территориальных разделов рухнула вся система управления, основы которой были заложены Карлом Великим, возобладала тенденция к концентрации власти на местах. В этих условиях на первый план вышли межрегиональные различия, обусловленные как особенностями предшествовавшего (доимперского) исторического развития отдельных областей, так и степенью интенсивности новых нашествий. Каролингский мир распался на ряд отдельных обществ с культурно-историческими характеристиками, существенно отличающимися их друг от друга. Пережитки древних общественных институтов, местные обычаи, традиции, языки и диалекты, конкретный исторический опыт и этнический состав населения определяли специфику каждой провинции распавшейся империи. Процесс дезинтеграции вовсе не останавливался на уровне королевств, искусственно созданных многочисленными переделами земель и не представлявшими собой какого-либо органического единства. Последнее было достигнуто лишь в итоге последующего двухсотлетнего развития, завершившегося возникновением из хаоса и анархии новых государственных образований, территориальные границы которых отнюдь не были заранее предопределены. Говоря об истории Франции, Германии, Италии, а также Англии того времени, мы должны понимать, что эти условные понятия не отражают реальной ситуации эпохи, поскольку общественная и политическая жизнь в течение всего периода с середины IX до середины XI в., который можно было

бы назвать «долгим десятым веком», сосредоточивалась в отдельных крупных сеньориях, герцогствах и графствах, провинциях и областях, имевших свою собственную историю. Особенности социальных структур и политических систем разных регионов Западной Европы в раннее Средневековье оказывали решающее влияние на формы и темпы их феодализации и, в свою очередь, зависели от ее конкретных результатов.

Значительные *региональные различия* проявились, например, в конкретных обстоятельствах складывания рыцарства и вассальных связей в отдельных областях и странах. Французский историк Жорж Дюби специально исследовал этот процесс в графстве Маконнэ в Бургундии, где крупнейшие землевладельцы просто отказывались подчиняться ослабевшей до предела власти графа и последний, стремясь привязать к себе шатэленов (правителей укрепленных поселений и замков) и других сеньоров, раздавал им в качестве фьефов земли из собственного домена. Военная служба и присутствие в суде сеньора стали рассматриваться как связанные с обладанием фьефом. Эти обязанности укрепляли феодальные связи, усиленные частыми контактами вассалов и сеньора, и в частности тем, что сеньор выступал гарантом прав вассалов, защищал их в суде, оказывал им помощь. Но в XI в. подчинение мелких вассалов сеньору оставалось неполным, во-первых, вследствие незначительной величины фьефа и преобладания в Маконнэ аллодиальных владений, а во-вторых, потому что рыцарь мог быть вассалом многих сеньоров одновременно. Так в конце XI в. не было уже ни одного рыцаря, имевшего менее двух-трех сеньоров. Ж. Дюби подчеркивает, что вассально-ленные связи не создали нового соотношения сил внутри класса феодалов. Они лишь оформили отношения, возникшие раньше из имущественного и политического неравенства.

В конце X в. шатэлены присвоили себе право созывать под свои знамена находившихся от них в зависимости вассалов. Немало конных воинов, получая бенефиции, несли службу сеньору, находясь в его замке. В документах Маконнэ под 971 г. впервые встречается термин *miles*,

употребленный для обозначения не военной профессии, а социального статуса. Сравнивая употребление терминов *nobilis* и *miles*, Ж. Дюби приходит к выводу, что замена первого вторым отразила потребность в определении единой по своему социальному положению группы людей. Рыцарство было привилегированной верхушкой свободных, связанной с сеньором лишь вассальными обязательствами. По приблизительным подсчетам в графстве Маконнэ было около 200 рыцарских семей и все они являлись наследниками наиболее состоятельных землевладельцев X в., а это свидетельствует о том, что вначале рыцарство было открытой социальной категорией, для проникновения в которую требовалось обладать земельным владением значительной величины. Обедневший рыцарь терял возможность вести жизнь воина и немедленно попадал в зависимость от более сильного соседа. Угроза раздробления или утраты патримония, а с ним и привилегированного статуса, рост классового самосознания, а также процесс обогащения низших слоев — все это вместе создавало предпосылки и стимулы для замыкания рыцарства как социальной группы. Это происходит во второй половине XI в., когда принадлежность к рыцарству независимо от экономического положения становится строго наследственной, о чем говорит, в частности, обязательное включение титула «*miles*» в родовое имя. Более того, статус рыцаря распространился на всех членов семьи, включая и женщин. Таким образом, в последней четверти XI в. завершается процесс оформления рыцарства как социальной категории, ставшей основным элементом знати развитого средневековья¹.

В других областях Франции картина эволюции рыцарства и развития феодальных отношений имеет многочисленные вариации. В ряде регионов — в пограничных областях Каролингской империи (Саксонии, Нидерландах, Каталонии), а также в Аквитании, Южной Бургундии, Провансе — сохраняются аллодиальные владения, некоторые крупные землевладельцы, вступая в вассальную связь, не подчиняют

¹ См. DUBY, G. *La société aux XIe et XIIe siècles dans la région macedonnaise*. P., 1953.

всех своих земель власти сеньора, а короли и другие крупные сеньоры уступают своим вассалам земельные владения в полную собственность. Социальный статус «воинов» также различался в зависимости от региона. Наименьшим престижем он пользовался там, где была сильна центральная власть (Нормандия). Во Фландрии и в Лотарингии среди «воинов» было немало должностных лиц — министериалов, имевших несвободный или полусвободный личный статус. Особенно широко использовались министериалы в частных вооруженных отрядах церковных сеньоров Лотарингии: например, епископ Льежа роздал в конце X в. треть своих владений министериалам.

Развитие феодализма в Германии носило замедленный характер, к началу XI в. вассальная иерархия не сформировалась, в некоторых областях отмечалось наличие большого числа свободных аллодистов, множества вассалов, не наделенных земельными держаниями и проживавших в доме сеньора в качестве его свиты. Только при Генрихе Птицелове (919—936 гг.) под воздействием угрозы со стороны венгров на авансцену выходят так называемые сельские рыцари, имевшие в своем распоряжении тяжелое вооружение и несшие охрану основанных королем укрепленных замков. Таким образом, с одной стороны, в Саксонии долгое время сохраняется пехота, состоявшая из свободных аллодистов, а с другой — рост кавалерии осуществляется за счет воинов несвободного происхождения — министериалов. Между тем в 1037 г. Конрад II утвердил в Ломбардии так называемую Павийскую конституцию, или «Книгу феодалов», которая была принята в качестве законов, санкционирующих систему феодальных держаний, также и в Германии (см. стр. 72—75).

О соперничестве крупных сеньоров (прежде всего представителей высшего клира), стремившихся получить должность графа, который обладал правом высшей юрисдикции, красочно повествует известный летописец Адам Бременский (1040—1075 гг.) в своих «Деяниях епископов Гамбургской церкви»:

«Наша церковь могла быть столь богатой, что нашему архиепископу нечего было завидовать архиепископам Майнц-

скому и Кельнскому. Только епископ Вюрцбургский превышает его своим положением, потому что вместе с графскими обязанностями по округу в его руках было и самое герцогство. Нашему архиепископу сильно хотелось сравняться с ним, и он всячески старался приобрести для церкви все графские места в своей епархии, с которыми связывалось право суда. Так он добился у императора самой важной графской должности во Фрисландии, в Фивельгоэ, бывшей прежде за герцогом Готфридом, а теперь принадлежащей Экиберту. За нее платили 1000 марок серебра, из которых 200 вносил Экиберт, признававший вместе с тем себя вассалом церкви. Архиепископ удерживал это графство 10 лет, до времени своего изгнания. Вторая его графская должность была в графстве, принадлежавшем Утону и рассеянном по разным местам Бременской епархии, преимущественно же около Эльбы. За нее архиепископ платил Утону церковными имуществами столько, что плата эта равняется годовому доходу в 1000 фунтов серебра, между тем как на такие церковные деньги можно было принести большую пользу. А нам все мало для мирской славы, и мы лучше желаем быть бедными, лишь бы иметь много подданных. Третье графство, по названию Эмизгоэ, находится во Фрисландии, неподалеку от нашей епархии... За это графство наш архиепископ обязался платить королю 1000 фунтов серебра. Не имея такой суммы денег, он взял из церкви — о горе! — кресты, алтари, венцы и другие церковные украшения, продал их и вырученными деньгами заплатил условленную сумму» (Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. С. 524—525).

Несмотря на то что германские короли выбирались из числа самых могущественных герцогов сначала Саксонской, а затем Франконской династий, Германия все же оставалась союзом, почти независимых герцогств и княжеств-сеньорий (см. стр. 75—86).

Процесс феодализации в Северной и Средней Италии, получив ускорение в результате франкского завоевания, достиг в IX в. заметных успехов. После окончательного распада Каролингской империи в 888 г. политическая история Италии была фактически историей ожесточенной

борьбы за гегемонию между группой территориальных князей, историей варварских вторжений и, позднее — завоевательных походов германских королей. Административное деление на графства, введенное при Каролингах, было для Италии искусственным, и поэтому вскоре потеряло всякое значение, а каролингская знать была полностью замещена новой аристократией, «импортированной» из Бургундии и Прованса. Разрыв с относительно недавним «каролингским прошлым» естественно обернулся возрождением более древних местных традиций. Упадок графств был уравновешен ростом могущественного епископата, издавна занимавшего опорные позиции и имевшего высокий авторитет в городах.

Более того, в борьбе за корону многочисленные претенденты пытались обеспечить себе поддержку влиятельных епископов раздачей привилегий. Большая часть епископских привилегий в Италии относится к периоду между 904 и 922 гг., и в своей совокупности они практически производят кардинальные изменения в системе управления. Наряду с правом строительства укреплений, епископы получают другие вольности и привилегии, например право собирать рыночные пошлины и налоги, и, наконец, изъятие из юрисдикции графства.

Короче, шаг за шагом, вмешательство графа в городские дела было исключено, а власть епископа над горожанами существенно укрепилась и все полномочия по организации обороны от вражеских нашествий, включая административно-судебные, сконцентрировались в руках епископа. Для преимущественно городской Италии приобретенная независимость от графств имела колоссальные долгосрочные последствия, которые в полной мере проявились несколько позднее, с бурным экономическим подъемом XI в. и привели в конечном счете к тому, что Италия стала страной городов-государств. Но уже в IX и особенно в X в. главной отличительной чертой развития Северной Италии был быстрый рост городов, многие из которых, вступая в борьбу со своими сеньорами, со временем становились не только экономическими и административными, но и политическими центрами.

Социально-политическая жизнь англосаксонских королевств, образовавшихся на территории Римской Британии, отличалась большим своеобразием. Хотя здесь, так же как и на континенте, короли выступают одновременно в качестве главы государства и в качестве частного владельца и производят многочисленные земельные пожалования (в том числе самим себе), растет землевладельческая аристократия, развивается и сеньория, и иммунитет, и вассальные отношения (под другими названиями), но все же процесс феодализации в англосаксонской Англии до середины XI в. не достиг того уровня, на котором окончательно формируется феодальная иерархия. Процесс феодализации был завершен позднее, после Нормандского завоевания, которое не только его ускорило, но и придало ему новые характерные черты (см. стр. 86—89).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

Р. БУТРЮШ.

СЕНЬОРИЯ И ФЕОДАЛИЗМ

(Дайджест)

Сельская сеньория существовала длительное время и была очень широко распространена. Она появилась раньше феодализма и пережила его. Но именно она служила ему материальной базой, без которой он бы не мог возникнуть и развиваться. Таким образом, феодализм имел две основы: военную — в соответствии с главной функцией вассалов, и аграрную — таково было происхождение их средств существования, извлекаемых из земельного богатства посредством крестьянского труда. Социальная и политическая организация общества строилась на сложной сети связей

господства и подчинения, неотъемлемым элементом которой были вассально-фьефные отношения.

Оба института — и сеньориальная власть, и вассальные связи явились следствием слияния отдельных элементов римской и германской общественных систем в условиях сокращения обмена и денежного обращения, упадка городского строя и государственной власти, что привело к всеобъемлющей аграризации и подъему землевладельческой аристократии, к коренной перестройке в распределении людских ресурсов, в формах собственности и методах эксплуатации, в политической организации общества, в социальной психологии и образе жизни людей.

Несмотря на то что на протяжении раннего Средневековья продолжали существовать мелкие собственники, далеко не всем из них удалось сохранить свою независимость. Стремление мелких собственников к установлению связей личного покровительства путем передачи своего права собственности крупным землевладельцам и превращения в их держателей, а также королевские земельные пожалования служилой знати, церкви и монастырям были главными факторами формирования сеньориального строя.

Организация поместья каролингской эпохи отражала его длительную эволюцию и региональные особенности экономических структур. В переломный период — IX—XI вв. над прежней сеньорией, имеющей в своей основе господство ее собственника над землей, надстроились территориальные владения графов, имунистов, шатэленов, которые включали в себя уже не только собственных держателей, но и лиц, находившихся в поземельной зависимости от других господ, а также мелких сеньоров. Происходит расщепление поместья как экономической организации и сеньории как комплекса прав (частного и публичного характера), возвышение сеньории над поместьем за счет концентрации в руках сеньора судебной-административной власти.

Если первоначально собственность на землю была источником власти в пределах поместья, то распространение иммунитетных привилегий, расширение юридических и административных prerogatives сеньора внесло в природу

его власти наряду с поземельным и политический компонент.

В целом феодальный строй формировался путем сближения и соединения институтов коммендации и бенефиция с конца VII до конца X в. Германские дружинные связи придали римской практике коммендации новый смысл, дав толчок развитию вассальных отношений. Личная свобода и пожизненный характер взаимных обязательств сторон были несомненно привлекательными для военно-дружинного контингента, представителей средней и низшей аристократии, что выводило формирующуюся вассальную зависимость за рамки сельской сеньории. В каролингскую эпоху земельные пожалования соединяются с вассальной службой и последняя превращается в юридически оформленный институт, с соответствующим закреплением личных отношений за счет регламентации условий расторжения взаимных обязательств. Связи верности и покровительства постепенно подменили собой государственно-территориальную власть. С распадом Каролингской империи и ростом раздробленности многочисленные королевские замки превратились в опорные пункты местной аристократии и обладателей иммунитетных привилегий. Бывшие королевские вассалы приносили теперь оммаж крупным территориальным сеньорам.

Период с IX до середины XI в. был решающим в истории раннего феодализма, поскольку именно в это время на территории между Луарой и Рейном из прежде разрозненных элементов сложилась система феодальных институтов. Важнейшим моментом в ее становлении стало утверждение наследственности вассального держания как юридической нормы и сращение личной и вещной (поземельной) связи между сеньором и вассалом, зафиксированное в понятии «фьеф». Взаимосвязь между службой и фьефом к середине XI в. становится характерной для вассальных отношений, распространив их за пределы одной человеческой жизни, а впоследствии и на других партнеров. Многосторонность вассальных связей (речь идет о том, что вассалы получили возможность держать несколько фьефов от разных сеньоров, давая каждому из них клятву

верности) существенно расширила их материальную, экономическую основу и, таким образом, придала им больший динамизм и новую перспективу развития.

Boutruche R. Seigneurie et feodalite. T. 1. Le premier age des liens d'homme a l'homme. P., 1968.

2.

ИЗ КНИГИ ЖАНА ИБЕЛИНА

Гл. СХСV. Когда кто — мужчина или женщина — вступает в вассальную зависимость от верховного сеньора королевства, он должен стать перед ним на колени, соединить свои руки и, вложивши их в руки сеньора, сказать ему: «Сир, вот я становлюсь вашим ближним вассалом за такой-то феод — и назвать феод, за который признает свою вассальную зависимость, — и вот я обещаю вам защищать и оберегать вас против всех людей, какие [только] будут жить и умрут». А сеньор в ответ ему должен сказать: «Принимаю вас в вассальную зависимость с соблюдением верности богу и мне, при условии ненарушения прав моих». И должен облобызать его в уста в ознаменование верности. Но если тот, кто делается вассалом верховного сеньора, как это изложено выше, раньше признал свою вассальную зависимость от другого [сеньора] — мужчины или женщины, — вассала или неассала верховного сеньора, он должен при вступлении в [новую] вассальную зависимость оговорить свою верность ему, ибо никто, вступивши уже раз в вассальную зависимость, не может потом стать вассалом другого, не оговоривши верности своему первому сеньору и не испросивши на то у него разрешения; иначе он нарушит верность тому, вассалом которого он сделался ранее. И каждый вассал, будь то мужчина или женщина, должен... защищать и оберегать своего сеньора против всех... Посему вменяется ему, как мне кажется, в обязанность не поднимать и не заставлять

поднимать руку на особу сеньора, а также не терпеть и по мере сил не допускать, чтобы кто-либо другой делал это. Нельзя также брать, ни заставлять брать и удерживать что-либо из имущества сеньора без его разрешения и вопреки его воле, если только это не делается по приговору и с ведома курии сеньора... И не должны ни мужчина ни женщина действовать против своего сеньора советом..., а также поднимать оружие против сеньора, кроме как совместно с другим своим сеньором, которому обязаны они верностью так же, как и тому. И нельзя умышленно наносить ущерб чести и причинять материальный вред своему сеньору, ни терпеть..., чтобы другой делал это... И надлежит честно подавать своему сеньору совет по своему разумению всякий раз, как сеньор будет обращаться с просьбою о совете.

Гл. СХСХVI. Сеньор не должен ни лично, ни через других налагать руку на особу и на феода своего вассала иначе, как по разбирательству и с ведома курии. И обязан он, как мне кажется, соблюдать по отношению к своему вассалу, в силу верности между ними, все то вышеизложенное, что вассал обязан соблюдать по отношению к сеньору; ибо между сеньором и вассалом нет ничего, кроме верности, и эту верность должны они тщательно и обоюдно блюсти при всех вышеизложенных обстоятельствах... Обязанность вассала — отдавать себя в заложники за своего сеньора для вызволения его из темницы, если сеньор будет просить о том лично либо через какого-либо вестника. И всякий, кто признал себя вассалом другого, в случае, если сеньор его окажется во время битвы пешим среди врагов или иначе подверженным опасности смерти, либо лишению свободы, обязан в силу своей верности по чести приложить все силы к тому, чтобы снова посадить его на коня и спасти от этой опасности. И если он не сможет сделать этого по другому, обязан уступить ему по его просьбе собственного коня или другое животное, на котором пошел в поход, помочь ему сесть верхом и всеми силами оказать содействие спасению его особы. Если же кто не выполнит по отношению к своему сеньору вышеназванных обязательств, он нарушит по отношению

к нему свою верность, и если сеньор сможет доказать это жалобой в курии, он может поступить с ним как с человеком, уличенным в нарушении верности. А кто выполнит по отношению к сеньору названные обязательства, сеньор должен по своей верности приложить все силы к освобождению того или тех из вассалов своих, кои дали ему возможность снова сесть на коня, или того или тех из вассалов своих, кои отдали себя в заложники, дабы освободить его... И каждый, кто держит от другого феода и потому состоит вассалом его, обязан по ассизе отвечать за долги сеньора своего и быть поручителем за него до такой суммы, какую можно было бы получить при продаже по справедливой цене феода, который он от него держит и за который он состоит в его вассальной зависимости. А кто не выполнит этих обязательств по отношению к своему сеньору, теряет, как полагаю, на всю свою жизнь феода, который от него держит.

Гл. ССХI. Если кто состоит в вассальной зависимости от многих сеньоров, можно ему, не нарушая верности, при всяких обстоятельствах и всякими способами помогать первому своему сеньору против всех этих других, ибо стал он вассалом других с сохранением верности первому. Точно таким же образом может он помогать и каждому из прочих сеньоров, не затрагивая, однако, первого и не затрагивая тех, чьим вассалом он стал раньше того, кому желает оказывать помощь.

Гл. ССХVII. Вот службы..., которыми обязаны вассалы перед своим сеньором, коему должны они лично служить за данные им феоды, когда посылает он им оповещение лично или через других, как то полагается. Должны они идти служить, по его вызову, конно и оружно во всех местах королевства, куда он позовет их... И тот, кто обязан служить лично с рыцарем или слугою, должен нести службу по всему королевству..., если оповещение ему было сделано правильно. И если вассал призван в курию, он должен идти подавать совет тому или той, кого сеньор укажет, если это только не будет его противник или если тяжба не касается его лично, ибо никто не обязан показывать против себя самого, хотя бы было на

то приказание сеньора или кого другого. Должен также участвовать [вассал] в разбирательствах, дознаниях и исках курии, если сеньор то приказывает; должен идти свидетельствовать убийства, если сеньор прикажет ему идти от имени курии; должен присутствовать по приказанию сеньора при освидетельствовании побоев, в которых обвиняют сеньора, с намерением принести на него жалобу перед курией... и должен нести всякую другую службу, какую обязаны нести члены курии как таковые, когда сеньор им прикажет... Женщина же, которая держит феода, обязанный личною службою, служит сеньору в том смысле, что должна идти замуж по указанию сеньора, если он ей укажет, что она должна выйти замуж. Когда же она вступит в брак, муж ее обязан нести сеньору все вышеперечисленные службы...

Социальная история средневековья. Т. 1. М., Л., 1927. С. 236—240.

3.

РОЖДЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРЯ

На позднелатинском языке термин miles (воин), кроме специфического обозначения профессии — «солдат», означает еще и подчиненное положение человека в обществе... После каролингских военных реформ этот термин относится уже не только ко всем, кто вообще носит оружие, но и используется применительно к двум основным категориям вооруженных людей. С одной стороны, это воины частных армий, члены комитата, а позднее, в феодальную эпоху, участники вооруженных групп и банд. С другой — лица, входящие в элиту, имеющие достаточно средств, чтобы приобрести дорогостоящую экипировку и вооружиться в соответствии с требованиями капитуляриев, причем было неважно, являются ли они свободными собственниками, вассалами или, как, например, на территории Восточной Франции, несвободными сервами, получившими средства, необходимые для приобретения тяжелого оружия и лошади...

Представление о *miles* (воине) по крайней мере с IX в. неразрывно связывается с тяжелым вооружением и прежде всего с верховой ездой... Вряд ли, однако, возможна какая-либо однозначная трактовка истории европейского рыцарства как в том, что касается его происхождения, так и в том, что относится к его дальнейшему развитию. Вероятно, возможна только общая схема такой истории: сначала потребность в тяжелом и дорогостоящем вооружении привела к тому, что на всем Западе развились в VII—IX вв. и стабилизировались в X в. культура и самосознание слоя профессионалов ратного дела, состоявшего, как правило, из свободных (правда, не повсеместно, если вспомнить, например, Фландрию, Лотарингию, Германию). Эти люди располагали материальными средствами, бенефициями или аллодами, которые позволяли им приобретать экипировку, или же входили в состав свиты какого-либо сеньора, который и снабжал их необходимым — оружием, лошадьми — и вознаграждал за службу.

Следует, однако, отказаться от чрезмерно жестких и носящих общий характер определений рыцаря... Различным был их личный статус, социальный и экономический, общим же для всех рыцарей был, пожалуй, «образ жизни». Именно он отличал их от всех прочих, как свободных, так и от несвободных, но безоружных граждан. Во время войны рыцари вставали под начало своего сеньора. Однако он не был для них *dominus*, то есть «господин и судья», как для *rustic!* (сельских жителей); он был *senior* — «старший». В этом слове сочетались страх и солдатское доверие к своему командиру. Оно свидетельствовало о братских, товарищеских отношениях, ставших возможными благодаря той общности жизненного опыта, которая отводит в сторону и затушевывает все прочие различия.

В конце X — первой половине XI в. практически во всей Франции утвердилось деление светских лиц на две крупные категории: *milites*, термин, ставший обычным даже применительно к представителям самых высших слоев феодального общества, и *rustici*. Высший статус *milites* определялся тремя параметрами: техническим (функциональное преимущество конного воина перед пешим во

время боевых операций), социальным (взаимосвязь между наличием боевого коня и более высоким уровнем жизни) и юридическим (сужение круга лиц, допускавшихся к элитарной военной службе). Слово *miles* стало применяться в качестве личного титула, вытеснив другой термин — *nobilis*. Преимущество первого — в его большей ясности. Оно прилагалось к свободным людям высшего общественного класса, действовавшим не по принуждению, а во исполнение своих вассальных обязанностей...

...Благодаря французским авторам постепенно прокладывало себе путь такое трехчленное деление общества, которому суждено было затем стать «классическим». Первая яркая попытка в этом направлении была предпринята в «Чудесах св. Бертина», где общество было разделено на «молящихся», «воинов» и «безоружный народ» в соответствии с классификацией, разработанной Адальбертом Ланонским, у которого трем разрядам «клирики», «воины» и «трудящиеся» соответствовали три основных рода человеческой деятельности: «молиться», «воевать» и «трудиться». Между тем, скорее всего, не случайно в наиболее ранних текстах заметна тенденция избегать термина «воин» (*miles*), заменяя его другими, которые имели не только более четко выраженное значение, но самое главное — не содержали указания на подчиненное положение субъекта.

Благодаря трехчленному делению в одном «разряде» очутились все светские носители политической власти, экономического и военного могущества, независимо от все еще сохранявшихся различий в их социальном статусе. В этом смысле развитие трехчленного деления общества на разряды по функциональному признаку уже само по себе является прекрасным доказательством постепенного социального и этического восхождения «воинов»...

...В конце X — начале XI в. рыцарский «класс» наконец сформировался. Облик его до крайности разнообразен и переменчив. Разумеется, речь не идет о действительно общественном классе. Были богатые и бедные рыцари. Одни, хотя и находились в подчинении системы вассалитета, жили все-таки собственным домом, их образ жизни мало чем отличался от образа жизни зажиточного землевла-

дельца, разве что приходилось братья за оружие всякий раз, как того требовали обстоятельства, вассальные обязательства или сам сеньор. Другие входили в частные отряды сеньора, являвшиеся преемниками германского комитата со всеми его ритуалами и присущим ему духом военного братства. Были среди рыцарей и свободные аллодисты...

...Были рыцари «благородного» происхождения, имевшие особый социальный статус, как, например, испанские инфансоны. Были и обязанные служить на государственной военной службе, подчиняясь приказам начальства, из числа феодалов и кастелянов. Существовали и просто несвободные, бывшие как бы исключением из древнего германского обычая, по которому только свободный человек имеет право носить оружие. Одни были «воинами королевства», другие — товарищами по оружию какого-либо магната. Быть может, наиболее четкая грань проходила именно здесь: с одной стороны, воины, служащие государству, с другой — телохранители частного лица...

...Повторим, речь идет вовсе не о каком-то социальном классе, не о юридической категории. Рыцарство в конце X — начале XI в. — это своего рода некая общность образа жизни. И этот его образ жизни характеризовался прежде всего правилами поведения в группе вооруженных мужчин, применения оружия и, главное, наличием у коллектива как правовых, так и фактических привилегий, наконец, особым менталитетом. Опасности, навстречу которым шли все вместе, невзгоды службы у одного и того же светского или духовного сеньора и пусть редкие, но общие с ним застолья, один и тот же ратный труд, одни и те же жесты, одинаковый для всех уровень знаний, обусловленный общей военной профессией, сознание принадлежности к элите, не имеющей ничего общего с «деревенщиной» и ее унижительным трудом, — все это формировало особый групповой дух, который, вне всякого сомнения, был гораздо сильнее социальных и юридических различий... Подлинное различие существовало между вооруженными и безоружными, между «воинами» и «трудящимися».

В эпоху отсутствия или недостаточной государственной власти подобный менталитет и нахождение в обществе

вооруженной группы людей не могли не привести к тому, что сильные неизменно притесняли слабых и безоружных, имущие и их приспешники — неимущих и обездоленных. Таким образом, сословие рыцарей уже в самый момент своего зарождения подчас представало как корпорация насильников, притеснителей, вероломцев, кровожадных хищных животных. Наряду с атавистическим страхом, возникшим при их приближении (только представьте себе на мгновение огромную массу металла, скачущую верхом на разгоряченном коне, само воплощение древнего сакрального ужаса и нового апокалиптического кошмара), существовал также и обыденный страх, порождаемый опытом повседневной жизни, рыцарской привычкой прибегать к насилию. Известное дело, у вооруженного вырабатывается, как правило, устойчивая привычка действовать методами насилия, тогда как у безоружных — привычка это насилие терпеть... Насилие же, чинимое воинами в X—XI вв., приобретало в глазах «деревенщины» очертания, свойственные как раз архетипу — верховной, божественной, неумолимой и неостановимой силе, то есть, по сути дела, силе, призванной сотворить на земле Страшный суд. Это, быть может, самый трагический пример во всей истории отношений между волком и ягненком.

Мало того. В X в. появились и стали жить припеваючи такие воины, чьи заслуги в борьбе с язычниками обеспечили им сакрализацию всего того, что бы они ни делали в дальнейшем. Но миновала языческая опасность. Необходимо было положить конец и бесчинствам рыцарей. Они защитили Запад, но кто теперь защитит его от этих защитников? Кто, если не кто-нибудь из той же рыцарской среды? Так и случилось благодаря рождению рыцарской этики, в основу которой было положено стремление достичь на земле «мира божия». Этому способствовала и Клунийская реформа церкви XI в.

Воины, последовавшие своему новому предназначению, совершили «обращение» — начали с самих себя. Одержав победу над собой, а затем и над своими товарищами, которые отнюдь не были расположены подчиняться новой этике и предпочитали оставаться в роли угнетателей бедняков.

Отказавшись следовать новому курсу, воины из рыцарей превращались в «антирыцарей». Теперь для того, чтобы прослыть рыцарем, уже было мало иметь оружие, боевого коня, физическую силу, профессиональное мастерство, личную храбрость. Необходима была воля и дисциплина в следовании нравственной норме, принятие которой обозначалось соответствующим инициационным обрядом — ритуалом посвящения в рыцари.

Соединение особого образа жизни и профессионализма с этической миссией и социальной программой и превращало воина в средневекового рыцаря. Союз отваги и мудрости, физической силы и культа справедливости.

Разумеется, в действительной жизни все обстояло не так гладко, как на бумаге. В истории рыцарства немало позорных страниц. Тем не менее самосознание рыцаря оказалось прочным, способным преодолеть рубеж средневековья и, следуя неведомыми для нас путями подсознания и извилистыми тропами семантики, войти составной частью в систему ценностей, которой мы стараемся придерживаться и по сей день...

Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 338—360.

4.

ПАВИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1037 г.

О тех, которые могут давать феодал и которые не могут

Как феодал получается и как удерживается

Так как мы собираемся вести речь о феодалах, рассмотрим сперва, кто может давать феодал. А давать феодал могут: архиепископ, епископ, аббат, аббатисса, пробст, если право давать феодал было у них исстари. Также могут давать феодал: герцог маркграф, граф...

1. Рассмотрев лица, рассмотрим, каково было начало феодалов. В отдаленнейшее время зависело от власти господ,

когда им будет угодно отобрать вещь, данную ими в феоде. После этого пришли к тому, что феоде был неотъемлем только год. Затем установилось, что феоде держался в течение всей жизни вассала. Но так как феоде не переходил к сыновьям по праву наследования, то дальше пришли к тому, что он стал переходить к сыновьям, а именно к тому из них, за которым сеньор хотел укрепить бенефиций. Ныне же установилось так, что он переходит одинаково ко всем.

2. Когда же Конрад отправлялся в Рим (в 1027 г. Конрад II отправился в Рим короноваться императором), вассалы, состоявшие на его службе, просили, чтобы он обнародованием особого закона соизволил передавать феоде внукам по сыну и чтобы по смерти брата, умершего без законного наследника, брат наследовал бенефиций, находившийся в руках их отца.

3. Если же один брат получит феоде от сеньора, то по смерти его без законного наследника брат не наследует феоде, ибо, даже если бы они получили феоде вместе, один другому не наследник, если это прямо не оговорено...

4. Вот что надо заметить: хотя дочери по законам наследуют отцам, как мужской пол, однако они устраняются от наследования феоде. Равным образом и сыновья их, если не будет особо оговорено, что наследование распространяется и на них...

Каким образом утрачивается феоде

Теперь посмотрим, как феоде утрачивается. Если сеньор будет сражаться в открытом бою, а вассал покинет его в самом бою не мертвого и не смертельно раненого, то вассал лишается феоде.

1. Равно если вассал наставит рога своему сеньору, или замыслит сделать это, или если вступит в связь с его дочерью, либо с внучкой по сыну, либо с его невесткой, либо с сестрой сеньора, то по закону лишается феоде. Равным образом, если нападет на сеньора или замок его, зная, что там находится сеньор или жена сеньора. Равно, если убьет его брата или племянника, то есть братнего сына...

О природе феода

Природа феода такова, что если государь инвестировал каким-либо феодам..., то он не может лишиться феода без вины.

1. То же самое, если инвеститура совершена... старшими вассалами... Если же инвеститура совершена меньшими или самыми младшими вассалами, тогда иное дело. Таких можно лишить феода без всякой вины, если только они не находятся в Римском походе... Нельзя также, если они купили себе феода. Тогда надо вернуть его цену согласно давнему и разумному обычаю...

Об отчуждении феода

Если вассал захочет произвести отчуждение части своего феода до половины, без разрешения сеньора, он волен сделать это. Дальше половины он идти не может, согласно справедливому и правому обычаю, иначе он теряет феода, а сделка его будет недействительной.

Феода без вины не утрачивается

Мы постановляем, чтобы ни один рыцарь не утрачивал своего бенефиция без установленной вины, если он приговором своих равных не будет уличен в нарушении обязательств, обычно перечисляемых рыцарями, когда они приносят присягу верности своим сеньорам, либо если он не откажется служить сеньору, тогда по выяснении проступка назначается срок для истребования феода, с которого он не служит сеньору. Ибо если будет установлено, что он не служит своему сеньору 20 лет и более, а сеньору в этой службе не было нужды, то он не теряет феода...

Что такое инвеститура

Инвеститурой называется собственное владение. Обычно же инвеститурой зовут, когда копье или что-либо другое вещественное передается господином феода со словами, что он дает инвеституру...

Какова первая причина потери бенефиция

Первая причина потери бенефиция такова: если вассал через год и день после смерти сеньора все еще не явится с обещанием верности и просьбой об инвеституре к наследнику своего сеньора, то, как неблагодарный, он теряет бенефиций. И наоборот, если сеньор жив, а умрет вассал, и сын его в течение того же времени не позаботится о получении инвеституры, он теряет бенефиций... Далее, если он нападет на своего сеньора или на деревню, в которой находится сеньор, или поднимет где бы то ни было свои нечестивые руки на особу сеньора, или нанесет ему иные тяжкие и позорные обиды, или посягнет на его жизнь ядом, мечом или как-нибудь иначе, теряет бенефиций. Самая же справедливая причина отнять бенефиций: если та служба, за которую дан бенефиций, не исполняется.

Хрестоматия по истории
средних веков. Т. 1. М.,
1961. С. 514—517.

5.

ГЕРМАНИЯ В X—XI вв.

Германия как феодальное государство средневековой Европы выделилась из состава бывшей Каролингской империи к началу X в. Процесс ее выделения и обособления, представляющий собой одну из сторон общего процесса распада Каролингского государства, начался еще в 40-х годах IX в. Но вся вторая половина IX в., как и начало X в., заполнены непрерывной борьбой составных частей будущей феодальной Германии — разных герцогств — друг с другом. Прекращение Каролингской династии в Восточно-Франкском государстве со смертью Людовика Дитяти, считающееся обычно началом обособления Германии как самостоятельного феодального государства, не представляет собою действительно решающего поворотного

пункта в ее истории; 911 год — скорее формально-династическая дата, чем крупное историческое событие...

...Германия выступает на арену истории в виде совокупности герцогств, еще не утративших свой племенной характер и в сущности слабо связанных друг с другом. Как мы узнаем из хроник, Генрих I Птицелов (919—936 гг.) был избран королем «с согласия франков, алеманнов, баваров, тюрингов и саксов», то есть ко времени его избрания Германия состояла из пяти основных герцогств: Франконии, Швабии, Баварии, Тюрингии и Саксонии; на северо-западе к ним примыкала Фрисландия. Из всех этих герцогств только Франкония принадлежала к числу исконных областей, издавна занятых франками... Герцогства, из совокупности которых сложилась Германия X в., гораздо слабее были связаны с судьбами Франкского государства, чем западная часть последнего, вошедшая в его состав уже при Хлодвиге и его преемниках. К тому же территория, представлявшая собою Германию X в., т. е. область между Рейном, Эльбой и средним течением Дуная, в свое время мало была затронута римским влиянием, которое в некоторых ее частях, например, в Саксонии, вообще почти не чувствовалось. Таким образом, слабость — а в ряде мест и полное отсутствие — римских хозяйственных и правовых институтов, а также позднее и недостаточно глубокое проникновение франкских учреждений (лишь в IX—X вв.) в жизнь зарейнских герцогств содействовали замедленности темпа их общественного развития, и в частности — формирования в них феодальных отношений...

...Сборники дарственных грамот (картуляриев), оформлявших земельные вклады и дарения монастырям, а также описи земельных владений монастырей и аббатств (полиптики), относящиеся к Германии, рисуют быстрый рост крупного землевладения в конце VIII, IX и X вв. и его повсеместное распространение, но в то же время указывают на наличие мелкой свободной собственности, которая частично только еще втягивается в зависимость от вотчинников... Наряду с этим в Германии IX — начала X в. наблюдается недоразвитость тех феодальных отношений, которые в эпоху торжества феодализма оформляют струк-

туру самого господствующего класса и закрепляют его господство над зависимыми держателями: речь идет о ленной системе и иммунитете... Иммунитетные пожалования IX — начала X в. предоставляют крупным церковным и светским вотчинникам право низшей юрисдикции над их несвободными держателями, но в делах, касающихся свободных держателей... вотчинный суд является лишь первой инстанцией, а второй и решающей остается суд королевского должностного лица — графа. «Крупные судебные дела» (убийство, разбой, изнасилование, так называемые *causae majores*) тоже изъяты из ведения иммуниста...

Иммунитетные привилегии запрещают графу и его помощникам лично являться на территорию иммуниетной вотчины без разрешения ее владельца; они суживают права графа в области взимания налогов и созыва военного ополчения в пределах иммуниетной территории. Вотчинник начинает в силу иммунитета получать и ряд судебных доходов, а кроме того, приобретает и политическую власть над своими держателями. Однако эта власть остается в Германии вплоть до первой половины X в. весьма неполной, и рост иммунитета не приводит в это время к выделению иммуниетной вотчины из состава графского судебно-административного округа...

...Таким образом, несмотря на совершенно очевидную тенденцию к росту иммунитета вглубь и вширь, он в начале X в. еще не привел к полной политической самостоятельности германских вотчинников-иммунистов. Это явление тесно связано с неполнотой торжества ленной системы: тот факт, что далеко не все вотчины приобрели полную политическую самостоятельность, означает, что не вся страна распалась на вотчины-сеньории и что недостаточно строго и точно была проведена феодальная иерархия от вассалов через сеньоров к верховному сюзерену-королю...

...Дальнейший рост феодальных отношений шел вначале в направлении усиления и количественного расширения слоя вассалов и министериалов герцогов и короля: эти вассалы, наделяемые бенефициями из церковных земель, продолжали внешнюю экспансию, начатую еще Каролингами, но в то же время участвовали и в борьбе герцогств с королевской властью.

Таким образом, военная экспансия первых германских королей саксонской династии в значительной мере покоилась на том же фундаменте, что и завоевательная политика первых Каролингов (вплоть до Карла Великого), т. е. на тенденции одаряемых земельными пожалованиями королевских вассалов к расширению своих земельных владений путем военных захватов. Да и уровень развития феодальных отношений в Германии начала X в. немного выше уровня феодализации Западно-Франкского государства при Карле Великом. Но за время усобиц IX в. сильно возросла роль и мощь церковного землевладения в Германии, и герцоги, которых Карл Великий тщетно стремился превратить в должностных лиц, вернули себе в Германии положение самостоятельных племенных государей. Поэтому политика феодальной военной экспансии, опирающейся на раздачу вассалам земельных пожалований (в значительной мере из церковных земель), привела уже в первой половине X в. к стремлению королевской власти господствовать над церковью... Борьба королей с герцогами, завоевательные тенденции королевской власти и герцогств, церковная политика — вот основные движущие силы политической истории Германии при Генрихе Птицелове и Оттоне I...

...Внешняя история Германии при Генрихе I заполнена войнами с венграми, славянами и датчанами на востоке и на севере и борьбой за Лотарингию на западе... Внутренняя политика Генриха I была направлена на подчинение герцогов путем компромисса с ними и на поиски социальной опоры в кругах министериалов и вассалов, с одной стороны, и, в конце его правления, крупных князей церкви — с другой; но он еще не пытается укрепить королевскую власть при помощи союза с церковными феодалами против светских: эта попытка связана с именем Оттона I (936—973 гг.)...

...Новые явления начинают играть определенную роль в истории Германии лишь с конца 40-х — 50-х годов X в. Первое десятилетие правления Оттона I еще во многом напоминает царствование Генриха I. И общая ситуация внутри страны, и взаимоотношения короля с герцогами, и внешняя политика Оттона I в Лотарингии и на славянском

Востоке представляют собой на первых порах лишь продолжение и углубление наметившихся при Генрихе I тенденций...

В течение этого периода происходят серьезные перемены во внутренней структуре феодального класса... Прежде всего происходит территориальное расширение иммунитета и некоторое изменение его правового содержания... Вотчинники-иммунитеты получали судебный банн, т. е. право юрисдикции, на сравнительно обширные территории, часть которых составляли их чересполосно расположенные вотчинные владения... Банн часто мог быть использован как повод для взимания всякого рода повинностей с населения того округа, на который он распространялся и территория которого до его пожалования никак не зависела от вотчинника, да и в силу этого пожалования не становилась его вотчинным владением. Однако — и это самое существенное — она могла стать таковым в результате дальнейшего роста мощи данного вотчинника в пределах той территории, на которую он получил банн. Владелец банна мог иногда добиться всей полноты вотчинной власти над территорией, на которую ему была предоставлена в силу банна лишь судебная власть, т. е. он мог превратить и эту территорию в свою вотчину, к тому же наделенную иммунитетными полномочиями в форме банна...

...Намеченная эволюция представляет собою не что иное, как один из путей роста и округления крупного вотчинного землевладения, и это как раз тот путь, который приводит к определенной форме взаимоотношений королевской власти с растущим крупным землевладением. Ибо присвоение банна, как и иммунитета, частными землевладельцами неизбежно принимало форму королевских пожалований... А так как эти пожалования происходили в обстановке незавершившегося феодального развития, объем привилегий, их размах и характер, наконец, выбор выделяемых ими лиц до известной степени еще зависели от политики самой королевской власти...

...Иммунитетные права в ходе предыдущего развития VII—IX вв. нашли особенно широкое распространение на территории церковных вотчин. Именно они при Оттоне I

и получают чаще других «пожалования банном» и иными привилегиями. Это объясняется тем, что королевская власть охотнее наделяла ими церковные учреждения — епископства и аббатства, на землях которых в силу принципа ненаследственности церковных должностей было меньше тенденций к развитию и укреплению ленной системы и где судебные полномочия в объеме графской юрисдикции не могли присваиваться без королевского пожалования, Королевской власти в X в. приходилось вести непрестанную борьбу с герцогами и светскими феодалами. В борьбе с ними она попыталась в лице Оттона I опереться на церковное землевладение и на церковные учреждения — епископства и аббатства. Эта попытка была произведена в атмосфере жестокой и непрерывной борьбы отдельных светских феодалов с церковными учреждениями, в особенности с аббатствами, владения которых нередко захватывались и расхищались светскими магнатами и которые, в свою очередь, стремились дать последним посильный отпор... Однако Оттон I не ограничивался раздачей привилегий епископствам и аббатствам. Он рассматривал наделяемых ими епископов и аббатов как подданных, часто назначал епископов своею властью и замещал епископские кафедры своими родственниками (особенно с 50-х годов), переносил таким образом старинное право королей и светских лиц иметь собственные церкви с монастырями и приходскими церквями на епископства.

Даже в тех случаях, когда королевские грамоты предоставляли тем или иным аббатствам право выбора аббатов, король оставлял за собою право передачи им королевского банна и фактически влиял на их назначение. Мало того, он требовал с епископов и аббатов несения гражданской и военной службы в пользу короля; и епископские вассалы, и сами епископы должны были участвовать в военных походах Оттона I (что было запрещено при Карле Великом). Следовательно, оборотной стороной «Оттоновых привилегий» можно считать кристаллизацию целого слоя церковных феодалов, всем или очень многим обязанных королевской власти и предоставлявших в ее распоряжение значительную военную силу своих вассалов. Конечно, эта кристаллизация была результатом упомянутых

выше феодальных процессов, а не порождением королевской власти; но королевская власть использовала ее в своих интересах, что привело к ее усилению.

Однако, приняв епископальную систему, Оттон I должен был принять и ее последствия, в том числе и неизбежность санкционирования этой политики верховным главою католической церкви — папой. Правда, папство в тот момент переживало отнюдь не блестящую эпоху своей истории. Скорее наоборот, феодализация самой Папской области, зависимость пап от римской феодальной знати, выходцами из рядов которой они были, постоянные набеги сарацин на Италию, византийские притязания на южную ее часть и претензии на итальянскую корону то западнофранкских, то восточнофранкских Каролингов (в конце IX в.), то герцогов Фриуля и Иври, то бургундского короля (в первой половине X в.) — все это привело к ослаблению папства и разобщению его с германским и французским духовенством, чему в свою очередь немало способствовала феодализация того и другого в обстановке постоянных набегов норманнов и венгров. Но ослабление реальной власти папы над французским и германским духовенством еще не означало, да и не могло означать полного забвения иерархической зависимости епископов и архиепископов как носителей духовного сана от главы католической церкви. Тем более, что еще жива была традиция Каролингской эпохи, когда папы санкционировали государственный переворот Пипина Короткого, короновали Карла Великого, а после его смерти при его бессильных преемниках пытались «Лже-Исидоровыми декреталями» 851—852 гг. непосредственно подчинить себе епископов и прекратить вмешательство светских лиц в управление церковными округами, а в лице Николая I (858—867 гг.) уже самовластно вмешивались в политику королевской власти.

Таким образом, упадок папства в конце IX — начале X в. был, во-первых, явлением сравнительно недавним, а во-вторых, вовсе не превращал духовное верховенство папы в какой-то фантом.

К тому же ведь Оттон своей епископальной политикой стремился не к усилению отдельных епископов или аббатов

как самостоятельных феодалов (хотя он, конечно, раздавал им чисто феодальные привилегии), а к известной концентрации епископата и части монашества под эгидой королевской власти, а такое стремление к концентрации неизбежно ставило вопрос о взаимоотношениях германского духовенства, крепкими узами прикрепленного к трону, с его духовным главой — папой.

Поставить и последнего под такой же контроль королевской власти — это могло представляться Оттону не только весьма соблазнительным и заманчивым, но и практически необходимым и нужным, ибо такая зависимость папы от короля закрепляла бы зависимость от него его германских епископов. А осуществлению этого плана способствовало общее ослабление Италии к середине X в. Таким образом, в «епископальной системе» можно усматривать одну из причин вмешательства Оттона I в итальянские дела.

Другую группу причин следует искать в сфере торговых и поземельных связей Германии с Италией. Эти связи восходят еще к эпохе Каролингов, но сохраняются и в X в., причем торговля между обеими феодальными странами характеризуется преобладанием ввоза в Германию из Италии над вывозом из Германии... Однако кроме торговых связей, Южная Германия тяготела к Италии и в силу переплетения поземельных владений южногерманских и североитальянских феодалов. Отдельные представители баварской знати, а также епископства Регенсбург, Пассау, Фрейзинг, аббатства Рейхенау и Сен-Галлен имели земельные владения по ту сторону Альп... В закреплении торговых и поземельных связей с Италией были заинтересованы и светские землевладельцы Южной Германии (и даже южные и западные герцоги), и часть епископов с их вассалами (в частности рейнские епископы), т. е. и друзья, и недруги Оттона I. Это облегчало ему выполнение его намерений и планов, связанных с закреплением епископальной системы через господство над папством.

В такой обстановке первый подходящий повод мог вызвать вмешательство Оттона I в дела Италии. Этот повод представился в середине X в. и был использован Оттоном для военного похода в Италию в 951 г... В нем приняли участие крупнейшие герцоги и архиепископы

Южной и Западной Германии, а также ряд епископов и светских феодалов с их вассалами. Герцоги Швабии, Баварии и Лотарингии, архиепископы Майнца, Кельна и Трира стояли во главе этого похода, который представлял собой весьма крупное завоевательное предприятие разных слоев германской феодальной знати... 22 сентября 951 г. Оттон уже принимал в Павии присягу местных представителей знати, а затем стал издавать распоряжения о королевских поместьях и приступил к раздаче привилегий — между прочим, целому ряду ломбардских и швейцарских монастырей (в том числе Цюрихскому).

Он получил титул лангобардского короля и начал датировать годы своего правления по году завоевания Северной Италии. Но самое завоевание было, как показали последующие события, и неполным, и непрочным. Власть Оттона была признана даже не во всей Северной Италии (так, Равенна отказалась признать ее). Его посольство к папе и переговоры о римской короне успеха не имели...

...[Второй] поход состоялся в 962 г. и привел к увенчанию Оттона I короной римского императора в соборе св. Петра 2 февраля 962 г... Оттон признал притязания папы на светские владения в Италии, но с сохранением суверенитета императора над ними и с требованием обязательной присяги папы императору после посвящения в сан, назначения постоянных *missi* в Италию и права непосредственной апелляции к императору. Не говоря уже об этих требованиях, всецело подчинявших папу императору, Оттон I ничем не помог Иоанну XII в осуществлении его территориальных претензий: часть признанных им за папой владений принадлежала тому и раньше, а часть Оттон был не в силах, да и не склонен был для него завоевывать. Таким образом, Оттон I стремился получить от Иоанна XII как можно больше, а дать ему как можно меньше. К тому же Оттон старался всячески привлечь на свою сторону итальянских епископов, расширяя их иммунитеты и раздавая им земельные пожалования, и сразу же начал самовластно распоряжаться церковными кафедрами в Италии (смещение Равеннского архиепископа без ведома папы), т. е. перенес в завоеванную страну свою «епископальную политику»...

...Оттону пришлось вести трудную и длительную борьбу (962—966 гг.) с Иоанном XII, римскими баронами, свергнувшими ставленника Оттона — папу Льва VIII и избравшими своего кандидата Бенедикта V (после смерти Иоанна XII в 964 г.).- В ходе этой борьбы Оттон I неоднократно осаждал Рим, возводил на папский престол своих ставленников и жестоко подавлял восстания римской знати, например мятеж 965 г., приведший к свержению папы Иоанна XIII, избранного под давлением Оттона... Поход Оттона I в Южную Италию закончился полным его поражением... Оттон принужден был по договору с Иоанном Цимисхием отказаться от притязаний на Апулию, Калабрию, Салерно и Неаполь; вассальная зависимость от него Капуи и Беневенто была признана, а в 972 г. был заключен брак между Оттоном II (он был коронован при жизни отца в Вероне в 968 г.) и византийской принцессой Феофано, который рассматривался Оттоном как символ единения Западной и Восточной империи и как продолжение каролингской традиции, но который не имел в сущности никакого реального значения. В 972 г. Оттон вернулся в Саксонию, где и умер в мае 973 г.

Его итальянская политика, продиктованная желанием королевской власти найти опору в епископате, а также алчными устремлениями южно- и западногерманской знати, представляет собой... попытку укрепления недостаточно устойчивой королевской власти в самой Германии путем захвата Италии и господства над папством. Но эта попытка привела к тому искусственному и, в свою очередь, неустойчивому объединению в одно государство Германии и Северной Италии, которое при каждом новом императоре разваливалось и требовало воссоединения. Так из незрелого германского феодализма родилась средневековая германская империя, получившая впоследствии столь же громоздкое и неуклюжее, сколь и неточное, название «Священной Римской империи германской нации». Дальнейшая история этой империи в X—XI вв., заполненная войнами за Италию в условиях феодализации в Германии и приводящая к неизбежному столкновению с папством, в значительной мере предопределяется эволюцией Германии при Оттоне I.

Сын и преемник Оттона I Оттон II (973—983 гг.) вынужден был в течение всего своего кратковременного царствования вести непрерывную борьбу с локальными силами как в самой Германии, так и в Италии в обстановке войн с датчанами (975 г.), Францией, Чехией и Польшей... Его краткое правление... в сущности знаменовало крах южноитальянской политики империи. Несмотря на это, его сын и преемник Оттон III (996—1002 гг.) пытался — правда столь же безуспешно, как и его отец, — продолжать ее...

... А в самой Германии за время его правления и особенно предшествовавшего ему регенства произошло усиление и некоторое перерождение феодальных и локальных сил. Наследование должностей и их феодализация, передача коронных владений в чужие руки, пожалование агентам королевской власти прав верховенства или их узурпация, использование этими агентами пожалованных им прав в собственных интересах — все это вместе взятое способствовало усилению крупных светских феодалов, т. е. создавало предпосылки для дальнейшей феодальной децентрализации. Эти феодалы приобретали власть, не уступавшую герцогской и частично даже как бы становились на место герцогов...

...Выборы Генриха II (1002—1024 гг.) решены были в сущности волею крупнейших магнатов отдельных герцогств. Усиление их влияния обнаруживается и в характере внутренней политики Генриха II, полной колебаний и противоречий. Генрих II вошел в историю с репутацией покровителя церкви и после смерти был даже канонизирован. Но эта, может быть, отчасти и оправданная репутация не исчерпывает всех тенденций его внутренней политики. С одной стороны, Генрих II действительно покровительствовал церковной реформе, поднял хозяйственное значение монастырей... Вместе с тем при нем расширились права королевской власти в смысле назначения епископов и патроната над епископствами...

...Конрад II (1024—1039 гг., основатель Франконской династии), как и Генрих II, взшел на престол при активном участии феодальных сил... Но самое правление Конрада II знаменовало новую попытку укрепления центральной власти. Конрад II произвел крутой поворот в

политике королевской власти по отношению к церкви: продолжая политику Оттона I по отношению к герцогствам, он воспринял лишь ту сторону епископальной системы Оттона I, которая давала ему возможность самовластно распоряжаться делами епископств и аббатств, но прекратил раздачу им земель и привилегий в тех размерах, в каких ее практиковал Генрих II, а главное, он совершенно не считался с клюнийскими идеями реформы церкви... В самом деле, Конрад II взимал деньги за даруемые им церковные должности, т. е. практиковал совершенно очевидную симонию, и назначал на них своих родных или близких ему людей, но зато сурово расправлялся с непокорными ему епископами в Италии и Германии. Он не только не увеличил владений и привилегий крупных аббатств, но иногда, наоборот, подчинял их епископам и даже светским лицам... Зато Конрад II стремился привязать к себе мелких светских вассалов крупных сеньоров и короны.. Уже вскоре после коронавания он потребовал личной присяги ему со стороны всех, кто еще сохранил свободу..; под ними разумелись все, кто еще способен нести рыцарскую службу, т. е. не только епископы, герцоги и «первые» в королевстве, но и простые рыцари и даже все свободные, которые еще сохранили хоть какой-нибудь вес в обществе. Конрад хотел возобновить политику Генриха I Птицелова и Оттона I в первый период его правления; эта попытка вызвана была стремлением противопоставить какие-то силы растущей мощи церковного землевладения.

Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма.
М., 1974. С. 234—275.

6.

АНГЛОСАКСОНСКОЕ РАЗВИТИЕ

Подобно другим римским провинциям Британия стала достоянием варваров тогда, когда империя, расшатав основы благосостояния, жизни и силы общества, над которыми она была надстроена, которые поддерживали ее и содержали, уже

не могла сколько-нибудь удовлетворительно... защищать от внутренних и внешних врагов необъятный конгломерат стран и народов, постепенно вошедших в ее пределы... Британии тем легче было перейти к более элементарным формам жизни, что на острове этом романизация никогда не была так успешна, как в некоторых других провинциях империи. И здесь, как и в других провинциях, появились римские дороги, облегчившие сношения между различными частями страны и сделавшие возможным обмен между ними; и здесь возникли богатые города с изящными общественными и частными постройками, с римскими школами и другими проводниками римской образованности; и здесь возникла римская вилла, крупное поместье, с усовершенствованными способами земледельческой культуры..., скоро превратившее Британию в одну из житниц империи. И тем не менее все это развитие было очень непрочным...

... Англи, саксы и юты постепенно завоевывают Британию в результате целого ряда отдельных экспедиций, не связанных друг с другом и независимых одна от другой, но в равной мере отличавшихся упорством, жестокостью и беспощадностью борьбы с туземным кельтским населением. Большая часть бриттов погибла в этой борьбе, лишь часть из них была отеснена на запад и на север, и только самое незначительное количество прежнего населения осталось на своих местах, не оказав, можно сказать, никакого влияния на победителей; этого влияния не заметно ни в языке их (если не считать нескольких десятков кельтских слов — около 40, относящихся главным образом к домашнему хозяйству), ни в учреждениях. Римские города, римские виллы, а также все другие продукты римской культуры и цивилизации стали жертвой огня и разрушения. Если к сказанному прибавим, что из всех германских племен завоеватели Британии, еще живя на материке Европы, более всех других были далеки от влияния Рима, то мы смело можем сказать, что из всех государств, основанных германцами на территории римской империи, государства, основанные англами, саксами и ютами в Британии, представляют собою самый чистый тип германского, варварского развития...

...Самый способ завоевания Британии, путем целого ряда отдельных, не связанных одна с другой экспедиций, определил первоначальный характер политической жизни завоевателей: появилось множество самостоятельных государств, не связанных друг с другом никакими постоянными отношениями... Королевская власть возникает у тех племен, у которых еще не было ее, когда племена эти жили на материке: только на время войны избиравшиеся у них герцоги, *duces*, превратились теперь в постоянных королей; а там, где она была и раньше, она теперь упрочивается в условиях хронической борьбы, требовавшей сосредоточения власти в руках предводителя...

...Англосаксонский период английской истории тянется около шести веков (от середины V до середины XI столетия). Внешняя его история в двух словах такова. Лишь только прекратилась борьба с бриттами, как началась борьба между самими англосаксонскими государствами, не прекращавшаяся в сущности до второй половины десятого столетия, когда закончился процесс объединения Англии, в котором и заключался смысл всей борьбы. В этом процессе можно указать несколько фазисов. Сначала из всей совокупности мелких государств образовалось приблизительно семь более крупных, возникла так называемая *гентархия*. Преобладание переходило от одного государства к другому... После половины VII века преобладание имели короли Нортумбрии, в VIII веке — короли Мерсии, а с IX в. оно перешло к королям Уэссекса. Каждое из трех названных королевств пытается соединить под своею властью все остальные, но это удалось только Уэссексу. Король Уэссекса Эдберт соединяет (в начале IX века) под своею властью всех англосаксов. Но это не значит, что при нем вся Англия была организована в форме одного государства. Большинство государств превратилось в провинции Уэссекса; но некоторые из них продолжали иметь своих собственных королей, конечно в той или иной мере зависимых от уэссекского короля. Окончательное объединение Англии произошло значительно позже и вызвано было новым фактором, внешним. Датчане и норвежцы, те самые норманны, которые сыграли такую большую роль в истории континентальной Европы, эти самые датчане, с девятого века грабя и разоряя

Англию, разрушая ее благосостояние, в то же время создавали ее единство, заставляя сплотиться ее разрозненные силы и дать им более централизованную организацию. Одно время вся Англия была завоевана датчанами, и только западные саксы (королевство Уэссекс) с королем Альфредом дали отпор врагам, отвоевав у них западную часть страны. За датчанами осталась восточная часть; тут они окончательно утвердились, перейдя к оседлой жизни и образовав особое королевство. Взаимные отношения датского и уэссекского королевств были определены договором Альфреда и Гутрума в 879 г. Сравнительно скоро датчане слились с англосаксами, и в 959 году король Эдгар принимает корону в качестве короля всей Англии. С датчанами произошло здесь то же самое, что и с норманнами, основавшимися во Франции, которые, как известно, по истечении сравнительно очень короткого времени вполне усвоили себе религию, язык, нравы и учреждения завоеванной области. Датчанам тем легче было сделать это, что политический и общественный строй англов, которых они завоевали, был прямым развитием таких же политических и общественных порядков, с какими они сами явились на остров. Нельзя, впрочем, отрицать, как раз в силу этого же тождества, и некоторого обратного воздействия в смысле сильного толчка в пользу древних учреждений, уже приходивших в упадок у англов после трех столетий цивилизованной жизни, со стороны поселенцев, принесших с собою еще не подвергшиеся перерождению и вырождению социальные и политические порядки. В начале XI века Англия подверглась вторичному нашествию датчан, и ею в течение тридцати лет управляла датская династия. Король Кнут (1017—1035 гг.) принял христианство и правил Англией..., не делая различия между датчанами и англосаксами... После нескольких лет царствования его сыновей английская корона перешла к последнему королю из уэссекской династии к Эдуарду Исповеднику (в 1042 г.).

Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. СПб., 1903. С. 1—9.

* * *

Завоевание англосаксонской Англии нормандским герцогом Вильгельмом после победы, одержанной им в битве при Гастингсе над войском короля Гарольда 14 октября 1066 г., имело больше значение для всей истории Англии. В частности политическое развитие средневековой Англии может быть понято во всем его своеобразии лишь при условии отчетливого выяснения роли нормандского завоевания среди других факторов, определявших это развитие. Англосаксонская Англия к половине XI в. уже достаточно далеко ушла по тому пути, по которому шли и другие государства, основанные (германцами) на территории Римской империи, и успела выработать типичные для всех их формы социального и политического существования. Центральная власть возлагала на местных сеньоров, по-англосаксонски глафордов, ответственность за поведение коммендированных (отдавшихся к ним в частную зависимость добровольно или по требованию центральной власти) им людей, а затем и наделяла сеньоров публичноправовыми полномочиями в отношении к ним, передавая им иммунитетной грамотой... судебную власть и другие права политического верховенства и таким образом восполняя недочеты своего правительственного аппарата новыми, феодальными органами управления. Главную военную силу составляло теперь войско из выделившихся из массы более или менее крупных землевладельцев, из стоявших над нею глафордов, постепенно организовавшихся в военное сословие, в сословие тэнов, обязанных идти в поход конными и оружными во главе своих вооруженных людей в соответствии с размерами своих земельных владений.

Феодализация англосаксонской Англии, как ни значительны были ее успехи к половине XI в., не привела все же к тем результатам, какие мы наблюдаем в государствах, образовавшихся после распада Каролингской империи... Раздача англосаксонскими королями прав политического верховенства в частные руки сильных людей и здесь, правда, приводила к развитию тенденций в направлении к расчленению государства на более или менее независимые

от центральной власти округа и тем самым к ослаблению центральной власти, но общегосударственные учреждения продолжали здесь функционировать наряду с восполнявшими их феодальными учреждениями... Продолжал существовать и действовать **уитенагемот** (собрание мудрых) — верховный совет в королевстве, в который входили епископы, значительное число аббатов, стоявшие во главе графств, на которые делилось королевство, **элдормены** и королевские тэны, т. е. самые знатные из королевских дружинников, державшие части королевских доменов и связанные с королем клятвой верности, и главные сановники двора; по их совету и с их согласия король решал важнейшие дела в государстве: издавал законы как светские, так и церковные, решал вопросы о войне и мире, об армии и флоте, устанавливал экстренные налоги, в последней инстанции решал как уголовные, так и гражданские дела, перенесенные из низших инстанций, а также судил лиц, в силу своего очень высокого положения или по своей близости к королю подсудных только королевскому суду, жаловал отдельным лицам и учреждениям (монастырям и церквям) те или иные права на те или иные земли и территории и выбирал областных старшин, элдорменов.

Уитенагемоту принадлежало и право избрания короля, а также его низложения. Оставались в силе и областные учреждения. По-прежнему два раза в год королевский чиновник, стоявший рядом с элдорменом во главе графства, шериф графства, созывал **собрание графства** (shiremoot), иначе «народное собрание» (folk moot) графства, куда должны были являться, кроме шерифа и элдормена, епископ графства, все должностные лица графства, все более или менее крупные землевладельцы и от каждой деревни графства староста, священник и четверо самых уважаемых крестьян. Собрание графства являлось прежде всего судебным собранием, решавшим как уголовные дела, так и гражданские тяжбы, не нашедшие удовлетворяющего стороны решения в нижней инстанции, в собрании сотни; здесь же обсуждались и вопросы, связанные с обложением графства теми или иными сборами для общегосударственных надобностей, вопросы, касавшиеся военной обороны страны как с суши,

так и с моря, а также совершались, как и на сотенном собрании и на сельском сходе, разного рода юридические акты, как передача земли из рук в руки и т. п. Продолжали существовать и действовать и собрания округов, на которые распадалось графство — **сотен**. **Сотенное собрание** созывалось раз в месяц. На нем должны были присутствовать, как и в собрании графства, все более или менее крупные землевладельцы округа и от каждой сельской общины приходский священник, староста и четверо из самых уважаемых крестьян. И сотенному собранию, которое было также прежде всего судебным собранием, принадлежала как уголовная, так и гражданская юрисдикция, и на нем разбирались и решались дела, возникавшие между сельскими общинами и следовательно выходявшие за пределы компетенции сельских сходов; оно же свидетельствовало разного рода юридические акты вроде передачи земли из рук в руки и т. п. и тем сообщало им юридическую силу, оно же раскладывало и всякого рода фискальные сборы, так как сотня являлась и единицей обложения... Самой мелкой единицей государственной организации англосаксов по-прежнему продолжала оставаться **деревенская община**, Сельский сход **галамот**, помимо регулирования своих хозяйственных распоряжений по-видимому обладал некоторой долей юрисдикции, разбирал и решал гражданские тяжбы между жителями деревни, разбирал мелкие проступки, ими совершавшиеся, подвергал штрафу виновных в них... На него была возложена государством обязанность приводить в исполнение требования высших инстанций, как розыск преступников и краденых вещей, сбор налогов и других поступлений с общины. Органом его являлся деревенский староста (*tun-gerefa*), который, как уже было сказано, вместе с приходским священником и четырьмя самыми уважаемыми крестьянами деревни представлял интересы общины и в собраниях сотни и графства.

Передача королем в частные руки полицейских, юрисдикционных, фискальных и иных прав политического верховенства не только наделяла этими правами глафордов в отношении к находившимся уже под их частной властью в силу добровольной или принудительной (т. е. по требо-

ванию центральной власти, предписывавшей каждому свободному англосаксу найти себе глафорда, который бы ручался за его поведение) коммендации людей, но и передавала их в отношении к людям, до тех пор ни под чьей частной властью и зависимостью не находившихся, нередко передавая эти права крупным магнатам и монастырям над целыми сотенными округами, этим превращая и их в иммунитетные округа, в **соки** (soke, soka). Жители этих иммунитетных округов по-прежнему ходили в собрания своей сотни и графства, платили общегосударственные налоги, например введенные в эпоху борьбы с датскими набегами так называемые датские деньги (Danegeld), и несли так называемую **тройную повинность** (trinoda necessitas), состоявшую из военной повинности (по-англосаксонски fyrd), обязанности чинить мосты и укрепления...

Герцогство Нормандия, во главе которого стоял Вильгельм, за покорение англосаксонской Англии вошедший в историю с именем Вильгельма Завоевателя, резко отличалось от всех других герцогств, графств и иные наименования носивших политических образований, на которые распалась монархия Карла Великого. Ни в одном из них центральная власть не была так сильна, как здесь... Вильгельм был не только феодальным сюзереном своих вассалов... Нормандский герцог требовал верноподданнической присяги от всех свободных людей, чьими бы вассалами они ни были; к своему верховному суду он мог привлекать всякие дела; своим баронам он запрещал вести друг с другом частные войны, вступать в соглашения с иноземными государями, чеканить собственную монету, без его разрешения строить в своих владениях замки или укрепления... А для внешней защиты страны он располагал внушительными силами блестящих стрелков и лучшей в Европе конницей...

...Вильгельм выставлял себя законным наследником англосаксонского короля Эдуарда Исповедника, умершего без потомства, и считал избранным после его смерти королем Гарольда узурпатором, у которого он и отравлялся отвоевывать незаконно захваченную им и по праву ему, Вильгельму, принадлежавшую корону. Папа Александр II прислал Вильгельму свое благословение и священное знамя

и этим сообщил полную непререкаемость его весьма сомнительным притязаниям, по крайней мере в глазах самого Вильгельма и его сборной дружины. Одержав победу над войсками Гарольда при Гастингсе, Вильгельм немедленно же двинулся к Лондону и в Уэстминстере короновался короной англосаксонских королей с соблюдением всех подробностей коронационного церемониала, практиковавшегося при коронации выборных англосаксонских королей. После этого он уже чувствовал себя на совершенно твердой юридической почве, уже вполне законным королем англосаксов и всех, кто не желал подчиняться ему, трактовал как мятежников. А их было немало, и только после нескольких лет упорной и жестокой борьбы он стал фактически государем своих новых подданных, которым он оставил их право и их учреждения... «Повелеваю и желаю, чтобы все хранили и соблюдали законы Эдуарда короля в делах, касающихся земли и всего прочего, с присовокуплением к ним того, что я постановил для пользы английского народа... Должно обращаться к сотне и к графству так, как это постановили предшественники наши...» Оставляя англосаксам...их старые государственные учреждения, Вильгельм вливал новую жизнь в приходившие уже в упадок... широкие политические формы и тем упрочивал свою собственную власть, укреплял свое независимое положение в отношении к феодальным элементам своего нового королевства.

Мы указывали на то, что и англосаксонская Англия уже знала феодальные формы политической жизни..., но формы эти были еще далеки от вполне развитых форм французского и особенно нормандского феодализма. Теперь они были переведены на строгий язык выработанного феодального права, принесенного завоевателями. Сами завоеватели, пришедшие с Вильгельмом, его собственные нормандские вассалы и присоединившиеся к ним добровольцы из других французских княжеств, а также церковные его сподвижники были щедро вознаграждены им из земельных владений, перешедших в его руки из рук побежденных, которые пали на поле брани или не соглашались добровольно признать его власть. Знатнейшие из них получали десятки, а некоторые сотни англосаксонских

поместий с обязательством нести за них феодальные повинности, следуемые ему по феодальному праву, действовавшему в Нормандии. Такие же повинности должны были нести и те англосаксонские тэны, которые признали власть нового короля и сохранили за собой свои земельные владения. Можно сказать, вся территория Англии прошла через руки Вильгельма прежде, чем оказаться в руках феодальных ее владельцев, и феодальное право признало его верховным собственником всей земли в королевстве, и все землевладельцы, от самых крупных до самых мелких, как иноземцы, так и туземцы, являлись его держателями, державшими свои земли от короля или непосредственно (*in capite*), или в последней инстанции. В этом отношении средневековая Англия является самой феодальной страной во всей феодальной Европе...

Памятники истории Англии
XI—XIII вв. //Пер. и введ.
 акад. Д. М. Петрушевского.
 М., 1936. С. 7—14.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Барг М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиэвистики. М., 1973.
 История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.
 История Италии. Т. 1. М., 1970.
 История Франции. Т. 1. М., 1972.
 Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
 Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
 Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1903.
 Barraclough G. The Crucible of Europe: The ninth and tenth centuries in European history. Berkeley—Los Angeles, 1976.
 Bloch M. La societe feodale. P., 1968.
 Boutruche R. Seigneurie et feodalite. T.I. Le premier age des liens d'homme a l'homme. P., 1968.
 Dhondt J. Etudes sur la naissance des principautes territoriales en France. Bruges, 1948.
 Duby G. La societe aux Xle et Xlle siecles dans la region maconnaise. P., 1953.
 Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon Age. L., 1973.
 Hyde K. Society and Politics in Medieval Italy: The evolution of the civil life, 1000—1350.
 Lewis A. J. Emerging Medieval Europe, A. D. 400—1000. N. Y., 1967

РАЗДЕЛ IV

ГОРОДСКАЯ ЕВРОПА

Европейский город имеет долгую, многовековую историю, и его историография родилась вместе с ним. Она родилась из потребности горожан утвердить самобытность своего образа жизни, организации своих общественных отношений, своей трудовой практики.

Самые ранние сочинения, рассказывающие нам о средневековом городе, — городские хроники. Их создание — акт самоутверждения горожан в окружающем феодальном мире, но одновременно и оружие самозащиты против сеньоров — светских и духовных, как, впрочем, и против короля или императора. В хрониках говорилось о привилегиях и льготах, отвоеванных городами или дарованных им их господами, о документах, это подтверждающих. И в высокое, классическое Средневековье, и в эпоху Возрождения в центре внимания городских историографов находилось противостояние горожан и феодальных властей, также как и проявления городского патриотизма. Городские хроники и сочинения интеллектуалов рассказывали об организации управления, суда, ремеслах и их корпорациях, об именитых людях: членах городского совета, богатых купцах, бургомистрах; их деяниях, фамильных гербах, победах в борьбе за городские свободы, самоуправление.

На рубеже XVIII—XIX столетий одновременно с политическим возвышением буржуазии, утверждением ее государственности и идеологии зарождается политическая история средневекового города. В центре ее внимания —

город, как оплот борьбы с феодализмом, и средневековые горожане, как прообраз молодого класса буржуазии, наследницы их доблестей. Таким образом, историки XIX в. относили средневековый город к истокам капиталистической эпохи европейской истории. Это предопределило на многие и многие десятилетия неиссякаемый интерес исторической науки к городской истории средневековой Европы, при этом главным образом к ее правовым и политическим аспектам, поскольку именно из городского самоуправления и права прежде всего выводились напрямую гражданские свободы капиталистического мира.

Развитие научной мысли в нынешнем XX столетии показало предвзятость и ограниченность подобного подхода к освещению и интерпретации городской жизни Средневековья. Современное изучение городов не только известных и крупных, но и небольших, местного значения открыло бесконечное разнообразие их типов, сложность хозяйственной и общественной жизни, правового устройства, имеющих мало общего с организацией современного мира, но зато вполне вписывающихся в рамки Средневековья. Новая, социальная история с ее интересом к тому как жили люди в ту далекую эпоху, как они организовывали отношения между собой, свой быт и труд, как воспринимали окружающий мир открыла нам, по существу, новую, городскую Европу.

Благодаря огромным масштабам исследований городов в различных районах европейского мира, их новому высокому научному оснащению мы располагаем сегодня массовым конкретно-историческим материалом, раскрывающим истоки, различные стадии, этапы градообразовательного процесса и формы городской жизни в средневековой Европе. Ее реалии были весьма далеки от идеалов социального мира и равенства, также как и свободы в ее современном понимании. Как представляет современная наука городское развитие средневековой Европы? Попробуем ответить на этот вопрос.

История происхождения. Внешний облик

Город — одна из основных, наряду с деревней, помещением-сеньорией, монастырем, форм существования средневекового общества, начиная с X—XI вв. История собственно города как формы общественного бытия начинается задолго до средних веков. Ее истоки восходят к глубокой древности — ко II тысячелетию до н. э., именно тогда в Восточном Средиземноморье появились первые города. Шли столетия, и городская культура, постепенно продвигаясь на Запад, достигла к I в. н. э. Рейна.

Больше всего городов было к югу от Альп — в Средиземноморье: в Южной Франции, Италии, Испании. К северу, за Альпами, они встречались уже реже, а за Рейном и Дунаем их не было вовсе. Сложившиеся в ходе римских завоеваний как форпосты — опорные пункты римлян эти города пришли в упадок и перестали существовать вслед за крушением Империи. Те из них (в основном в Средиземноморье, по Рейну и Дунаю), которые пережили эту катастрофу, сильно уменьшились в размерах. Торговля и ремесла перестали играть главную роль в их жизни, уступив место земледелию, которое становится теперь основным занятием горожан. Лишь развалины некогда мощных укреплений и античных зданий напоминали о былом величии.

Те города, которыми Европа стремительно покрывается начиная с X—XI вв. были уже совсем иными, непохожими на прежние, даже если они и возникали (как, например, Арль и Каркассон во Франции или Кельн, Трир, Майнц в Германии) вблизи или непосредственно на месте древних римских поселений. И вызваны к жизни они были уже не потребностями завоевателей, стремившихся укорениться на новых землях, но потребностями возрождавшейся после глубокого упадка в раннее Средневековье хозяйственной и культурной жизни.

XI—XIII вв. в истории Европы ученые называют часто периодом «высокого» Средневековья, желая подчеркнуть важность совершившихся тогда перемен. Действительно, именно на эту эпоху приходится освоение огромных мас-

сивов нови — целины, которую крестьяне-колонисты отвоевывали у болот и лесов под пашни, сады, виноградники, пастбища; стремительный рост народонаселения, в результате чего в разных частях Европы, особенно в Центральной и Северо-Западной, создаются плотно заселенные районы, феодалы, заинтересованные в увеличении своих владений, поощряли крестьян-колонистов различными льготами, так что на первых порах они оказываются даже в лучших условиях, чем их земляки в старых деревнях.

Это имело важные последствия: заинтересованные в результатах своего труда крестьяне новых деревень улучшали обработку земли, совершенствовали свой инвентарь и добивались более высоких урожаев на новых, еще не истощенных землях. Так создавались в крестьянских хозяйствах излишки продовольствия и вместе с тем возможность приобрести на деньги, вырученные от продажи этих излишков, некоторые ремесленные изделия (одежду, инвентарь) лучшего качества чем те, которые они сами между делом и особенно в межсезонье изготавливали в своем хозяйстве. Таким образом, в конце раннего Средневековья появляется наряду со знатью и духовенством — покупателями заморских товаров (дорогих тканей, оружия, благовоний) покупатель иного типа, заинтересованный в предметах первой необходимости местного производства — простой крестьянский люд.

Городские поселения возникают как ответ на местные хозяйственные потребности. Ремесла, промыслы, торговля, как правило, предметами собственного производства и продуктами питания, становятся профессиональным занятием их жителей. В недалеком прошлом это тоже крестьяне. Они устремлялись в новые поселения в надежде обрести там безопасность и более надежный источник существования.

Многообразны пути образования городов. Одни, как мы уже видели, выросли на руинах старинных античных крепостей, таких городов особенно много в Южной Европе, по левобережью Рейна и Дуная. Другие, особенно за Рейном и Дунаем, были основаны феодальными владельцами — князьями, епископами, аббатами, стремившимися

преумножить свои богатства за счет взимания пошлин с торговли, ремесел и промыслов, а также в военных целях. Третьи возникли из торгово-ремесленных поселений, стихийно сложившихся под защитой стен монастыря или замка, поблизости от речных переправ или вдоль больших рек — важнейших средств сообщения в средние века — в отличие от Античности с ее хорошо налаженной системой сухопутных дорог. Рейн, Маас, Шельда, Дунай, начиная с XI в., главные водные пути средневековой Европы, и именно по берегам этих рек сложились и выросли многие ее крупные города — Рент и Брюгге, Кельн и Трир, Вена и Буда и Пешт.

Что же представлял собой европейский город высокого Средневековья? Как выглядел он внешне прежде всего?

Старинные гравюры донесли до наших дней своеобразный и причудливый силуэт средневекового города. Опоясанный кольцом стен, нередко двойным, даже тройным, густо застроенный возвышается он башнями своих укреплений и патрицианских домов, островерхими шпилями готических соборов над окружающей местностью. Рассказывают, что одним из самых сильных впечатлений участников четвертого крестового похода был греческий город Андровида, не имевший укреплений: на своей родине такого городского поселения крестоносцам не приходилось встречать.

Городские укрепления представляли собой сложную систему сооружений, зубчатые стены воздвигали на холме или над рекой таким образом, чтобы они продолжали препятствия, созданные самой природой. Стены укрепляли многочисленными (иногда больше сотни) башнями, господствовавшими над узкой полосой между двумя крепостными линиями. Узкий проход, ограниченный стенами и обязательно извилистый, вел к воротам, которые имели свои особые башни. Через ров, нередко окружавший город, был перекинут подъемный мост, охраняемый городской стражей (см. стр. 135—139).

Так выглядели городские укрепления немецких Нюрнберга и Кельна, французского Каркассона и многих других европейских городов. Но у небольших городов и особенно

у тех, что были созданы в XII — XIII вв. за Рейном и Дунаем, за Эльбой, в славянских землях, укрепления могли быть гораздо скромнее и не столь внушительными. Нередко, особенно на начальной стадии роста города, они сводились к земляному валу, окруженному заполненным водой рвом, и лишь позднее, по мере роста города, возводились более надежные стены из камня. Но в некоторых областях, например в Северной Германии, бедной природным камнем, городские укрепления типа вала широко были распространены и в более позднюю эпоху.

Крепостные стены — предмет неустанных забот горожан, на поддержание их в порядке и укрепление прежде всего взимался городской налог. Они были жизненно необходимы городу и без их защиты нормальное развитие городского хозяйства — ремесел и торговли — было просто-напросто невозможно в ту эпоху: городу постоянно угрожала опасность то со стороны воинственных норманнов и венгров (в X—XI вв.), то соседа-феодала, а то и просто шаек грабителей. Город был замкнут и насторожен. Дозорные на его стенах днем и ночью напряженно вглядывались вдаль и при малейшем подозрении на опасность ударами колокола на сторожевой башне рыночной площади оповещали горожан...

Стены — не только защита, но и символ независимости города. Право на их возведение добывалось в долгой и жестокой борьбе с феодалом, сеньором города, на землях которого город сложился. Это право даровалось королями вместе с привилегией горожанам вершить свой суд, собирать в свою пользу таможенные и рыночные пошлины. И одним из тягчайших наказаний, которым только могли быть подвергнуты непокорные горожане, являлось разрушение стен их города.

Крепостные укрепления города не менее красноречиво чем хроники той эпохи в состоянии поведать об их возникновении, судьбах, трудностях роста.

В северных предгорьях Гарца (на территории Восточной Германии) расположен город Кведлинбург. История этого теперь небольшого саксонского города восходит к 994 г.; именно тогда, как говорит городская хроника, император

Оттон III пожаловал аббатству Кведлинбург привилегию на проведение еженедельных ярмарок, сбор рыночных пошлин, чеканку монеты, а также застройку кварталов для ремесленников и торговцев вокруг рыночной площади. Так рядом с поселением монастырских крестьян, обрабатывающих угодья аббатства, возникло поселение, в котором стали жить ремесленники и торговцы, переселявшиеся сюда из окрестных деревень. Прошло сто лет. Поселок разросся, и жители его добились от аббатства права самим решать свои внутренние дела и распоряжаться казной. Стремясь обеспечить свою безопасность и имея для этого достаточно средств, они обнесли поселение валом. Время шло. Под защиту этих укреплений стекалось окрестное население, сначала на время, а затем оставаясь там на жительство. Особенно усилился этот наплыв в конце XII в., когда разгорелась длительная междоусобная война между королевскими домами Вельфов и Штауфенов. Не вмещавшиеся уже в пределах вала Старого города — так стали называть теперь старинное, изначальное поселение — жители, в основном недавние переселенцы, образовали Новый город. Вскоре обе части Кведлинбурга — городское ядро и новые кварталы — были заключены в единую систему крепостных каменных укреплений.

Но возведение нового кольца стен могло быть вызвано не только ростом населения, но, как это случалось нередко, также и постепенным укреплением политического и военного могущества самого города. Так было, например, в Констанце, крупном имперском городе на крайнем Юго-Западе Германии. К началу XV в. Констанц возвел четвертое кольцо крепостных стен, в пределы которого вошли четыре большие деревни, постепенно отвоеванные городом у местного епископа. Средневековый город рождался и рос на землях феодалов, шаг за шагом отвоевывая свое право на независимость. Вынужденные идти на уступки горожанам, феодальные владетели вместе с тем изыскивали способы возместить свои потери: таможенные и иные сборы давали слишком большой доход, чтобы можно было легко от них отказаться. Руководствуясь именно этими соображениями, епископ нижнесаксонского города Хильдесхайма основал

в XIII в. в противовес Старому городу Новый город. Этот город-конкурент был также обнесен стеной, имел свою рыночную площадь и свой независимый от Старого города распорядок хозяйственной и политической жизни. Бывало, что такое разделение сохранялось на протяжении столетий, особенно в крупных и политически важных городах. Во Франкфурте-на-Майне, где с XII в. происходило избрание германских королей, а затем императоров «Священной римской империи» Старый и Новый город вплоть до XVI в. были отделены друг от друга стенами и рвами. Трое ворот, объединявшие оба города, на ночь крепко запирались. В 1335 г. жители Нового города, где жили в основном садоводы, попросили городской совет разрешить отпирать по ночам ворота для того, чтобы священник со святыми дарами мог пройти к умирающему, а повитуха — принять новорожденного. Из четырех независимых (вплоть до XVIII в.) и в разное время сложившихся частей — Старого города, Малой Страны, Градчан и Нового города, каждая из которых имела свою систему укреплений, — состояла столица Чешского королевства Прага.

Внутренний облик. Образ жизни

Произведения средневековых художников, сохранившиеся до наших дней городские планы, старинные кварталы современных городов, описания путешественников помогают воссоздать не только внешний, но и внутренний облик средневекового города, отдельных его домов и строений, планировку, специфические черты городского быта.

Городской дом был не менее насторожен и замкнут, чем сам город. И это отвечало представлениям людей той далекой эпохи: жилище должно было не только давать приют, но и защитить, скрыть его обитателей от воздействия внешних и уже потому враждебных сил. Жилище, словно маленький город, обносилось забором или глухой стеной. Узкие окна, закрывавшиеся ставнями, должны были не столько пропускать свет, сколько скрывать внутреннюю жизнь от взоров любопытных. Дом тянулся вверх и состоял из нескольких этажей. В этом тоже особенность Средне-

вековья: античный город такой архитектуры не знал (жилища в античных городах были обычно одноэтажными и образовывали четкую систему прямоугольных помещений). Высокие (10—12 м.) и прочные столбы составляли основу здания; вертикальные, горизонтальные и наклонные брусья образовывали каркас его стен. Промежутки между ними заполнялись, особенно в раннее время, глиной, соломой, позднее — кирпичом. Двускатная крыша — соломенная или тесовая (черепичные появляются уже в позднее Средневековье) — еще больше подчеркивала вертикальную ориентацию городского жилища. Дом тянулся вверх. Он потерял строгую четкость римского плана: комнаты и комнатухи лепились друг к другу в беспорядке, этажи образовывали выступы — эркеры или «фонари», нависавшие над улицей. Под лестницей возникали каморки, под крышей и в выемках на первом этаже — чердаки и чуланы.

Городские дома, до XII в. по крайней мере, мало чем отличались от сельских, и это не должно удивлять: большинство городских жителей составляли выходцы из деревень, которые принесли с собой и свои строительные навыки. Конечно, тип и материал, из которого делали дома, были разнообразны и зависели как от местных условий, так и от богатства и положения в обществе их владельцев. Но вплоть до конца средних веков большая часть жилищ крестьян и простых ремесленников воздвигалась из ивняка, обмазанного глиной, из бревен или плохо обтесанного камня.

Лишь постепенно, где-то с XIV в., в городах распространяется каменное строительство. Сперва появились каменные церкви, затем — дома знатных лиц и общественные здания; потом — усадьбы таких ремесленников, которые использовали печи и горны: пекарей, кузнецов, аптекарей. Но в целом каменные дома горожан, особенно к северу от Луары, в Германии, например, даже в крупных городах в XIV в. были еще редкостью. Они были наперечет, и слово «каменный» нередко превращалось как бы в собственное имя дома, в признак, выделяющий его из массы других жилищ в городе.

Исторические источники и литературные свидетельства

говорят о том, что и в XIII—XIV вв. городские жилые постройки в массе были невзрачны. Даже солидные, отстроенные из кирпича дома имели мало окон и только небольших размеров. Так, во всяком случае, описывает Страсбург и Базель хроника конца XIII в. Множество небольших городов и городков той же Германии к востоку от Рейна до конца средних веков так и остались деревянными. Вот как выглядел в описании путешественника XVII в. город Вецлар: «В городе только деревянные дома, обмазанные глиной. Таких, которые выстроены из камня или имеют каменный нижний этаж, немного. Дома теснятся один возле другого, многие крыты соломой и лишь некоторые имеют пожарные лестницы». И все же, именно в городах каменное строительство распространяется с большей быстротой, чем в сельской местности...

В средневековом городе отсутствовала привычная нашему глазу четкая планировка, которую знал римский город: в нем нет ни широких площадей с их общественными сооружениями, ни широких вымощенных улиц с портиками по обеим сторонам, так характерных для римских городов и города эпохи Ренессанса. Античные сооружения в тех городах, где они имелись, пытались приспособить к новым нуждам: так, маяк в Дувре был превращен в колокольню, древний храм в Периге — в крепостную башню; в систему городских укреплений были включены и римские термы (бани) в Трире. Новые кварталы выросли на месте прежних цирковых арен в Арле и Ниме.

В средневековом городе дома теснились вдоль узких и кривых улочек, которые от нависающих вразнобой эркеров казались еще уже. Ширина улицы, как правило, не превышала семи-восьми метров. Так, например, выглядела важная магистраль, которая вела к собору Парижской богородицы. Были улицы и переулки еще уже — не более двух метров и даже шириной в метр. Одна из улиц старинного Брюсселя до сих пор носит название «улицы одного человека»: двое там уже не могли разойтись.

Пешеходы, животные, повозки — основной элемент уличного движения. По улицам средневекового города часто гнали стада. Лишь в XV в. в Нюрнберге горожанам

было запрещено выпускать свиней на улицу, так как это «вызывало неудовольствие знатных горожан и именитых приезжих». Но не следует думать, что в средние века не заботились о красоте улиц. Пространные инструкции городских властей известны уже с середины XII в. Наиболее ранние из них относятся к городам итальянской провинции Тоскана. Тщательно отработанные предписания относительно правил возведения дома и поддержания его опрятного внешнего вида были неукоснительно обязательны для каждого горожанина-домовладельца. С конца XIII в. во Флоренции, Сиене, Пизе, Пистойе была учреждена специальная «служба для поддержания красоты». В обязанности ее входило, среди прочего, особое наблюдение за строениями в центре города, вокруг больших площадей и вдоль главных улиц. Высокому денежному штрафу подлежали те из домовладельцев, которые нарушали предписание относительно положенного числа балконов на главном строении, т. е. выходящем фасадом на улицу, оконных арок и их ширины, обязательных украшений, в том числе и цветами. Если с роскошным палаццо нобилia — знатного горожанина соседствовало уродливое здание, владелец был обязан, под угрозой штрафа, произвести его перестройку. В итальянских городах, правда уже на исходе Средневековья, было принято, чтобы дома в центральных кварталах были, по возможности, одинакового размера и высоты и сделаны из того же строительного материала, что и заботливо вымощенная улица.

В городах к северу от Альп, в частности немецких, регламентирующие предписания появляются со второй половины XIII в. Городской совет Гамбурга в 1268 г. принял постановление, вменявшее в обязанность ратманам — членам городского совета — рата определять официально границы, дальше которых не должны выступать фасады и эркеры домов, расположенных вдоль судоходных каналов, водных путей, улиц. Такого же содержания постановления известны и в других городах. В Страсбурге уровень выступа эркера был отмечен на одной из наружных стен собора и сопровождался надписью: «Это предел выступа». Для контроля всадник с копьём или с палкой, соответствующей

длины, проезжал по улицам. Если острие копья задевало за строение, его владелец платил штраф или даже был обязан сломать постройку. Размеры участков, на которых возводились городские дома, в целом были невелики, и на протяжении всего Средневековья городские власти боролись со стремлением своих бюргеров расширить жилое пространство за счет улиц и коммунальной земли. Именно эту цель преследовали различные эркеры, балконы, лоджии, которые навешивали домовладельцы на свои дома. Жилое пространство увеличивали также путем сооружения выносных лестниц, хозяйственных помещений. С XIV в. в ряде немецких городов входит в практику регулярный (не менее двух раз в год) осмотр властями состояния построек с целью определения того, не противоречат ли они общественным интересам и принятым представлениям о красоте. В 1370 г. в Мюнхене комиссия из 36 наиболее уважаемых бюргеров — членов городского совета предписала ликвидировать в центре города и на его наиболее узких улицах из-за опасности пожара лоджии, а также наружные лестницы, крыльца, кровельные лотки для отвода дождевой воды с крыш и т. п. Требования ратманов и нежелание или невозможность домовладельцев учесть их создавали почву для непрерывных судебных тяжб и разбирательств.

Пожары — бич средневекового города. Стремление избежать их сыграло, в известном смысле, свою роль и в распространении каменной застройки в городах. Так в Любеке, после двух больших пожаров в середине XIII в., городским советом в 1276 г. было принято постановление, чтобы впредь дома сооружались из камня. Но так как вблизи города не было залежей естественного камня, то его заменил обожженный кирпич. Строить дома из кирпича и глины рекомендовал и городской совет Нюрнберга в своих постановлениях 1329—1335 гг. Совет города Хильдесхайма в 1381 г. обещал вознаграждение тому, кто будет строить дом из кирпича, а в Иннсбруке после грандиозного пожара в 1390 г. вообще было предписано возводить жилые постройки только из камня. В другом городе — Хаммельне в 1385 г. было принято решение разрушить все деревянные

дома и впредь строить только каменные. Такое же решение приняли городские советы в Цюрихе после пожара в 1313 г. и в Бокене после того, как в 1483 г. город выгорел дотла. В свете этих свидетельств обретают глубокий смысл слова известного итальянского гуманиста Сильвио Пикколomini, отметившего среди своих впечатлений от путешествия по Германии «поразительно молодой вид» немецких городов, что наводило на мысль, будто они «возникли или были отстроены только что».

Причиной городских пожаров нередко становились крыши домов, которые долгое время покрывали соломой и дранкой. Запреты властей использовать легко воспламеняющийся материал проходят через все Средневековье. Успеха, однако, они не имели. Дело в том, что крыши из черепицы или шифера были очень дороги, не говоря уже о том, что они были также слишком тяжелы для деревянного каркаса жилых строений. Во многих городах, как говорят хроники и документы, городские власти обещали денежную помощь тем, кто хотел покрыть свой дом черепицей. Император Рудольф IV даже освободил бюргеров штирийского города Войтсберг на шесть лет от налога, когда они, восстанавливая свои дома после пожара, вознамерились покрывать крыши черепицей; в противном случае льготы распространялись лишь на четыре года. Но при всем этом крыши из черепицы еще и на исходе Средневековья оставались редкостью, а в силу дороговизны — одновременно и символом социального престижа. «Драгоценностью» назвал епископ Ульрих II Бриксенский черепичное покрытие одной из башен своего дворца. Дороговизна и престижность черепичных и шиферных крыш толкали на имитации, подделки. Дранку или солому окрашивали в красный цвет. Море красных крыш — так выглядит Вена на миниатюре XV в., но Пикколomini, пришедший в восторг от уютных и теплых жилищ венцев, вместе с тем был неприятно поражен обилием в городе соломенных крыш.

Средневековые городские дома не имели нумерации. Ее заменяли разнообразные отличительные знаки. В итальянских городах это барельефы на религиозные сюжеты,

скульптурные портреты владельцев и т. п., составляющие одновременно и украшение дома. Часто раскрашивали планки деревянного каркаса, сооружали скульптуры на концах балок и карнизах. Это придавало дому веселый и нарядный вид. Перекрестки часто украшались крестами, а городские площади — фонтанами.

Содержание улиц в порядке и чистоте составляло постоянную заботу городских властей. Мусор и нечистоты большей частью сбрасывали в реки или в близлежащие рвы. Служба мусорных повозок возникает очень поздно: в Париже в XIV в., в Аугсбурге лишь в XV в. Очистка улиц проводилась нерегулярно — раз в одну или даже в две недели. Время от времени устраивались экстренные уборки. Во Франкфурте-на-Майне дважды в год накануне ежегодных ярмарок, которыми этот город славился на всю Европу, предписывалось вывозить нечистоты и устилать улицы в наиболее грязных местах соломой. В 1562 г., когда ожидался приезд императора Максимилиана II, предписано было «очистить от навоза» некоторые улицы Нового города.

Одной из трудноразрешимых проблем ввиду незначительных размеров городских участков было уберечь источники питьевой воды от загрязнений фекалиями. В Вене XIII в. питьевые фонтаны во дворах домов находились на расстоянии не более метра от отхожего места. Опасность загрязнений была в полной мере осознана лишь в XV в. Постановления городских советов (в Мюнхене с 1489 г., в Нюрнберге с 1497 г.) начинают регулировать месторасположение отхожих мест с тем, чтобы не допустить их соседства с фонтанами. Работы по очистке городских клоак регулировались советом и осуществлялись за счет владельцев домов и их участков. Очистки производились по ночам и в холодное время года. «Ночной король», «ночной мастер» — так было принято называть тех, кто эти работы осуществлял. В санитарном отношении все это было малоэффективным. Чума, холера, желудочно-кишечные заболевания на всем протяжении Средневековья были типично городскими заболеваниями.

Первые сведения о городских мостовых исходят из Парижа XII в.: каждый горожанин должен заботиться о

том, чтобы улица перед его домом была замощена. Эта мера была распространена затем по королевскому приказу и на другие французские города, так что к XIV в. улицы важнейших французских городов имели мостовые. В 1331 г. мощение улиц началось и в Праге. Но так дело обстояло далеко не во всех городах Европы. В богатом Аугсбурге мостовых не было почти до XV в., так же как и тротуаров: лишь в некоторых местах улиц были сделаны настилы для перехода, а вдоль домов — насыпи. Но это не означает, что горожане не осознавали потребности в улучшении не только улиц, но и подъездных путей к городу. В завещаниях жителей Любека, особенно купцов, частым становится, начиная с XIV в., пожертвование денежных сумм «для починки плохой дороги». В Кельне со всех возов и повозок, прибывавших в город, взималась особая проездная плата для благоустройства улицы, ведущей от главных ворот к городскому рынку, по которой было самое большое движение. Состояние улиц у мостов, ворот, рынков и ратуши привлекало в первую очередь внимание городских властей, тогда как в остальных частях города улицы оставались малопроездными. Водосточные каналы появляются только в XIV—XV вв., и то лишь в крупных городах. В конце XV в. жители города Рейтлингена уговаривали императора Фридриха III не приезжать к ним, но он не послушался и едва не погиб в грязи вместе с лошадью. Неудивительно, что при таком низком уровне санитарного состояния и высокой концентрации населения эпидемии уносили нередко больше половины жителей города.

Первоначально единственным общественным сооружением в городе были церкви. Готический собор — центр города. Вокруг него теснились лавки торговцев и ремесленников. У портала — входа — собора завязывалось обсуждение жизненно важных для горожан вопросов. В праздничные дни здесь же разворачивались различные театральные действия под руководством духовенства. В церковном дворе собирались частенько ремесленники обсудить свои дела. Соборная колокольня отбивала городское время, а ее тревожный звон в неурочный час возвещал бедствие —

пожар или набег неприятеля, начало эпидемии. Постепенно, по мере роста купеческих богатств и укрепления городской самостоятельности, начали возводить новые общественные здания — с XII в.: помещения городских советов (ратуши), крытые рынки, больницы, склады, дома ремесленных объединений (цехов).

Ратуша — символ городской независимости. Возведение ее, как и крепостных стен, всегда возвещало о победоносном исходе многолетней борьбы горожан против своего сеньора. Жители немецкого города Вормса, восставшие против своего епископа, рассказывает старинная городская хроника, приобрели большой каменный дом, перестроили его так, что он стал самым лучшим в городе, и стали там проводить свои собрания, которые раньше происходили на епископском подворье или на площади перед собором. Но жителям Вормса не повезло: они потерпели поражение в очередном столкновении с епископом, которого на этот раз поддержал сам император, и по его повелению должны были разрушить свой дом. А ведь на его сооружение ушло больше десяти лет! Здание ратуши — гордость города, свидетельство богатства и могущества горожан, которые нередко заменяли первоначальное и еще довольно скромное здание ратуши новой, более представительной постройкой. Уже в первой половине XIV в. городской совет имперского города Аахена перенес свои заседания из бюргерского дома, сооруженного в 1267 г., в приобретенный городом бывший императорский дворец Каролингов на рыночной площади, который был заново перестроен в связи с новым назначением.

В большинстве городов Северо-Западной и Центральной Европы ратуши были одного классического для той эпохи образца. Построенное из камня или кирпича готическое здание ратуши имело обычно в нижнем этаже склад или арсенал; по фасаду нижний этаж украшался аркадами. Над ним был устроен парадный зал и ряд меньших помещений для заседаний. Стены, потолки, оконные проемы парадной залы украшались живописью на античные и библейские сюжеты, изображающие справедливое правосудие, а также сцены Страшного суда. Они должны были напоминать членам совета об их долге «судить справедливо

и во имя божие». На дверях и скамьях вырезались нравоучительные изречения. «Те, которые правят городом, — было написано при входе в зал заседаний совета города Эммериха, — должны соблюдать присягу, не допускать нарушения свободы, общественных денег не расточать».

В большом зале ратуши проходили заседания совета, принимали высочайших особ — императоров, князей, давали присягу. Здесь же, особенно в ранний период, устраивались по разным поводам пиры и танцевальные вечера для семейств членов городского совета. Со временем для этих целей стали строить специальные здания. Таков Гюрцених в Кельне, где в 1474 г. городской совет устроил бал в честь императора Максимилиана и его сына. Этого хотел сам император, пожелавший увидеть кельнских красавиц, сообщает хронист.

Подражая феодальному замку, ратуша включала в себя бэфруа — башню. Здесь хранились городские хартии (грамоты о привилегиях, отвоеванных горожанами), печать, казна; размещалась городская тюрьма и висел набатный колокол. «Если я ударяю в один край, — гласила надпись на городском набате Кельна, — это восстание, пожар или убийство, но если я бью в оба края — значит избран новый совет».

Городское население. Организация управления. Социальные контрасты

В XI—XIII вв. расширяются районы распространения городов, увеличивается их население и размеры. В Италии, унаследовавшей большинство своих крупных городов от Античности, насчитывалось 278 только епископских центров. Даже если считать только поселения, имевшие особый правовой статус, то в одной Германии в XIII в. было основано около 400 городов и еще около 300 — в XIV в. Наиболее активный период создания новых городов во Франции приходится на 2-ю половину XII — начало XIV в. В Англии абсолютное большинство городских центров известно с XIII в.

Размеры большинства западноевропейских средневековых городов были невелики. Даже крупнейшие города Сред-

невековья кажутся нам совсем небольшими. Такие города, как Флоренция, Милан, Венеция, Генуя, Париж, имевшие в конце XIII — начале XIV вв. более 50 тыс. жителей, считались гигантами (см. стр. 139—140). Подавляющее же большинство городов насчитывало не более 2 тыс. жителей, а то и того меньше. В малых (до тысячи и менее человек) городах проживало 60% всего городского населения Европы. Эпидемия «черной смерти» в 1348—1350гг. унесла в городах от 40 до 65% населения (см. стр. 140—142), начался длительный период спада. На протяжении полутора веков повторяющиеся эпидемии опустошали города Европы. Во 2-й половине XIV в. бубонная чума посещала крупные города каждые 15—20 лет, а в XV в. некоторые из них, например Венецию и Флоренцию, каждое десятилетие. Рост городского населения возобновляется лишь во 2-й половине XV в. К 1500 г. городское население в Западной Европе составляло около 16%.

Из кого же состояло оно? Из разнородных элементов: из купцов, первоначально живших в обособленных поселениях, которые в Германии именовались «вик»; из ремесленников свободных и несвободных, зависимых от феодала, сеньора города; из вассалов городского сеньора, из его слуг, выполнявших различные административные обязанности — они вершили суд, собирали податки с населения, их называли министерялами. Как видим, это были люди разного общественного положения. Но со временем эти различия сглаживаются, и создается, хотя и в имущественном отношении разношерстное, но по-своему единое население, связанное общими правами и обязанностью взаимопомощи, подобно тому как это было в сельской крестьянской общине.

В XI—XII вв. многие города сумели высвободиться из-под власти своих светских (князей) и духовных (епископов) сеньоров и, получив привилегию, руководствоваться своим особым городским правом на территории города и прилегающей к нему узкой полосы (см. стр. 142—150). Горожане, жители городской коммуны, становились неподвластными суду и власти сеньора. Но этого мало. Согласно городскому праву, зависимый от феодала крестьянин, который прожил

год и один день внутри городских стен, приобретал свободу. Отсюда пошло выражение: «Городской воздух делает свободным». Многие города вообще изгнали проживавших в них феодалов либо ограничили их права. Так было в немецком Гамбурге, во Флоренции и в Болонье в Италии. Феодальной знатности города противопоставили привилегированность бюргеров — так с XI—XII вв. стали называть полноправных членов городских коммун.

Однако не каждый житель города был бюргером. Чтобы стать полноправным гражданином города, нужно было изначально владеть земельным наделом, позднее — хотя бы частью дома. Во Фрейбурге, например, в XIII в. достаточно было иметь восьмую часть дома определенной стоимости. Наконец, нужно было уплатить специальную пошлину.

Вне бюргерства стояли «бедняки» и нищие, живущие подаянием. К небюргерам относились и лица, находящиеся в услужении у бюргеров, а также подмастерья, приказчики, лица, состоящие на городской службе (в порту, на рынках) и поденщики. Они выполняли повинности для города, но не могли заводить свой очаг, как тогда говорили, т. е. свой дом и свое хозяйство.

Городское законодательство и сами горожане четко сознавали различие между бедностью и нищенством. Бедность в средние века — вообще понятие относительное: тот, кто владел меньшим, чем это соответствовало его сословному или общественному положению, состоянием или имел меньшие, чем когда-то прежде, доходы, хотя они и были весьма значительными, тот и считался «бедным». По христианским представлениям, бедность оценивалась выше, чем богатство, и те, кто выбирал добровольно идеал бедности как образ жизни, удостоивался внимания и общественного уважения. Но среди бедноты средневекового города было гораздо больше таких, кто впал в это состояние в силу обстоятельств жизни или личной судьбы. Это были люди — среди них немало и некогда уважаемых ремесленных мастеров — чьи средства существования при нормальных условиях были ниже границы необходимого уровня настолько, что при малейших неблагоприятных

обстоятельствах их благосостояние оказывалось под угрозой. К бедным относились и те, кто не мог обеспечить себе существование частично или полностью без посторонней помощи. В конце XIV — начале XV в. они в немецких городах, например, могли составлять от 10 до 20% городского населения (особенно в неурожайные годы). Обычно такие бедные находили пропитание в каком-нибудь зажиточном доме, пользовались благотворительностью, помещались в городские больницы-богадельни.

Но от таких бедных отличали тех, кто жил подаянием, милостыней, и нищих. Если первое было преходящим состоянием, которое стремились преодолеть, то второе являлось профессией. Ею занимались продолжительное время, она требовала определенной выучки для того, чтобы вызвать наибольшее сострадание. Местные нищие прочно входили в структуру городского общества. В Аугсбурге в 1475 г. они подлежали обложению налогом, ибо считалось, что тот, кто рассматривает нищенство как профессию, может иметь и имущество. Нищие создавали свои корпорации. Известны, например, братства хромых и слепых во Франкфурте в 1480г., в Страсбурге в 1411г., в Цюрихе и Базеле и других городах. Городские власти издавали специальные уставы о нищих (см; стр. 151—153).

В поздний период Средневековья различие между недобровольной бедностью и бедностью как результатом нежелания работать воспринималось особенно остро. Уже в XIV в. в городах появляются предписания, обязывающие нищих в период уборки урожая отправляться в провинцию. Нищих, не имеющих профессии и без определенных занятий, вырванных из своей среды, рассматривали как антисоциальный элемент, с которым надлежало вести борьбу. Власти четко ограничивают число местных, «своих» нищих, для которых регулярно проводились раздачи одежды, денег, хлеба — так называемые «столы для нищих». Их помещают в приюты и госпитали. Для облегчения контроля за «своими» нищими совет города Кельна обязал их иметь на одежде специальный отличительный знак, для тех же, кто «стыдился своего положения», — «удостоверение», предъявляемое по требованию специального

представителя власти. Для получения «знака» и «удостоверения» следовало подтвердить в присутствии двух-трех свидетелей, что сбор милостыни — единственно возможный для них источник существования. Одновременно калекам, которые нищенствовали на улицах, у собора и церквей, рекомендовалось вести себя «скромно» и не отягощать «добрых людей лицемерием увечий».

Особую группу нищих составляли попрошайки-мошенники, распространившиеся с XV в. Это породило даже специальную литературу, имевшую целью облегчить распознавание криминальных случаев. Популярностью в XVI в. пользовалась в немецких землях, например, «Книга странников. Орден нищих» Матиаса Хютлина из Пфюрцхайма. Автор, как и законодатели, подразделял нищенство на «законное», «вынужденное» и «фальшивое» как сознательное стремление к праздности. Такого рода «нищие миряне» (в отличие от монахов нищенствующих орденов) рассматривались как «попавшие в сети дьявола». Их арестовывали, высылали из города, отправляли на строительные работы — возведение храма св. Северина в Кельне; ремонт и строительство стен.

Но и само бюргерство не было социально однородным. Оно распадалось на две основные группы: патрициат и мастеров. Патрициат (так историки часто называют знатных горожан, городских нобилей) держал в своих руках городское управление — городской совет и суд почти до XIV в., осуществлял власть над городом и его округой. Городские патриции представляли город в его отношениях с другими городами, князьями, епископами, королевской властью, иными словами, как бы мы сейчас сказали, осуществляли дипломатическое представительство. Основное место среди городских патрициев занимали крупные землевладельцы и купцы, их ряды пополнялись за счет разбогатевших семей ремесленников-мастеров. В своем быту и поведении патриции стремились подражать рыцарству. Они поддерживали родовую солидарность — создавали обширные линияжи (семейные кланы, связанные происхождением от одного предка), роскошно одевались, носили шпоры, сражались верхом, посещали турниры, заводили гербы и строили замки, старались породниться с феодальной

знатью и пройти посвящение в рыцари. Но при всем том городские патриции принципиально отличались от подлинных феодалов. И это связано с тем, что основные богатства патрициата складывались (в отличие от феодалов) не в результате эксплуатации зависимых крестьян (хотя патриции тоже имели поместья и немалые), но в торговле, ростовщичестве, откупе прав на сбор пошлин и т. п.

Различия между патрициатом и ремесленными мастерами были также очень резкими, но до XIV в., пока городское ремесленное производство еще набирало силу и мастера не были достаточно богатыми и сплоченными, эти различия не приводили к столкновениям, более того — мастера поддерживали патрициат в столкновениях с городскими сеньорами. Со всей остротой противоречия обнаружились с XIV в., когда мастера-ремесленники богатых цехов развернули борьбу за право участвовать в политической жизни города.

Перемещения людей (миграции) из деревни в город и между городами играли решающую роль в городском развитии средневековой Европы. Из-за высокого уровня смертности, связанного с неблагоприятными условиями жизни, войнами, политической нестабильностью, ни один город не мог поддерживать численность своего населения за счет внутренних ресурсов и всецело зависел от притока новых жителей из сельской округи. Подъем старых и новых городов в XI—XIII вв. по всей Европе обеспечивался иммиграцией крестьян из ближних и дальних деревень. В это движение вовлекалась, однако, не только сельская беднота. Дальняя иммиграция в основном поставляла богатых купцов и высококвалифицированных ремесленников. Это приводило к формированию этнических или земляческих общин, прежде всего в крупных портовых и университетских городах, где всегда было много иностранцев — иноземных купцов и студентов. В предместьях Лондона в XIII—XV вв. осели большие группы ремесленников — эмигрантов из Франции, Фландрии, Италии, Германии. Видное место в жизни скандинавских, восточнобалтийских, западнославянских, венгерских городов занимали выходцы из Германии.

Хотя абсолютная численность чужестранцев в западно-

европейских городах никогда не была преобладающей, они естественно были заметны в городе. Они жили кучно, оказывали друг другу услуги в качестве доверенных лиц, душеприказчиков, поручителей, свидетелей. Стремление иностранцев селиться отдельно, их непривычная и поэтому странная манера одеваться, их непонятная речь вызывали отчуждение и подозрительность горожан.

Наиболее показательна в этом отношении история еврейских общин, которые существовали во многих старых городах Западной Европы еще с римской эпохи. Евреи жили в специальных кварталах, более или менее четко отделенных от остального города, и были освобождены от городских податей. Их положение значительно ухудшилось в XIII в. в связи с ростом религиозной нетерпимости. В 1215 г. папским декретом для евреев вводится обязательное ношение на одежде отличительного знака, обычно в форме колеса или круглой латки желтого цвета, а позднее — шляпы с рогом, символизирующим дьявола. Уже в конце XIII в. евреи были изгнаны из Англии, в начале XIV в. — из Франции.

Во время «черной смерти» начались массовые погромы в городах Германии, Швейцарии, Нидерландов. Несмотря на то что церковь рассматривала чуму как божью кару, потрясенному сознанию обывателей требовался более доступный для мщения виновник постигшего их бедствия и удобная, во всех отношениях чуждая им, жертва. Евреев обвиняли в отравлении колодцев и источников с целью «уничтожить всех христиан и захватить власть над всем миром». Не помогла и изданная папой Клементом булла, доказывавшая, что евреи, как и христиане, сами гибнут от чумы и призывавшая духовенство взять их под свое покровительство. В Страсбурге городской совет, пытавшийся предотвратить расправу с местными евреями, был смещен, вновь избранный его состав был более расположен слушать обезумевший «глас народа». В феврале 1349 г. были заживо сожжены две тысячи евреев Страсбурга. В Майнце, где находилась самая многочисленная еврейская община в Северной Европе, ее члены предприняли попытку самообороны, вступив в схватку с атаковавшей их толпой. Но

на следующий день, собрав по окрестностям подкрепление, погромщики уничтожили гетто и всех его обитателей — около шести тысяч человек. В 1351 г. было ликвидировано 60 крупных и около 150 более мелких еврейских общин и произведено более 350 массовых убийств. Спаслись лишь немногие принявшие крещение и кучки беженцев, получившие защиту и кров у некоторых князей. Большие группы мигрировали дальше на Восток, в Польшу и Русь. Лишь немногие вернулись потом обратно.

Хозяйственная жизнь. Цехи. Корпорации. Братства. Симптомы разложения средневекового порядка

Отделенный крепостной стеной и особым правовым устройством от сельской округи средневековый город до XIII в., а нередко и позже, сохранял внутри стен быт и облик, немногим отличавшиеся от деревенских. Эта близость усиливалась еще и тем, что горожане не порывали с сельским хозяйством: они разводили скот, обрабатывали огороды, имели сады и пашни не только в пределах городских стен, но и вне их. Удары цепа, обмолачивающего зерно, раздавались зачастую недалеко от ратуши не только в маленьких городках, почти не отличавшихся от деревни, но и в крупных центрах, таких как Нюрнберг, Аугсбург, Ульм. По грамоте императора Фридриха I от 1188г. горожане крупнейшего торгового центра средневековой Европы на Балтике Любека приобрели право пользоваться лугами и пастбищами по реке Траве, ловить рыбу в пределах округи Ольдеслое, рубить лес для своих нужд, пасти свиней за городской стеной. Домохозяйства богатых любекских бюргеров состояли не только из городских усадеб, но и полей, пашен непосредственно за городским валом и в близлежащих деревнях. Некоторые из этих деревень составляли принадлежность отдельных городских приходов — кварталов.

То же самое наблюдалось и в другом крупном торговом центре — Дубровнике, расположенном на противоположном конце Европы, на Адриатике. Дубровчане имели пахотные

земли, виноградники, сады с яблонями и сливами. В лесах и рощах, принадлежащих городской верхушке, рубили дрова и собирали орехи. Горожане разводили коров и свиней, занимались пчеловодством и рыбной ловлей. И это в крупнейших городских центрах тогдашней Европы! О жизненной важности земельных угодий городов меньших размеров говорит уже то, что в некоторых из них, как, например, в Кведлинбурге, который уже упоминался в другой связи, была организована специальная система охраны пашен в виде отстоящих друг от друга на определенном расстоянии, но в пределах видимости, сторожевых башен. При появлении неприятеля дозорные оповещали световыми сигналами об опасности друг друга и дозорных на городской сторожевой башне, расположенной на рыночной площади.

И все же при всей важности сельскохозяйственных занятий для горожан, не они составляли главное содержание их деятельности. В отличие от крестьянина, который в зависимости от нужд своего хозяйства и своей семьи был то столяром, то плотником, то кожевником, то ткачем, городской ремесленник, даже если он и отдавал часы своего времени выпасу скота, работе в поле, был прежде всего профессионалом — кузнецом, бочаром, ткачем, суконщиком. Даже такие исконно крестьянские дела, как выпечка хлеба или приготовление пива, становились в городе обособившимися профессиями. Приобретение этой профессии требовало долгих лет обучения, и ремесленник, прежде чем стать самостоятельным, должен был пройти обучение у опытного мастера. Срок его, в зависимости от сложности профессии, мог продолжаться от трех (например, как у шелкоткачих) до восьми (как у ювелиров) или даже более лет (см. стр. 153). После окончания обучения требовалось еще проработать года три-четыре подмастерьем и лишь после этого приступить к самостоятельному делу. Таким образом город отличался не только тем, что производил уже иную, чем в деревне, продукцию: оружие, дорогие сорта сукон, шелк, бумагею, предметы роскоши, но и тем, что производил ее иначе — руками мастеров-специалистов.

По переписи 1292 г. мы можем представить себе, какие профессии преобладали среди ремесленников Парижа XIII в. Наиболее развитыми в этом крупнейшем из западноевропейских городов были профессии, связанные с потребительскими нуждами населения: сапожники, портные, пекари, скорняки, брадобреи, носильщики. Немногочисленные торговые профессии были связаны главным образом со сбытом продовольствия (птицы, муки, сыра, вина) и фуража (сена и соломы). Город заботился прежде всего об удовлетворении внутренних потребностей, а удовлетворял их при помощи сравнительно узких профессионалов. Чем дальше, тем ремесленная деятельность становилась все более разветвленной и доброй. Появляются новые профессии. Одни выделяются из старых (столяры — от плотников), другие возникают в результате освоения новых форм деятельности (подобно книгопечатанию с XV в.), третьи создаются в процессе усложнения и дробления производства, как это было в суконном и строительном деле, распавшихся постепенно на ряд этапов. Списки франкфуртских ремесленников конца XV и середины XVI вв. называют в группе текстильных ремесел сукноделов, чесальщиков шерсти, мотальщиков, шерстобитов, сукновалов, красильщиков, ткачей сукна, ткачей льна, ткачей бумагеи, канатчиков, гладильщиков. В строительном деле значились плотники, каменотесы, каменщики-глинобиты, мастера простой и грубой кладки, штукатуры, мастера по обжигу извести, полировщики и т. п.

Городской ремесленник был мастером своего дела и художником одновременно — так велико было его мастерство. Готические соборы и великолепные ратуши воздвигнуты городскими ремесленными мастерами. Их руками сработаны статуи в порталах соборов и лепные украшения на фронтонах городских домов. Изделия из металла, драгоценных камней, оружие и даже простая домашняя утварь поражают совершенством исполнения и в наши дни.

Между тем инструмент средневекового мастера был несложным, а мастерская, в которой он работал сам со своими немногочисленными помощниками — учеником, одним-двумя подмастерьями, — так мала, что вполне

умещалась в пределах нижнего этажа дома, в котором жил сам ее владелец. Ремесленный мастер работал в одиночку, изолированно от своих собратьев по ремеслу. Он изготовлял в своей мастерской все изделие целиком, от начала до конца. Если это был ткач, то он одну за другой производил все необходимые операции: разматывал пряжу с веретен, а с полученных мотков наматывал на станке из нитей основу, по которой уже создавалась ткань. В ранний период развития городского хозяйства тот же ткач производил и все последующие виды работ, связанные с отделкой уже готовой ткани: валяние (чтобы ткань была плотной), ворсование (чтобы она была легкой и пушистой), стрижку (чтобы ворс был ровным), крашение. Но постепенно, как мы уже знаем, каждый из видов этой работы выделяется в особую специальность и производится уже другими мастерами-профессионалами.

И в то же время городские ремесленники не были абсолютно разобщены. В пределах каждой профессии они объединялись в особые организации, так называемые цехи. Не следует смешивать эти цехи с цехами современных заводов и фабрик, где под одной крышей работают десятки, а иногда и сотни рабочих. Средневековый цех не занимался организацией производственного процесса, и цеховой мастер, как мы видели, работал сам по себе в своей маленькой мастерской. Он ставил иные, разнообразные и специфические задачи, зафиксированные в цеховых уставах (см. стр. 154—156).

Начать с того, что цех вникал во все стороны жизни средневекового ремесленника, который только как член цеха мог также участвовать и в жизни своего города. Во главе цеха стояли выборные старшины, цех имел свою казну. На цеховые деньги он приобретал в собственность или арендовал дом. Здесь иногда устраивались склады и имелись иные хозяйственные помещения, помещения для сложных и трудоемких операций, требовавших большего помещения, чем мастерская. Но в этих домах сосредоточивалась в основном внехозяйственная жизнь мастеров. Здесь происходили совместные трапезы и танцевальные вечера, проводились экзамены на звание мастера, заклю-

чались и утверждались цеховыми старшинами договора о найме подмастерьев и приеме в ученичество и собирались регулярные цеховые собрания, О порядке их проведения, «чтобы соблюсти добрые нравы», издавались специальные цеховые распоряжения, подобные тому, которое, например, было принято цехом портных города Лüneбурга.

Собрания цеха предписывалось проводить утром и до обеда, «так как послеобеденное время часто приносит с собой разного рода обстоятельства, не особенно благоприятствующие цеховым собраниям». Открывал и вел собрание старшина (глава) цеха. Прежде всего ему надлежало проверить порядок размещения в зале членов цеха, «чтобы они сидели соответственно их значению в жизни цеха и продолжительности их пребывания в нем». Затем он должен был поручить двоим самым младшим членам цеха «обойти всех подряд и посмотреть, нет ли у кого-нибудь из присутствующих длинного ножа или брекефельдского ножа или кинжала» (предупредительная мера, так как потасовки были нередким явлением в этом почтенном собрании). Только после этого председатель мог приступить к ритуалу открытия собрания. В чем же он заключался? Читаем постановление: «Старшина вызывает кого-нибудь из членов цеха и говорит: «Я спрашиваю тебя, достаточно ли теперь поздний час, чтобы я мог заседать и охранять цеховое собрание?» Ответ: «Так как Вам дана власть нашим почтенным советом (старшины цехов, так же как и право на создание цеха ремесленниками, утверждались городским советом — Авт.), то Вы — поскольку это зависит от времени дня — можете заседать и охранять цеховое собрание». Старшина: «Так как я действую в силу данного мне права и охраняю цеховое собрание во славу Божию и в честь св. Троицы, то я спрашиваю в первый, во второй и в третий раз, что я должен приказать и запретить в этом охраняемом законом собрании?» Ответ: «Вы должны запретить ссоры и брань, а также выступления от чужого имени без согласия наших заседателей (представителей городского совета, контролировавших деятельность цехов. — Авт.) и старшин». Старшина повторяет эти слова и предлагает тому, у кого есть дело, выступить вперед. «Тогда

те... просят дать им защитника; последний обращается к старшине за разрешением... Выступает и защищает нужды поручившего им это. Таким образом продолжается собрание, пока есть лица, имеющие какое-либо дело или жалобу...» (Из цехового устава портных в г. Люнебурге 1552 г.//Немецкий город XIV—XV вв./ Сб. материалов. Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936. С. 48—49).

Цех был и религиозным объединением, и братством взаимопомощи. Ремесленники каждого цеха имели своего святого покровителя, а в церкви — собственный алтарь, из средств общей цеховой кассы обедневшим или заболевшим мастерам оказывалась помощь. Когда умирал член цехового братства, устраивались похороны, а затем пышные поминки. Цех был также политической и военной организацией. В XIV в. в тех городах, где ремесленникам удалось завоевать право участвовать в городском управлении, выборы в городской совет проводились по цехам, и каждый из них (или наиболее влиятельные) выдвигали своего кандидата, как правило, из числа самых богатых мастеров. По цехам в таких городах взимались и городские налоги распределялись военные и сторожевые повинности. «Мы постановили, — говорится в постановлении совета города Аугсбурга, — во имя пользы и чести населения нашего города, что если теперь или впоследствии придется выступить в поход под знаменем нашего города, то каждый ремесленник должен идти вместе со своим цеховым старшиной и под своим цеховым знаменем, а цеховые старшины должны остаться с теми, кто им подчинен».

Но главные задачи цеха были связаны все же с хозяйственной жизнью ремесленников. Цех должен был прежде всего обеспечить городским мастерам их преимущественное право заниматься тем или иным ремеслом — оградить их от конкуренции нецеховых ремесленников. Тот, кто хочет заняться тканием шерсти, читаем мы в уставе шерстоткачей Страсбурга, должен быть бюргером, т. е. полноправным и постоянным жителем города и обязательно вступить в их цех. А это было не так легко. От новичка требовались весомые рекомендации от уважаемых в цехе и в городе мастеров, подтверждающие его

достойное происхождение и наследственность профессии. Именно с такой рекомендацией обратился в кельнский цех золотых дел мастеров Иозе Голле, родом из Аугсбурга. В грамоте, выданной ему старшинами цеха ювелиров его родного города, говорилось, что «Иозе Голле, сын покойного Хайнриха Голле — честный золотых дел мастер, мы все считаем его благочестивым молодым человеком и никогда ничего дурного о нем не слышали. Иозе Голле происходит от законного брака и сын почтенного и благочестивого человека, не музыканта и не брадобрея, и не бродяги». Старшины просили оказать Иозе поддержку. Но это было далеко не все: желающий стать самостоятельным мастером должен был удостоверить свое высокое мастерство изготовлением так называемого шедевра. Наш Иозе должен был изготовить «золотое колечко ажурной работы, золотое запястье, даримое при обручении, гравированное и черное, и кольцо для рукояти кинжала». Эти предметы он должен был представить старшинам и старейшим мастерам цеха. Как видим, шедевр требовал прежде всего больших средств, немалые деньги требовались также и для устройства пира — обильного угощения для мастеров цеха и их жен. В цехах других ремесел, не связанных со столь дорогим сырьем как золото, изготовление шедевра могло потребовать меньших затрат, но в любом случае, ремесленник также должен был продемонстрировать профессиональные возможности, умение будущего самостоятельного мастера цеха в любом виде работ этого цеха. «Шедевр», который требовалось изготовить, чтобы получить право мастера цеха войлочных шляп в Любеке, состоял из четырех предметов: широкой шляпы, куска войлока, гладкой шляпы и шляпы с начесом.

Эти и подобные требования цехов диктовались суровой жизненной необходимостью. В ту далекую эпоху, когда потребителями ремесленных изделий были в основном жители самого города и ближайшей округи, не только появление чужаков, но и расширение размеров мастерской и выпуска продукции кем-нибудь из мастеров могло тяжело отразиться на положении их собратьев по цеху, «лишить их пропитания», по выражению цеховых постановлений и

жалоб на такого рода нарушения. Поэтому другой, не менее важной задачей цеха был надзор за тем, чтобы все мастера соблюдали требования относительно допустимых (небольших) размеров мастерской, количества изготавливаемых изделий, их качества и условий продажи. Ремесленникам разрешалось иметь только одну мастерскую (или лавку, если речь шла о цехе торговцев), не больше двух (редко трех) подмастерьев и одного-двух учеников. Работать ночью и при свечах запрещалось, и не только потому, что ухудшалось качество работы, но и для того, чтобы не могли разбогатеть отдельные мастера, производящие больше, чем положено, изделий. Поэтому также строго следили за тем, какое количество сырья покупает мастер. В некоторых цехах старшины сами закупали сырье, а затем в равных долях распределяли между мастерами, которые заранее должны были сдать им деньги.

Цех устанавливал строгий контроль за соблюдением установленных производственных правил. Старшины текстильных цехов, связанных с производством сукна, шелка, бумагеи, полотна, осматривали готовую ткань прямо на станке, определяя ее качество, соответствие установленной длине, качество окраски. «Тот, кто делает сукна, — предписывал устав франкфуртских суконщиков, — должен выработать их длиною в 33 локтя и без каймы. Кто сделает сукно длиннее или меньшей длины — платит штраф»; штраф налагался также и в том случае, если при изготовлении ткани использовались обрезки и клочки шерсти, пряжи или пряжи иного цвета. Еще строже предписание цеха кельнских шелкоткачих: мастерица, которая примешивала при изготовлении парчи к шелковой непарчевую пряжу, лишалась права заниматься ремеслом, а товар, изготовленный ею, сжигался. К продаже допускались только те ткани, на которых стояла печать старшин.

Здесь мы подходим к другой особенности хозяйственной жизни средневекового города, также отличавшей его от сельской округи. Дело в том, что горожане, в массе своей ремесленники-профессионалы, несравнимо больше, чем крестьяне и феодальные сеньоры, ориентировались в своей деятельности и занятиях на рынок: изделия, которые они

изготавливали, шли на продажу. На рынке горожане покупали одежду и обувь, утварь, галантерейные и ювелирные изделия, а также хлеб, рыбу, мясо, т. е. то, что крестьяне производили в своем хозяйстве или делали сами.

Город с самого начала тесно связан с рынком, рыночная привилегия — одна из первых, которую отвоевывают будущие горожане у феодала. И не случайно, что рыночная площадь занимает центральное место в городской планировке. Уже вблизи нее или тут же рядом располагались собор и ратуша. На рыночной площади проходили собрания горожан. Здесь вершился суд и казни. Бесчисленное множество рядов, столов, лавок открывалось взору на рыночной площади. С боков их окаймляли галереи крытого рынка — гостиных рядов; их с XIII в. начинают строить городские советы и цехи. Во фландрском Брюгге торговый центр представлял собой сложное сооружение, куда по специальному каналу заходили морские суда.

Кроме центральной рыночной площади, которая называлась Рынок или Главный (Старый) рынок, имелись и другие, обязанные своим появлением разнообразным хозяйственным потребностям горожан: хлебный (ржаной) — здесь торговали зерном; соляной, мясной, телячий. Некоторые цехи, как, например, могущественный цех сукноделов в Кельне, имели свои особые рынки — ряды. Иногда небольшие по занимаемой площади: «между домом Ико и монетным двором», как говорит кельнская городская хроника, находились ряды суконного цеха. Те цехи, которые не имели своих рынков — а их было большинство, располагались особыми рядами на общем городском рынке, причем, как правило, мастера родственных специальностей группировались вместе: кожевники, обувщики, ременщики, шорники, кошелечники и т. п.

Рынки были еженедельные — для обмена между жителями города и торговли с крестьянами округа — и годовые — ярмарки. Они проводились на Рождество или на Пасху, были приурочены ко дню местного святого, покровителя города, и привлекали купцов из далёких мест. Большой славой в средневековой Европе пользовались проводившиеся дважды в году, весной и поздней осенью,

ярмарки во Франкфурте-на-Майне и в Лейпциге. С XV в. они получили новую известность как книготорговые ярмарки, собиравшие типографов и издателей и просто образованных людей со всех концов Европы. Эта традиция живет до сих пор.

Так же как ремесленники, торговцы объединялись в цехи, и торговля, так же как и ремесленная деятельность, была строго регламентирована специальными постановлениями городских советов и цехов. И так же, как в рассмотренных нами выше постановлениях ремесленных цехов, целью их было не допустить конкуренции и ограничить торговлю удовлетворением непосредственных потребностей и нужд населения города и округа. Скупка и перепродажа товаров с целью наживы преследовалась. Торговать разрешалось только в установленные для этого дни и только на рынке или в рядах, и притом только изделиями собственного производства. Торговцы и ремесленники, продающие свои изделия, должны были пользоваться только городскими весами (за это взималась пошлина) и продавать не выше установленной властями цены. Звать покупателей, т. е. рекламировать свой товар, было запрещено. Когда реклама все же вошла в обычай, появились распоряжения, ограничивающие ее размеры: рекламировать товар можно было лишь «в одном окне», причем только один какой-нибудь вид товара: «не более, чем три куска страсбургского или иного сукна», — говорилось на этот счет в уставе цеха лавочников в Страсбурге.

Цеховая регламентация ремесленного производства, строгий контроль за качеством производимых изделий на первых порах имели положительное значение, способствовали совершенствованию мастерства ремесленников, укреплению городского хозяйства в целом. Но они не могли воспрепятствовать росту имущественного неравенства среди мастеров цеха прежде всего в городах с большим производственным размахом, которые возникают в XIII—XIV вв. в разных концах Европы — во Фландрии и Северной Италии, в Средней Германии.

Сначала неравенство обнаружилось между цехами. Возвысились и разбогатели прежде всего те цехи, производство

которых было связано с дорогостоящим сырьем (золотых дел мастера), доставкой его издалека (суконщики, которые использовали английскую шерсть, красильщики — они работали на привозных красителях, бумазейщики). Привилегированное положение в городах занимали и купеческие цехи, особенно те, которые вели торговлю продуктами питания, прежде всего зерном. Напротив, самым незавидным почти во всех городах становится положение ткачей, особенно льноткацких цехов. Со временем неравенство становится все глубже. Обедневшие цеховые мастера, не имея подчас достаточно средств для покупки необходимого для работы сырья, обращаются за ссудой к купцу или разбогатевшему мастеру своего собственного цеха. За долги частенько приходилось расплачиваться изделиями своей мастерской и нередко случалось так, что уже не сам ремесленник, а его кредитор продавал на рынке то, что он производил собственным трудом, и подчас купец, а не сам ремесленник решал, к какому сроку и сколько изделий должен сделать мастер. Так подтачивались принципы средневековой организации производства.

С другой стороны, работавшие на экспорт ремесла приносили такой большой доход, что богатые горожане из числа патрициев, купцов, нередко и влиятельных разбогатевших цеховых мастеров стремились всеми правдами и неправдами обойти цеховые ограничения и организовать более крупное производство. Таким был Йехан Боинброк из города Дуэ, богатый купец, член городского совета. Боинброк покупал шерсть в Англии, привозил в Дуэ в мешках и раздавал на прядение крестьянам в деревне. Затем пряжа поступала городским ткачам, которые находились в хозяйственной зависимости от Боинброка. У него имелась собственная красильня. Перед смертью (он умер в 1285 г.) Йехан Боинброк приказал своим душеприказчикам оплатить его долги и загладить его поступки. Тут собрались жалобщики, и с их слов был составлен пергамент «длиной в пять с половиной метров», перечислявший злоупотребления советника из Дуэ. Подобные Боинброку организаторы производства во множестве появляются с конца XIV в., но особенно в XV в. в богатых торгово-ремесленных городах

различных областей Германии, главным образом по Рейну, к востоку от него и в юго-западных землях. По жалобам ткацкого цеха города Констанца городской совет привлек к ответу в 1423 г. торговца полотном Ульриха, в недавнем прошлом красильщика, за то, что он раздавал привозную пряжу для выделки сукон не столько членам цеха, сколько сельским ткачам и бедным городским мастерам, получавшим от него денежные ссуды. Цех жаловался, что действия Ульриха лишают его членов пропитания. На это же ссылались и кельнские шерстоткачи, требуя запретить суконщикам скупать шерсть в округе Кельна, а затем перепродавать, минуя цех, «тем, кому они хотят», для изготовления сукон.

Неудивительно, что именно в этих городах раньше всего обнаруживается такое новое для средневековья явление, которое ученые называют «замыканием» цеха. Дело в том, что многие цехи, желая ограничить конкуренцию и еще больше закрепить за собой право на производство тех или иных изделий, стали ограничивать доступ в них новым мастерам. Цех был открыт прежде всего для сыновей мастеров, тогда как перед посторонними возникали всевозможные преграды — требовалось роскошное угощение мастерам. Человек, родившийся от незаконного брака, не допускался в некоторые привилегированные цехи (вспомним цех золотых дел мастеров). Замыкание цехов отразилось на положении подмастерьев.

Мы уже видели, что средневековый мастер работал с учеником и подмастерьями. Если ученик, как правило, платил мастеру за обучение, то подмастерье — уже квалифицированный работник, который получал за свою работу плату. До XII—XIII вв., в ранний период, в положении подмастерья было еще много семейных черт: он жил и питался в доме своего мастера и женитьба на хозяйской дочери нередко завершала его карьеру. Но все же не эта сторона бытия подмастерья определяла его отношения с мастером, а заработная плата. Это было главным в их отношениях и такого средневековая деревня в ту эпоху почти не знала: наемный труд лишь изредка и случайно использовался тогда в крестьянском хозяйстве,

как и в поместье феодала. Но именно эта сторона положения подмастерья имела будущее.

С «замыканием» цеха подмастерья при переходе в ряды постоянных мастеров стали испытывать серьезные стеснения. Помимо выполнения шедевра к подмастерью предъявлялись и другие требования. Устав цеха любекских живописцев, например, предписывал, чтобы подмастерье, желающий стать самостоятельным мастером их цеха, был немецкого происхождения и бюргером, имел хорошую репутацию, обладал свободным имуществом минимум в 10 марок, доказал перед мастерами свое искусство и дал обед мастерам. Кроме того он должен был внести 24 шиллинга «панцирного» (на военные нужды) взноса и 8 шиллингов на покупку свеч. Далеко не все подмастерья были в состоянии преодолеть эти препятствия. Следствием этого было то, что с XIV в. в немецких городах начинает складываться особый слой так называемых вечных подмастерьев. Многие из них были женаты и жили уже своим домом, что противоречило принципам цеховых порядков, но стало к этому времени реальностью.

Цеховые уставы регламентировали и ограничивали поведение подмастерьев. Им запрещалось ходить по ночам по улицам города, возвращаться домой позже десяти часов вечера в летнее время и после девяти — зимой, посещать харчевни и таверны, присутствовать на танцевальных вечерах, где могли быть бюргерши, и на бюргерских свадьбах; носить серебряные украшения. Однако стремление мастеров обособить подмастерьев, законодательно закрепить их неполноправное положение привело к образованию ими своих собственных организаций — так называемых братств. Какие же цели преследовали эти объединения подмастерьев?

Братства подмастерьев возникают прежде всего как форма взаимопомощи. Ведь цех и цеховые мастера не знали обязанности оплачивать болезнь или увечье подмастерья. Вступая в братство, подмастерье платил вступительный взнос и затем регулярно, в положенный срок делал взносы в общую кассу — «ларец». Собранные таким образом средства расходовались на похороны и взаимопомощь. Также как и цех братства служили и религиозным

целям: подмастерья посещали одну и ту же церковь, в ней отпевали своих умерших товарищей. Подобно тому как цехи запрещали работать в городе нецеховым ремесленникам, так и братства препятствовали найму работников, не желавших примкнуть к их организации и подчиниться ее требованиям. И это отвечало хозяйственным принципам Средневековья.

Вместе с тем братства включали в себя такой элемент солидарности, спайки, какой средневековое общество еще не знало и которой предстояло развиваться в будущем. Дело в том, что подмастерья, объединенные в братства, стремились добиться от мастеров улучшения условий своего труда и повышения его оплаты. Одним из наиболее распространенных методов достижения этих целей и, видимо, достаточно эффективным был бойкот. В 1399г. цех портных в Базеле добился от городского совета распоряжения, в котором, между прочим, указывалось, что «подмастерья не должны из-за столкновения с ним, запрещать другим работникам работать у этого мастера». Наказанию, штрафу подлежал также тот подмастерье, который, уйдя от мастера и, переехав в другой город, и там продолжал призывать подмастерьев не работать у этого мастера.

Другой формой борьбы подмастерьев была забастовка: подмастерья прекращали работу и призывали к этому своих сотоварищей по ремеслу в других городах. «Мы просим Вас, дорогие друзья-подмастерья, — писали в Страсбург подмастерья-скорняки из Бальштета, — чтобы вы прекратили работу в Страсбурге до тех пор, пока мастера не согласятся соблюдать наши обычаи и грамоты, скрепленные печатями. Мы надеемся, что вы не пойдете против всех добрых подмастерьев и не дадите уговорить себя. Если бы эта случилось, то подмастерья лет 10—12 не забыли бы вам этого... Мы, подмастерья, должны крепко держаться друг за друга, ибо мастера других городов поддерживают страсбургских мастеров...» (Немецкий город XIV—XVвв... С. 63).

Как видим, ремесленные города, начиная с XIV в., были охвачены сложными и острыми противоречиями. В эту эпоху развертывалась борьба цеховых мастеров против

патрициата за право участвовать в городском управлении, но в эти столетия зарождается также движение новой для Средневековья общественной группировки — людей, постоянно работающих по найму, «тощего народа», как называли их в Италии, которые требовали уравнивания в правах с членами цехов. «Тощий народ» ждало большое будущее: он был предшественником пролетариата Нового времени. А пока в средневековых городах Фландрии и Италии «тощие» составляли самый бесправный и низший слой населения, изнуренный неумеренным трудом, голодом, постоянными болезнями. Подмастерья крупных европейских центров сукноделия обитали в жалких лачугах, которые им сдавались на короткий срок. У них не было иной собственности, кроме надетого на себя платья. В поисках работы и скудного заработка перемещались они из города в город.

Город в средневековом мире

Мы познакомились с внешним обликом средневекового города, его обитателями, особенностями общественной и хозяйственной жизни горожан, их чаяниями и заботами. Попытаемся же теперь, подводя итог, ответить на самый главный вопрос: что же представлял собой средневековый город?

Он несомненно был вызван к жизни потребностями средневекового феодального общества. Он был его составной частью и связан с ним неразрывно множеством нитей. Его хозяйственная жизнь по средневековому, как и деревенская, была подчинена потребностям повседневной жизни; его архитектура развивала принципы, выработанные при строительстве сельских жилищ и замковых укреплений. Недаром средневековые города часто называли кастеллами или бургами, т. е. крепостями. Городская верхушка — городские патриции стремились подражать феодальным князьям и баронам. И все-таки город представлял собой особый мир, противостоящий и враждебный феодальной стихии. Почему?

Город был центром того, что в принципе отвергали феодальные сеньоры — хозяйственной, деловой активности.

Если феодал проводил свое время в войнах, на службе при королевском либо княжеском дворе и в праздном досуге, а хозяйственная его деятельность ограничивалась потреблением того, что он получал в виде барщины и оброков от зависимых крестьян, то горожанин, напротив, был целиком сосредоточен на хозяйственных занятиях — торговле, денежных операциях, ремесленном производстве. Это составляло источник его существования и преумножения богатств.

Город был также средоточием денежного хозяйства. Хотя горожане все хорошо знали друг друга, но их хозяйственные отношения строились на купле и продаже, так как каждый покупал все необходимое на рынке, у своего же земляка. Напротив, в деревне денежные отношения возникали лишь при уплате оброка феодалу, оплате феодалом некоторых работ в поместье, при поездке крестьянина на городской рынок или при обращении к ростовщику.

Освободившиеся от сеньориальной власти города провозгласили уничтожение феодальной несвободы (вспомним: «Городской воздух делает свободным») и ввели единое право для горожан, которое при всей своей ограниченности (ведь оно распространялось только на полноправных бюргеров, но не на подмастерьев и батраков) все же создало противовес феодальным силам.

В эпоху высокого Средневековья города оказались средоточием прогрессивного движения. С города начинаются мостовые и каменное зодчество. Здесь совершенствовались технологические приемы и орудия ремесленного производства, углублялось разделение труда (вспомним многообразие специализации городских мастеров!). Горожане создали вооружение нового типа, противопоставив рыцарскому копью лук со стрелами, а в XIV в. применив огнестрельное оружие — пушку.

Города стали местом деятельности новой, университетской науки и центром ересей, в которых нашли отражение религиозные и социальные искания людей той эпохи. В городской среде или под ее влиянием вызревали новые представления (например, о времени, которое именно го-

рожане начали понимать как ценность: «Время — деньги») и подготавливались культурные ценности современной эпохи. Преобразуясь, сам, преобразуя своих противников — феодальных сеньоров, город так или иначе подтачивал основы Средневековья...¹

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ГОРОДУ НЮРНБЕРГУ

(отрывок)

Глашатай городской привел
Меня в большой красивый дол,
Который был покрыт песком
И опоясан дубняком.
Мне показал старик-глашатай
На крепость со стеной зубчатой:
Стояла на скале она,
Глубоким рвом окружена,
И в небо башни возносила.
Была в ней красота и сила;
Искусных мастеров резцы
Отделать окна и зубцы
Сумели так, что дашься диву...
Мы ближе подошли к обрыву
И по подъемному мосту
Вступили вместе в крепость ту.
За крепостью открылся мне
Чудесный вид: там в глубине
Долины, город предо мною

¹ О городах и городской жизни средневековой Европы см. Части третью, четвертую и пятую.

Лежал. Он каменной стеною
Был огорожен от врагов;
Без счета было в нем домов —
Высоких, низких, новых, старых.
Не забывая о пожарах,
Их строили: возведена
Была защитная стена
Меж каждыми двумя домами;
Резьбой затейливой, зубцами
Украсили там щегольски
И скаты крыш и их коньки.
«Ты видишь ли сии строенья, —
Сказал старик, — и украшенья
Искусные, на фряжский лад.
Убранство княжеских палат
Напоминающее живо?
Смотри, как стройно и красиво
Тут улицы проведены.
Отсюда все они видны:
Их здесь — ни много и не мало —
Пять сотен с лишком ныне стало;
А лишек — двадцать восемь точно.
И все-то вымощены прочно!
Колодцы — сто шестнадцать счетом —
Полны до верха, а еще там
Фонтанов дюжина водой
Всех оделяет даровой.
Больших часов у нас шесть штук.
Из них четыре бьют все вдруг.
Двенадцать в городе холмов,
Одиннадцать больших мостов
(И все из камня, все как есть!),
Ворот же — равным счетом шесть,
Притом еще два малых входа;
Десяток рынков для народа.
Прилавки не бывают пусты:
Хоть отбавляй зерна, капусты,
Плодов, и сала, и вина;
На всяк товар своя цена,

Обилен торг — куда ни глянь!
Еще тут есть тринадцать бань
Общественных и храмов восемь,
Где Богу мы хвалу возносим.
Река по городу бежит,
Семь дюжин жерновов вертит —
Большая, быстрая река!»
«Скажи, — спросил я старика, —
Как имя города сего?»
«Зовем мы Нюрнберг его».
Я снова: «Что ж за люди тут,
Во всех этих домах живут?»
«От мала до велика весь
Народ, что жительство здесь,
Смышлен и трудолюбья полон:
Зато в достатке, а не гол он.
Здесь трудятся под каждой кровлей;
Иные заняты торговлей,
И бойко их идут дела!
А большинство от ремесла
Приобретает свой доход
И припеваючи живет.
А сколько в городе ремесел —
Я было стал считать, да бросил.
Затем, что их никак не счесть,
Тут все, какие в мире есть.
И каждый житель тут при деле.
Сбывает большинство изделий
Торговцам люд мастеровой,
Ну, а взамен несет домой
Товары, в коих есть потреба;
И нет товаров лучше, где бы
Ни стал разыскивать ты их.
Таких, чтоб с нашими сравнились,
Печатников и столяров,
Литейщиков и маляров,
Швцов и резчиков по камню
Встречать не довелось пока мне,
И ты не встретишь никогда,

Хоть все объезди города.
Ведь как работают-то славно!
Что до художеств — и подавно:
Сыщи, где лучше есть, поди-ка!
Ведь пенье, шпажный бой, музыка
Везде прославили сей град.
Во сне ты видел виноград
И сладкий сахарный тростник;
Теперь ты в тайну сна проник
И понял то, что образ сада
Был попросту виденьем града,
Открытого тебе сейчас».
Спросил я старца: «Кто ж у вас
Выращивает этот сад?»
«У нас есть мудрый магистрат,
И бдит без отдыха и срока
Его недреманное око.
Разбит заботой сих властей
Весь город на восемь частей;
Все женщины и все мужчины
Вошли в сто тридцать две общины¹,
Имеет каждый из цехов
Своих присяжных мастеров...
Есть в граде сем законов свод:
Он толкованье нам дает,
Что можно и чего нельзя,
Всем нарушителям грозя
Суровой карой или пеней.
Для каждого из преступлений
Своя есть мера наказания.
Все тяжбы и все злодеянья
Разбору подлежат суда,
Который справедлив всегда
И к пострадавшим и к виновным, —
Согласно с правом уголовным.
Судить слугу иль господина
Для наших судей — все едино.

¹ Имеются в виду церковные приходы (приходские общины).

Уставы, стража и законы
В сем граде создают препоны
Для всяких злостных покусительств;
И лучшее из всех правительств —
Наш магистрат — ценим вельми
Любого звания людьми...»

Ганс Сакс¹. Избранное. М.,
Л., 1959. С. 70—74.

2.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ХРОНИКИ ДЖОВАННИ ВИЛЛАНИ

...В году от рождества Христова 1333... была Флоренция в состоянии такого великого могущества, счастья и блага, какого не знала она с 1300 г. и ранее...

В эти времена было во Флоренции около 25 000 человек от 15 до 60 лет, могущих носить оружие, из них 1500 горожан-нобилей... Полагаю, что во Флоренции было до 90 000 мужчин, женщин и детей..., 1500 чужеземцев, странников и наемных солдат. В число этих жителей я не включаю священников и монахов... Мальчиков и девочек, которые обучаются чтению, насчитывается от 8 до 10000; мальчиков, изучающих счетное дело и арифметику в шести школах, — от 1000 до 1200; овладевающих грамматикой и логикой в четырех высших школах — от 550 до 600 человек. Церквей было тогда во Флоренции и в пригородах, считая и монастырские, 110... Мастерских цеха Лана было 200 и даже более, и производили они от 60 до 80 000 кусков сукна, что оценивалось в 1 200 000 золотых флоринов...

¹ Ганс Сакс (1494—1576 гг.) — немецкий городской поэт эпохи Гуманизма и Реформации; был одним из влиятельных и почетных членов нюрнбергской корпорации поэтов-мейстерзингеров. Он был мастером коротких забавных и сатирических рассказов—шванков, сюжеты которых подсказывала повседневная городская жизнь и политическая действительность Германии бурного XVI столетия.

Меняльных и банковских домов было 80. Золотой монеты чеканили в год 350000 золотых франков, а иногда и 400 000...

В коллегии судей насчитывалось 80 человек, нотариев было 600, врачей и хирургов — 60, аптек — 100. Купцов и мелких торговцев было множество; невозможно пересчитать мастерские сапожников; насчитывалось 300 и более купцов, которые вели торговлю за пределами Флоренции. Множество было также других мастеров и ремесел...

Хрестоматия по истории
Средних веков. Т. 2. М.,
1963. С. 524—525.

3.

ИЗ «ДЕКАМЕРОНА» ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

...Итак, со времен спасительного вочеловеченья сына божия прошло уже тысяча триста сорок восемь лет, когда славную Флоренцию, лучший город во всей Италии, посетила губительная чума...

Чума распространялась тем быстрее, что больные, общаясь со здоровыми, их заражали, — так пламя охватывает находящиеся поблизости сухие или жирные предметы. Весь ужас был в том, что здоровые заболевали и гибли не только после беседы с больными, — заражались этой болезнью, однажды дотронувшись до одежды или же еще до какой-либо вещи, до которой дотрагивался и которой пользовался больной...

Таковые, им подобные и еще более ужасные случаи порождали всевозможные страхи и бредовые видения у тех, которые, уцелев, в большинстве своем стремились к единственной и бесчеловечной цели: держаться подальше от заболевших, избегать общения с ними и не притрагиваться к их вещам, — они надеялись при этом условии не заболеть... Весь город пребывал в глубоком унынии и отчаянии, ореол, озарявший законы божеские и человеческие, померк, оттого что служители и исполнители

таковых разделили общую участь: либо померли, либо хворали, подчиненные же их — те, что остались в живых, — не обладали надлежащими полномочиями, и оттого всякий что хотел, то и делал... В сих мыслях, думая только о себе, многие мужчины и женщины бросили родной город, дома и жилища, родных и все имущество свое и устремились кто в окрестности Флоренции, кто в окрестности других городов...

Нечего и говорить, что горожане избегали друг друга, соседи не помогали друг другу, родственники редко, а иные и совсем не ходили друг к другу, если же виделись, то издали. Бедствие вселило в сердца мужчин и женщин столь великий страх, что брат покидал брата, дядя племянника, сестра брата, а бывали случаи, что и жена мужа, и, что может показаться совсем уже невероятным, родители избегали навещать детей своих и ходить за ними, как если б то не были родные их дети...

Прежде у нас был такой обычай (теперь он возродился): в доме покойника собирались родственницы и соседки и плакали вместе с его близкими, у дома покойника собирались родственники, соседи, другие горожане, а если он был знатного рода, то и духовные лица, равно как и сверстники усопшего, и торжественно, со свечами и с пением, выносили его тело в ту церковь, где он завещал отпевать его. Когда же начала свирепствовать чума, обычай этот почти исчез, зато появился новый. Теперь люди умирали не только без плакальщиц, но часто и без свидетелей, и лишь у гроба весьма немногочисленных горожан сходилась родня, и тогда слышались скорбные пения и проливались горючие слезы... Мелкота и большинство людей со средним достатком являли собой еще более прискорбное зрелище: надежда на выздоровление или же бедность удерживали их у себя дома, среди соседей, и заболели они ежедневно тысячами, а так как никто за ними не ухаживал и никто им не помогал, то почти все они умирали...

...С марта по июль, отчасти в силу заразительности самой болезни, отчасти потому, что здоровые из боязни заразы не ухаживали за больными и бросали их на

произвол судьбы, в стенах города Флоренции умерло, как уверяют, сто с лишним тысяч человек, а между тем до этого мора никто, уж верно, и предполагать не мог, что город насчитывает столько жителей. Сколько у нас опустело пышных дворцов, красивых домов, изящных пристроек, — еще так недавно там было полным-полно слуг, дам и господ, и все они вымерли, все до последнего кучеренка! Сколько знатных родов, богатых наследств, огромных состояний осталось без законных наследников! Сколько сильных мужчин, красивых женщин, прелестных юношей, которых даже Гален, Гиппократ и Эскулап признали бы совершенно здоровыми, утром завтракало с родными, товарищами и друзьями, а вечером ужинало со своими предками на том свете!..

Боккаччо Джованни. Декамерон. М., 1955. С. 33—38.

4.

ПРАВО Г.ФРЕЙБУРГА (В БРЕЙСГАУ)

Грамота 1120 г.

Да будет ведомо всем, как будущим, так и ныне сущим, что я, Конрад, в 1120 году в месте, именуемом Фрейбург, принадлежащем мне по праву частной собственности, учредил рынок. Оный рынок положил я начать и использовать купцам, каковых отовсюду созвало некое сообщество. Затем я предоставил каждому купцу место на том рынке для постройки их домов по праву частной собственности и от каждого участка определил 1 солид общепринятой монетой в качестве ежегодного чинша, уплачиваемого в праздник св. Мартина мне и моим наследникам. Каждый из домовых участков будет иметь в длину 100 футов, в ширину 50. Также пусть будет ведомо всем, что эти привилегии, каковые следуют ниже, я предоставил согласно их просьбе и желанию. И мне угодно, если эта грамота будет подписана и скреплена, чтобы мои купцы и их

наследники эту привилегию навечно держали от меня и наследников моих.

1. Я обещаю мир и безопасность в пределах моей власти и владений всем прибывающим любыми путями на мой рынок. Если кто-либо из них будет ограблен на этой территории и назовет грабителя, я или заставлю вернуть награбленное, или уплачу сам.

2. Если кто-либо из моих горожан умрет, супруга его с детьми своими будет владеть всем и без всякого возражения получит, что бы муж ее ни оставил...

3. Всем купцам я уступаю торговую пошлину.

4. Никогда я не назначу моим горожанам другого фогта, никогда — другого священника, но кого для этого изберут, того и будут иметь после моего утверждения.

5. Если возникнет какая-либо распря или спор среди моих горожан, то он будет устранен не по произволу моему или управителя их, но будет разрешен по местным обычаям и по законному праву всех купцов, более же всего по закону кельнских купцов...

Из дополнений, внесенных в текст права между 1120 и 1178 гг.

13. Пусть никто из людей или министериалов герцога или кто-нибудь из рыцарей не будет проживать в городе, иначе как с общего согласия и по воле всех горожан.

14. Никакой чужак не может выступать свидетелем против горожанина, но только горожанин против горожанина, и всякое свидетельство должно быть дано двумя законными лицами, которые видели и слышали...

Средневековье в его памятниках//Сб. переводов под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913. С. 235—237.

**ЛЮБЕК. ГОРОДСКОЕ ПРАВО
ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА I
ОТ 19 ОКТ. 1188 Г.**

...Ввиду того, что верные наши, граф Адольф Шауенбургский и граф Бернгард Рацебургский, вели тяжбу с горожанами нашими из Любека о границах и пользовании землями, мы внимательно выслушали в присутствии своем обе стороны и, разобрав предмет тяжбы, ради того, чтобы упрочить между ними мир, побудили вышеназванных графов, чтобы оба они... возвратили нам право, которого они домогались, а мы, с их согласия, передали его жителям вышеназванного города, дабы они впредь обладали им без всякой помехи.

1. ...Все населяющие город наш Любек, какого бы они ни были положения, будут иметь право всяческого пользования: путем и беспутьем, полями и пустошами, водами и рыбными ловами, лесами и пастбищами... Эти права, возвращенные нам графом Бернгардом Рацебургским, мы пожаловали нашим горожанам.

2. Равным образом граф Адольф вернул нам, а мы передали горожанам, пользование угодьями в нижеописанных границах: от города вверх до местечка Ольдесло, так, чтобы по обоим берегам реки Травы они пользовались лесом на две мили расстояния, притом дровами, лугами и пастбищами, за исключением части леса, приписанного к монастырю Девы Марии. Сверх того, предоставлено будет самим горожанам и их рыбакам заниматься рыболовством, как они привыкли делать во времена герцога Генриха...

3. Сверх того, на удовлетворение их нужд мы пожаловали им все права, которые уступил им и скрепил своей привилегией первый основатель места Генрих, некогда герцог Саксонский, а именно: патронат над приходской церковью Девы Марии, чтобы по смерти одного священника горожане, как бы патроны, выбирали себе другого, кого захотят, и представляли его епископу.

4. К тому же пусть они свободно передвигаются с

товарами своими по всему герцогству без поборов и без пошлины...

5. Если кто-либо из них замешан будет в каком-либо деле, то в пределах всей нашей империи и в [саксонском) герцогстве пусть оправдываются перед судьей данной местности, не подвергаясь заключению, по праву уже упомянутого города.

8. А если кто-нибудь умрет там, и окажется, что у него не будет наследника, мы постановили, чтобы все его наследство и пожитки в течение года с днем неприкосновенно хранились в доме, где он умер, если случайно не явится в течение указанного срока кто-нибудь, ему близкий, который и получит [наследство] согласно городскому праву. Если же в течение этого времени не придет никто из его близких, все, оставленное им, выдается королевской власти.

9. Русские, готы, норманны и прочие восточные народы пусть являются в неоднократно названный город и свободно уходят из него без пошлины и без торговых поборов.

10. Также и купцы любого королевства, любого города пусть являются сюда и свободно покупают, пусть только платят положенную пошлину...

11. Также если кто-нибудь захочет менять деньги в этом городе, то пусть свободно меняет в любом месте, где представится случай, но только не перед монетным двором.

12. Консулы же, согласно нашей привилегии, имеют право испытывать монету столько раз в году, сколько захотят. И если монетчик сплутовал, то пусть уплатит пению; а из пени половина пойдет гражданам, а остальное королевской власти.

13. Сверх того... мы подтверждаем им, чтобы никто... не захватывал своими зданиями или укреплениями территории вышеназванного города ни внутри, ни вне его пределов; если же кто-либо каким-либо способом соорудит укрепление на суше или на воде, то пусть они, опираясь на нашу волю, его извлекут, а укрепление уничтожат. А кто преднамеренно захватит здания города и будет обличен, платит 60 фунтов.

14. А граждане упомянутого уже города не будут ходить в поход, а будут только защищать свой город.

15. Также если свободное состояние кого-нибудь из этого города где бы то ни было подвергнется сомнению, то он, где бы он ни был заподозрен, доказывает свою свободу единоличной клятвой.

16. Если кто-либо из чужих коварно заявит притязание на свободу кого-либо из горожан, то горожанину будет легче доказать свою свободу единоличной клятвой, чем чужаку доказать противное. Если же кто-либо из окрестной земли станет оспаривать чью-либо свободу и заподозренный сможет доказать, что он год и день прожил в городе без чьего-либо протеста, то заподозренный выходит из дела чист.

17. И так как мы желаем, чтобы права вышеназванных горожан наших нами ни в чем не были умалены, а наоборот, во всем, насколько это нам покажется полезным, возросли, то мы, кроме того, жалуем им нашу милостью, чтобы они, в пределах до того места, куда заходит во время разлива река, называемая Трава, пользовались во всем тем же судом и свободой, как и в пределах города. Также желаем мы, чтобы они в пределах до моста пользовались тем же судом и свободой, как и в городе.

Там же. С. 117—120.

6.

ОСНОВАНИЕ ГАМБУРГА

...Мы, Адольф, Божией Милостью граф [Голштинии]... объявляем всем ...что Вирад Бойценбургский получил от нас на наследственном праве город Гамбург, лежащий по реке Альстер, а также и пригородную землю до половины реки Альстер для свободного заселения по праву рынка, чтобы он вместе со своими засельниками, которых он туда приведет, устроил гавань, годную для посещения разными людьми из окрестных земель.

А чтобы это место охотно посещалось, мы жалуем

участки под свободное заселение по Любекскому праву, а также прилегающее озеро и остров на Альстере, а также пастбища и леса в совместное пользование с местным крестьянством.

Сверх того, мы желаем, чтобы засельщики (coloni) были свободны от всякой пошлыны во всех бургах, местечках и городах или каких-либо иных местах, принадлежащих к державе нашей.

А относительно суда так: где бы кто ни прегрешил, он отвечает по праву Любекскому.

Кроме того, все судебные доходы наши мы предоставляем на три года жителям этого бурга... А по прошествии трех лет все, что промыслит себе судом вышеупомянутый Вирад или его преемник, пойдет ему, за исключением дел, грозящих руке и голове, с чего он станет получать третью часть. Кроме того, всякий чинш за городские участки мы навеки прощаем вышеуказанным жителям.

Дважды в году будет у них рынок [ярмарка], а именно в Успеньев день и на св. Вита [15 V], сверх торга, который будет совершаться еженедельно в день, о котором последует наш указ. Относительно всего этого мы даем грамоту Вираду и его засельникам, дабы в будущем все вышесказанное не забывалось и не нарушалось, а также торжественно обещаем взять на себя половинные издержки при исходатайствовании другой грамоты, от господина нашего императора.

Там же. С. 122—123.

7.

О ПРАВАХ ГОРОЖАН

I. «Городской воздух делает свободным» (Из городского права, дарованного императором Фридрихом II городу Гослару 13 июля 1219 г.)

1. Если кто-либо проживал в городе Госларе и при жизни своей никем не был уличен в рабском состоянии, то после смерти его никто да не посмеет назвать его рабом или низводить в рабское состояние.

2. Если же какой-либо чужак пришел жить в названный город и так оставался там в течение года и дня, причем ни разу ему не ставили на вид рабского состояния, не уличили его в этом, и сам он в этом ни признавался, то пусть он пользуется общею с другими гражданами свободою; и после смерти его никто да не посмеет объявлять его своим рабом.

II. Бремен: право городской черты. 28 ноября 1186 г.

Фридрих, Божию споспешествующего милостью император... Ценя честную и постоянную преданность горожан города Бремена и желая по заслугам воздать за их верность, мы уступаем им и утверждаем за городом Бременом те права, которые блаженной памяти император Карл по настоятельной просьбе св. Виллегада, первого святителя церкви Бременской, уступил этому городу, а именно:

1. Если какой-либо мужчина или женщина пробудет беспрепятственно в городе Бремене в пределах того, что в просторечье называется вайхбильдом¹, в течение года и дня, и если кто-либо после этого вздумает [пожелает] оспаривать его свободу, то, наложив молчание на жалобщика, пусть будет предоставлено тому доказать свою свободу ссылкой на вышеуказанный срок; изымаются все люди Бременской церкви и всех церквей, примыкающих к ней по правовому своему положению.

III. Кельн. Присяга при принятии на гражданство (ок. 1355 г.)

Вот в чем должны присягать те, которых заново принимают в бюргеры Кельна:

1. ...Они должны присягать в том, что будут верны и преданы Совету и городу Кельну и будут стоять за его добро и бороться от всякого зла, по крайнему своему разумению.

¹ Weichbild — городское пространство, в пределах которого действуют городские свободы.

2. Также будут выходить на зов набатного колокола и иметь полное собственное снаряжение на благо Совета и города Кельна.

3. А когда они принесут таковую присягу, то могут быть приняты во гражданство [стать полноправными бюргерами] со всеми свободами, какими пользуются другие бюргеры. Если окажется при этом, что он уже три года жил в Кельне и жил своим домом, то пусть внесет 6 гульденов самых полновесных; а если окажется, что он сидел меньше трех лет, то пусть внесет 12 гульденов.

4. Далее следует также спрашивать их, не чьи ли-нибудь они люди. И вот, если возникнет дело, что они чьи-либо, и их потребуют в течение года после выдачи грамоты на гражданство, то следует отдать его его господину, и его бюргерское звание не должно давать ему прикрытия.

IV. Бомануар¹. Кутюмы Бовези

«О людях в городах добрых и об их праве, и как их охранять и судить, чтобы они могли жить в мире».

Города добрые с коммуной и те, в которых нет коммуны, а также народ в них сильно озабочены такого рода охраной, чтобы и им никто не вредил, и они бы никому не вредили; особенно должно соблюдать коммунальные хартии в точном согласии с буквой их привилегий, если только сами города не позволили себе действовать вопреки привилегиям и тем самым нарушили их; ибо, что печь, в которой не варят, — то и хартия, которой не пользуются [ибо поступали в противность ей).

Вновь учреждать коммуны [т. е. города, пользующиеся самоуправлением) на всем протяжении королевства Франции без согласия короля не может никто, кроме самого короля, потому что издавать «новые законы» воспрещено...

А если мы сказали, что всякие новшества воспрещены, то это нужно понимать в смысле новшеств, направленных

¹ Бомануар-Филипп де Реми (ок. 1250—1296), французский юрист. В 80-х годах XIII в. составил «Кутюмы Бовези» — свод обычного права местности Бовези в Северной Франции.

против чужого права; ведь никому не запрещено соорудить печи [для выпечки хлеба], мельницы, давилни, дома, садки для рыб и тому подобное там, где этим никому не наносится ущерба. Так знайте же, что понимать это надо в том смысле, чтобы не задевалось этим ничье право. Впрочем, в иных случаях люди торговые могут потерпеть ущерб, из-за чего, однако, новшество не должно быть отменено. Так, если я на своей земле поставлю мельницу там, где хочу и где имею право, а мельница моего соседа станет менее доходной или потому, что туда пойдет меньше народа, чем ходило прежде, или потому, что я беру за помол дешевле его, — то ради подобного ущерба моя мельница не будет снесена, ибо если каждый, не обижая другого, может иметь выгоду от улучшения своего владения, то отсюда проистекает выгода всеобщая...

Мы видим немало городов, где бедные и средние люди не имеют никакого участия в управлении, но все оно у богатых, потому что люди коммуны боятся их или вследствие их богатства или вследствие их родства. Случается, что одни из них, пробыв год мэром, членом городского управления или казначеем, на следующий год делают таковыми своих братьев, племянников или других близких родственников, так что в продолжение десяти или двенадцати лет у богатых все управление в добрых городах. Когда же люди коммуны хотят от них отчета, они прикрываются указанием, что они де отчитались одни перед другими; но в таких случаях этого нельзя терпеть, ибо в делах коммуны отчеты не должны приниматься теми, которые сами должны отчитываться. Итак, подобный отчет должен сдаваться в присутствии сеньора города или лиц, им присланных, и в присутствии некоторых лиц, выбранных коммуной для выслушивания таких отчетов и обсуждения оных, если что нужно... Если [казначей] не сможет дать доброго отчета, должно их принудить к немедленному возмещению, взяв их самих и, наложив запрет на их имущество...

Много споров возникает в добрых городах, имеющих коммуны, из-за тальи (государственного налога), ибо часто случается, что богатые, которые заправляют городскими

делами, платят меньше, чем следует, как сами, так и их родственники, а также облегчают и других богатых; таким образом, все платежи ложатся на бедный люд коммуны. Из-за этого произошло много зла, ибо бедные не хотели сносить этого, но не знали настоящего пути к своему праву и подымались на богатых. Так не мало перебито было людей, города же умалились [ослабели] от злых сих затей. Итак, когда сеньор города видит возникновение подобных столкновений, он должен их предупредить и должен сказать коммуне, что он обложит тальей¹ и богатых по справедливости... [Он должен помочь в раскладке тальи] как на богатых, так и на бедных, причем каждый платит сообразно со своим состоянием и статусом и тем, велика ли или мала вся талья с города. А затем сеньор должен принудить каждого заплатить свою часть тальи...

Там же. С. 142—147.

8.

НЮРНБЕРГСКИЙ УСТАВ О НИЩИХ (1478 Г.)

После того как почтенный совет... узнал, что имеются нищие и нищенки, которые ведут себя нечестивым, неподобающим и неприличным образом, и что некоторые лица нищенствуют в Нюрнберге, совершенно не нуждаясь в этом... наши господа из совета, желая обеспечить бедным нуждающимся людям милостыню как источник их пропитания, строго предписали... соблюдение приводимого устава.

Наши господа из совета постановляют, что ни один бюргер или бюргерша, гость или гостья, не имеют права просить милостыню в Нюрнберге ни днем, ни ночью, если они не получили разрешения на это от почтенного совета. Получившие же это разрешение могут просить милостыню

¹ Талья (от франц. *taille*) — постоянный прямой королевский налог в средневековой Франции. Королевская талья как временный налог была введена при Людовике IX (1226—1270 гг.) взамен воинской повинности.

лишь в том случае, если они открыто носят (на одежде) знак, который будет им дан. Кто будет просить милостыню без разрешения или без знака, тот будет изгнан из Нюрнберга на целый год и не имеет права приблизиться к нему на расстояние одной мили...

Прежде чем получить разрешение и знак, каждый нищий и нищенка должны рассказать члену совета всю правду о своем имущественном и телесном состоянии и о том, есть ли у них семья, или они одиночки, и сколько у них детей, чтобы можно было понять, точно ли они нуждаются в милостыне...

Имена тех детей нищих и нищенок, которым исполнилось восемь лет, которые не страдают болезнью и слабостью и которым их родители не доставили работы, должны быть записаны... чтобы можно было попытаться найти для них работу здесь или в деревне...

Нищие и нищенки, которым разрешено просить здесь милостыню, и не являющиеся ни калеками, ни хромыми, ни слепыми, не должны в будние дни празднично стоять перед церковью на паперти, но должны прясть или делать другую доступную им работу...

Нищим и нищенкам, которые стесняются просить милостыню днем и хотят делать это лишь ночью, дается особый знак, причем летом им разрешается нищенствовать не больше 2-х часов с момента наступления ночи, а зимой не более 3-х часов с этого момента. При этом они должны носить с собою свет соответственно общим городским предписаниям...

Каждый нищий — все равно бюргер ли он или пришлый, — которому дано разрешение просить милостыню и у которого есть какой-нибудь возбуждающий сострадание открытый телесный недостаток, вид которого может причинить вред беременным женщинам, должен закрыть этот недостаток...

Почтенный совет обращает особенное внимание на нищих. Если они будут вести себя неподобающим образом, то он накажет их по своему усмотрению.

Запрещается бюргерам, жителям Нюрнберга, и поварам держать у себя нищего больше трех дней без разрешения

членов совета, заведующих этим делом. За каждый лишний день с каждого лица полагается штраф в 10 фунтов. Старшины по надзору за нищенством сумеют донести о таком лице...

Немецкий город.
XIV—XV вв. // Сб.
материалов // Под ред. В. В. Сто-
клицкой-Терешкович. М.,
1936. С. 162—164.

9.

ДОГОВОР О НАЙМЕ УЧЕНИКА КЕЛЬНСКИМ ЗОЛОТЫМ ДЕЛ МАСТЕРОМ АЙЛЬФОМ БРУВЕРОМ (1404 ГОД)

Я, Иоганн Тойнбург, старый бюргер города Кельна, объявляю всем, что отдаю благопристойному мужу, золотых дел мастеру Айльфу Бруверу, моего законного сына Тениса, изъявившего на это свое согласие, для изучения ремесла золотых дел мастера в Кельне. Тенис обязан верою служить вышеуказанному Айльфу Бруверу 8 лет без перерыва, начиная со дня св. апостола Матвея.

...Мастер Айльф обязан кормить сына моего все вышеуказанные 8 лет. Я же, вышеназванный Иоганн, обязываюсь все 8 лет честно одевать его (т. е. соответственно занимаемому им положению). Если случится, что вышеуказанный Тенис, сын мой, умрет в течение первого года этих восьми лет, то вышеназванный мастер Айльф обязан вернуть мне 8 гульденов из тех 16 гульденов, которые я дал ему теперь вперед...

Если случится, что я, вышеназванный Тенис, убегу от вышеуказанного Айльфа, моего мастера, и стану самостоятельно заниматься вышеуказанным ремеслом до истечения восьми лет, то я обязан уплатить мастеру Айльфу штраф в 42 гульдена... А сверх того я, Тенис, тем не менее, остаюсь связанным договором и обязан прослужить до конца 8 лет, как это обычно принято в Кельне, в вышеуказанном цехе...

Там же. С. 56.

10.

**ДОГОВОР О НАЙМЕ УЧЕНИКА КЕЛЬНСКИМ
ЦИРЮЛЬНИКОМ МАСТЕРОМ
МИХЕЛЕМ (1486 ГОД)**

В 1483 г, мастер Михель, живущий в Дранггассе, взял ученика по имени Дериха Смединга из Реклингаузена, который должен служить ему 8 лет так, как ученик обычно служит мастеру.

Дерих Смединг дал старшине цеха обещание честно и бесхитростно служить своему мастеру эти 8 лет, начиная со вторника после св. Павла. Присутствовали старшины: мастер Зиман с Неергассе и мастер Клейс с Геймаркта. Свидетелями были Петр из Бахараха, Симон из Эйгельштейна, мастер Герар с улицы св. Северина и мастер Эвальд. Клаус Шильдергаз внес плату за учение.

Там же. С. 57.

11.

**3-Й ЦЕХОВОЙ УСТАВ ШЕЛКОТКАЧИХ КЕЛЬНА
(1469 год)**

Мы, бургомистры и совет города Кельна, объявляем всем, кому предстоит увидеть и услышать эту грамоту, нижеследующее:

Наши предки — бургомистры и совет города Кельна — в год от рождества господня 1437 в мае месяце, в понедельник, следующий за днем св. Люции, учредили женский шелкоткацкий цех, утвердили его на прочных законах и предписаниях и дали означенным ткачихам устав, приложив к нему городскую печать; в этом уставе содержалась оговорка, что если бургомистры и совет найдут его в чем-либо несоответствующим общему благу, то они вправе во всякое время, по мере надобности, расширить или сократить его. Устав был дан по предложению и нижайшей просьбе наших дорогих и верных бюргерш и жительниц из числа ткачих шелковых изделий, возбужденной ими из-за того, что ремесло, которым они зани-

мались в течение ряда лет почетным и похвальным образом, стало приходиться в заметный упадок, с одной стороны, из-за некоторых новшеств, с другой — из-за отсутствия у них до сих пор писаных законов, подобных тем, какими обладают другие ремесла; сверх того устав дан во славу всемогущего бога и нашего города, во имя общего блага и, наконец, ради того, чтобы купец, как свой, так и приезжий, не рисковал быть обманутым...

1. ...Ни одна женщина, принадлежащая к этому цеху, не имеет права занять положение главной мастерицы по выделке шелка, не проучившись и не прослужив три года в этом цехе. Учение она должна пройти у главных мастериц цеха... таким образом, что если она не уживается у одной мастерицы, то может продолжать учение у другой, не иначе, однако, как с ведома цеха...

3. Главная мастерица имеет право держать у себя одновременно не больше 4 учениц... не считая ее собственных детей...

7. Запрещается вышеупомянутым мастерицам и их мужьям производить шелковые изделия из пряжи, изготовленной не в Кельне, и отдавать их красить. Нарушившие это правило караются отобранием шелка, половина которого поступает в пользу совета и бургомистра, а другая половина — в пользу старшин цеха. К тому же означенные лица теряют право в будущем заниматься производством шелковых изделий.

8. Красильщики шелка в нашем городе имеют право работать только для главных мастериц. Это постановлено для того, чтобы сохранить источники пропитания наших бюргеров, бюргерш и жителей. Красильщик шелка, нарушивший этот пункт, уплачивает 100 марок штрафа и подвергается в течение месяца заключению в городской башне. Мастерицам же запрещается давать ему работу, пока он не уплатит штрафа...

20. Все лица, принадлежащие к этому цеху, обязаны оказывать повиновение старшинам во время обхода, совершаемого этими последними для осмотра шелка и шелковых заведений...

21. Если старшины найдут, что работа неправильно ис-

полнена и не является добротным товаром, то они отбирают его и представляют властям. Тот, у кого найдено это изделие, должен сам разрезать его на куски и сверх того уплачивает с каждого лота по 2 шиллинга штрафа...

23. Каждый год главные мастерицы совместно выбирают двух мужчин, которые занимаются торговлей, и двух женщин, принадлежащих к этому цеху, в старшины; однако муж и жена не могут одновременно занимать должность старшин... По окончании срока старшины лишь два года спустя могут быть вновь избраны на эту должность. Они обязаны собираться каждые две недели для обсуждения дел, касающихся цеха, и творить суд по мере надобности. Каждый из них получает по 4 шиллинга вознаграждения за каждое заседание...

25. Одна треть штрафов, взыскиваемых старшинами, поступает ежегодно в пользу города, вторая треть — в пользу цеха, а третья — в пользу того, кто донес и сообщил.

Там же. С. 25—29.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Стоклицкая-Терешкович В. В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М., Л., 1936.

Ястребицкая А. Л. Западная Европа XII—XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

Ястребицкая А. Л. Европейский город (средние века — раннее Новое время)//Введение в современную урбанистику. М., 1993.

РАЗДЕЛ V

ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ХРИСТИАНСКОГО МИРА. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И РЕКОНКИСТА

Подъем западного христианского мира в X—XI вв. сопровождался и в значительной мере послужил причиной бурной феодальной экспансии, как в Европе, так и за ее пределами. Жажда новых земель и богатств, а также демографический рост стимулировали развитие феодализационного процесса за счет внутренней и внешней колонизации, в которой переплетались интересы самых различных групп населения: государей, крупных сеньоров, церкви, рыцарства и крестьянства. Многочисленные проявления внешней экспансии включают в себя и разнонаправленную немецкую агрессию в Европе (в Италии, Лотарингии, на севере и востоке Европы), и захват новых территорий превратившимися в феодальных сеньоров норманнами, и Реконкисту на Пиренейском полуострове, и походы в Святую землю. Общеевропейским и самым продолжительным явлением феодальной экспансии несомненно были крестовые походы XI—XIII вв., которые представляли собой захватнические войны западноевропейских феодалов в странах Восточного Средиземноморья под лозунгами борьбы против мусульманства. Концепция «новой исторической науки» по этому вопросу нашла свое отражение в книге Жака Ле Гоффа (см. стр. 170—177).

Политика феодальной военной экспансии неизменно

составляла оборотную сторону внутреннего роста феодальных тенденций и потребности в расширении земельных владений самым доступным и соответствующим эпохе способом — путем завоеваний. Во всех этих случаях захватнические устремления светских феодалов, и прежде всего рыцарства, смыкались с интересами расширявшего сферу своего влияния папства, психологически подогревались и идейно обосновывались «миссионерской» активностью и реформаторской политикой церкви, ее новыми концепциями, в первую очередь концепцией христианского рыцаря¹. Идеология христианского «контрнаступления» готовилась в обстановке феодальной анархии, когда рыцарство, сыгравшее решающую роль в борьбе с варварами, само превратилось в угрозу для внутреннего мира. Греховной братоубийственной войне была противопоставлена война в защиту веры и христианских святынь от язычников. Заинтересованные в прекращении междоусобных распрей, папы-реформаторы 2-й половины XI в. сумели направить энергию христианских государей и феодальных - сеньоров против - неверных по ту сторону границ и против еретиков внутри них (например, против альбигойцев на юге Франции). Долгом христианского воина стала борьба с врагами церкви и папства. Таким образом концепция крестовых походов, разработанная папами, ввела агрессивность рыцарства в безопасное для христианского мира русло. Эта концепция нашла отклик и в народном сознании, претерпев в нем ряд изменений. Крестоносное движение питалось не только мирскими заботами, но и глубокими религиозными чувствами, и требовавшим выхода психологическим напряжением. Бедствия смутного времени и реалии крестьянского быта порождали в массовом сознании восприимчивость к идее паломничества в Святую землю и жажду «искупления грехов» путем принятия мученичества за веру.

«Картина подготовки событий, сигнал к которым позднее дал папский клич «на Восток!», была сложной и многомерной. Существенное место тут занимают паломничества из стран Запада в Палестину, в ее религиозный центр —

¹ См. Часть третью, Раздел IV.

Иерусалим... Странствования в края, где некогда творил чудеса Иисус Христос и где хранились многочисленные реликвии его жизни и смерти, рассматривались церковью в качестве важной заслуги перед Богом. Молитве в Святой земле приписывался особый эффект. Все это придавало Иерусалиму большую притягательную силу. Благочестивые путешествия туда явились существенным фактором возникновения крестовых походов... Паломническое движение идейно и практически подготовило крестовые походы: оно способствовало разрастанию религиозно-подвижнических настроений, познакомило европейцев с дорогами на Восток, с положением в восточных странах, а главное — распалило у феодалов неутолимую жажду овладения заморскими землями. Наряду с паломничествами почву для широкой феодальной экспансии на Восток готовили войны, развернувшиеся в XI в. на самом Западе и частью тоже происходившие под религиозными знаменами. Французское рыцарство, например, включилось в борьбу за отвоевание территорий, ранее захваченных арабами в Испании... В Реконкисте папы увидели средство, при помощи которого можно и поднять престиж апостольского престола, и отослать рыцарство на окраину Западной Европы, указав беспокойным воителям новое поле брани: ведь благодаря этому поместья светской и церковной знати, хотя бы отчасти, избавлялись от опасности разбойничьих налетов рыцарской вольницы! Чтобы разжечь воинственно-религиозный пыл рыцарей во Франции, римская курия постаралась окружить участников испанских походов ореолом мученичества за веру. Клунийцы, успевшие проникнуть на Пиренейский полуостров и устроить там свои монастыри, провозгласили войны с мусульманами в Испании священными. Папа Александр II, благословивший поход 1063—1064 гг., объявил, что церковь отпускает грехи каждому, кто пойдет сражаться в Испании за дело креста, и даже прикомандировал к южнофранцузским рыцарям, собиравшимся туда, своего легата... Папа Григорий VII, дабы побудить французов к такому же походу, разрешил им в 1073 г. владеть землями, которые будут отняты христианским оружием у «неверных», — правда, при одном

условии: если французские рыцари признают верховную власть римского первосвященника над отвоеванными территориями... Войны французского рыцарства в Испании были как бы «крестовыми походами до крестовых походов» — по лозунгам, по оформлению, по содержанию» (*Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 17—22*).

Рассмотрим вкратце основные события, связанные с Реконкистой. Еще в начале VIII в. Испания была покорена маврами и только Каролинги удержали дальнейшее их продвижение за пределы Пиренейского полуострова. До 755 г. мусульманская Испания входила в состав Дамасского халифата, в 756 г. после падения власти Омейядов в Дамаске и переноса Аббасидами столицы арабской империи в Багдад, в Испании был провозглашен эмиром Кордовы представитель династии Омейядов под именем Абд ар-Рахмана I. Так мусульманская Испания превратилась практически в независимое государство, сохранив, однако, экономические и культурные связи с остальной частью мусульманского мира. В 929 г. эмир Абд ар-Рахман III, присвоив себе титул халифа, окончательно утвердил политическую независимость арабской Испании от других исламских государств; при нем власть Омейядов утвердилась почти над всем Пиренейским полуостровом, его признали сюзереном и малые христианские государства, появившиеся к тому времени. Испанские арабы создали высокоразвитую городскую цивилизацию, с процветающей экономикой и культурой, не имеющей равных в раннесредневековой Европе. Но уже в 1031 г. происходит распад халифата на почти тридцать мелких княжеств (Кордовское, Толедское, Севильское, Валенсийское, Сарагосское и др.), что способствовало военным успехам христиан.

Началом Реконкисты — отвоевания христианскими государствами занятых мусульманами территорий — считается основание королевства Астурия в середине VIII в. В ходе Реконкисты, длившейся почти восемь веков, происходило освоение и заселение пограничных и вновь завоеванных территорий, которое стимулировалось пожалованиями фьефов и должностей, учреждением новых монастырей и епископств, предоставлением налоговых

льгот переселенцам. В это мощное колониционное движение были вовлечены не только все слои астурийского, каталонского, наваррского, арагонского и кастильского общества, но и «загорные» христиане («ультрамонтанос»). Одновременно с этим процессом на фоне постоянных войн и перемещения границ происходила постепенная консолидация трех государств: Леона-Кастильского, Арагоно-Каталонского и Португальского.

Приостановившись во второй половине X в., в эпоху наивысшего политического могущества халифата, Реконкиста получила новый импульс с началом периода феодалной раздробленности мусульманских государств. «Христиане тоже были далеки от единства. Но по мере того как они все более осознавали себя христианами, сражающимися с врагами церкви, у них появлялся стимул к объединению с братьями по вере в военных действиях, у них появилось новое, более широкое представление о себе. Это были уже не просто жители Леона, Наварры, Кастилии, но представители христиан-католиков, борющихся против своих врагов. Даже местные королевства рассматривались как части этого христианского воинства. С течением веков это самосознание жителей местных королевств становилось фактором в пользу единства Испании и тесной связи между новой испанской сущностью и воинствующим католицизмом. В этом смысле Испания, как она есть, многим обязана Реконкисте» (*Уотт У. Монгомери. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. С. 70*).

В 1035 г. графства Арагон и Кастилия стали королевствами. В 1037 г. король Кастилии Фернандо I, захватив Астуро-Леонское королевство, объединил под своей властью весь запад христианской Испании. В 1065 г. им была взята Валенсия, но этот успех был кратковременным, как впрочем и его повторение в 1094 г. Родриго Диасом де Биваром, который стал героем замечательного памятника испанской литературы — «Песни о Сиде». Небольшой отрывок из «Песни...», относящийся как раз к этому эпизоду, прекрасно передает мотивы и образцы поведения христианского рыцарства:

...Валенсийцам урок преподавал мой Сид:
Не выйти им из ворот городских.
Сады он их вырубил, вред им чинит,
Мешает в город хлеб подвозить...
Валенсийцы не знают, как им спастись.
Королю Марокко шлют весть они,
Но им пособить у него нет сил —
Войну за Атласом он должен вести.
Рад Кампеадор¹ этой вести был.
Ушел из Мурвьедро под кровом тьмы,
Монте-Реаля с зарею достиг.
В Арагон и Наварру он сообщил,
Велел, чтоб в Кастилье кликнули клич:
Тот, кто быть хочет богат, а не нищ,
Пусть к Кампеадору примкнуть поспешит —
Валенсией он овладеть решил.
«Кто хочет идти на Валенсию с нами
По доброй воле, — других мне не надо, —
Тех в Сельфском ущелье три дня ожидаю».
Промолвил это Кампеадор,
Вернулся в Мурвьедро, что им покорен.
Везде его клич разнесен молвой.
Прослышав, как щедр и удачлив он,
Валят к нему христиане валом.
Повсюду молва шумит про него.
Кто примкнул к нему, тот уже не уйдет.
Мой Сид де Бивар все богаче казной.
Рад он, что рать у него растет,
Не медлит, в поле выводит ее.
Валенсию взял биварец в кольцо,
Подступы занял со всех сторон,
Маврам отрезал и выход и вход.
Давали ему валенсийцы отпор
Девять месяцев ровно — немалый срок.
Настал десятый — их войско сдалось.
Большое веселье царило кругом,
Когда в Валенсию Сид вошел.

¹ Прозвище Сиды.

Стал конным тот, кто был пеш до сих пор,
Разжились все золотом и серебром.
Сделался там богачом любой.
Взял пятую часть мой Сид от всего —
Тридцать тысяч марок ему пришлось,
А прочей добыче кто знает счет?
Ликует мой Сид, что в час добрый рожден:
Взвилось над алькасаром знамя его.
Пока отдыхала дружина биварца,
Королю Севильи известно стало,
Что пала Валенсия — в ней христиане.
Повел он в поход тридцать тысяч арабов,
В валенсийской Уэрте дал бой испанцам.
Разбил его Сид, бороною славный,
Преследовал он до Хативы мавров,
Настиг на Хукаре, где переправа, —
Пошло там ко дну неверных немало.
Король их бежал, получив три раны.
Вернулся мой Сид с добычей громадной.
В Валенсии много взял он богатства,
Но в этой битве — больше в три раза:
Пришлось на пешего по сто марок.
Смотрите, какая у Сиды удача!..

Песнь о Сиде, строфы 72—75.

В 1085 г. произошло важнейшее событие Реконкисты XI в. — кастильцы под командованием Альфонсо VI Храброго и при участии французских и немецких рыцарей захватили Толедо, крупнейший город Центральной Испании (он стал столицей Кастилии), а в 1093 г. и всю область между Дуэро и Тахо. В начале XII в. арагонцы овладели Уэской и Сарагосой, а в 1147 г. был взят Лиссабон. Однако вмешательство берберов Северной Африки и раздоры в самих христианских государствах вновь на целый век приостановили Реконкисту. Выдающимся, переломным событием нового бурного этапа Реконкисты стала блестящая победа, которую одержали, соединив свои силы, короли Кастилии, Арагона и Наварры над халифом Кордовы в

битве у Лас-Навас-де-Толоса 16 июля 1212 г. На стр. 177—179 приводится фрагмент из так называемой «Всеобщей хроники», в котором рассказывается об участниках этого знаменательного сражения, в том числе об отрядах духовных и светских сеньоров, прибывших из различных стран Европы. За точность цифр, характеризующих воинские контингенты, ручаться, конечно, не приходится, но они интересны тем, что дают представление о соотношении числа рыцарей и пеших воинов (преимущественно крестьян и горожан).

Несомненно крупными удачами христиан стало завоевание арагонцами Майорки (1229 г.), Валенсии (1238 г.) и Мурсии (1265 г.) и, конечно, захват кастильцами Кордовы (1236 г.) и Севильи (1248 г.). К концу XIII в. единственным мусульманским государством в Испании оставался Гранадский эмират на самом юге страны. Маленькая Гранада сохранила свою независимость до 1492 г., когда она была включена в состав объединенного королевства Арагона и Кастилии. Так была завершена Реконкиста.

Параллельно с событиями Реконкисты в конце XI в. развернулась идейная и организационная подготовка к новому грандиозному военному предприятию, которое должно было по своим масштабам далеко превзойти все рыцарские экспедиции в Испании, в Сицилии и других районах Европы. Исходя из своих собственных политических целей создания всемирной теократической империи и чутко улавливая и направляя общественные настроения, папство выступило организатором и вдохновителем крестового похода на Восток, объединившего западноевропейское рыцарство под лозунгом помощи единоверцам, защиты паломников и освобождения гроба господня в Святой земле. Цепь событий, которая привела к Первому крестовому походу, началась в Пьяченце в начале марта 1095 г. прибытием византийского посольства к папе Урбану II (1088—1099 гг.) с просьбой о военной помощи против турок-сельджуков, разгромивших императорскую армию и завоевавших большую часть Малой Азии. 27 ноября по завершению собора французского духовенства в Клермоне папа выступил перед собравшейся огромной толпой с

проповедью, которая прежде всего содержала призыв к вооруженной поддержке восточных христиан и освобождению Иерусалима (текст Клермонской проповеди см. стр. 179—182).

Разнесенная по городам и весям и многократно повторенная армией епископов, священников и монахов Клермонская проповедь с ее идеей освобождения Гроба Господня от неверных и обещанием участникам похода полного прощения грехов вызвала всеобщий духовный подъем и широчайший отклик во всем западном мире. Не могли никого оставить равнодушным и описания земли, которая «течет млеком и медом». Массы простого народа, охваченные порывом религиозного энтузиазма, устремились в «святое паломничество», опередив рыцарей, которым требовалось время на подготовку снаряжения и улаживание семейных и имущественных дел. Аббат Гвиберт Ножанский пишет в своей «Истории»: «...Каждый, кому быстрая молва доставляла папское предписание, шел к своим соседям и родичам, увещевая [их] вступить на стезю господню, как называли тогда ожидаемый поход. Уже возгорелось усердие графов, и рыцарство стало подумывать о походе, когда отвага бедняков воспламенилась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей; всякий пускал в распродажу лучшую часть имущества за ничтожную цену, как будто он находился в жестоком рабстве, или был заключен в темницу, и дело шло о скорейшем выкупе... Что сказать о детях, о старцах, собиравшихся на войну? Кто может сосчитать девиц и стариков, подавленных бременем лет? — Все воспевают войну, коли и не принимают в ней участия; все жаждут мученичества, на которое идут, чтобы пасть под ударами мечей, и говорят: «Вы, молодые, вступайте в бой, а нам да будет дозволено заслужить пред Христом своими страданиями». ...Некоторые бедняки, подковав быков, как то делают с лошадьми, и запрягши их в двухколесные тележки, на которых помещался их скудный скарб вместе с малыми детьми, тащили все это с собою; когда дети эти лицезрели попадавшийся им на пути

какой-нибудь замок или город, они вопрошали, не Иерусалим ли это, к которому стремятся... Пока князья, нуждавшиеся в больших средствах на содержание тех, кто составлял их свиту, долго и мешковато готовились к походу, простой народ, бедный средствами, но многочисленный, собрался вокруг некоего Петра Пустынника и повиновался ему, как своему предводителю... Он обходил города и села, повсюду ведя проповедь, и, как мы [сами] видели, народ окружал его такими толпами, его одаряли столь щедрыми дарами, так прославляли его святость, что я не припомню никого, кому бы когда-нибудь были оказываемы подобные почести. Петр был очень щедр к беднякам, раздавая многое из того, что дарили ему... Вот этот-то человек, собрав многочисленное воинство, увлеченное отчасти общим порывом, а отчасти его проповедями, решил направить свой путь через землю венгров...» (*Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 54—57*). Попутно толпы бедноты и отдельные отряды рыцарской вольницы грабили местных жителей, устраивали погромы и сами несли немалые потери. Дошедшие летом до Константинополя крестьянские отряды были предусмотрительно переправлены в Малую Азию и в октябре 1096 г. полностью истреблены сельджуками.

В конце 1096 г. в Константинополь начали прибывать и крестоносные отряды феодалов. После многочисленных стычек и долгих уговоров, обязавшись вернуть византийскому императору те земли, которые будут отвоеваны ими у турок, крестоносцы переправились в Малую Азию. О решающих событиях Первого крестового похода повествуют сами его активные участники в послании к папе и хронике (см. стр. 183—190).

На захваченных крестоносцами землях к началу XII в. было образовано четыре государства: Иерусалимское королевство, графство Триполи, княжество Антиохийское и графство Эдесское, в которых были воспроизведены феодальные порядки, господствовавшие в Западной Европе, в более «чистом», классическом виде. Огромную роль в этих государствах играла католическая церковь и специально созданные ею организации — духовно-ры-

царские ордена, имевшие чрезвычайно широкие привилегии.

Успехи крестоносцев на Востоке в значительной мере обуславливались отсутствием единства в рядах самих мусульман, борьбой между мелкими местными правителями. Как только началось сплочение мусульманских государств, крестоносцы стали терять свои владения (Эдесса уже в 1144 г.). Призванный поправить положение Второй крестовый поход (1147—1149 гг.), вдохновленный Бернаром Клервоским и возглавленный французским королем Людовиком VII и германским королем Конрадом III, оказался неудачным. В 1187 г. Саладину, объединившему под своей властью Египет и Сирию, удалось овладеть Иерусалимом, что послужило причиной Третьего крестового похода (1189—1192 гг.), во главе которого стояли три европейских государя: германский император Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский король Ричард I Львиное Сердце. В этом походе с небывалой силой проявились растущие англо-французские противоречия, парализовавшие военный потенциал крестоносцев после гибели Фридриха и ухода немецких отрядов. Взятая после долгой, двухлетней, осады Акра стала столицей Иерусалимского королевства. Иерусалим же остался в руках мусульман. Ричард I, не завершив свой обет, был вынужден покинуть Палестину (предварительно договорившись с Саладином о разрешении паломникам и купцам в течение трех лет посещать Иерусалим) после того как Филипп II, внезапно уехавший в Европу, заключил там союз против него с новым германским императором Генрихом VI (О трагедии несостоявшихся надежд участников Третьего крестового похода см. стр. 190—192).

В начале по призыву папы Иннокентия II Четвертом крестовом походе (1202—1204 гг.), пожалуй, впервые отчетливо проявились как расхождения между мирскими и религиозными устремлениями его участников, так и рост универсалистских притязаний папского престола в условиях резкого обострения отношений с Византией. Выступив в поход против мусульман Египта, крестоносцы, задолжавшие венецианцам за перевозку по морю, вернули свой долг,

завоевав соперничавший с Венецией христианский купеческий город Задар, сюзереном которого был король Венгрии, а завершили поход штурмом и разграблением Константинополя, беспощадными расправами с его жителями и уничтожением многих произведений искусства (стр. 192—200).

Обоснования такого радикального изменения направленности похода самими крестоносцами не оставляют сомнения в том, что оно было далеко не случайным, хотя, возможно, и не предрешенным, Гунтер Пэрисский так объясняет мотивы участников похода в своей «Истории завоевания Константинополя»: «...Они знали, что Константинополь был для святой римской церкви мятежным и ненавистным городом, и не думали, что его покорение нашими явилось бы очень уж неудобным верховному понтифику или даже [самому] Богу. В особенности же к этому побуждали [крестоносцев] венецианцы, чьим флотом они пользовались для плавания, — [венецианцы действовали так] отчасти в надежде получить обещанные деньги, до которых народ этот весьма жаден, отчасти — потому, что город этот, сильный множеством кораблей, притязал на главенство и господство во всем этом море... Была, однако, как мы верим, и другая причина, намного более древняя [по происхождению] и важная [чем все эти], а именно — совет благости господя, который намеревался таким образом унижить этот народ, преисполнившийся гордыней из-за своего богатства, и привести [его] к миру и согласию со святой вселенской церковью. Казалось соответствующим [предначертаниям божьим], чтобы народ этот, который нельзя было исправить иным способом, был бы наказан смертью немногих и потерей мирских благ, коими он владел в изобилии, и чтобы народ пилигримов обогатился добычей, [взятой] у гордецов, а вся [их] земля перешла бы в наше владение, и чтобы западная церковь украсилась священными реликвиями, которые присвоили себе недостойные [греки], и вечно радовались бы им. Особенно важно еще и то, что этот часто упоминаемый [нами] город, который всегда был вероломен [по отношению] к пилигримам, поменяв, наконец, соизволением божьим, своих

жителей, пребудет верным и единокорным [единоверным] и сможет оказывать нам тем более постоянную помощь в одолении варваров, в завоевании Святой земли и овладении ею, что находится в большой близости к ней...» (*Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. С. 232—233). В письме неизвестного рыцаря, участника событий, мы находим более лаконичное объяснение: «...[Мы] выполняли дело Спасителя, [такое], чтобы восточная церковь, столицей коей был Константинополь, с императором и всею своею империей) признала бы себя дочерью своего главы — римского первосвященника и преданно повиновалась бы ему во всем с надлежащим смирением...» (Там же. С. 242.).

После захвата половины Византийской империи планы дальнейшего похода на Восток и «освобождения гроба господня» были отставлены. На завоеванной территории крестоносцы основали так называемую Латинскую империю (в отличие от «Греческой» — Византийской), которая просуществовала недолго. В 1261 г. греки снова овладели Константинополем и восстановили Византийскую империю, правда, последней так и не удалось никогда оправиться от того разгрома, которому подвергли ее «христианские рыцари».

Во второй половине XIII в. был предпринят ряд крестовых походов, которые, однако, уже не могли спасти дело крестоносцев на Востоке и только привели к колоссальным людским потерям, особенно в результате так называемого похода детей в Палестину, все участники которого, уверовавшие в идею освобождения «святых мест» безоружными, но зато безгрешными, невинными детьми, погибли или были проданы в рабство. Владения рыцарей-крестоносцев на Востоке сжимались как шагренева кожа. После того как была потеряна Акра (в 1291 г.), в течение двух месяцев пали и другие прибрежные города. Эпопея крестовых походов закончилась полным провалом.

В научной литературе существуют различные оценки последствий крестовых походов. Одна из них отражена в уже упоминавшемся обзоре Жака Ле Гоффа (стр. 170—177). Из других выделим точку зрения, с предельной ясностью и лаконичностью сформулированную У. М. Уоттом: «Важ-

нейшим следствием Крестовых походов было то, что именно в них Западная Европа обрела свой дух. И этот положительный результат значением намного превысил политическое и военное поражение европейцев. Несмотря на поражение, Европа продолжала прогрессировать — по иным причинам. С другой стороны, восточное христианство было сильно ослаблено Крестовыми походами и постепенно уступало позиции оттоманским туркам — в этом смысле результаты Крестовых походов были обратны первоначальным целям». (*Уотт У. Монтгомери. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. С. 79*). Невозможно также отрицать воздействие на умы слушателей — и общественное сознание в целом — рассказов многочисленных крестоносцев-пилигримов, возвращавшихся из трудных походов, в которые Запад высылал целые армии одну за другой в течение двух столетий, многое повидавших и переживших, ставших по сути уже другими людьми, с новыми идеями и требованиями к жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ

...Решающие сдвиги, положившие начало так называемой аграрной революции X—XIII вв., скромно проявились в каролингскую эпоху, затем постепенно нарастали к тысячному году, после которого произошло значительное ускорение развития... Росла площадь обрабатываемых земель, повышалась урожайность, становилась более разнообразной продукция и, как следствие, улучшалось питание.

Одним из первых последствий этого было увеличение народонаселения, которое, вероятно, удвоилось между X и XIV вв. Согласно Дж. К. Расселу, население Западной Европы с 14,7 млн. человек около 600 г. дошло до 22,6 млн. к 950 г. и стало насчитывать 54,4 млн. перед «Черной смертью» 1348 г...

Этот демографический подъем имел в свою очередь решающее значение для экспансии христианского мира. Особенности феодального способа производства, благоприятствовавшие некоторому технологическому прогрессу, но не позволявшие подняться над весьма скромным уровнем, не обеспечивали достаточно качественного развития аграрного производства, чтобы оно отвечало нуждам начавшегося демографического роста. Повышение урожайности и питательности продукции было слабым. Феодальное хозяйство... исключало интенсивный путь развития, оставалось только расширять площадь обрабатываемых земель. Первым проявлением экспансии христианского мира между X и XIV вв. стало напряженное освоение целины...

Параллельно с этой внутренней экспансией христианский мир прибег и к внешней. Даже кажется, что поначалу предпочтение отдавалось второй, поскольку военные средства получения доходов казались более легкими, чем мирные.

Так зародилось двойное завоевательное движение, результатом которого стало расширение границ христианского мира в Европе и далекие крестовые походы в мусульманские страны. Распространение христианства по Европе, с силой возобновившееся в VIII в. и продолжавшееся в IX и X вв., перешло почти полностью в руки немцев, населявших окраинные христианские земли, которые граничили с языческими на севере и востоке. В результате смешались религиозные, демографические, экономические и национальные мотивы, что придало этому движению очень своеобразный характер. Его доминирующим аспектом стало в конце концов противоборство немцев и славян, при котором религиозные мотивы отступили на второй план, поскольку немцы без колебаний вступали в борьбу даже с теми соседями, которые приняли христианство. Еще в IX в. моравский государь Ростислав призвал Кирилла и Мефодия в свое государство, чтобы сбалансировать влияние немецких миссионеров.

Христианизация осуществлялась медленно, с отступлениями. Св. Адальберт, архиепископ Праги в конце X в., считал, например, чехов вернувшимися к язычеству и

погрязшими в многоженстве. После смерти Мешко II (1034 г.) вспыхнуло мощное восстание польского народа, которое сопровождалось возвратом к язычеству... Но все же к тысячному году ряд новых христианских государств расширил христианский мир на севере и востоке... Правда, в то же самое время киевский князь Владимир принял крещение от Византии (988 г.), как это сделали веком раньше сербы и болгарский царь Борис. И схизма 1054 г. отделила Восточную Европу и Балканы от римского христианского мира...

Происходили важные миграции населения внутри христианского мира, сильно изменившие карту Запада. Из этих миграций самой важной, несомненно, была немецкая колонизация восточных земель. Она способствовала освоению новых районов, развитию и преобразению городов... Но немецкая экспансия носила также и политический характер. Наиболее видными были успехи ставшего в 1150 г. маркграфом новой Бранденбургской марки Альбрехта Медведя и тевтонских рыцарей, завоевавших земли пруссов в 1226—1283 гг.

Скандинавская экспансия была не менее впечатляющей. В X в. она распространилась на Исландию, Гренландию и, быть может, достигла Америки... Большие успехи сопутствовали ей в Англии... С начала XI в. нормандские княжества стали появляться в Южной Италии. Робер Гискар овладел Кампаньей, разбил папские войска и вынудил папу Николая II в 1059 г. признать свою власть; в 1060—1061 гг. он отнял у мусульман Сицилию, а затем изгнал из Италии византийцев, взяв их последние крепости Реджо и Бари (1071 г.). Он даже направил своего сына Боэмунда в 1081—1083 гг. опустошать Эпир и Фессалию. Так было основано нормандское королевство Обеих Сицилии, одно из наиболее своеобразных политических образований Средневековья...

Французская экспансия была не менее мощной. Ее очагом стала Северная Франция, на равнинах которой демографический рост достиг своего предела, а аграрная революция дала наиболее ощутимые результаты. Эта Северная Франция предприняла колонизацию Южной Франции, пользуясь крестовым походом против альбигойцев...

Особенно важна французская эмиграция в Испанию. Ведь отвоевание почти всей Испании у мусульман, осуществленное христианскими королями с помощью наемников и рыцарей, главным образом французских, пришедших из-за Пиренеев, было одним из главных успехов христианской экспансии в X—XIV вв. Среди тех, кто помогал Реконкисте, были и сыгравшие видную роль французские клюнийские монахи, они также содействовали развитию паломничества в Сантьяго-де-Компостеллу... Испанская Реконкиста сопровождалась систематическим заселением и освоением опустошенных земель на каждом этапе завоевания. Испанцам-христианам с Севера, иностранцам, прежде всего французам, предлагались особо благоприятные условия поселения.

С середины XI в испанская Реконкиста взяла на себя доселе неизвестную миссию религиозной войны и продолжила путь, в военном и духовном отношении, крестовым походам. Позднее французская колонизация Южной Франции и королевства Обеих Сицилии, как и немецкая колонизация Пруссии, официально также представлялась как крестовые походы.

Но это расширительное употребление понятия «крестовых походов», которое, принижая их, позволяло соединить с виду различные и изолированные военные предприятия в контексте общей экспансии Запада с середины XI до конца XIII в., не должно скрывать того, что крестовыми походами были все же преимущественно походы в Святую землю. И если их окончательные результаты были незначительными, а для Запада скорее пагубными, нежели благоприятными, то тем не менее они по своему психологическому накалу стали вершиной экспансионизма средневекового христианского мира.

Вот почему необходимо, не забывая о существенной роли в развязывании крестоносных войн не столько собственно экономических, сколько материальных и демографических причин, особое внимание уделить духовному и эмоциональному аспекту крестовых походов...

Несомненно, что крестовые походы, даже если их участники ясно не сознавали и не определяли для себя

побудительных мотивов, воспринимались рыцарями и крестьянами XI в. как очищающее средство от перенаселенности Запада, и жажда заморских земель, богатств и фьефов их увлекала более всего. Но эти походы еще даже до того, как обернулись полным провалом, не утолили жажды земли у западных людей, и последние вынуждены были вскоре искать в самой Европе, прежде всего в развитии сельского хозяйства, решения проблемы, которого не дал заморский мираж. Святые земли, ставшие ареной войны, отнюдь не были источником хороших или плохих заимствований, о которых заблуждавшиеся историки некогда с увлечением писали. Крестовые походы не способствовали подъему торговли, который начался благодаря прежним связям с мусульманским миром и внутреннему экономическому развитию Запада; они не принесли ни технических новшеств, ни новых производств, которые проникли в Европу иными путями; они непричастны к духовным ценностям, которые заимствовались через центры переводческой деятельности и библиотеки Греции, Италии (прежде всего Сицилии) и Испании, где культурные контакты были более тесными и плодотворными, чем в Палестине; они даже непричастны к распространению роскоши и сладострастия, которые в глазах суровых западных моралистов были свойственны Востоку и которыми неверные якобы наградили простодушных крестоносцев, неспособных противостать чарам и чаровницам Востока. Конечно, полученные не столько от торговли, сколько от фрахта судов и займов крестоносцам доходы позволили некоторым итальянским городам — Генуе, но более всего Венеции — быстро разбогатеть; но что походы пробудили торговлю и обеспечили ее подъем в средневековом христианском мире, в это ни один серьезный историк более не верит. Напротив, они способствовали оскудению Запада, особенно рыцарства; далекие от того, чтобы обеспечить моральное единство христианского мира, они распаляли зарождающиеся национальные противоречия.; походы сделали непроходимым ров, разделявший Запад и Византию, и вражда между латинянами и греками, обострявшаяся от похода к походу, вылилась в Четвертый поход и взятие Констан-

тинополя крестоносцами в 1204 г.; вместо того, чтобы смягчить нравы, священная война в своем неистовстве привела крестоносцев к худшим эксцессам, начиная еврейскими погромами, которыми отмечены пути их следования, и кончая массовыми избиениями и грабежами, например в Иерусалиме в 1099 г. или в Константинополе в 1204 г., о чем можно прочитать в сочинениях как европейских хронистов, так и мусульманских и византийских; финансирование крестовых походов стало причиной или предлогом увеличения папских поборов и появления опрометчивой практики продажи индульгенций, а духовно-рыцарские ордена, оказавшиеся в конечном итоге неспособными защитить и сохранить Святые земли, осели на Западе, чтобы предаться там всем видам финансовых и военных злоупотреблений. Таков тяжкий итог этих экспедиций. И я не вижу ничего иного, кроме абрикоса, который христиане, возможно, узнали благодаря крестовым походам.

Можно еще добавить, что недолговечные учреждения крестоносцев в Палестине были первым опытом европейского колониализма, и в качестве прецедента он для историка многозначителен. Несомненно, что Фульхерий Шартрский в своей хронике несколько преувеличил масштабы колониационного движения на Восток. Тем не менее его описание психологии и поведения христианского поселенца весьма примечательно.

«Посмотрите же и поймите, каким образом Господь в наши времена превратил Запад в Восток. Бывшие прежде западными людьми мы стали восточными; бывший римлянин или франк стал здесь жителем Галилеи или Палестины; жившие в Реймсе или Шартре оказались горожанами Тира или Антиохии. Мы уже забыли родные места, и одни не знают, где родились, а другие не желают об этом и говорить. Некоторые уже владеют в этой стране домами и слугами по праву наследования; некоторые женились на иностранках, сирийках или армянках и даже на принявших благодать крещения сарацинках. Один живет с зятем, или невестой, или тестем, другой окружен племянниками и даже внучатыми племянниками. Этот обрабатывает виноградники, тот — поля. Они говорят на разных

языках, но уже научились понимать друг друга. Разные наречия становятся общими для той и другой нации, и взаимное доверие сближает самые несхожие народы. Чужеземцы стали местными жителями, и странники обрели пристанище. Каждый день наши родственники и близкие приезжают к нам сюда, бросая все, чем владели на Западе. Тех, кто был бедным в своей стране, Господь здесь делает богатыми; владевшие несколькими эку здесь обретают бесчисленное количество безантов; имевшим там лишь мызу Господь здесь дарует города. Так зачем же возвращаться на Запад, если Восток столь благодатен?..»

Когда Урбан II в Клермоне в 1095 г. разжигал огонь крестовых походов и когда св. Бернард его раздувал в 1146 г. в Везеле, они надеялись превратить беспрестанные войны в Европе в одну справедливую войну, в борьбу с неверными. Они хотели очистить христианский мир от скандальных сражений между единоверцами, дать страстной воинственности феодального общества похвальный выход, указав великую цель, достижение которой выковало бы столь недостающее ему единение душ и действий. Разумеется, церковь и папство рассчитывали благодаря крестовым походам, духовными руководителями которых они были, получить одновременно средство господства на самом Западе... Этот великий замысел провалился. Но церковь все же сумела найти ответ на чаяния людей, и ей удалось кристаллизовать вокруг идеи крестового похода подспудные желания и глухие тревоги Запада. Долгое время чувства и помыслы западных людей были обращены к Иерусалиму небесному. Церковь же показала христианам, что его можно обрести через Иерусалим земной, и утолила жажду странствий, владевшую теми христианами, которых реальности этого мира не могли привязать к земле, предложив им паломничество, крестовый поход, обещающий удовлетворить все желания — приключений, богатства и вечного спасения. Крест был еще на Западе не символом страдания, а символом торжества. Накальвая его на грудь крестоносцев, церковь придавала ему его истинное значение и восстанавливала ту функцию, какую он выполнял при Константине и первых христианах.

Хотя в походах принимали участие люди из разных социальных слоев, они были воодушевлены схожими страстными чувствами. Параллельно рыцарской армии возникла армия бедноты. В Первый крестовый поход армия бедноты, как наиболее воодушевленная, тронулась первой, и, перебив по пути много евреев, она постепенно распалась и прекратила существование под ударами голода, болезней и турок, так и не достигнув цели — Святой земли. Но еще долгое время спустя крестоносный дух поддерживался в низших слоях общества, где проникновенность и обаяние его мифов были особенно сильными. И поход детей, юных крестьян, в начале XIII в. стал воплощением этой трогательной приверженности ему.

Поражения, следовавшие одно за другим, быстрое вырождение мистики крестовых походов в политику, даже в политику скандальную, долго не могли успокоить это мощное волнение Запада. Зов заморских земель на протяжении XII в. и позднее будоражил воображение и чувства людей, которым не удавалось найти у себя, на Западе, смысла их коллективного и индивидуального предназначения...

Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 60—70.

2.

БИТВА ПРИ ЛАС-НАВАС-ДЕ-ТОЛОСА. 1212 г. (Из «Всеобщей хроники»)

...Благородный король дон Альфонсо приказал своим писцам и чиновникам пересчитать всех пришедших из других стран крестоносцев, чтобы знать, сколько среди них рыцарей и сколько пехотинцев.

Епископ Родриго сообщает, что среди тех, кто пришел из-за рубежей Испании, было рыцарей более 10000 и пехотинцев около 100000. И как повествует история, из Кастилии и соседних с ней областей Испании — Арагона,

Леона, Галисии, Португалии и Астурии — было тоже 10 000 кабальерос и 100000 пехотинцев.

Из городов королевства Кастилия пришло к благородному королю дону Альфонсу много добрых людей. Из больших городов и укрепленных замков прибыли многочисленные отряды, хорошо снабженные лошадьми, оружием и всем необходимым для того, чтобы участвовать в походе: продовольствием, доспехами для лошадей, кольчугами и всем прочим, что предназначается для защиты тела в бою и помогает хорошо сражаться. И всего этого у них было столько, что невозможно сосчитать, так что среди них не было ни одного, кто в чем-нибудь имел недостаток. Они даже добровольно отдавали снаряжение из своих запасов другим и делились со всеми тем, что у них было.

Несмотря на то, что в своих городах и местечках они живут под покровительством сеньора, однако когда он уходит в поход, они имеют обыкновение братья за оружие и знают благородное искусство верховой езды...

...Благородный король дон Альфонс сначала собрал идальго и простых людей, своих соотечественников, и весь королевский двор и сказал им: «Друзья мои, среди всех собравшихся вы мои соотечественники и вассалы...

Смотрите, друзья мои, если есть среди вас такие, у кого нет оружия или денег, или они нуждаются в чем-нибудь другом, придите ко мне и попросите, и я все исполню для каждого».

И как он сказал, так все и исполнил, и дал им лошадей, оружие, денег и даже дал рыцарское звание тем, кто его не имел, но был его достоин...

...Изо всей добычи [захваченной в Калатраве] король дон Альфонс не взял себе ничего и все отдал крестоносцам и королю Арагона.

А между тем враг человеческого рода, тот, кто является врагом всех нас, — дьявол, который никогда не перестает завидовать добрым делам людей, вселился в тех, кто составлял войско христово, помутил их рассудок и повернул их сердца к зависти.

И заставил он их отступить от намеченной цели и изменить обещанию, которое они дали. Поэтому почти

все крестоносцы заявили, что они слагают с себя крест, который приняли, дав обещание сражаться в этой битве, и заявили, что отказываются от сражения и возвратятся в свои земли. Но король дон Альфонс, еще более укрепившись в своем решении, ничего им не дал и разделил провиант между теми, кто остался и не отказался от намерения выполнить до конца начатое дело. Но эти самые крестоносцы, т. е. те, что пришли из-за гор, изменили благому намерению и доброму делу и как пришли, так и вернулись каждый сам по себе, и все ушли.

Остался архиепископ Нарбонны со своими людьми и некоторыми рыцарями из провинции Вьенна. И как говорит архиепископ Родриго¹, осталось всего 130 рыцарей и несколько пехотинцев. Среди них остался Теобальд де Бласон со своим отрядом, человек благородный и свободный, уроженец Испании, кастилец по происхождению, и с ним некоторые рыцари из Пуату. Остался и король Арагона со своим войском...

Хрестоматия по истории
средних веков. Т. 2. М.,
1963. С. 537—539.

3.

ИЗ ХРОНИКИ РОБЕРТА РЕЙМСКОГО «ИЕРУСАЛИМСКАЯ ИСТОРИЯ»

Кн. 1, гл. 1. В год воплощения господня тысяча девяносто пятый, в земле Галльской, а именно в Оверни, торжественно происходил собор в городе, который называется Клермон; участвовал в соборе папа Урбан II с римскими епископами и кардиналами. И собор этот был чрезвычайно славен тем, что съехалось множество галлов и германцев, как епископов, так и князей.

Разрешив на нем дела церковные, господин папа вышел на обширную размерами площадь, ибо никакое помещение не могло вместить всех [присутствовавших]. И вот папа

¹ Родриго — архиепископ Толедо, автор хроники Альфонса III.

обратился ко всем с убедительной речью, [проникнутой] риторической сладостью; он сказал [так]:

«Народ франков, народ загорный, [народ], по положению земель своих и по вере католической, [а также] по почитанию святой церкви выделяющийся среди всех народов: к вам обращается речь моя и к вам устремляется наше увещание. Мы хотим, чтобы вы ведали, какая печальная причина привела нас в ваши края, какая необходимость зовет вас и всех верных [католиков]. От пределов иерусалимских и из града Константинополя пришло к нам важное известие, да и ранее весьма часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства¹, иноземное племя, чуждое богу, народ, упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный богу духом своим, вторгся в земли этих христиан², опустошил их мечом, грабежами, огнем, самих же их частью увел в свой край [в полон], частью же погубил постыдным умерщвлением, а церкви божьи либо срыл до основания, либо приспособил для своих обрядов...

...Греческое царство уже до того урезано ими и изничтожено, что [утраченное] не обойти и за два месяца.

Кому выпадает труд отметить за все это, вырвать [у них], кому, как не вам, которых бог превознес перед всеми силою оружия и величием духа, ловкостью и доблестью сокрушать головы врагов своих, которые вам противодействуют?

Да подвигнут вас и побудят души ваши к мужеству деяния ваших предков, доблесть и слава короля Карла Великого и сына его Людовика [Благочестивого] и других государей ваших, которые разрушили царства язычников и раздвинули там пределы святой церкви. Особенно же пусть побуждает вас святой гроб господень, спасителя нашего, гроб, которым ныне владеют нечестивые, и святые места, которые ими подло оскверняются и постыдно нечестием их мараются.

О могущественнейшие воины и отпрыски непобедимых предков! Не вздумайте отречься от их славных добле-

¹ Так хронист именует турок-сельджуков.

² Имеются в виду восточные христиане — жители Византии и ряда ближневосточных стран.

стей, — напротив, припомните отвагу своих праотцев. И если вас удерживает нежная привязанность к детям, и родителям, и женам, поразмыслите снова над тем, что говорит господь в Евангелии: «Кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».

Да не привлекает вас к себе какое-нибудь достояние и да не беспокоят какие-нибудь семейные дела, ибо земля эта, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, она стеснена вашей многочисленностью, обилием лее богатств не преизбыточествует и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда проистекает то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите друг другу множество смертельных ран. Пусть же прекратится меж вами ненависть, пусть смолкнет вражда, утихнут войны и уснут всяческие распри и раздоры. Становитесь на стезю святого гроба¹, исторгните землю эту у нечестивого народа, покорите ее себе; земля же та, как гласит Писание, течет млеком и медом.

Гл. 2. Иерусалим — это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта словно второй рай. Ее прославил искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее [своими] деяниями, искупил смертью, увековечил погребением.

И этот-то царственный град, расположенный посредине земли, ныне находится в полоне у своих врагов и уничтожается народами, не ведающими господа. Он стремится [к освобождению] и жаждет освобождения, [он] не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку. Подмогу эту он требует в особенности от вас, ибо, как мы уже сказали, пред прочими сущими народами вы удостоены богом замечательной силой оружия.

Вступайте же на эту стезю во искупление своих грехов, будучи преисполнены уверенностью в незапятнанной славе царствия небесного».

¹ Путь, которым паломники шли в Иерусалим, где согласно христианскому преданию находилась гробница Иисуса Христа.

Когда папа в своей искусной речи сказал это и многое в этом роде, всех, кто там был, соединило общее чувство, так что возопили: «Так хочет бог! Так хочет бог!» Услышав это, достопочтенный владыка римский, возведши очи к небесам, возблагодарил бога и, мановением руки потребовав тишины, возговорил [снова]:

«Дражайшие братья... если бы не господь бог, который присутствовал в ваших помыслах, не раздался бы [столь] единодушный глас ваш; и хотя он исходил из множества [уст], но источник его был единым. Вот почему говорю вам, что это бог исторг из ваших глоток такой глас, который [он же] вложил в вашу грудь. Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо слово это произнесено богом. И когда произойдет у вас боевая схватка с неприятелем, пусть все в одни голос вскричат божье слово: Так хочет господь! Так хочет господь!

Мы не повелеваем и не увещеваем, чтобы отправлялись в этот поход старцы или слабые люди, не владеющие оружием, и пусть никоим образом женщины не пускаются в путь без своих мужей, либо братьев, либо законных свидетелей. Они ведь являются больше помехой, чем подкреплением, и представляют скорее бремя, нежели приносят пользу.

Пусть богатые помогут беднякам и на свои средства поведут с собою пригодных к войне. Священникам и клирикам любого ранга не следует идти без дозволения своих епископов, ибо если отправятся без такого разрешения, поход будет для них бесполезен. Да и мирянам не то же пускаться в паломничество иначе, как с благословения священника. И тот, кто возымеет в душе намерение двинуться в это святое паломничество, и даст о том обет богу, и принесет ему себя в живую, святую и весьма угодную жертву, пусть носит изображение креста господня на челе или на груди. Тот же, кто пожелает, дав обет, вернуться (снять обет), пусть поместит это изображение на спине промеж лопаток...»

Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 54.

4.

**ПИСЬМО ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ КРЕСТОНОСНОГО
РЫЦАРСТВА ПАПЕ УРБАНУ II ОТ 11 СЕНТЯБРЯ
1098 ГОДА**

Достопочтенному господину папе Урбану — Боэмунд и Раймунд, граф Сен-Жилля, Готфрид, герцог Лотарингии, и Роберт, граф Нормандский, Роберт Фландрский, граф, и граф Евстафий Бульонский [посылают] привет и [обещают] верную службу и, как сыновья своему духовному отцу, [изъявляют] истинное во Христе повинование. Все мы хотим и желаем поведать вам, сколь великой милостью господней и явственной его поддержкой нами [была] взята Антиохия, а турки, которые нанесли много поношений господу нашему Иисусу Христу, были захвачены и убиты, [так что] мы, иерусалимцы Иисуса Христа, отомстили за несправедливость, причиненную богу; [как] мы, которые прежде осаждали турок, были затем [сами] осаждены турками, явившимися из Хорасана, Иерусалима, Дамаска и многих земель, и каким образом милостью Иисуса Христа были освобождены.

После того как взята была Никея и мы разбили огромную массу турок, которых повстречали, как ты [уже] слышал, в июльские календы [1 июля 1097 г.] в Дорилейской долине, [и после того как] преследовали великого Солимана [Сулеймана II] и всех его [людей], и опустошили [его] земли и награбили богатства, приобретя и замирив всю Романию, мы приступили к осаде Антиохии. В то время пока она осаждалась нами, мы претерпели много бедствий от схваток, [происходивших] близ города с турками и язычниками, которые нередко и в большом числе нападали на нас, так что едва ли не можем сказать, что скорее сами были осаждены теми, которых держали запертыми в Антиохии. В конце концов, одолев их во всех этих сражениях и таким образом обеспечив торжество вере христианской, я, Боэмунд, сговорился с одним турком, который предал мне этот город; за день до того я вместе со многими воинами христовыми приставил несколько лестниц к стене и так-то 3 июня мы взяли город, сопротивлявшийся Христу. Самого Кассиана, правителя

этого города, мы умертвили со многими его воинами, а жен, сыновей и домочадцев вместе с золотом, серебром и всем их добром оставили у себя. Мы не сумели взять, однако, антиохийскую цитадель, хорошо укрепленную турками; когда же хотели на следующий день овладеть ею, то узрели за стенами города бесконечное множество турок, рассеявшееся по полям. Как мы и ожидали уже в течение многих дней, они пришли сражаться с нами... И вот, когда они увидели, что ничем не могут повредить нам с этой стороны, то окружили нас отовсюду так [плотно], что и никто из нас не мог выйти и к нам не мог проникнуть. По этой причине все мы были настолько удручены и пали духом, что многие, умирая от голода и погибая от всяких иных напастей, убивали своих отощавших коней и ослов и поедали [их мясо].

Тем временем на подмогу нам явилась высочайшая милость всемогущего бога, пекущегося о нас: в храме блаженного Петра, князя апостолов, мы нашли копье господне, которое... пронзило бок нашего Спасителя... И мы были так ободрены и укрепились благодаря находке святого копья и многими другими божественными откровениями, что те, кто до того охвачены были страхом и поникли было [духом], теперь, охваченные готовностью отважно биться, один побуждал другого.

Так-то мы находились в осаде три недели и четыре дня (с 4 по 28 июня 1098 г.), а накануне дня Петра и Павла [28 июня], вверившись богу и исповедавшись во всех наших тревогах, молясь, вышли мы из ворот города со всем нашим воинским снаряжением; нас было настолько мало, что мы полагали сами, что нам придется не сражаться против них, а бежать от них. Тогда мы приготовились к бою и расположили отряды как пеших, так и конных с тем, чтобы главные силы пребывали с копьем господним; в первом же столкновении [мы] принудили неприятеля к бегству... Одержав победу, мы целый день преследовали неприятелей, многих вражеских воинов поубивали, [а затем] радостные и торжествующие двинулись к городу. Крепость, о которой было упомянуто, эмир, сидевший в ней с тысячью воинов, сдал Боэмунду, сдавшись и сам; при

содействии Боэмунда он обратился в христианскую веру, и таким-то образом господь наш Иисус Христос подчинил римской религии и вере весь город Антиохию. Но, как это обычно случается, всегда в радостные события вторгается что-то печальное: 1 августа, когда военные действия прекратились, умер епископ Пюиский, которого ты направил к нам своим викарием и который в ходе всей войны пользовался великим почетом.

Ныне мы, сыновья твои, лишенные посланного нам родителя, обращаемся к тебе, духовному отцу нашему. Ты, который возгласил этот поход и словом своим побудил всех нас покинуть наши земли и оставить то, что в них было, ты, кто предписал нам последовать Христу, неся его крест, и внушил нам [мысль] возвеличить христианское имя! Заверши то, к чему [сам] призвал нас, прибуди к нам и уговори всех, кого можешь, прийти с тобою... Не кажется ли, что нет ничего справедливее на земле, чтобы ты, являющийся отцом и главой христианской религии, пришел в главный город и столицу христианского имени и завершил бы войну, которая есть твоя собственная [война], от своего имени? Мы одолели турок и язычников, но не можем справиться с еретиками, с греками и армянами, сирийцами и яковитами. Итак, снова и снова взываем к тебе, дражайшему отцу нашему: приди как отец и глава в свое отечество, воссядь на кафедре блаженного Петра¹, чьим викарием ты состоишь; и да будешь иметь нас, сыновей своих в полном повиновении... Искренней же своей властью и нашей силой уничтожай всяческие ереси, каковы бы они ни были.

И так, вместе с нами завершишь ты поход по стезе Иисуса Христа, начатый нами и тобою предуказанный, и отворишь нам врата обоих Иерусалимов [земного и небесного] и сделаешь гроб господень свободным, а имя христианское поставишь превыше всякого другого.

Если ты придешь к нам и завершишь вкупе с нами поход, начатый твоим предначертанием, весь мир

¹ Апостол Петр, по преданию, был первым епископом в Антиохии.

станет повиноваться тебе. Да внушит же тебе свершить это сам бог, который живет и царствует во веки веков, Аминь!..

Там же. С. 97—103.

5.

ИЗ АНОНИМНОЙ ИТАЛО-НОРМАНСКОЙ ХРОНИКИ «ДЕЯНИЯ ФРАНКОВ И ПРОЧИХ ИЕРУСАЛИМЦЕВ»

Кн. X, гл. 33. В ноябре месяце [1098 г.] Раймунд, граф Сен-Жилль, оставил со своей ратью Антиохию... В четвертый день от окончания ноября он достиг города Маарны, где скопилось великое множество сарацин, турок, арабов и прочих язычников, и на следующий же день вступил в битву с ними. Спустя немного времени за графом пустился Бозмунд со своей ратью и в воскресенье соединился с ними [провансальцами]. За два дня до начала декабря они со всей мощью отовсюду обрушились на город и притом с таким жаром и стремительностью, что лестницы были подняты прямо у стен; но сила язычников была столь велика, что в тот день [наши] не смогли ничем им навредить. Увидев, что они ничего не могут поделать и только понапрасну тратят силы, наши сеньоры, [именно] Раймунд, граф Сен-Жилль, повелел соорудить могучую и высокую деревянную крепость; крепость эта была придумана и построена в четыре яруса: на верхнем ее ярусе стояло много рыцарей, и Эврар Охотник громко трубил в трубу; внизу, облаченные в свои доспехи, рыцари пододвинули крепость вплотную к стене, прямо против некоей башни. Узрев это [сооружение], язычники тотчас изготовили [метательное] орудие, с помощью которого стали бросать большие камни на [нашу] крепость, так что едва не перебили насмерть [всех] наших рыцарей. На крепость метали также греческий огонь, надеясь поджечь ее и уничтожить; но всемогущий бог не хотел, чтобы крепость в этот раз сгорела, — она ведь была выше всех городских стен.

Наши рыцари, находившиеся на верхнем ярусе, — Гилельм из Монпелье и многие другие метали громадные камни в тех, кто оборонял городские стены, и с такой силой поражали их в щиты, что и щит, и сам неприятельский воин, убитый наповал, сваливались вниз в город. Таким образом сражались одни, а другие, держа в руках копья, украшенные геральдическими лентами и перьями, старались копьями и крючьями ухватить и притянуть к себе неприятелей. Вот так и бились до самого вечера.

А за крепостью стояли священнослужители и клирики, облаченные в церковные одеяния, моля и заклиная бога, чтобы он защитил свой народ, вознес христианство и унижил язычество. И у другой части [стен] рыцари каждыйдневно бились [с неверными]; они приставляли лестницы к стенам города, но отпор язычников был таков, что никакого успеха наши не могли добиться. Наконец, Гуфье де Латур первым кинулся по лестнице на стену; однако под тяжестью множества других лестница тотчас сломалась; все же с несколькими воинами он влез на гребень стены. Остальные разыскали еще одну лестницу, и поднялись по ней многие рыцари и пехотинцы; они взобрались на стену. Тогда сарацины ринулись на них и на [самой] стене, и [внизу] на земле с такой яростью, пуская стрелы и пронзая их прямо своими копьями, что многие из наших, охваченные страхом, попрыгали со стены.

В то время пока эти отважнейшие мужи, остававшиеся на гребне стены, принимали на себя их удары, другие, находившиеся внизу, под укрытием крепости, вели подкоп стены. Сарацины, увидев, что наши ведут подкоп, были объята ужасом и принялись спасаться бегством в город. Все это произошло в субботний день наступившего 11 декабря, в вечерний час, когда солнце садилось.

Бозмунд распорядился через переводчиков передать начальникам сарацин, чтобы они сами вместе со своими женами, детьми и прочим достоянием собрались в одном дворце, что находится повыше ворот, самолично пообещав спасти их от смертной участи.

Все наши вступили в город, и какое бы добро ни находили в домах и погребях, каждый присваивал его в

собственность. Когда наступил день, где бы ни встречали кого-либо из них [сарацин], будь то мужчина или женщина, — убивали. Не было ни одного закоулка в городе, где бы не валялись трупы сарацин, и никто не мог ходить по городским улицам иначе, как перешагивая через их мертвые тела. Бозмунд схватил и тех, которым приказал войти во дворец, и отобрал у них все, что имели, именно, золото, серебро и различные драгоценности [которые были при них]; одних он распорядился умертвить, других же приказал увести для продажи в Антиохию...

Кн. X, гл. 37. И вот, захлестнутые радостью, мы подошли к Иерусалиму во вторник, за восемь дней до июньских ид, и чудесным образом осадили [город]. Роберт Нормандский осадил его с северной стороны, возле церкви первомученика св. Стефана, где тот был побит камнями за Христа; к нему [герцогу Нормандскому] примыкал граф Роберт Фландрский. С запада осаждали [город] герцог Готфрид и Танкред. С юга, укрепившись на горе Сион, близ церкви св. Марии, матери божьей, где господь был на тайной вечере со своими учениками, вел осаду граф Сен-Жильль... В понедельник (13 июня) мы отважно пошли на приступ; мы ринулись с таким порывом, что будь наготове лестницы, город был бы в наших руках. Все же мы разрушили малую стену и подняли лестницу на главную стену, по ней полезли наши рыцари, завязав рукопашную с сарацинами и защитниками города, — они дрались [с ними] своими мечами и копьями; многие из наших, а еще больше из неприятелей нашли [здесь свою] смерть...

...Во время этой осады мы так мучились от жажды, что сшивали шкуры быков и мулов и приносили в них воду за шесть миль; из таких-то сосудов мы пили отвратительную воду, и точно так же, как от этой мерзкой воды, каждодневно страдали мы от ржаного хлеба. Сарацины же, конечно, расставляли нам тайные засады у окрестных источников и речушек; они везде убивали наших и разрубали на части тех, кого встречали; а скотину уводили в свои пещеры...

...Ночью и днем, в среду и четверг [13 и 14 июля], мы могучим усилием двинулись со всех сторон на приступ

города; но прежде чем вторгнуться туда, епископы и священники, проповедуя и увещевая всех, повелели устроить бога ради крестное шествие вокруг укреплений Иерусалима, усердно молиться, творить милостыню и соблюдать пост.

В пятницу [15 июля], когда наступил день, мы ринулись на укрепления, но ничем не смогли повредить городу: и мы были все поражены [этим] и охвачены великим страхом. Затем, с приближением часа, когда господь наш Иисус Христос удостоился претерпеть за нас крестную муку, наши рыцари, стоявшие на подвижной башне, жарко схватились [с неприятелем]; среди них [были] герцог Готфрид [Бульонский] и граф Евстафий, брат его.

В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, [преследуя] вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжке в крови... Наши похватили в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена¹. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая [себе] дома, полные всякого добра.

[Потом], радуясь и плача от безмерной радости, пришли наши поклониться гробу Спасителя Иисуса и вернуть ему свой долг (т. е. выполнить обет). На следующее утро незаметно наши влезли на крышу храма, бросились на сарацин и, обнажив мечи, стали обезглавливать мужчин и женщин; [иные из них] сами кидались с кровли вниз. Видя это, Танкред впал в сильный гнев.

Гл. 39. После того наши [сеньоры] постановили в совете, что каждый подаст милостыню и сотворит молитвы, дабы

¹ В качестве охранного символа, в знак того, что они берут на себя защиту этих людей.

бог избрал, кого пожелает, чтобы он царствовал над другими и правил городом... На восьмой день после того как город был взят [22 июля], [сеньоры] избрали князем города герцога Готфрида¹, который одолел язычников и спас христиан. Точно так же в день св. Петра в цепях [1 августа] избрали патриархом мудрейшего и достопочтеннейшего мужа по имени Арнульф.

Там же. С. 121—123, 128—133.

6.

ДЕЛО ЛАТИНСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ НА ВОСТОКЕ

...Если бы все дело заключалось только в том, чтобы после Аккры овладеть Иерусалимом, это, казалось, было осуществимо без большого труда. Событиями у Аккры турецкая сила была надломлена. С другой стороны, масса крестоносцев рвалась в Иерусалим. Кажется, вся тоска веков, питавших латинскую душу грезой о Святом городе, воскресла с былою силой в этой наивной и дикой массе, когда после Аккры ее повернули на путь к Иерусалиму и стали вставать на этом пути волновавшие слух дорогие имена: Кайфа и Капернаум, Назарет и Вифлеем... «И каждый вечер, когда войско располагалось лагерем в поле, прежде чем люди уснули, являлся человек, который кричал: «Святой Гроб! Помоги нам». И все кричали вслед за ним, и поднимали руки к небу и плакали. А он снова начинал и кричал так трижды. И все бывали этим сильно утешены...» Находясь уже вблизи от Иерусалима, холодной зимою 1192 года они чувствовали себя больными и обнищавшими: потеряли много лошадей, сухари подмокли, соленая свинина гнила, платье разваливалось. Но сердца были полны радости и надежды достичь Святого гроба. Они так страстно желали Иерусалима, что сберегали пищу для осады его.

¹ По рассказам других хронистов, корона была сперва предложена графу Раймунду Тулузскому, который отказался принять ее.

Заболевшие в Яффе велели класть себя на носилки и нести в лагерь с сердцем, полным решимости и доверия. В лагере царило самое беззаветное веселье. «Господи, помоги нам, владычица, святая дева Мария, помоги нам. Боже, дай поклониться тебе, возблагодарить тебя и видеть твой гроб». Не видно было сердитых, мрачных или печальных. Всюду были радость и умиление. Все говорили: «Господи, вот мы на добром пути».

С таким самоотвержением и энтузиазмом, казалось, можно было сделать немало. Но Ричард вопреки той ясности, в какой дело представляется наблюдателям со стороны, не мог не прислушиваться к предостережениям «мудрых тамплиеров, доблестных госпитальеров и пуланов, людей земли». Они указывали, что, если бы крестоносцы немедленно стали осаждать Иерусалим, они сами очутились бы в засаде. Пути между морем и горами заняли бы турки, в чьих руках было большинство горных крепостей, и крестоносцы были бы отрезаны от гаваней, от всякой возможности снабжения. Саладин в свое время знал, что делал, когда, в принципе уступая Иерусалимское королевство, сохранил за собою самые важные его крепости и гавани. «Если бы даже город был взят, — замечает Амбруаз (друг и соратник Ричарда, автор знаменитой хроники похода — «Истории священной войны»), — и это было бы гибельным делом: он не мог бы быть тотчас заселен людьми, которые в нем бы остались. Потому что крестоносцы, сколько их ни было, как только осуществили бы свое паломничество, вернулись бы в свою страну, всякий к себе домой. А раз войско рассеялось, земля потеряна». В этом заключалось главное противоречие. Психология крестоносцев была более всего психологией «паломников». Важно было «узреть», «насладиться святыней», «унести памятку». Жар войска угасал, когда перспектива конца отодвигалась и завоевание Святого города предполагало долгую систематическую борьбу...

...«Король был в Яффе, беспокойный и больной. Он все думал, что ему следовало бы уйти из нее ввиду беззащитности города, который не мог представить противодействия. Он позвал к себе графа Анри, сына своей

сестры, тамплиеров, госпитальеров, рассказал им о страданиях, которые испытывал в сердце и в голове, и убеждал их, чтобы одни отправились охранять Аскалон, другие остались стеречь Яффу и дали бы ему возможность уехать в Аккру полечиться. Он не мог, говорил он, действовать иначе. Но что мне сказать вам? Все отказали ему и ответили кратко и ясно (*tout net*), что они ни в каком случае не станут охранять крепостей без него. И затем ушли, не говоря ни слова... И вот король в великом гневе. Когда он увидел, что весь свет, все люди, нечестные и неверные, его покидают, он был смущен, сбит с толку и потерян. Сеньоры! Не удивляйтесь же, что он сделал лучшее, что мог в ту минуту. Кто ищет чести и избегает стыда, выбирает меньшее из зол. Он предпочел просить о перемирии, нежели покинуть землю в великой опасности, ибо другие уже покидали ее и открыто садились на корабли. И поручил он Сафадину, брату Саладинову, который очень любил его за доблесть, устроить ему поскорее возможно лучшее перемирие... И было написано перемирие и принесено королю, который был один, без помощи в двух милях от врагов. Он принял его, ибо не мог поступить иначе... А кто иначе расскажет историю, тот солжет...»

Добиши-Рождественская О. А.
Крестом и мечом. Приключения
Ричарда I Львиное Сердце. М.,
1991. С 67—691

7.

ШТУРМ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

LXX. ...Дело было в пятницу, примерно за 10 дней до вербного воскресенья [9 апреля 1204 г.], когда пилигримы и венецианцы закончили снаряжать свои корабли и изготовлять свои осадные орудия и приготовились идти на приступ. И тогда они построили свои корабли борт к борту, и французы перегрузили свои боевые орудия на баржи и на галеры, и они двинулись по направлению к

городу, и флот растянулся по фронту едва ли не на целое лье; и все пилигримы и венецианцы были превосходно вооружены...

LXXI. Когда корабли должны были вот-вот причалить, венецианцы взяли тогда добрые канаты и подтянули свои корабли как можно ближе к стенам; а потом французы поставили свои орудия, свои «кошки», свои «повозки» и своих «черепашек» для осады стен; и венецианцы взобрались на перекидные мостки своих кораблей и яростно пошли на приступ стен; в то же время двинулись на приступ и французы, пустив в ход свои орудия. Когда греки увидели, что французы идут на приступ, они принялись сбрасывать на осадные орудия французов такие огромные каменные глыбы, что и не скажешь; и они начали раздавливать, разносить в куски и превращать в щепы все эти орудия, так что никто не отваживался остаться ни в них самих, ни под этими орудиями, а с другой стороны венецианцы не могли добраться ни до стен, ни до башен, настолько они были высокими; и в тот день венецианцы и французы ни в чем не смогли достичь успеха — ни завладеть стенами, ни городом. Когда они увидели, что не могут здесь ничего сделать, они были сильно обескуражены и отошли назад...

LXXII. ...Когда бароны возвратились и сошли с кораблей, то собрались вместе и в сильном смятении сказали, что это за свои грехи они ничего не смогли ни предпринять против города, ни прорваться вперед; и тогда епископы и клирики войска обсудили положение и рассудили, что битва является законной и что они вправе произвести добрый приступ, — ведь жители города издревле исповедовали веру, повинувшись римскому закону, а ныне вышли из повиновения ему и даже говорили, что римская вера ничего не стоит, и говорили, что все, кто ее исповедуют, — псы; и епископы сказали, что они поэтому вправе нападать на греков и что это не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится великим благочестивым деянием.

LXXIII. И тогда стали скликать по всему лагерю, чтобы утром в воскресенье [11 апреля] все явились на проповедь: венецианцы и все остальные; так они и сделали. И тогда

стали проповедовать в лагере епископы.., и они разъясняли пилигримам, что битва является законной, ибо греки — предатели и убийцы и им чужда верность... И епископы сказали, что именем бога и властью, данной им апостоликом, отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они как следует исповедовались и причастились и чтобы они не страшились биться против греков, ибо это враги господа...

LXXIV. Потом, когда епископы отговорили свои проповеди и разъяснили пилигримам, что битва является законной, все они как следует исповедовались и получили причастие. Когда настало утро понедельника, все пилигримы хорошенько снарядились, одели кольчуги, а венецианцы подготовили к приступу перекидные мостики своих нефов, и свои юиссье, и свои галеры; потом они выстроили их борт к борту и двинулись в путь, чтобы произвести приступ; и флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились насколько могли к стенам, то бросили якорь. А когда они встали на якорь, то начали яростно атаковать, стрелять из луков, метать камни и забрасывать на башни греческий огонь; но огонь не мог одолеть башни, потому что они были покрыты кожами [смоченными водой]. А те, кто находились в башнях, отчаянно защищались и выбрасывали снаряды, по меньшей мере из 60 камнеметов, причем каждый удар попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо защищены дубовым настилом и виноградной лозой, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не мог бы поднять такой камень с земли... И во всем имелось не более четырех или пяти нефов, которые могли бы достичь высоты башен — столь были они высоки; и все яруса деревянных башен, которые были надстроены над каменными, а таких ярусов там имелось пять, или шесть, или семь, были заполнены ратниками, которые защищали башни. И пилигримы атаковали так до тех пор, пока неф епископа Суассонского не ударился об одну из этих башен; его отнесло прямо к ней чудом божьим, ибо море никогда здесь не бывает спокойно; а на мостике этого нефа были

некий венецианец и два вооруженных рыцаря; как только неф ударился о башню, венецианец сразу же ухватился за нее ногами и руками и, изловчившись как только смог, проник внутрь башни. Когда он уже был внутри, ратники, которые находились на этом ярусе, — англы, даны¹ и греки, увидели его и подскочили к нему с секирами и мечами и всего изрубили в куски. Между тем волны опять отнесли неф, и он опять ударился об эту башню; и в то время, когда корабль снова и снова прибывало к башне, один из двух рыцарей — его имя было Андрэ де Дюрбуаз, поступает не иначе, как ухватывается ногами и руками за эту деревянную башню и ухитряется ползком пробраться в нее. Когда он оказался в ней, те, кто там были, набросились на него с секирами, мечами и стали яростно обрушивать на него удары, но поелику благодарением божьим он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его оберегал господь, который не хотел ни чтобы его избивали и дальше, ни чтобы он здесь умер. Напротив, он хотел, чтобы город был взят..., и потому рыцарь поднялся на ноги и, как только поднялся на ноги, выхватил свой меч. Когда те увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены таким страхом, что сбежали на другой ярус, пониже. Когда те, кто там находились, увидели, что воины, которые были над ними, пустились бежать вниз, они оставили этот ярус и не отважились долее оставаться там; и в башню вошел затем другой рыцарь, а потом и еще немало ратников. И когда они очутились в башне, они взяли крепкие веревки и прочно привязали неф к башне, и, когда они его привязали, вошло множество воинов; а когда волны отбрасывали неф назад, эта башня качалась так сильно, что казалось, будто корабль вот-вот опрокинет ее или — во всяком случае так им мерещилось от страха — что силой оторвет неф от нее. И когда те, кто помещались на других, более низких ярусах, увидели, что башня уже полна французов, то их обуял такой великий страх, что

¹ Речь идет о наемных воинах, находившихся на службе византийских императоров, — англосаксах и датчанах.

никто не осмелился долее оставаться там, и они все покинули башню... А между тем, как только эта башня была взята столь чудесным образом, о другую башню ударился неф сеньора Пьера де Брешэля; и когда он ударился об нее снова, те, кто были на мостике нефа, храбро атаковали эту башню, да так успешно, что чудом божьим и эта башня тоже была взята.

LXXV. Когда эти две башни были взяты и захвачены нашими людьми, то они не отваживались двигаться дальше, ибо увидели на стене вокруг себя, и в других башнях, и внизу у стен множество ратников — и это было подлинное чудо, сколько их там было. Когда мессир Пьер Амьенский¹ увидел, что те, кто были в башнях, не трогаются с места, и когда увидел, в каком положении находятся греки, он поступил не иначе, как сошел со своими воинами на сушу, заняв клочок твердой земли, что был между морем и стеной. Когда они сошли, то поглядели вперед и увидели замаскированный вход: створки прежних ворот были вырваны, а сам вход снова замурован; тогда Пьер Амьенский подступил туда, имея при себе всего с десятков рыцарей и всего около 60 оруженосцев. Там был также клирик по имени Альом де Клари, который оказывал великую отвагу всегда, когда в том являлась нужда... И со стен на них бросали котелки с кипящей смолой, и греческий огонь, и громадные камни, так что это было чудом божьим, что всех их не раздавило; и мессир Пьер и его воины не щадили там своих сил, предпринимая эти ратные труды и старания, и они продолжали так крушить этот замаскированный вход секирами и добрыми мечами, дрекольем, железными ломami и копьями, что сделали там большой пролом. И когда вход был пробит, они заглянули и увидели столько людей — и знатных, и низкородных, что казалось там было полмира; и они не отваживались туда войти.

LXXVI. Когда Альом, клирик, увидел, что никто не осмеливается туда войти, он вышел вперед и сказал, что

¹ Пьер Амьенский — сеньор рыцаря Робера де Клари, автора повествования.

войдет туда. Ну а там был некий рыцарь, его брат по имени Робер де Клари, который запретил ему это делать и который сказал, что он не сумеет туда войти, а клирик сказал, что сделает это; и вот он пополз туда, цепляясь ногами и руками; и когда его брат увидел это, то схватил его за ногу и начал тянуть к себе, но клирику все же удалось туда войти наперекор своему брату. Когда он уже был внутри, то греки, а их там было превеликое множество, ринулись к нему, а те, кто стояли на стенах, встречали его, сбрасывая огромные камни. Когда клирик увидел это, он выхватил свой нож, кинулся на них и заставил обратиться в бегство, гоня перед собой как скот. И тогда он крикнул тем, кто был снаружи, — сеньору Пьеру и его людям: «Сеньоры, идите смело! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве и бегут». Когда мессир Пьер и его люди, которые были снаружи, услышали это, они вступили в пролом, а их было не более десятка рыцарей, но с ними было еще около 60 оруженосцев и все были пешими. И когда они проникли внутрь и те, которые были на стенах или вблизи этого места, увидели их, они были охвачены таким страхом, что не отважились оставаться в этом месте и покинули большую часть стены, а потом побежали кто куда...

LXXVIII ...Мессир Пьер... выслал отряд своих оруженосцев к воротам, которые были поблизости, и приказал разнести их в куски и открыть. И они пошли и вот они начали наносить удары по этим воротам секирами и мечами до тех пор, пока не разбили большие железные задвижки и засовы, которые были очень прочными, и не отперли ворота. И когда ворота были отперты, а те, кто находились по сю сторону, увидели это, они подогнали свои юиссье, вывели из них коней, а потом вскочили на них и через эти ворота с ходу въехали в город... Когда те, кто защищал башни и стены, увидели, что французы вошли в город и что их император бежал, они не отважились остаться там, а побежали кто куда; вот таким-то образом город был взят...

LXXX. Когда настало утро следующего дня [13 апреля], священники и клирики в полном облачении явились процессией в лагерь французов и туда пришли также англы,

даны и люди других наций и громкими голосами просили их о милосердии, рассказали им обо всем, что содеяли греки, а потом сказали им, что все греки бежали и в городе никого не осталось, кроме бедного люда. Когда французы это услышали, они очень обрадовались; а потом по лагерю объявили, чтобы никто не брал себе жилища, прежде чем не установят, как их будут брать. И тогда собрались знатные люди, могущественные люди и держали совет между собою, так что ни меньшей люд, ни бедные рыцари вовсе ничего об этом не знали, и порешили, что они возьмут себе лучшие дома города, и именно с тех пор они начали предавать меньшей люд, и выказывать свое вероломство, и быть дурными сотоварищами... И потом они послали захватить все самые лучшие и самые богатые дома в городе, так что они заняли все их, прежде чем бедные рыцари и меньшей люд успели узнать об этом. А когда бедные люди узнали об этом, то двинулись кто куда и взяли то, что смогли взять; и они нашли много жилищ и много заняли их, а много еще и осталось, ибо город был очень велик и весьма многолюден. А маркиз [Бонифаций Монферратский] велел взять себе дворец Львиную Пасть [дворец Вукелеон], и монастырь св. Софии, и дома патриарха; и другие знатные люди, такие, как графы, повелели взять себе самые богатые дворцы и самые богатые аббатства, какие только там можно было сыскать...

LXXXI. А потом приказали, чтобы все захваченное добро было снесено в некое аббатство, которое было в городе. Туда и было снесено все добро, и они выбрали 10 знатных рыцарей из пилигримов, и 10 венецианцев, которых считали честными, и поставили их охранять это добро. Когда добро было туда принесено, а оно было очень богатым, и столько там было богатой утвари из золота и из серебра, и столько златотканых материй, и столько богатых сокровищ, что это было настоящим чудом, все это громадное добро, которое было туда снесено; и никогда с самого сотворения мира не было видано и завоевано столь громадное количество добра, столь благородного или столь богатого — ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после; сам же

я думаю, что и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе. Да и греки говорят, что две трети земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету. И те самые люди, которые должны были охранять добро, растаскивали драгоценности из золота и все, что хотели, и так разворовывали добро; и каждый из могущественных людей брал себе либо золотую утварь, либо златотканые шелка, либо то, что ему больше нравилось, и потом уносил. Таким-то вот образом они начали расхищать добро, так что ничто не было разделено к общему благу войска или ко благу бедных рыцарей или оруженосцев, которые помогли завоевать это добро, кроме разве крупного серебра вроде серебряных тазов, которыми знатные горожанки пользовались в своих банях...

LXXXII. Когда город был взят и пилигримы разместились, как я вам об этом рассказал, и когда были взяты дворцы, то во дворцах они нашли несметные богатства. И дворец Львиная Пасть был так богат и построен так, как я вам сейчас расскажу. Внутри этого дворца, который взял себе маркиз, имелось с пять сотен покоев, которые все примыкали друг к другу и были все выложены золотой мозаикой; в нем имелось с добрых 30 церквей, как больших, так и малых; и была там в нем одна, которую называли Святой церковью и которая была столь богатой и благородной, что не было там ни одной дверной петли, ни одной задвижки, словом, никакой части, которые обычно делаются из железа и которые не были бы целиком из серебра, и там не было ни одного столпа, который не был бы либо из яшмы, либо из порфира, либо из других богатых драгоценных камней. А настил часовни был из белого мрамора, такого гладкого и прозрачного, что казалось, будто он из хрусталя... Внутри этой церкви нашли много богатых святынь; там нашли два куска креста господня..., железный наконечник от копья, которым прободен был наш господь в бок, и два гвоздя, которыми были прибиты его руки и ноги; а потом в одном хрустальном сосуде нашли большую часть пролитой им крови; и там нашли также тунику, в которую он был одет и которую с него

сняли, когда его вели на гору Голгофу; и потом там нашли благословенный венец, которым он был коронован и который имел такие острые колючки из морского тростника, как кончик железного шила. А потом нашли там часть одеяния пресвятой девы, и голову монсеньора св. Иоанна Крестителя, и столько других богатых реликвий, что я просто не смог бы вам их перечислить или поведать вам все по истине...

LXXXIV. А потом пилигримы разглядывали громадность города, и дворцы, и богатые аббатства, и богатые монастыри, и великие чудеса, которые были в городе; и они долго дивились этому и особенно сильно дивились монастырю св. Софии и богатству, которое там было.

Робер де Клари. Завоевание
Константинополя. М., 1986.
С. 51—61.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Добиаш-Рождественская О. А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М. 1991.

Заборов М. А. История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.

Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986.

Хрестоматия по истории средних веков. Т. 2. М., 1963.

Уотт У. Монтгомери. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

**ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНО-РЫЦАРСКИХ
ОРДЕНОВ: НЕМЕЦКИЙ ОРДЕН. ОТ АККОНА
ДО ГРЮНВАЛЬДА**

За время крестовых походов (1096—1291 гг.) крестоносцы-христиане из разных европейских стран завоевали и сумели удержать в своих руках земли Сирии и Палестины, известные под названием Святой Земли (см. стр. 234—235). Тем самым был вбит клин между азиатскими и африканскими исламскими странами. «В крестовом походе... слились вождения и интересы двух господствующих классов средневекового быта — духовенства, представляемого монашеством, и рыцарства, и это соединение вызвало в истории новый тип «духовного рыцаря» — братство воинствующих монахов или монашествующих рыцарей» (*Герье В.* Западное монашество и папство. М., 1913. С. 71).

Почти в тех же хронологических рамках возникли двенадцать так называемых духовно-рыцарских орденов, представлявших собою христианские войска, сражавшиеся с мусульманами и язычниками: 1. иоанниты (госпитальеры) — после 1080 г. 2. тамплиеры (1119 г.) — первый орден, сложившийся в Святой Земле; 3. ордена Авиза (Эвора) — 1145 г.; 4. Алькантара (1157 г.); 5. Калатрава (между 1158 и 1163 гг.); 6. Орден св. Михаила (1167 г.); 7. орден Сантьяго де Компостелла (1160—1170 гг.); 8. Лилии (?); 9. Монжуа (1180 г.); 10. Немецкий орден (1190 г.); 11. Орден меченосцев (1202 г.) и 12. Орден братьев из Добжиня (1228 г.). Первые девять были основаны порту-

гальцами, испанцами, итальянцами, французами, следующие два — немцами, последний — поляками. Особенно сильны были тамплиеры, иоанниты и Немецкий орден, так как представляли собой крупные «интернациональные» рыцарские ордена. Остальные мелкие национальные ордена вскоре либо были поглощены господствующими орденами, либо упразднены. Такая судьба не миновала в 1312 г. даже Орден тамплиеров. Ордена добжиньцев и меченосцев были поглощены Немецким орденом (соответственно в 1235 и 1237 гг.).

«Аскетический идеал оказывал влияние не только на церковные слои. Он воздействовал и на мирян, и от слияния его с идеалом рыцарства получилась своеобразная форма — рыцарские ордена. Не будучи еще аскетическим и не сливаясь еще с монашеским, рыцарский идеал был уже идеалом христианским. Рыцари... были, по мысли идеологов, защитниками слабых и безоружных, вдов и сирот, защитниками христианства против неверных и еретиков. Стать рыцарем значило «поклониться ни шагу не отступить перед неверными»... Миссия защиты паломников в Святую Землю, помощи тем из них, которые, больные или бедные, в ней нуждались, защиты Гроба Господня от неверных вытекала, таким образом, из идеала христианского рыцарства. Благодаря господству аскетического миросозерцания, она сочеталась с принесением монашеских обетов, и так возникли рыцарские ордена» (*Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 113—114*).

Духовно-рыцарские ордена были военно-монашескими организациями рыцарей. Они создавались под руководством католической церкви с целью защиты и расширения владений крестоносцев на Востоке и для территориальных захватов в Европе под предлогом борьбы с «неверными». Как монахи члены орденов давали обеты воздержания, послушания, бедности; как рыцари-феодалы они носили оружие, участвовали в завоевательных походах.

Идеолог крестовых походов Бернар Клервоский (1091 — 1153 гг.) в специально посвященном рыцарским орденам сочинении пытался оправдать их существование, примирив служение Богу и военную деятельность. «Новый род воинства, как слышно, недавно возник на земле и в той

стране, которую некогда посетил Исходящий с выси [Иисус Христос], — новый, говорю я, род воинства и неведомый веками; оно неустанно ратует в двойной борьбе как против плоти и крови, так и против духовной неправды. Когда кто храбро сопротивляется одними силами тела против телесного врага, я это не признаю достойным удивления как и не считаю редкостью. А также, когда кто-либо в доблести своего духа объявляет войну порокам и бесам, то я — хотя и считаю это похвальным, — но не назову удивительным, так как монахов полон мир. Но когда человек плоти и человек духа в одном лице мощно опоясываются, каждый своим мечом¹, то кто не сочтет достойным всякого удивления того, кто, как всем ясно, до такой степени необычен! Поистине неустрашимый воин и во всех отношениях себя обезопасивший — тот, кто тело облекает броней железа, а душу — броней веры. Снабженный двойным оружием он не боится ни беса, ни человека. И не страшится, конечно, смерти тот, кому смерть желанна. [...] Верно и добровольно он стоит за Христа, и более того — он желает умереть, чтобы быть при Христе» (*Бернар Клервоский. Во славу нового воинства.* // В. Герье. Западное монашество и папство. М., 1913. С. 72—73).

«Такие воины — истинные воители Христовы — могут сражаться за дело Господне. Пусть убивают они врагов или гибнут сами. Им нечего бояться. Славно претерпеть смерть за Христа и не преступно убивать других за Него. Христов рыцарь убивает безгрешно и умирает со спокойной совестью. Умирая, он трудится для себя, убивая, — для Христа. Недаром носит он меч. Служитель Бога, он — каратель злых и спаситель добрых. [...] Он мститель, служащий Христу, и защитник христианского рода. [...]

Подобными соображениями оправдывался немислимый и внутренне противоречивый идеал «рыцаря Христова» (*Карсавин Л. П. Монашество в средние века. С. 116*)².

¹ Опоясывание мечом было одной из составных частей ритуала посвящения в рыцари.

² См. также Часть третью, Раздел IV, очерки «Молящиеся» и «Те, которые сражаются».

* * *

В 1187 г. европейские правители готовились к третьему крестовому походу. Немецкие рыцари вторглись в Палестину осенью 1189 г. и вместе с другими войсками почти два года осаждали город Аккон [Акру], оплот Святой Земли. Для борьбы с бушевавшими в лагере осаждающих эпидемиями горожане из Бремена и Любека основали для немецкого контингента госпиталь в палатке, сооруженной из корабельного паруса. Это было в середине 1190 г. Вот как пишет об этом первый хронист Немецкого ордена Петр из Дусбурга:

«В год от Воплощения 1190, в то время, когда град Аккон был осажден христианами и милостью Господа отвоеван из рук неверных, были в войске христианском некие набожные люди из городов Бремена и Любека, которые, будучи людьми, не способными без милосердия и сострадания взирать на разные невыносимые лишения и неудобства недужных, имевшихся в упомянутом войске, устроили госпиталь в палатке своей, сделанной из паруса корабля, называемого по-тевтонски «кокка», где, собрав упомянутых недужных, преданно и смиренно служили им и от благ, посланных им Богом, бережливо пользуясь, милосердно исцеляли, полагая, что в лице любого недужного или нищего они принимают самого Христа...» (*Петр из Дусбурга. Хроника Земли Прусской. Перевод В. И. Матузовой//Scriptores Rerum Prussicarum. HRFG. T. Hirsch, M. Torpen, E. Strehlke. Lpz., 1861. V. I. P. 25—26.*)

После взятия Аккона в октябре 1190 г. при поддержке герцога Фридриха Швабского положение Ордена упрочилось. Орден получил здание у городской стены, перестроил его, основал там госпиталь и часовню и оборудовал жилые помещения, после чего члены Ордена посвятили себя уходу за больными.

Происхождение названия Иерусалимский Немецкий госпиталь святой Марии неясно, однако связи между первым иерусалимским немецким госпиталем (1118 г.) и вновь созданным в Акконе в 1190 г., который со временем превратился в Немецкий орден, нет. Иерусалим был лишь

идейным центром Немецкого ордена, как и прочих рыцарских орденов после 1187 г. Папа римский Климент III дал согласие на учреждение госпиталя 6 февраля 1191 г. Окончательно он был утвержден папой Целестином III 21 декабря 1196 г.

В конце 1197 г., перед уходом из Палестины, было решено преобразовать Немецкий госпиталь в рыцарский орден. Вероятно это произошло весной 1198 г. на Вселенском соборе в Акконе. При выработке правил, по которым должна была строиться жизнь ордена, были использованы орденские уставы тамплиеров и госпитальеров. Ведя войну с язычниками, Немецкий орден должен был соблюдать устав тамплиеров как первый рыцарский устав, выработанный при содействии Бернара Клервоского. Будучи одновременно госпиталем, Немецкий орден должен был соблюдать и устав ордена (госпиталя) иоаннитов. Однако эти уставы к 1200 г. уже во многом устарели и к тому же не соответствовали тем условиям, в которых оказался Немецкий орден в Прибалтике. Однако IV Латеранский собор 1215 г. запретил новым орденам вырабатывать свои законы, но они должны были перенимать уже готовые. Чтобы облегчить положение Немецкого ордена, папа Иннокентий IV издал 9 февраля 1244 г. индикт, которым разрешалось изменять законы, если при этом они не затрагивали основ религиозной жизни.

Устав ордена предназначался для людей, ведущих строгий религиозный образ жизни. Требования были чрезвычайно высоки: ежедневно братья (члены) Ордена должны были проводить не менее пяти часов в молитвах и прочих религиозных занятиях; рыцарские турниры и охота (без которых не мыслится жизнь рыцаря) были запрещены; 120 дней в году составляли посты, предусматривавшие исключение даже таких продуктов, как молоко и яйца (стр. 00).

За намеренную ложь, нарушение поста, клевету, нанесение удара рукой мирянину братья должны были нести наказание. Если же кто поранил христианина до крови или разгласил тайны Ордена, тот подвергался годичному покаянию, т. е. должен был в течение года жить и трудиться вместе со слугами, трижды в неделю поститься

на воде и хлебе и каждое воскресенье подвергаться самобичеванию.

Об одежде братьев Ордена известно немного. С самого начала они должны были одеваться как монахи. Цвета Ордена были: белый, черный, коричневый или серый, однако первоначально, до преобразования в рыцарский орден, одежд белого цвета не было. Только после утверждения Ордена папой римским Иннокентием III 19 февраля 1199 г. рыцари стали носить белые плащи с черным крестом. Неизвестно, были ли они одного и того же цвета для всех членов Ордена или же отличались для разных групп.

Члены ордена образовывали несколько групп: братья-рыцари, священники, прочие братья, полубратья, сестры (с XIV в.), полусестры и фамилиары.

Братья-рыцари принимались в Немецкий орден из представителей рыцарского сословия; братья-священники отправляли церковную службу, а также занимались искусством и наукой (орденским священником был Петр из Дусбурга, первый хронист Ордена). К прочим относились братья Ордена, не принадлежавшие к рыцарскому сословию (легковооруженные воины и служащие низшего звания), но бывшие полноправными членами Ордена. Полубратья были мирянами, выполнявшими различные хозяйственные работы. Сестры Ордена были представительницами низших сословий, которые ухаживали за больными и выполняли в Ордене роль служанок. Фамилиары принимались обычно из числа богатых мирян, которые подчинялись орденским властям и могли оказывать материальную поддержку Ордену, а по смерти завещать ему все свое состояние.

«По уставу кандидаты в рыцарское братство обязаны были дать удовлетворительные ответы на те же пять вопросов, что задавались и тамплиерам: не являешься ли ты членом другого ордена? не женат ли ты? нет ли у тебя скрытых физических дефектов? не должник ли ты? не серв ли ты? Пять раз ответив «нет», кандидат должен был вслед за тем пять раз ответить «да». Готов ли ты сражаться в Палестине? В других местах? Заботиться о недужных? По приказу исполнять то, что умеешь? Соблюдать Устав? После этого он приносил монашеский обет:

«Я, ... , приношу обет и обещаю блюсти невинность, отказаться от собственности, быть послушным Богу и Благой Деве Марии и тебе, брат ... , магистр Тевтонского ордена, и твоим преемникам согласно Уставу и Статутам ордена и буду послушен тебе и твоим преемникам до самой смерти».

После чего его принимали в орден, и отныне он подчинялся распоряжку, соблюдение которого предполагало, что в любой момент он с одинаковым рвением должен был играть две роли: монаха и рыцаря». (*Christiansen E. The Northern Crusades. L., 1980. P. 82—83. Перевод В. И. Матузовой*).

Первый храм Немецкого ордена был сооружен в Акконе, вскоре после взятия города. До 1196 г. в Святой Земле возникло еще пять орденских центров: в Газе, Яффе, Аскалоне, Раме и Замси. В 1197 г. рыцари Ордена вступили в Барлетту и Палермо — в то время крупные морские порты в Южной Италии и Сицилии, которые были в руках крестоносцев.

Немецкий орден начал быстро расширять свои земельные владения на Востоке и в Западной Европе, хотя там уже существовали многие сотни центров тамплиеров и иоаннитов. С 1200 по 1300 гг. почти ежегодно возникало хотя бы одно комтурство (наименьшая административная единица Ордена), иногда два или больше. Около 1300 г. Орден насчитывал 300 комтурств в Европе: от Дуная на Востоке и почти до Атлантики на Западе, от Швеции на Севере и до южной оконечности Европы.

Первые комтурства возникли благодаря усилиям тех крестоносцев, которым довелось познакомиться с Орденом в Святой Земле. Основатели Ордена и его будущие благодетели жертвовали Ордену денежные суммы, скромные земельные владения и крупные поместья, церкви, монастыри и госпитали. Главными покровителями Ордена были папа и император, а также епископы и князья, знать и богатые горожане. С 1210 по 1250 гг. Орден возглавляли три выдающихся магистра: Герман фон Зальца (1209—1239 гг.), Конрад, ландграф тюрингенский (1239—1240 гг.) и Генрих фон Гогенлоэ (1244—1249 гг.), обладавшие талантом дип-

ломатов и сыгравшие большую роль в укреплении политических позиций Ордена.

О Генрихе фон Зальца читаем в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга: «Он был красноречивый, приветливый, мудрый, осмотрительный, прозорливый и прославленный во всех делах своих. ...так с течением времени преуспел орден, возглавляемый им, что вскоре после смерти его насчитывалось в вышеупомянутом Ордене две тысячи братьев из знатных родов королевства Алемании. ...Ведь так возвысился Орден благодаря ему, что неслыхано было испокон веков, чтобы какая-либо другая религия или орден так преуспели бы в этом мире благодаря одному человеку. И не удивительно. Ибо так милостив был к нему Бог, что был он любим всеми и воистину можно было сказать о нем, что был он любим Богом и людьми. Держал он в руке своей господина папу и императора, не говоря о прочих правителях и магнатах, и так расположил к себе их души, что получал все, чего бы ни попросил у них ради чести и пользы Ордена своего» (*Петр из Дусбурга... С. 31*).

Одновременно Орден превращался в крупного земельного феодала, имевшего комтурства почти по всей Европе. В 1199 г. было основано комтурство Зоннтаг в Штейермарке, в 1200 г. — госпиталь в Галле-на-Заале в Тюрингии, в 1202 г. — госпиталь в Боцене (Южный Тироль), в 1204 г. возникло комтурство в Праге, тогда же, вероятно, и в Вене; в 1206 г. сооружен второй храм в Сицилии (Полицци), в 1207 г. — храм в Рейхенбахе в Гессене; в 1209 г. Орден вступил на территорию Греции и тогда же в Нюрнберг (Франкония), в 1210 г. — в Баварию, основав храмы в Айхахе и Регенсбурге, а в 1211 г. — в Бурцу (Венгрия), в 1218 г. возникли первые храмы Ордена в нынешних Бельгии и Голландии, не позднее 1225 г. — в нынешней Швейцарии, а в 1228 г. — во Франции. Наконец, в 1230 г. рыцари Ордена вступают в Пруссию, а в 1237 г. — в Ливонию.

Со временем первые комтурства были преобразованы в баллеи (провинции), во главе которых стояли комтуры земель. Для Германии, Ливонии и Пруссии назначались

магистры земель (ландмейстеры). Верховная власть в Ордене принадлежала великому магистру (гроссмейстеру). Генеральный капитул был высшим законодательным и надзорным органом. Ближайшими помощниками великого магистра были: великий комтур (заместитель великого магистра), маршал (высший военный чин), был также ответственный за дела госпиталя в резиденции Ордена (шпитлер), казначей, ведущий кассой Ордена, и ответственный за одежду (трапир).

О церемонии избрания великого магистра известно следующее: собрание братьев Ордена выбирало комтура-выборщика. Он выбирал себе одного брата и вместе они выбирали третьего и т. д., пока их не набиралось 13. Эти 13 человек составляли избирательный капитул. Во время выборов комтур-выборщик сам оглашал имена тех, кого он считал наиболее достойными. Остальные 12 выборщиков могли соглашаться или выдвигать иные кандидатуры.

Около 1280 г. Орден имел 13 баллеев в немецких землях, 3 — в Италии, по одному во Франции, Греции и Сирии, а также владения в Пруссии и Ливонии. Баллеями в империи были: Бизен, Утрехт, Богемия (Чехия), Австрия, Тюрингия, Саксония, Эльзас-Бургундия, Лотарингия, Кобленц, Марбург, Франкония, Боцен и Вестфалия. В Италии возникло три баллея: Сицилия, Апулия и Ломбардия. Баллеи состояли из комтурств. Так, в Сицилии было 10 комтурств, в баллеях Бизен и Утрехт 12—14 комтурств. Баллеи в Греции назывался Романия, в Сирии — Армения. В то же время владения в Святой Земле не относились ни к какому баллею, но подчинялись непосредственно верховной власти Ордена.

В Грецию, Венгрию (область Бурцу), Пруссию и Ливонию Немецкий орден был призван как рыцарский орден на помощь местным правителям в борьбе с неверными; в других баллеях он существовал как госпиталь.

В начале 30-х годов XIII в., после неоднократных просьб польского князя Конрада Мазовецкого, папы и императора Фридриха II, Орден начал завоевание Пруссии. Пруссы относились к западнобалтийским племенам, насе-

лявшим побережье Балтийского моря от Вислы до Немана. По языку они были близки к литовцам и латышам. Эти неславянские народы находились в окружении славянских: русов, поляков, поморских славян, для которых огромное значение имел выход к морю. Поэтому на территории Пруссии и Литвы нередко разыгрывались войны.

«Пруссы не имели понятия о Боге. Поскольку они были глупцами, то разумом не могли постичь его, а так как письменности у них не было, то не могли созерцать его и в Писании. В самом начале они чрезвычайно дивились тому, что кто-то, отсутствуя, мог пояснить свои намерения буквами. И вот, поскольку они не знали Бога, то случилось, что, заблуждаясь, они всю природу почитали вместо Бога, а именно солнце, луну и звезды, гром, птиц, также четвероногих, вплоть до жабы. Были у них также священные леса, поля и реки, так что они не осмеливались в них рубить деревья или пахать или ловить рыбу. Было же среди этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто, по имени Криве, которого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле и повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам, или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей (знати — *V. M.*) и простого люда. Хранил он также, по древнему обычаю, негасимый огонь. Пруссы верили в воскрешение плоти, однако не так, как следовало. Ибо они верили, что если кто-то является знатным или незнатным, богатым или бедным, властительным или бесправным в этой жизни, таким будет и после воскрешения^в будущей жизни. Вот почему случалось, что с умершими знатными сжигались оружие, кони, слуги и служанки, одежда, охотничьи собаки и ловчие птицы и прочее, что они относили к военному делу. С незнатными сжигалось то, что относилось к их занятиям. Они верили, что все

сожженное воскреснет с ними и будет служить как и прежде. (...)

После победы они приносили жертву своим богам и от всего того, что досталось им победой, третью часть подносили упомянутому Криве, который это сжигал. Ныне же литвины и прочие язычники этих мест сжигают упомянутую жертву в каком-то священном месте согласно их обряду, но, прежде чем сжечь коней, их загоняют настолько, что они едва могут стоять на ногах» (*Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. Перевод В. И. Мамузовой// Вопросы истории. 1986. № 7. С. 66—67).

Предпринимались миссионерские попытки насаждения христианства в Пруссии. Епископ Адальберт Пражский проповедовал в Пруссии христианство (X в.), но через несколько лет (997 г.) был убит язычниками. Его преемника, миссионера Бруно Кверфуртского, та же участь постигла в 1009 г. Миссия возымела успех только с основанием в 1206 г. цистерцианского¹ монастыря в Лекно. Его аббату Готфриду удалось основать в 1215 г. прусское епископство, которое возглавил цистерцианец Христиан из Оливского монастыря. В 1217 г. по неясным причинам Христиан перешел от мирной миссии к военным действиям, пригласив крестоносцев. Оказывая сопротивление, пруссы разгромили едва возникшую прусскую церковь и нанесли жестокий урон Поморью и Северной Польше. В одной только Мазовии было разгромлено 250 приходских церквей и 10 тыс. деревень, убито 20 тыс. человек, а 5 тыс. уведено в плен. Князь Конрад Мазовецкий призвал на помощь рыцарей Немецкого ордена. Папа и император, каждый в своей булле², предоставили Ордену полную свободу действий в

¹ Цистерцианский католический монашеский орден был основан во Франции монахами-бенедиктинцами в 1098 г. Обрел влияние в XII в. после реорганизации его Бернаром Клервоским, по имени которого монахи ордена стали называться бернардинцами. По уставу, принятому в 1119 г., монахам ордена предписывался аскетический образ жизни и физический труд. К началу XIV в. цистерцианский орден превратился в один из богатейших католических монашеских орденов.

² Император Фридрих II издал свою буллу («Золотая булла Римини») в марте 1226 г., папа римский Гонорий III — в 1234 г. (вообще за время своего правления с 1216 по 1227 г. Гонорий III издал 113 булл для Немецкого ордена).

Пруссии, жалую им всю землю, какую он сможет отвоевать у язычников. Пруссия, таким образом, исключалась из ленных отношений империи, что предоставило Ордену абсолютную автономию независимо от высшей власти императора.

Когда в 1230 г. Конрад Мазовецкий отказался от своих прав на Хелминскую землю, ею завладел Герман фон Зальца. Его верный соратник Герман Бальк вошел в Пруссию в качестве ландмейстера, приведя с собой пять братьев (рыцарей) и оруженосцев. Они обосновались на левом берегу Вислы. В 1231 г., по прибытии крестоносцев, он переправился через реку и встал укрепленным лагерем. По описанию Петра из Дусбурга первая крепость была достаточно примитивна: она была сооружена на большом дубе. Это место служило плацдармом, откуда крестоносцы завоевали прилегающие земли и основали города Кульм (ныне Хелмно) и Торн (Торунь). «Брат Герман Бальке, магистр Пруссии... построил в 1231 году замок Торунь. Это сооружение было сделано в каком-то дубовом дереве, в котором были устроены укрепления для обороны; со всех сторон они окружили себя засеками; подступ к замку был всего один» (*Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской.* Там же. С. 50.)

С 1233 г. начались крупные военные операции по завоеванию Пруссии. Завоевательские планы осуществлялись с помощью европейского рыцарства и знати, принимавших активное участие в походах Немецкого ордена.

Около 1184 г. в Ливонии миссионерствовал Мейнхард из голыптейнского монастыря Зегеберг. По его смерти был избран епископом Бертольд фон Локкум; он погиб во время восстания в 1198 г. Альберт фон Бекесховеде, третий епископ, на время всего своего тридцатилетнего правления заручился сильной поддержкой крестоносцев и основал в 1202 г. Орден меченосцев. К 1229 г. (год смерти Альберта) были завоеваны Ливония, Эстония и часть Курляндии (территория расселения балтийского племени курши). Эти земли как владение Ордена объединились под названием Ливония.

В дальнейшем магистр Ордена меченосцев Вольквин, поняв, что сотрудничество с Немецким орденом в Пруссии, более сильным и обладавшим большими привилегиями,

пошло бы ему на пользу, вступил в переговоры в Немецким орденом относительно объединения. Герман фон Зальца, поразмыслив, наконец, через год направил посольство в Ливонию. Послам меченосцы не слишком приглянулись, «ибо им не понравилась их жизнь, они хотели жить по-своему, не соблюдая их устав», как впоследствии сообщил великий магистр Герман фон Гельдунген в своем донесении. По-видимому, речь шла о сохранении самостоятельности Ордена меченосцев после объединения, а не об абсолютном поглощении его Немецким орденом. Но 22 сентября 1236 г. пришла весть, что ливонское войско потерпело поражение при Шяуляе и что только вмешательство Немецкого ордена могло спасти положение. После чего 12 мая 1237 г. папским декретом Орден меченосцев был присоединен к Немецкому ордену.

Прусский магистр Герман Бальк тут же отправил в Ливонию 60 рыцарей Ордена. Там в ближайшие годы было восстановлено спокойствие, завоевана Курляндия, а от границ отброшены русские.

Однако при преемнике Балька Дитрихе фон Грюнингене Крестоносцы понесли тяжелое поражение на Чудском озере от русских войск под водительством Александра Невского. «На рассвете 5 апреля 1242 года Александр увидел, как вся масса немецких войск устремилась на русских. Устремленно размеренно двигался безликий железный клин, сверкающий доспехами, причудливыми шлемами рыцарей в белых плащах с изображением красного меча и креста.

...Александр с возвышенного места смотрел и ждал. Он уклонился от обычно принятого встречного удара, показной дружинной доблести он предпочел мудрость. Выставив ночью впереди заслон, он велел ему стоять как вкопанному, пока весь рыцарский клин не втянется в русские ряды. Заслон волю его выполнил: осыпал голову «свиньи» стрелами, а затем принял ее в копья. А уж потом, отбиваясь мечами, теряя воинов и смыкая редущие ряды, стал медленно отходить. Наконец рыцари смяли заслон и устремились вперед: «Наехаша на полк немци и чюдь и прошибошася свиньюю сквозе полк...» Крестоносцы яростно пробились сквозь войско заслона. Но здесь их конница,

утратив и строй, и боевой порыв, считая дело выигранным, оказалась перед занесенным глубоким снегом, непроходимым для нее лесистым берегом Узмени.

Теперь пора. Александр подал знак, на солнце сверкнул золотом суздальский лев на княжеском стяге, и внезапно на рыцарей устремились главные силы русских, с одной стороны новгородцы, псковичи, карелы, ижоряне во главе с тысяцким и посадником, с другой — суздальская рать Александра, и «бысть сеча ту велика немцемь и чюди» (...)

Это была дотоле невиданная битва, и казалось, что «трусак от копий ломления и звук от сечения мечного» был такой, будто «озеру померзшю двинутися; и не бе видети леду, покры бо ся кровию».

Замысел Александра удался вполне. Русские люди «кровь свою прольяхша» не напрасно, цвет рыцарства был разгромлен. (...) Было убито одних только рыцарей 400 (из них 200 меченосцев), а 50 попали в плен...» (*Пауто В. Т. Александр Невский. М., 1974. С. 76—78*).

Рыцари Ордена навсегда отказались от плана завоевания Русской земли.

Поражение Ливонского ордена вдохновило пруссов и их союзника, поморского князя Святополка, на восстание. Пять укрепленных крепостей на Висле и у моря были потеряны для Ордена, а тысячи немецких колонистов погибли. Но Орден оказался сильнее, и прусское восстание закончилось поражением. 7 февраля 1249 г. был подписан мирный договор в Христбурге. По договору пруссы подчинялись Ордену и обязались принять крещение, а также построить 21 церковь и служить в них церковную службу. Орден предоставлял им имущественное и наследственное право.

Вот некоторые статьи из Христбургского (Кишпоркского) договора 1249 г.:

«[I] Далее много раз называемые новообращенные, главным образом из Помезании, Вармии и Натангии¹,

¹ Помезания, Вармия и Натангия — прусские земли. Ко времени начала завоевания Пруссии крестоносцами их насчитывалось одиннадцать: Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Надровия, Скаловия, Судовия, Самбия, Галиндия, Барта; к числу прусских немецкие крестоносцы относили и Кульмскую (Хелминскую) землю.

выслушав от нас поучение, что люди все равны, пока они не согрешили, и что единственно прегрешение делает людей несчастными и подчиненными, и что любой, как бы он ни был свободен, если совершил прегрешение, становится рабом греха, не желая потерять выше названную свободу и в дальнейшем подчинить себя за грех человеку, в присутствии нас и других выше названных обещали Богу и Римской церкви и много раз названным братьям по свободному изъявлению воли крепко и надежно,

[1] что они или их наследники не будут сохранять [обычаев] сжигания мертвых или захоронения [их вместе] с конями или людьми, или с оружием и платьем, или с какими-либо другими драгоценными вещами, или по каким-либо другим [обрядам], не будут сохранять родовых [племенных, простонародных] обычаев, но своих мертвых будут хоронить по христианскому обычаю на кладбищах, а не вне их.

[2] Идолу, которого один раз в году, собрав жатву, они обычно выдумывают и почитают за бога, имя которому они дали Курхе, и другим богам, которые не создали неба и земли, какими бы именами они ни назывались, они в дальнейшем не будут делать возлияний, но что они твердо и неизменно останутся веруя в Господа Иисуса Христа и католическую церковь и [будут оказывать] послушание и повиновение Римской церкви.

[4] Кроме того, они обещали, что равным образом не будут в дальнейшем иметь двух жен и более; но, довольствуясь только одной, каждый [будет] соединяться с нею при достаточном [важном] свидетельстве и этот брак объявит в церкви в указанное время с должным торжеством перед народом.

[7] Они также обещали, что как только у кого родится ребенок или в течение не более восьми дней, если так долго он может прожить без опасности смерти, они примут меры доставить его для крещения в церковь, чтобы священник крестил его; и если [ему] угрожает опасность смерти, то пусть он будет возможно скорее крещен каким-либо христианином, имеющим стремление совершить крещение, трижды окунув ребенка в воду со словами: «дитя, я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа».

[III] [1] Кроме того, чтобы много раз названные новообращенные не оказались неблагодарными за свободу и милость, которых они всегда желали, они согласились перед вышеназванными и твердо обещали, что, так как нам очень трудно объезжать все поселки Пруссии для молотьбы и доставки нашей десятины, то сами новообращенные и их наследники будут доставлять ежегодно эту десятину обмолоченной в наши житницы сами или через посредство других.

[2] И кроме того, они обещали, что они будут охранять жизнь и члены, честь и права всех и каждого из нас по их силе и возможности добросовестно, не будут сочувствовать и не позволят, молча или громко, чтобы какая-либо измена была вокруг нас;

[5] и что во всех наших походах пойдут снабженные и вооруженные согласно своим возможностям.

И мы им обещаем, что если кто из них во время наших походов будет взят в плен язычниками или врагами, мы добросовестно будем стараться об их освобождении без того, чтобы нам [что-либо] давали» (*Папуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 499—507*).

В 50-е годы XIII в. Немецкий орден продолжал укреплять свои позиции в Пруссии и Ливонии. В 1252 г. был основан Мемель (ныне Клайпеда) и тем самым как бы наведен мост между Пруссией и Ливонией. В 1254—1255 гг. сильное войско крестоносцев во главе с королем Чехии Отакаром II завоевало прусскую землю Самбию и основало в ней замок Кенигсберг. В 1253 г. ливонский магистр дал согласие короновать великого князя литовского Миндовга и поставить брата Ордена Христиана епископом Литвы. Миндовг предоставил Ордену свободу рук в Жемайтии — землях жемайтов (жмуди) — древнего литовского племени, а в 1260 г. завещал ему, за неимением преемника, также и Аукштайтию — земли аукшайтов — литовского племени, жившего в восточной части Литвы.

Тем временем произошло событие, грозившее свести на нет все усилия Ордена. В 1260 г. жемайты нанесли сокрушительный удар объединенному войску прусских и ливонских рыцарей при Дурбене. В битве пали 150 рыцарей.

«...И свершилась там великая битва, и многие пали с каждой стороны. Наконец, после долгого единоборства... братья, по воле Господа, потерпели поражение... и пали в этом сражении... в земле Куршской, в поле близ реки Дурбин, брат Бурхард, магистр Ливонии, и брат Генрих Ботель, маршал Пруссии, а с ними 150 братьев, а из народа Божьего такое множество, что о количестве их я не слышал» (*Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. Там же. С. 97).

За этим последовало прусское восстание, охватившее земли от Двины до Вислы. Во главе восставших стояли прусские вожди Гланде, Глаппо, Геркус Монте. Мелкие крепости пали при первом же ударе. Крупные держались, и в них укрылись немецкие беженцы. Крестоносцы потерпели несколько тяжелых поражений: в 1261 г. при Леневардене в Ливонии и при Покарвисе в Пруссии, в 1263 г. — при Дюнамюнде и Лебау. В 1261 г. великий князь литовский Миндовг отошел от Ордена. Александр Невский собирался выступить против Ордена, шла упорная борьба за крепости на море и на Висле.

В 1267 г. ситуация стала меняться в пользу Ливонского ордена, в 1272 г. — в пользу Ордена в Пруссии. С помощью войск крестоносцев им удавалось отвоевать местность за местностью. Одновременно шло обращение местного населения в христианство. Добровольно переходившим на сторону Ордена тевтонские завоеватели предоставляли широкие права и даже возводили в положение знатных людей.

«Кто бы ни обратился к вере Христа, оставив идолопоклонство, братья милостиво обращаются с ним, и вот как. Если он знатен и происходит из рода нобилей, то ему даются земли в свободное владение и в таком количестве, что он может жить приличествующе положению своему; если он не знатен, то он и сам служит братьям по доселе соблюдаемому обычаю земли Прусской; разве что с достойными награды или порицания поступают по-иному. Например, незнатные, которые в вероотступничестве или при других обстоятельствах преданно примыкали к вере братьев, разве славные их заслуги не требуют

того, чтобы незнатность их превратилась в благородную знатность, а рабство в заслуженную свободу? Непременно, Господи. И соответственно этому разумеи и обратное. Вот почему в земле Прусской много новообращенных, предки которых происходили из знатного рода, они же из-за своего зла, содеянного против веры и христиан, были признаны незнатными; другим же, чьи родители были незнатными, за верное служение, оказанное вере и братьям, дарована была свобода» (*Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. Там же. С. 146.). Восстание завершилось в Пруссии в 1283 г., в Ливонии — в 1290 г. победой Ордена.

В XIV в. Орден вел борьбу с язычниками-жемайтами в Литве. С одной стороны, это была война за веру, с другой она была вызвана интересами государства Ордена в Пруссии, широкий фронт которого не смог бы продержаться без жемайтского тыла. Жемайтия разъединяла Пруссию и Ливонию. Но и без этого Орден видел в Литве врага: до 1290 г. литвины совершили не менее 30 нападений на земли Ордена и каждый раз уходили из них не с пустыми руками, увозя людей, угоняя скот и унося награбленное добро.

Однако, пока Орден действовал в собственной земле, маленький литовский народ вырос в огромное Литовское государство, к 1350 г. расширившее свои границы до Смоленска на востоке и до Черного моря на юге. С мощью этого государства крестоносцы не могли справиться своими силами. На протяжении XIV в. обычным явлением становятся походы европейской знати и рыцарства в Пруссию, откуда они вместе с рыцарями Немецкого ордена совершали походы на Литву.

С 1230 по 1283 гг. крестоносцы создали государство, простиравшееся от Вислы до Финского залива. После смерти поморского князя Святополка начинается борьба Ордена с Польшей за обладание Поморьем.

До 1226 г. Поморье находилось под властью Польши, затем стало независимым. Притязания Польши потеряли силу за давностью лет. Польский князь Владислав Локетек, получив Поморье, дважды от него отрекался. Его преемник отдал Поморье маркграфам бранденбургским, которые с

XIII в. были связаны с Польшей ленными отношениями. Однако для Польши обладание Поморьем означало выход к морю, исполнение давних притязаний и возможность отрезать орденское государство, узкой полосой протянувшееся между Польшей и морем, от Германии и замкнуть его с юга и с запада. В 1309 г. свободная земля была занята бранденбургскими войсками, город Данциг — войсками польского князя Владислава Локетка. Когда последний попросил помощи и пообещал за нее половину Данцига, орденское войско вытеснило бранденбуржцев из Поморья, но заставило отступить войска Локетка, когда он отказался от уплаты контрибуции.

Владислав начал длительный церковный судебный процесс (с участием Римской курии) с Орденом за Поморье, а когда это не возымело действия, Владислав, став королем польским, объединил вокруг себя все силы королевства и в 1329 г. вступил в войну с Орденом. Два года нападали поляки на землю Ордена, но встречали отпор со стороны укрепленных крепостей. Затем Орден перешел в наступление, но сначала потерпел поражение при Пловцах, однако в 1332 г. овладел польским пограничьем и укрепился на нем. По смерти короля Владислава в 1333 г. его преемник Казимир прекратил войну, попытался заполучить Поморье в ходе очередного судебного процесса. Он завершился тем, что сам папа римский призвал к заключению мира с Орденом (1343 г.) при условии, что, получив Поморье, Польша прекратит дальнейшие завоевания.

В ближайшие за тем годы Орден, пользуясь материальными затруднениями мелких земельных феодалов, скупил все земли до Одера и не уступил их Польше.

В результате всего этого Орден превратился в суверенное государство, а вместе с тем в важный военный фактор не только в Прибалтике. Орден получил международное признание и был связан почти со всеми европейскими странами. Его государство представлялось в Европе XIV в. воплощением идеи крестовых походов, на волне которых оно и поднялось. Особенно отчетливо это прослеживается на примере Пруссии. Само завоевание и покорение этой земли с насаждением в ней христианства было делом

объединенных европейских сил во главе с Немецким орденом. Мирное развитие страны осуществилось на этой же основе сотрудничества, в первую очередь при участии Германской империи, так что население Пруссии являло собой конгломерат жителей немецких земель, пограничных польских областей и прусского коренного населения. Вопреки до сих пор существующей точке зрения, что Орден уничтожил коренное прусское население, стоит говорить скорее о его ассимиляции.

Успехи Ордена в завоевании Пруссии и основании автономного государства историки объясняют его рыцарско-монашеским характером, благодаря чему он был способен не только на насильственные военные действия, но и на проведение христианской миссии.

XII—XIII вв. были временем подлинного расцвета рыцарских орденов. Пример Немецкого ордена в Пруссии свидетельствует какого могущества может достичь орден.

Однако с прекращением крестовых походов ордена теряют идейную основу и питательную почву для дальнейшего развития. Постепенно восхищение современников рыцарскими орденами сменилось трезвой, даже враждебной критикой. Говорили порой, что ордена исчерпали себя. Именно это имелось в виду, когда король французский Филипп IV Красивый (1285—1324 гг.) в 1312 г. разогнал Орден тамплиеров, обвиненный в тяжких грехах и осужденный в инквизиционном процессе. На рубеже XVI в. из рыцарских орденов остались лишь иоанниты и Немецкий орден.

В конце XIII в. английский ученый-философ Роджер Бэкон, характеризуя действия христиан, ратующих за обращение язычников в христианство, писал, что «...особенно братья Тевтонского (Немецкого. — В. М.) ордена желают обратить их в рабство, как это очевидно проповедникам и миноритам и прочим добрым людям во всей Германии и Польше».

Первый ощутимый крах Немецкий орден понес в Святой Земле. В 1244 г. мусульмане захватили Иерусалим, а затем

¹ Проповедники — Орден монахов-доминиканцев; минориты — Орден монахов-францисканцев.

постепенно отвоевали у христиан и все остальное. В 1291 г. пал Аккон, последний оплот христиан в Палестине. Вместе с этим была утрачена основа для дальнейших крестовых походов и потерпела крах самая идея крестовых походов. Но сколь бы катастрофичен ни был этот удар, для Немецкого ордена он имел и свои положительные стороны. Не стало почвы для соперничества между Пруссией и Святой Землей. Резиденция великого магистра, которая с 1291 по 1309 г. находилась в Венеции, была перенесена в 1309 г. в Мариенбург — автономное прусское государство, где он был суверенным феодальным правителем.

К концу XIV в. орденское государство в Пруссии достигло высокого для своего времени экономического развития. Оно стало одним из крупнейших производителей зерна в Европе (в 1390 г. в Данциг прибыли 300 английских кораблей с целью закупки зерна). Кроме того, орденское государство вело торговлю древесиной, медом и воском, янтарем, мехами и шафраном; прусские купцы получали многие из этих товаров из Руси, Польши и Силезии.

В области духовной жизни, искусства и науки орденское государство также многого достигло, и это тем более удивительно, что развитие этих сфер шло одновременно с непрекращающимися военными действиями.

Орденские власти учредили в Пруссии немало приходских и народных школ. Прусских учащихся посылали в крупные средневековые университеты. Некоторые из них в дальнейшем снискали себе славу знаменитых профессоров. До 1525 г. в европейских университетах обучалось 4028 пруссов, а в одной только Праге до 1420 г. были профессорами 80 пруссов. В 1386 г. великий магистр добивался разрешения папы римского основать университет в Кульме (Хелмно). Однако внутренние противоречия Ордена помешали созданию этого, четвертого в то время, немецкого университета, который мог бы стать центром просвещения в Северо-Восточной Европе.

Постепенно сложилась собственная орденская литература. Ее составными частями были: история Ордена, пересказы Священного писания и жития святых. Расцвет орденской историографии приходится на время правления

великого магистра Лютера фон Брауншвейга (1331 —1335 гг.), привлечшего к научной деятельности многих братьев Ордена. Блестящими представителями историографии являются Петр из Дусбурга и Николай фон Ерошин. «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга охватывает период от основания Ордена до 1330 г. В ней нашли отражение, наряду с историей Ордена, древнейшая история, религия, обычаи и культура пруссов. Поэтому она является важным источником по истории древней Пруссии. В описании завоевания Пруссии Орденом Дусбург изображает Орден орудием Божиим для борьбы с язычниками.

Хроника Дусбурга, написанная на латинском языке, была переведена на немецкий язык в форме рифмованной хроники Николаем фон Ерошиным, его непосредственным преемником, обладавшим большим поэтическим талантом.

Несколько позднее в Ливонии орденский священник Бартоломей Хенеке создал продолжение знаменитой Ливонской рифмованной хроники, описав в ней историю Ордена в Ливонии до 1348 г. «Хронику Ливонии» создал также капеллан Герман фон Вартберге. Впрочем, обе эти хроники во многом уступают сочинению Петра из Дусбурга. Продолжателем Дусбурга в Пруссии стал Иоганн фон Посильге, служитель Помезанского епископства. Его хроника охватывает 1361—1405 гг.

К орденской историографии причисляют также хронику Виганда Марбургского, герольда великого магистра Конрада фон Валленрода. Он является одним из величайших хронистов Средневековья, хотя немецкий оригинал его хроники сохранился лишь в нескольких отрывках. Основное ее содержание — описание походов европейской знати и рыцарства под руководством Немецкого ордена на прусские и литовские земли. Хроника охватывает период с 1311 по 1394 г.

К религиозной литературе Ордена относятся жития святых (в первую очередь покровителей Ордена), а также пересказы (на немецком языке, зачастую рифмованные) Священного писания, прежде всего — о Данииле, царе Давиде, Юдифи, Маккавеях, служившие первоклассным материалом для нравственного воспитания членов Ордена.

Особенно пострадали после перенесения центра Немецкого ордена в Пруссию баллеи на Средиземном море. Первой пала «Армения», последнее известие о которой относится к 1271 г., однако, не исключено, что Орден владел ею до перехода ее к мусульманам в XIV в. К тому же времени относятся сообщения братьев Ордена об относящемся к баллею «Армения» острове Кипр. Тогда же были выкуплены у Ордена владения в Монпелье, потерял Арль, в результате чего Орден лишился земель в Южной Франции.

В XIV в. произошло еще одно событие, приведшее в дальнейшем к окончательному краху Немецкого ордена в Пруссии. В политической жизни Восточной Европы произошел перелом: в 1386 г. в результате брака польской королевы Ядвиги и великого князя литовского Ягеллона была заключена уния между Литвой и Польшей.

Великий магистр Конрад фон Валленрод (1391—1393 гг.) осознавал какой опасностью грозила эта уния Ордену. Он стремился привлечь на сторону Ордена великого князя литовского Витовта (1392-1430 гг.), противника Ягеллона в Литве, но безуспешно. По его смерти руководство Орденом перешло к Конраду фон Юнгингену (1394—1407 гг.). Он добился присоединения к Ордену Жемайтии мирным путем, что объединило Пруссию и Ливонию. Цель столетней политики была достигнута.

Конрад фон Юнгинген, как и его предшественники, делал все возможное, чтобы избежать ведения войны на два фронта. Он писал одному из комтуров: «Войну легко начать, но трудно кончить. Лучше потерять одного, двух или четырех коней, чем всю страну. У той и другой стороны огромные земли, у нас же — небольшая страна с многочисленным народом, не привыкшим к войне». При преемнике Конрада Ульрихе фон Юнгингене (1407—1410 гг.) Витовт прикинулся верным другом Ордена. Напротив, Ягеллон вечно проявлял недовольство и воздерживался от предложений совместных походов на Восток. В 1408 г. фогт Жемайтии Михаэль Кухмейстер сообщил о происках Витовта в Жемайтии. Приступили к укреплению военной мощи Ордена в этой земле. Ульрих поступил бы разумно,

если бы сделал вид, что ничего не знает о поведении Витовта, и быстро исключил Жемайтию из числа друзей Пруссии и Ливонии. Но он решил объявить Витовту войну. Предварительно он напомнил Ягеллону о его обязательствах. Но когда обнаружилось, что польский король должен был нанести удар орденом войскам при наступлении на Витовта, Ульрих немедленно объявил войну и Польше.

Ягеллон и Витовт получили поддержку со стороны войск татар, русских, владов и чехов. Орден привлёк немецких наемников, призвал немецких князей и повелел ливонскому магистру объявить войну Витовту. Однако великий магистр объявил войну в качестве магистра Пруссии, поэтому совместные действия могли начаться лишь по объединении обоих магистров. Таким образом и заключение мира одним магистром без ведома другого было вполне естественным. Поэтому ливонский магистр не совершил никакого «предательства» против Ордена, когда занял примерно такую позицию: без нашего ведома начатая война может вестись и без нашей помощи. Ливонский магистр заявил, что он совсем недавно заключил мир с Витовтом и теперь не может его расторгнуть. Должно быть разочарование в Пруссии было велико, ибо Ливония была сильнейшей и самой надежной фигурой в этой игре. Теперь следовало отказаться от задуманного зимнего похода на Литву.

По окончании перемирия один корпус войска Ордена во главе с Генрихом фон Плауеном стоял в Поморье, основные силы — на Дривенце, где ожидалось нападение поляков. Однако Ягеллон незаметно объединился с Витовтом и прошел немного восточнее основного войска. Великий магистр узнал об этом лишь 14 июля 1410 г. от беженцев из окрестностей Гильгенбурга, которые рассказали о зверствах татар Витовта. Ночью Ульрих выступил на восток, не дожидаясь поморского корпуса и немецких наемников. Когда уже очень усталое войско утром 15 июля появилось у Грюнвальда, оно было ослабленным морально и физически, о чем свидетельствовала и разыгравшаяся битва.

Согласно польскому хронисту Яну Длугошу, в войске Великого княжества Литовского насчитывалось 40 полков,

в войске Польши 50 полков. Численность войска Немецкого ордена была несколько меньшей — около 10 полков наемников и союзников. Когда положение стало критическим, полководцы Ордена обратились за помощью к великому магистру. Ульрих собрал вместе все доступные резервы и сам возглавил их. Но и эти усилия ни к чему не привели и завершились гибелью магистра и его полководцев. Силы Ордена попали в окружение и были уничтожены. В общей сложности Немецкий орден потерял до 18 тыс. человек.

В результате Грюнвальдской битвы 1410 г. была сломлена военная и политическая мощь Немецкого ордена, погребены его планы овладения Прибалтикой, создания крупного государства и господства над всей Восточной Европой. Продвижение Немецкого ордена на восток было остановлено.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Tumler M., Arnold U. Der Deutsche Orden. 1986.

Пацуро В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.)//История СССР. 1959. №6.

«Хроника Земли Прусской Петра из Дусбурга//Пер., вступ. ст. и комм. *В. И. Матузовой*/ Вопросы истории. 1986. №7.

РАЗДЕЛ VII

ЦЕРКОВЬ, ХРИСТИАНСТВО И ЕРЕСИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Роль церкви в жизни западноевропейского средневекового общества, которое многие историки справедливо называют христианским обществом или христианским миром, была поистине всеобъемлющей: церковь претендовала на то, чтобы управлять обществом. Проповедники, сравнивая общество с человеческим телом, уподобляли священников голове и глазам, знать — рукам, а простолюдинов — ногам. В средние века церковь выполняла множество функций, которые позднее стали принадлежать государству. Церковные суды рассматривали гражданские и уголовные дела с участием клириков, а их решения по вопросам, связанным с браками, разводами, наследством, исполнялись местной властью в обязательном порядке. Юрисдикция церкви распространялась на всех, кто пользовался «привилегией духовенства»: на священников, монахов, послушников, студентов. Доля же клириков в населении была весьма значительной.

Церковь возглавила в первой половине XI в. движение против частных феодальных войн, за «божий мир», она буквально *умиротворяла* общество. Церковь заботилась о бедных, больных, сиротах и стариках. Она контролировала образование и производство книг, добивалась от светских властей введения цензуры: так, например, эдикт Карла IV от 1369 г. предписывал, «чтобы книги на народном наречии, а также трактаты и проповеди..., которые могут дать случай

к лжеучению и лжепроповеди, обследовались инквизитором или его помощниками и отбирались как у белого и черного духовенства, так особенно у мирян, тем более, что мирянам обоюбого пола по каноническим установлениям не подобает читать чего бы то ни было из Писания, хотя бы на народном языке, дабы чрез плохое понимание они не впадали в ересь и заблуждения» По меткому выражению одного современного историка Бишопа, «церковь была больше, чем патроном средневековой культуры, она была самой средневековой культурой»¹ (*M. Bishop. The Penguin Book of the Middle Ages. Harmondsworth, 1978. p. 167.*)

В XII—XIII вв. прежде «мирные» отношения между народной и официальной религиозностью вступают в период конфронтации, источником религиозных брожений был социальный протест. «Отчаяние, рождающее религиозные образы, — вот источник веры, всегда иррациональной, ибо разум не мирится с действительностью и всегда толкает на борьбу... Когда же открытая борьба невозможна или затруднительна, протест принимает более или менее пассивную форму и на время затихает в ереси, которая принуждена прятаться сама и сжигать свой протест в пламени религиозного энтузиазма... Именно в это время церковь начинают потрясать смуты, возбуждаемые неизвестными людьми из народа, которые выступают не только с критикой, но и с полным отрицанием церкви и ее иерархии. Голоса гневного и страстного обличения направлены против великолепия и богатства церкви и недостойного поведения ее служителей; ставится вопрос, подлинно ли это церковь Христа, не подменена ли она царством Сатаны и его предшественника и провозвестника Антихриста?.. Где искать социальные корни этого широкого религиозного движения, или, лучше сказать, многочисленных и разнообразных течений XII—XIII вв.? ...Нет никакого сомнения в том, что ересь среднего средневековья была порождением города, хотя она и захватывала не только город, но и деревню... После исчезновения античного города средневековый город впервые создавал среду, в которой продол-

¹ См. также Часть третью.

жалось то самое религиозное творчество, которым было порождено само христианство» (*Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981. С. 54—59*)¹.

Ниже (в приложении) публикуется научно-популярный очерк выдающегося советского историка первой половины XX в. Е. А. Косминского, в котором дается всесторонняя характеристика места и роли церкви в средние века, ее материальных ресурсов, содержания и эволюции вероучения, культа и церковной организации, взаимоотношений церкви со светской властью, церковных реформ и монашества, богословских споров и еретических движений. В Приложении содержится отрывок из книги Жака Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада», в котором дается взгляд на некоторые из этих проблем с точки зрения «новой исторической науки», а также приводятся документы, иллюстрирующие этот материал и предоставляющие дополнительные сведения о движении за «божий мир», ереси «братьев-апостолов», о методах инквизиции.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1.

ФЕОДАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ

...Религия и церковь стремились заполнить всю жизнь человека феодальной эпохи, от рождения до смерти. Своими богослужениями и церковным звоном они отсчитывали часы каждого дня, время труда и отдыха, бодрствования и сна, своими святыми и праздниками отсчитывали дни в году, время начала и конца сельскохозяйственных работ. Огромные величественные храмы потрясали психику человека, привыкшего к темным и тесным жилищам, торжественное богослужение, музыка и пение брали в плен его воображение. В таинстве покаяния церковь следила за каждым его поступком, словом и мыслью, руководила

¹ См. Часть третью, Разделы I и III.

им в каждом шаге его жизни, держала его в состоянии постоянного страха за участь своей души. Церковь принимала его при рождении и напутствовала на смертном одре. Здание церкви было местом собраний, юридических сделок, в деревнях оно было порой даже крепостью, которую укрепляли валом и рвом и где отсиживались от неприятеля. В церкви находили убежище осужденные преступники, туда спасались от преследования врагов.

В религиозную форму отливалась безнадежная покорность крестьянина стихийным силам природы и несокрушимой мощи внеэкономического принуждения, в религии искал он утешения в беспросветной жизни труда и унижений. И даже когда он восставал против своего сеньора и против епископов и монахов, его бунт искал религиозного оформления... Но и сам сеньор был целиком во власти религиозных представлений — даже тогда, когда он грабил церкви и монастыри. Рано или поздно, хотя бы на смертном одре, он каялся в своих грехах и старался спастись от вечного огня щедрыми дарами церкви. Скупая и скудная жизнь городского ремесленника разнообразилась церковными службами и процессиями, в которых принимал участие весь цех со своими знаменами. Ремесленник мог умереть спокойно, зная, что своими взносами в цеховую кассу он оплатил молитвы священника в цеховой часовне за его душу. Купец горячо молился перед опасным торговым путешествием, ростовщик перед рискованной ссудой сеньору за большие проценты. И оба обещали мадонне и святым свечи и подарки, если затеянное дело принесет хороший барыш. Протест богатевшей буржуазии против обиравшей ее феодальной знати и хищной церкви, возмущение городских бедняков и рабочих против богачей, господ, попов и монахов — все это давало начало новым религиозным учениям. В религиозных тисках была зажата мысль ученых и философов, религиозные образы давали содержание творчеству поэтов. Даже восставая против церкви, восставали во имя бога, если же восставали против бога, то во имя дьявола...

...Христианское учение и христианская церковь перешли в феодальную Европу из Римской империи... В обществе,

на 4/5 состоявшем из крестьян, ее культ принимает характерные черты крестьянской религии. Ее праздники и святые приспособляются к важнейшим моментам сельскохозяйственного года, священник молебствует о дожде и урожае. Религия принимает формы, соответствующие узкой ограниченности крестьянского горизонта. Народная религия феодальной эпохи — многобожие, в котором смешиваются христианские святцы и христианская демонология с дохристианскими верованиями в добрых и злых духов, фавнов и нимф, русалок и леших. Религиозная система монотеизма мало задевает народные верования. Для крестьянина бог так же далек, как и король. Дело приходится иметь со множеством небесных сеньоров — святых и ангелов, к заступничеству которых можно прибегать во всех случаях жизни, которые пользуются от всех болезней и дают помощь во всех бедах. При этом каждый околоток чтит своих святых и мадонн, как особо действительных заступников, предпочитая их чужим. Культ принимает формы грубого фетишизма. Предметами поклонения являются священные изображения, мощи, всякого рода реликвии... Эта народная религия превосходно уживается с тончайшими богословскими системами ученых монахов, находивших философское обоснование для грубейших суеверий. Церковь поддерживала и укрепляла в людях всех классов страх перед неведомыми силами и уверенность, что помощь и защиту может оказать только церковь.

Подавленному непосильной борьбой с природой, эпидемиями, голодовками, непрерывными войнами и разорениями человеку феодальной эпохи мир представлялся полем ожесточенной борьбы двух сил — бога и дьявола, добра и зла, причем в земной жизни зло и дьявол представлялись не менее сильными или даже сильнее, чем бог. В отношении к человеку этот дуализм выражался в разделении человеческой природы на доброе и злое, смертное и бессмертное начала, т. е. на тело и душу, и жизни на временную, протекавшую на земле, и вечную, начинавшуюся после смерти... Земная жизнь объявлялась юдолью скорби и греха. Но эта жизнь временна и коротка и служит лишь введением в жизнь вечную. Целям этой вечной жизни и

должна подчиняться жизнь земная. Только путем непрерывной борьбы с греховными силами и соблазнами, путем самоотречения человек может подавить в себе злое начало и не попасть в когти дьявола. За свои грехи и свою слабость он понесет страшное наказание в будущей, вечной жизни. За точное выполнение требований религии и самоотречение его ждет вечное блаженство. Страх за свою душу и стремление избежать вечных мук и получить вечное блаженство, пренебрежение к благам временной жизни должно было удерживать трудящегося в покорности и подчинении и заставлять феодала быть верным вассалом и милостивым сеньором. Но при слабости человеческой природы борьба с дьяволом была бы невозможна, если бы на помощь отдельному человеку не приходила церковь, являющаяся не только непогрешимым учителем в области религии и морали, но и хранительницей особенной спасающей силы (так называемой «благодати»), которая передается от основателей религии через верхушки церковной иерархии (епископов) и сообщается верующему путем особых магических действий («таинств»). «Благодать» и связанные с ней способы спасения души представляли церковную монополию.

Церковь проводила резкое различие между клириками, т. е. лицами, принадлежащими к церкви и являющимися носителями «благодати», и массой непосвященных светских лиц. Всюду она составляла как бы государство в государстве, настойчиво приобретала и защищала свои привилегии, отстаивала церковные дела от всякого вмешательства лиц, не принадлежащих к клиру, опираясь при этом на свою интернациональную организацию с папами во главе. Всюду усматривая грех и пугая страшными вечными муками за каждое нарушение церковных предписаний, церковь оставляла за собой право отпускать грехи, причем это отпущение можно было заслужить не только молитвами и эпитимьями, но и жертвованиями в пользу церкви. Церковь вела торговлю письменными разрешениями от грехов (так называемыми «индульгенциями»). В ее власти было дать человеку в будущей жизни вечное блаженство или повергнуть как отдельного человека, так и целые

страны во власть дьявола. Путем «отлучения» от церкви она ставила человека вне церковного общения и обрекала его душу гибели; путем «интердикта» (запрещения) она прекращала совершение богослужений и таинств в целых областях и странах. Она пользовалась своей властью, чтобы освободить подданных от присяги негодным ей королям, вассалов — от верности сеньорам. Монополизировав в обществе, состоявшем главным образом из воинов и крестьян, культуру, знания, науку, грамотность, церковь обладала огромными ресурсами, подчинявшими ей человека феодальной эпохи. Умело пользуясь этими средствами, церковь сосредоточивала в своих руках огромную власть. Нуждаясь в ее помощи, короли и сеньоры осыпают ее подарками и привилегиями, стараются купить ее расположение и содействие...

...Церковь является крупнейшим землевладельцем феодального мира и непрерывно умножает свои материальные ресурсы путем все новых приобретений, умелого хозяйства, искусного воздействия на психику верующих. Она внушает, что лучшим путем достигнуть вечного спасения являются молитвы священников и монахов и убеждает жертвовать и завещать земли церквям и монастырям за спасение душ жертвователей и их предков. На церковных землях всего раньше и всего полнее устанавливается иммунитет. В то же время церковь привлекает под свою защиту множество нуждающихся в покровительстве крестьян, предоставляет им земли для поселения, проводит при их помощи расчистку лесов, колонизацию пустых земель, непрерывно обогащая земельными владениями и зависимой рабочей силой. Церковь поощряла освобождение чужих рабов, поступавших при этом в зависимость от нее, но очень затрудняла отпуск на волю для своих несвободных людей. В беспокойное феодальное время под защитой монастыря людям жилось всего спокойнее. Но в то же время не было более строгого и взыскательного хозяина, чем монастыри. Они упорнее всех развивают и сохраняют самые тяжелые формы феодальной эксплуатации, но не разоряют крестьян грубыми и ненужными насилиями, они оказывают им помощь в трудные годы и тем еще более их закабаляют.

Монастырь был самым экономным и последовательным хозяином феодальной эпохи. Очень рано церковь начинает использовать те ресурсы, которые ей давали торговля и деньги в условиях господства натурального хозяйства. Под ее покровительством, связываясь с церковными праздниками, возникают ярмарки и рынки, благочестивые паломничества сливаются с торговыми путешествиями. Церковь начинает принимать на хранение накопленные и награбленные феодалами сокровища, деньги, драгоценности и в то же время сама дает ссуды нуждавшимся в деньгах феодалам. Эти ссуды, часто обеспечиваемые земельными залогами, увеличивают богатства церкви и расширяют ее владения. Собирая значительные натуральные доходы от рента, приношений и от своего хозяйства, монастыри рано переходят к товарному хозяйству, к производству для рынка, вырабатывают систему транспорта, вступают в постоянную связь с купцами. Монахи обслуживали торговые пути, бывшие в то время путями паломников, строили гостиницы и странноприимные дома по главным дорогам торговли, выступали в качестве передовых колонизаторов. Церковь быстро множила свои земли и сокровища и, усиливая свою материальную базу, усиливала тем самым и моральный авторитет. Она шла впереди начинающегося поворота в сторону развития товарного хозяйства, усиления эксплуатации крестьянства и сплочения феодального мира... Монастыри начинают объединяться в «ордена», охватывающие десятки обителей, они становятся в теснейшую связь с римским престолом, минуя светскую власть и епископов... Они стремятся освободить церковь от подчинения светским сеньорам. В то же время монастыри подчиняются строгой дисциплине, направленной на совместную работу в пользу церкви. Поднимаются монастырские школы, создающие пропагандистов церковного учения, вырабатывается система дисциплины и духовных упражнений, закаляющая характер и приучающая к беспрекословному повиновению. Эта монастырская реформа получила название Клунийской (от основанного в X в. монастыря Клуни в Бургундии). В течение XI в. и особенно XII в. монастырское движение охватывает все страны Европы. Его возглавляет

папская власть, в XI в. проводящая реформу всего церковного управления. Опираясь на огромные земельные и денежные ресурсы, превосходя в этом отношении самых могущественных сеньоров и королей, обладая огромной, рассеянной по всей Европе дисциплинированной и обученной армией пропагандистов, церковь стремится стать во главе всего феодального общества. Она раньше всех осознает необходимость политического сплочения феодального мира и начинает осуществлять его в грандиозном, всеевропейском масштабе. С XI в. (особенно с папы Григория VII) выдвигается идеал теократического феодального государства с папой во главе. Императоры и короли должны быть его вассалами, епископы — его покорными слугами. Папы проводят ряд реформ в положении низшего духовенства, чтобы поставить его на исключительную службу церкви. Продолжая политику использования в своих целях растущего товарного хозяйства, церковь стремилась возглавить в XI—XIII вв. торговое и колонизационное движение европейцев на Восток («крестовые походы»), организовала огромные денежные сборы для финансирования этих походов. После прекращения походов эти средства стали служить для усиления папской казны. Во время крестовых походов церковь вырабатывает новую форму организации, приспособленную для утверждения своего господства в отдаленных и иноверных странах — духовно-рыцарские ордена, подчиненные непосредственно папе. Эти ордена (госпитальеры, тамплиеры) возникли на Востоке, где в их руках находились целые провинции. Они последними отступали с Востока под давлением турок. Их сила и независимость, особые привилегии, данные им папами, большая добыча, взятая ими на Востоке, создали в их руках огромные богатства, — они делаются крупнейшими землевладельцами в Европе, дают ссуды, принимают вклады и начинают играть роль банкиров феодальной Европы. В Испании возникает ряд духовно-рыцарских орденов для борьбы с арабами. На Балтийском море утверждается тевтонский орден, продвигавший немецкую колонизацию и церковное влияние в земли славян и литовцев Прибалтики. Наивысшего могущества церковная организа-

ция достигает в конце XII и в XIII в. Римская церковь складывается в могущественную финансовую организацию с огромными доходами, неограниченной властью над своими органами, с исключительным политическим влиянием. Сталкиваясь с встречными тенденциями к объединению феодального мира вокруг феодальных монархий, папы одерживают ряд крупных побед — английский король принужден был признать себя вассалом папы, папам удалось разгромить власть германских императоров. Только в XIV в. внутреннее сплочение феодальных монархий и развитие их финансовой мощи приводят к победе монархии над церковью, завершающейся лишь в эпоху реформации (XVI в.).

Церковь была организована на строго иерархических началах. Во главе ее стоял римский первосвященник, папа, опиравшийся как на огромные денежные сборы с духовенства и мирян в католических странах, умножавшиеся ростовщическими операциями, так и на свое государство в средней Италии. Ему были подчинены архиепископы и епископы во всех странах Европы. Это часто были крупнейшие феодалы, обладавшие целыми княжествами (особенно в Германии) и принадлежавшие к верхушке феодального общества. Папам пришлось выдержать жестокую борьбу с феодальной монархией за право назначения епископов и аббатов. Этот вопрос продолжал быть спорным до самой реформации. Церковь стремилась занять в феодальном мире самостоятельное место, обеспечить свободные выборы духовных сановников (аббатов — монахами, епископов — духовенством кафедральных церквей) и утверждение их папой. Короли и князья стремились отстоять свое влияние на назначение этих влиятельнейших сановников, подчинить их себе и особенно сохранить за собой верховные феодальные права на огромные земельные владения высшего духовенства.

Другим вопросом, вызывавшим постоянные споры между церковью и феодальной монархией, был вопрос о церковных судах. Церковь отстаивала свои права на особые суды для всех клириков и старалась подчинить этим судам ряд дел, в которых была заинтересована церковь, даже если при-

влекаемые к суду люди и не были клириками. В церковных судах действовало особое право, основывавшееся на церковных постановлениях, в них были приняты особые процессуальные нормы. Церковь стремилась расширить компетенцию этих судов, составляя опасную конкуренцию развитию королевской юстиции. Церковные суды отстаивали право апеллировать к суду папской курии. Короли стремились ограничить компетенцию церковных судов чисто церковными делами, не допускать апелляции в Рим, подчинить своему контролю применение в своей стране папских декретов...

...Социальный протест стремился в условиях того времени оформиться в новые религиозные учения... С XII в. церкви приходится вести ожесточенную борьбу с ростом всякого рода реформационных и революционных «еретических» учений, подвергающих жестокой критике господствующее вероучение и организацию церкви. При всех своих различиях все эти учения сходились на отрицательном отношении к богатой и властной церкви. Наибольшую опасность для церкви представляла широко распространившаяся в XII в. среди буржуазии [т. е. горожан] Северной Италии и особенно Южной Франции ересь катаров (во Франции их называли альбигойцами). Катары решительно порывали с церковным учением, отвергали католическую церковную иерархию, выдвигали собственное духовенство и свои обряды и располагали большими материальными и культурными ресурсами. Когда попытки воздействия путем проповеди и обличения не смогли задержать распространения ереси, папы организовали для борьбы с ней (в начале XIII в.) крестовый поход, в который устремились рыцари Северной Франции, привлеченные надеждой на богатую добычу в торговых городах юга и на захват земель. После долгой и упорной борьбы рыцарское ополчение разгромило богатый и культурный юг Франции (вскоре его присоединили к своим владениям французские короли).

Другим средством борьбы с ересью был суд инквизиции. Сначала эти суды поручались епископам, но потом стали назначаться специальные судьи с особыми полномочиями. Эти церковные судьи — инквизиторы — были подчинены

непосредственно папе. Они рассылались в местности, подозрительные по ереси, и организовывали там систему сыска и доноса. Все, кто знал о еретиках, должны были о них донести под страхом отлучения от церкви. Инквизиторы хватали всех подозрительных и подвергали их жестокому допросу с применением пыток. Суда в сущности не было. Было лишь следствие и приговор. Обычно предполагалось заранее, что привлекаемый к суду виновен, и вся задача судей заключалась лишь в том, чтобы вынудить признание. Уличенные в ереси подвергались вечному заключению, упорствующие передавались светской власти для сожжения на костре. Их имущество конфисковалось и делилось между церковью и светскими властями. Беспощадность суда инквизиции держала население в паническом страхе. Все боялись быть занесенными в списки подозрительных, все опасались тайного доноса, ареста и пытки.

Рядом со средствами террора церковь широко и умело использовала методы пропаганды. В связи с борьбой против ереси возникают специальные монашеские ордена, посвящавшие себя проповеди. Это были так называемые «нищенствующие ордена». Эти ордена, впрочем, скоро становятся очень богатыми, привлекают себе большие вклады и доходы, отличаясь от старых монастырей тем, что их главное богатство заключается не в землях, а в движимом имуществе. Папы давали им ряд важных привилегий и поручений. Задачей старейшего из этих орденов — ордена францисканцев — была пропаганда среди широких слоев населения. Другой орден, доминиканский, должен был готовить ученых богословов и обличителей ереси. Доминиканцам были поручены суды инквизиции...

...Церковь была монополистом не только в области религии, но и в области образованности. Грамотными были главным образом лица, принадлежавшие к церкви. Сеньоры и даже короли бывали нередко неграмотны или малограмотны. Крестьянская масса была сплошь грубо невежественна. Из среды духовенства королям и сеньорам приходилось брать советников, канцлеров, послов, чиновников, писцов. В руках духовенства находилась школа. Впослед-

ствии рост городов, купечества, развитие государства вызывают распространение образованности и среди светских людей. Но все же образованность долго остается по преимуществу достоянием духовенства. В темную пору, наступившую после падения Римской империи, монастыри были главным хранителем обломков античной культуры. Монахи переписывали произведения античных поэтов и прозаиков наряду с Священным писанием и сочинениями отцов и учителей христианской церкви. В монастырских «скрипториях» изготовляли тщательно выполненные рукописи, часто украшенные богато разрисованными заглавными буквами и миниатюрами. Монахи были первыми летописцами, записывавшими события текущей жизни и предания о прошлом, из их среды выходили преподаватели и ученые. Нуждаясь в ученых проповедниках для борьбы с ересью, в знатоках права для церковных судов и для сложного управления, церковь обращает особое внимание на школьное дело, которое в течение долгого времени всецело остается в ее руках или под ее неусыпным наблюдением. Сначала школы существовали только при монастырях и епископских кафедрах. Первоначально главной их целью было готовить грамотных священнослужителей. С XI в. в связи с подъемом в области экономики начинается оживление научной мысли. Вырастает высшая школа. С XI по XV в. в Европе возникло 46 университетов. Церковь старалась удержать в своих руках управление университетами, проводила в них своих преподавателей, особенно доминиканцев. При слабом развитии техники в средневековой науке вопросы естествознания стояли на втором месте. Научные интересы были направлены главным образом на вопросы философии, богословия и права. От античного мира западноевропейский феодализм получил значительное наследство в виде сочинений поэтов, философов, географов, астрономов, юристов, не говоря уже о весьма значительной христианской литературе, соединявшей восточные религиозные системы с обломками греческой философии. Скудность феодальной жизни и медленность развития производительных сил долго позволяли Западной Европе жить оставленным ей наследством. Отношение средневековой

науки к унаследованной традиции было вследствие этого некритическим, традиция воспринималась как непреложный авторитет. Задачей науки было лишь приводить в систему, согласовывать и комментировать тексты, правильность которых не подлежала сомнению. Этим был обусловлен формально-логический характер феодальной науки. Основным ее содержанием стало истолкование Священного писания при помощи приемов аристотелевской логики. Эта «схоластическая» (т. е. школьная) наука извлекала из принятых за истину положений целые системы выводов и заключений, проводила множество логических подразделений. Этот метод, поражающий современного человека своей бесплодностью, представлял в то же время суровую школу последовательного логического мышления. Характером науки был обусловлен метод преподавания, главным элементом которого были диспуты, требовавшие большой гибкости и тонкости мышления, находчивости и изворотливости. Но было бы ошибкой думать, что построения схоластиков были совершенно отрешены от жизни. Страстность споров об отвлеченнейших вопросах философии и богословия объяснялась их связью с борьбой против еретических уклонов в религии, которыми часто маскировалась классовая борьба. С богословскими вопросами тесно сливались вопросы церковной организации, отношения церкви к государству, вопросы христианской этики тесно соприкасались с проблемами экономики... Можно проследить, как схоластическая наука постепенно приспосаблиется к условиям товарного хозяйства и как христианская мораль эволюционирует под влиянием роста денежного обращения, прибыли, кредита. Схоластическая наука исходила от мысли, что доказательства разума представляют лишь средство раскрыть истины христианского вероучения, наука для нее не расходилась с верой и была «служанкой богословия». Но своей неустанной работой над логическим методом схоластика прокладывала путь к рационализму и порой подкапывалась под те авторитеты, которые она должна была защищать. Церковь с ревнивым вниманием следила за учеными спорами и многие авторитеты схоластической науки подвергались обвинениям в ереси.

Схоластическому направлению в богословской мысли противопоставляется мистическое, выдвигавшее на первое место эмоциональную сторону религии, экстаз и вдохновение. И этот путь был не всегда благонадежным с точки зрения церковного правоверия. Многие из демократических сект имели ярко выраженный мистический характер.

Стремясь создать испытанных борцов с ересью, церковь заботилась не только о вооружении их соответствующими знаниями и о развитии в них умения вести диспуты: она выработала целую систему закалки характера, приучая своих слуг к всевозможным лишениям и физическим мучениям, развивая в них железную дисциплинированность. Эта система «аскетизма», находившая поддержку в учении о дуализме человеческой природы и о греховности тела, должна была доставить «духу» полную победу над слабостями физической природы. Средством для этого служили долгие бессонные молитвы, суровые посты, бичевания, беспрекословное подчинение воле духовного руководителя. В результате этой системы, практиковавшейся в некоторых монастырях, действительно создавались иногда железные характеры, беспощадные к себе и другим, бесстрашно проводившие политику церкви и готовые в ее интересах на мучения и смерть, но чаще эта система ломала и калечила психику, а еще чаще воспитывала святош и лицемеров, прикрывавших монашеской или священнической одеждой далеко не аскетическую жизнь. Реформы XI в. потребовали безбрачия не только от монахов, но и от белого духовенства, чтобы поставить его на исключительное служение церкви, но на практике и священники, и монахи очень мало считались с аскетическими идеалами церкви и своим распущенным поведением вызывали у крестьян и горожан презрение и негодование.

Достигнув наивысшего расцвета в XIII в., католическая церковь вступает с начала XIV в. в период затяжного кризиса, закончившегося в XVI в. реформацией...

Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе. М., 1932, С. 123—136.

2.

ЦЕРКОВЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО МИРА

Вклад церкви в подъем христианского мира был одним из главных... Церковь на протяжении всего этого периода (XI—XII вв.) покровительствовала купцам и помогала искоренению предубеждения против них, из-за которого праздный класс сеньоров презирал их. Церковь предприняла реабилитацию деятельности, обеспечивающей экономический подъем, и из труда как наказания Господня, которому, согласно книге Бытия, должен после грехопадения предаваться человек, зарабатывая хлеб насущный в поте лица, сделала средство спасения.

Она всячески приспособлялась к эволюции общества и обеспечивала его необходимыми духовными лозунгами... В качестве противовеса тяжелой реальности она предлагала мечты о совершенстве. В течение всего этого периода, когда медленно созидалось благосостояние, распространялись деньги и богатство становилось все более соблазнительным, церковь снабжала как людей удачливых, беспокоящихся из-за своего богатства (Евангелие ведь выражает серьезные сомнения насчет способности богатого попасть в царствие небесное), так и подавленных нищетой и ее идеологическим оправданием, апологией бедности.

Это явление наметилось в XI в. в многочисленных усилиях вернуться к евангельской простоте, приведших к реформированию духовенства и обновлению института каноников, подчиненных так называемому уставу св. Августина, а расцвет порожденного им движения пришелся на конец XI — начало XII в. Оно вызвало к жизни новые монашеские ордена, утверждавшие необходимость удаления от мира ради обретения в одиночестве тех истинных ценностей, которые западный мир, казалось, все более утрачивал. Эти ордена, проповедуя ручной труд, обращаясь к новым видам хозяйственной деятельности, в которой новые способы обработки земли, как трехполье, сочетались с более интенсивным скотоводством и производством шедшей на нужды сукноделия шерсти, а также используя такие технические новшества, как мельницы и кузны,

продолжали, совершенствуя, традицию хозяйственной деятельности, начало которой было положено бенедиктинцами...

...Более всего в течение этого периода жажду чистоты среди народных масс утоляли личности маргинальные, религиозные анархисты. Это были малоизвестные нам отшельники, расплодившиеся по всему христианскому миру, которые, занявшись поднятием нови, скрывались в лесах, где их осаждали посетители, или обосновывались в таких местах, где могли помочь путешественникам найти дорогу, мост или брод; не испорченные политикой официального духовенства они становились наставниками бедных и богатых, скорбящих и влюбленных. С посохом, символом магической силы и страннической жизни, босой и в одежде из шкур — этот образ отшельника завоевал литературу и искусство. Он воплощал беспокойство общества, которое в условиях экономического подъема с его противоречиями искало убежища в одиночестве, открытом, впрочем, миру с его проблемами.

Но успешное развитие городов отодвинуло на второй план и сделало анахроническим и старое и новое монашеское и отшельническое движение, связанное с сельским, феодальным обществом. Продолжая приспособляться, церковь произвела новые ордена — нищенствующие. Сделала она это не без труда, не без колебаний. К 1170 г. лионский купец Пьер Вальдо с учениками, лионскими бедняками, которых позднее прозвали вальденсами, зашли в критике церкви столь далеко, что наконец порвали с ней. В 1206 г. сын богатого ассизского купца Франциск вступил как будто бы на тот же путь. Собравшиеся вокруг него единомышленники, поначалу двенадцать «меньших братьев», братьев миноритов, были озабочены лишь тем, чтобы смирением и абсолютной бедностью, обрекавшей на нищенство, способствовать очищению этого испорченного мира. Суровость их обета беспокоила церковь. Папы (Иннокентий III, Гонорий III, Григорий IX), римская курия и епископы стремились навязать Франциску и его товарищам устав, сделав из них орден, входящий в церковную организацию. Франциск был охвачен сильным душевным смятением, разрываясь между своим строгим идеалом и

страстной привязанностью к церкви и ортодоксии. Он уступил, но сам удалился в пустыню... Его орден после него долгое время раздирался борьбой между ревнителями абсолютной бедности и сторонниками приспособления к миру. Папство поддерживало умеренных, выступая против экстремистов, называвших себя братиками, которые кончили тем, что, как и вальденсы, порвали с церковью.

В то же самое время, когда выступление Франциска привело, вопреки его намерениям, к появлению ордена братьев миноритов, или францисканцев, знатный испанский каноник Доменик Гусман охотно принял от папы устав для небольшой группы проповедников, которых он объединил, чтобы проповедью и примером бедности вернуть на путь ортодоксии еретиков. Современники, братья минориты и братья проповедники, получившие название доминиканцев, стали душой нищенствующих орденов, образовавших в XIII в. новое воинство церкви. Их своеобразие и доблесть состояли в том, что они решительно повернулись к городской среде. Именно этому новому обществу они проповедью, исповедью и своим примером стремились дать ответ на возникшие новые вопросы. Они перенесли обители в людные города. Карта францисканских и доминиканских домов в конце XIII в. — это карта городской сети христианского мира...

...Однако, несмотря на успешную адаптацию, церковь, и далее применявшаяся к эволюции христианского мира, уже не могла им руководить как в раннее Средневековье. С конца XII в. новые ордена цистерцианцев и премонстрантов стали терять свое влияние. Даже к нищенствующим орденам отношение уже было не единодушным: коль скоро труд становился базовой ценностью нового общества, допустить, что можно жить нищенством, было непросто. Университетские преподаватели, писатели, которые были, несомненно, выразителями более широкого общественного мнения, сильно попрекали братьев их нищенством... В глазах части народа доминиканцы и францисканцы были символом лицемерия, а первые к тому же вызывали ненависть тем, что возглавляли репрессивную борьбу с ересью, взяв в свои руки инквизицию. Первый домини-

канский мученик св. Петр Страстотерпец был убит в Вероне в 1252 г. взбунтовавшимся народом, и его образ с пронзенной кинжалом головой был во множестве распространен усилиями ордена.

Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 81—85.

3.

БОЖИЙ МИР

Из Рауля Глабера

Кн. IV, гл. 5. В 1000-й год от страстей Христовых [в 1033 г. от Р. Х.] ...епископы, аббаты и другие преданные делу святой веры мужи всякого звания стали созывать собрания церковных соборов, прежде всего в областях Аквитании. Провинции Арля, Лиона и всей Бургундии, до крайних пределов Франции, следовали этому примеру. Издавались по всем епархиям распоряжения, чтобы прелаты и магнаты королевства собирались в определенных местах на соборы для установления мира и поддержания веры. При оповещении [о том] с радостью сходилась во множестве весь народ — великие, средние и малые. Все ожидали решения пастырей церкви, дабы подчиниться ему с не меньшим послушанием, как если бы голос, провозглашенный с небес, посылал на землю оповещение людям; ибо страшила всех память о бедствиях минувшего времени [о голоде 1027 г.] и боялись, что не в состоянии будут воспользоваться обилием грядущего урожая. Постановления соборов, расписанные по главам, содержали не только то, что запрещалось совершать, но также и благочестивые обеты, которые решили принести в дар всемогущему господу. Важнейшим из них было постановление о соблюдении нерушимого мира; гласило оно, что каждому человеку любого звания, в чем бы ни был он ранее виновен, с полной безопасностью можно ходить без оружия; похитителя же или захватчика чужого имущества

по всей строгости закона либо имени лишать, либо подвергать тягчайшим телесным наказаниям. А святые места по всем церковным областям чтить и оказывать им особое уважение: если бы виновный искал там убежища, можно ему выходить без обиды, за исключением нарушителей постановлений, касающихся сохранения настоящего мира; таковым же, даже если их схватывали бы у подножья алтаря, не избегать наказаний за преступления. А всем клирикам, монахам, монахиням, также тем, кои вместе с ними по стране путешествуют, ни от кого не терпеть никакого насилия... Постановления эти всех [присутствовавших] зажигали столь великим одушевлением, что, когда епископы поднимали жезлы свои к небу, они с простертыми к господу дланями единодушно зывали: «мир, мир, мир»... Кн. V, гл. 1. В то время, по внушению благодати божией, сначала в областях Аквитании, а потом постепенно и по всей территории Галлии стали из-за страха и любви божией утверждать следующее соглашение: чтобы с вечера среды и до утра понедельника не дерзал никто из смертных ни отнимать что-либо у кого бы то ни было силою, ни удовлетворять свое мщение какому-либо врагу, ни даже требовать залога от поручителя. Тому же, кто осмелился бы нарушать это общественное постановление, либо платиться жизнью, либо быть отторженному от общества христианского и изгнанному из родины. Всем было угодно... именовать [это соглашение] божием перемирием...

Постановление Тюлюжского собора 1041 г. о божьем мире

1. Вот мир, учрежденный епископами, аббатами, графами, виконтами и другими богобоязненными магнатами всей епархии (Нарбонской), именно: отныне и впредь да не дерзает никто силою врываться в церковь, церковную ограду, кладбище и жилище, кои есть и будут около церкви...

2. Мы не ставим под охрану этого мира церковью, в коих устроены или будут устроены замки; относительно же церковью, в коих грабители и тати сложили награбленное

и похищенное и из коих отправляются они на преступное дело..., повелеваем, чтобы и эти церкви были безопасны, доколе не поступят жалобы на преступное дело епископу или... каноникам... Если же епископ или... каноники... разберут дело преступника и вынесут приговор, а он подчиниться этому приговору не пожелает, тогда... и самому ему и имуществу его безопасностью в означенной церкви не пользоваться...

3. Определили также, чтобы никто не дерзал нападать на невооруженных клириков, монахов или монахинь и обиду им или какое-либо зло учинять. Никто да не дерзает причинять вред общинам каноников, монахов или монахинь, а также землям и владениям, коим церкви нашей епархии, невооруженные клирики, монахи и монахини пользуются... А если кто сделает это, вдвойне им обязан дать возмещение...

5. Никто да не дерзает сжигать или разрушать жилища крестьян или клириков, а также голубятни их и сараи. Крестьянина, крестьянку, невооруженных клириков, монахов или монахинь никто да не смеет убивать, ранить, увечить, схватывать и подвергать наказанию иначе, как за вину их..., и, однако, лишь после судебного разбирательства... Одежд, плугов и кирок у крестьян не отнимать. Оливковых деревьев не сжигать и их плодов не губить.

6. Постановили еще, чтобы никто чужого имущества не присваивал ни в виде залога, ни по другой заключенной с кем-либо сделке, если должное будет уплачено...

7. [Перечисляются дни перемирия]... Если же кто во время этого перемирия по своей злой воле, без всякого повода человека умертвит..., определили тому быть во все дни его жизни в изгнании. Если же совершит это по какому-либо поводу, быть ему в изгнании на срок, какой положит епископ с канониками... А тяжбам и разбирательствам о нарушении мира и перемирия божия быть перед епископом и канониками его во всякое время.

Социальная история средневековья. Т. 1. М., Л., 1927. С. 249—252.

4.

ЕРЕСЬ ДОЛЬЧИНО

О секте тех, которые называют себя принадлежащими к ордену апостолов и уверяют, что они живут жизнью апостолов и соблюдают евангельскую бедность, написано то, что следует дальше, а именно когда эта секта началась и как и кто был ее зачинателем, а также о ее заблуждениях, дабы знали об этом нынешние люди, равно как и те, кто будет жить после них

...Около 1260 г. появился некий Герардо Сегарелли из Пармы в Ломбардии, который выделялся злыми намерениями как своими, так и многих своих приверженцев. Этот человек, желая казаться совершенным, выдумал новый образ жизни и, прикинувшись кающимся, своими выдумками и баснями привлек на свою сторону многих, ставших его учениками и последователями. Создав с ними постепенно нечто вроде монашеского ордена и тайно влив в них заразительный яд своего учения, он стал выступать против общего статуса святой римской церкви, против прелатов всего клира, против монахов и всех монашеских орденов, против белого духовенства, как об этом будет сказано полнее в том, что последует. Внушив своим слушателям под личиной поддельной святости, что он хочет следовать жизни и путям апостолов и, как поступали апостолы, проповедовать им покаяние и учить новой жизни, не понимая того, что более старые пути более спасительны. Поэтому он назвал своих учеников и последователей апостолами и хотел, чтобы они именно так назывались, дабы они жили, не повинаясь никому, кроме бога, как и первые апостолы господина нашего Иисуса Христа. Пагубную же свою секту не столько своим авторитетом, которого у него не было, сколько своею наглостью, которая у него была большая, он постановил назвать орденом апостолов, которые должны были рассеяться по всему свету подобно монахам нищенствующих орденов, которые просят милостыню и живут ею, и должны были бы проповедовать повсюду народу: «Покайтесь, ибо приблизилось царствие божие». И многое тому подобное, что на первый взгляд казалось бы добром слушателям, особенно простым людям.

Многочисленные заблуждения, вымышленные умом его, он передал своим последователям, поучая их, чтобы они не открыто и не при всем народе, но тайно держали их и поучали других. И так с самого начала они ходили в плаще, прикрывшись наподобие монахов, иногда в сандалиях, а иногда и босыми; они отступали от обычного вида верных христиан, от их жизни и от их обычаев и делали вид, что они ведут совершенную жизнь и апостольскую, показывая народу своим внешним видом, своими жестами, своим поведением, что они следуют евангельскому учению. А на самом деле жизнь их была внутренне далеко не так совершенна и внешне постыдна, а их учение на их тайных собраниях было в такой же степени еретическое, как и безумное. Вследствие этого с самого начала под таким монашеским покровом эта злокачественная болезнь приняла большие размеры отчасти потому, что никто не выступит против этих волков в овечьей шкуре. А простые люди принимали ложный образ их святости [за подлинную святость], благодетельствовали им, давали им милостыню. И таким образом в течение 20 лет они выросли численно сверх всякой меры, и дело шло все хуже.

...После запрещения [в 1285—1287 гг.] эта зловредная секта мало-помалу стала численно уменьшаться, и верные стали ее избегать. Однако, ввиду того что она распространилась в течение долгого времени и широко в различных частях мира, ее не могли полностью вырвать с корнем тогда же, т. е. во времена папы Гонория IV, как вследствие ее популярности среди простых людей, так и вследствие небрежности со стороны прелатов. И так как не было руки, которая бы вырвала ее с корнем, сыны дьявола умножились и росли еще во времена, когда их главою был Герардо, ересиарх и вождь неправедный. Так как их заблуждения и ересь в последующее время приобретали все больший вес, инквизиторы начали расследовать в Италии это дело, используя авторитет апостольского престола, и [стали] выступать против этих еретиков. А сам Герардо продолжал жить и при папе Бонифации VIII [1294—1303 гг.], имея множество учеников и проповедников, так что почти через 50 лет после начала своей деятельности

упомянутый выше Герардо рвением и заботами инквизиторов из ордена доминиканцев, уполномоченных по Ломбардии, был схвачен как еретик, от каковой ереси он отказался. И однако, брат ордена доминиканцев Манфред Пармский, инквизитор, на исповеди вскрыл, что этот Герардо снова впал в ересь, от которой он отрекся. Установив это, названный инквизитор по торжественному постановлению совета многих юристов того и другого права [гражданского и канонического] и множества монахов и клириков, соблюдая процессуальные формы, по единогласному решению передал в Парме названного Герардо в руки светской власти как еретика, отрекшегося и снова впавшего в ересь. И был он предан огню там же и сожжен...

После того как ересь была ликвидирована и Герардо ересиарх сожжен появился Дольчино, незаконный сын священника Наваррского диоцеза, один из учеников названного выше Герардо, в качестве наставника в заблуждениях и неправильных учениях и сделался главой и Знаменосцем этой секты и сообщества не апостольского, а дьявольского, прибавляя к прежним заблуждениям новые, как о том станет ясным ниже... Названный же Дольчино объединил в своей секте и ереси много тысяч людей обоего пола, особенно в Италии и Тоскане и в других соседних областях, и передавал им свое зловерное учение, и на основе своего духа, не столько пророческого, сколько фанатичного и безумного, много предсказывал о будущем, уверяя и сочиняя, что он имеет откровение от бога, который даровал ему дух пророческого понимания. И во всем этом он оказался лживым и сам обманулся вместе со своей проклятой Маргаритой, своей женой и подругой в заблуждениях, как об этом повествуется дальше.

А вот заблуждения их [Сегарелли и Дольчино], как это выяснилось из показаний сожженного Сегарелли и некоторых учеников Дольчино, ставших впоследствии на путь праведный.

1. ...Они тайно учили там и тогда, когда они могли сделать это возможно самым тайным образом, что весь авторитет, данный господом нашим Иисусом Христом рим-

ской церкви, отнят у нее и давно уже не пребывает в ней из-за греховности прелатов и что римская церковь, которая находится в руках папы и кардиналов, и клириков, и монахов, не есть церковь божия, а осужденная церковь и бесплодная.

2. Что римская церковь есть та блудница, которая отошла от веры христовой и о которой пишет Иоанн в своем Апокалипсисе.

3. Что вся та власть духовная, какую дал церкви Христос вначале, перенесена на их секту, которую они сами называют сектой апостолов, или апостолическим орденом, и эту секту они называют духовной конгрегацией, посланной от бога и избранной в эти последние дни; они сами и другие такие же имеют власть, какую имел св. апостол Петр.

4. Что Герардо Сегарелли Пармский, названный выше, был началом секты и ее создателем, а он, как говорит и уверяет Дольчино, был новым древом бога, разрастающимся на корне веры, в котором бог начал приводить церковь свою к общению, совершенству, к жизни и к порядку, к бедности первоначальной церкви и к тому ее положению, в каком вручил Христос церковь свою св. Петру Апостолу.

5. Только они одни, которые называются апостолами названной выше секты, или конгрегации, суть церковь божия, и они находятся в состоянии такого совершенства, в каком пребывали первые апостолы Христа. И поэтому они считают, что они не обязаны никому повиноваться, даже самому папе и никому другому, ибо их правило, которое они получили от бога, есть свободное и самое совершенное.

6. Ни папа и никто другой не может им приказывать, чтобы они покинули свои порядки или столь совершенную жизнь, и не может их отлучать от церкви...

11. Никакой папа римской церкви не может кого-либо освободить от грехов, если он только не будет таким же святым, каким был св. апостол Петр, т. е. он должен жить во всемерной бедности и не иметь собственности, быть смиренным, не поощрять войн и никого не преследовать, но каждому предлагать жить в его свободе.

12. Все прелаты церкви римской, как высшие, так и низшие, со времени св. папы Сильвестра, после того как они отклонились от образа жизни первых святых, — вероломцы и соблазнитель, за исключением брата Петра де Муроне, который был папой под именем Целестина¹.

14. Светские люди не обязаны давать десятину никакому священнику и никакому прелату римской церкви, которые бы не были столь совершенными и столь нищими, какими были первые апостолы, и поэтому они говорят, что не следует давать десятины никому, кроме них самих, которые называют себя апостолами и суть христовы нищие.

18. Они утверждают, что освященная церковь имеет для молитвы богу не большее значение, чем конюшня или помещение для свиней...

19. Поклоняться Христу можно так же хорошо в рощах, как и в церквах, и даже лучше...

...Названный выше Дольчино, между прочим, уверял, что ему ниспослан дух пророчества и ему это открыто богом, что в 1305 г. Фридрих, король Сицилии, сын бывшего короля Петра Арагонского, станет императором и установит в Италии десять королей, а папу, кардиналов и всех прелатов церкви и всех монахов убьет, кроме тех, которые перейдут на сторону Дольчино и его последователей, и тогда Дольчино будет возведен на папский престол и будет властвовать в церкви вместе со своими последователями...

Дольчино учил также, что церковь прошла через четыре статуса состояния.

Первый статус был хорошим и смиренным, бедным и способным к совершенству, и это было во время Христа и апостолов.

Второй статус тоже был хорошим, и почитаемым, и богатым, и это было во времена св. Сильвестра.

Третий статус был и сейчас продолжается. Он богат, жаден, прелюбодействен, честолюбив и горд, и этот статус был и сейчас продолжается.

¹ Предшественник Бонифация VIII, добровольно сложивший с себя звание папы.

Четвертый таков же, как и первый, и ведет он свое начало от Герардо Сегарелли Пармского, который, будучи послан богом, первый после апостолов в последние времена положил начало пути совершенства...

Конец Дольчино и его армии

...В марте месяце упомянутый выше епископ (епископ Верчелльский и герцог Савойский объявили крестовый поход против Дольчино и его сторонников, поднявших восстание в 1305 г.) объявил сбор войскам по всей своей земле против этих неверных еретиков, ибо он видел, что земли его почти целиком разорены, а жители их вынуждены просить милостыню. И поэтому, уповая на милость божью и на помощь св. Евсевия и всех святых, он решил испытать судьбу и атаковать еретиков всеми своими силами несколько раз в течение страстной недели. И в четверг под пасху люди, которые сражались с еретиками, взяли укрепление, которое находилось возле места, называемого Ставелло, и в долине Ставелло битва продолжалась почти весь день воскресенья, и большая часть неверных была убита. А также и среди христиан было много раненых; многие неверные сброшены были в реку, которая теперь называется Кариаке, и уверяют, что вода этой реки была красной как кровь из-за убитых, которые были в нее сброшены. Итак... после долгой битвы и больших усилий брат Дольчино был взят в плен в горах Тривера вместе с Маргаритой Тридентской, его женой, и Лонгино из Бергамо, который был из знатного рода де Серо или де Сакко; и были среди взятых в плен вожаки этой секты, которых вышеназванный г-н епископ очень желал взять живыми, дабы воздать им по заслугам, поскольку они были причиной многих несчастий.

И там же, в тот же день было предано огню или утоплено в реке больше тысячи, а некоторые обезглавлены... Затем епископ созвал прелатов, и представителей черного духовенства, и многих светских юристов и после тщательного обсуждения и зрелого решения передал названных Дольчино, Маргариту и Лонгино светской власти. И вот Маргарита была сожжена первой, будучи вознесена на высокий столб, как в амфитеатре, и так там поставлена,

чтобы видна была всем. И так была сожжена на глазах самого Дольчино. После этого Дольчино и Лонгино, связанные по рукам и ногам, были поставлены высоко на телегу, чтобы видно было всем, а перед их взором был поставлен горн, полный огня, для того чтобы накалять клещи и жечь их тело, что делали палачи, которые раскаленными железными клещами раздирали их тело, время от времени кладя щипцы в огонь. В таком виде они были повезены по многим улицам, дабы их наказание длилось дольше и было суровее... И, однако, ни один из них, ни даже Маргарита, не изъявили согласия, несмотря ни на просьбы, ни на подкуп, ни каким-либо иным способом обратиться к господу Иисусу Христу и к истинной вере католической. Так они, жестокосердные и упрямые, погибли достойным жалости образом.

**Хрестоматия по истории
средних веков. Т. 2. М.,
1963. С. 517—522.**

5.

РУКОВОДСТВО БРАТА ДАВИДА О ПРИЕМАХ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЕРЕТИКОВ (ОК. 1260 г.)

30. *Запомни, хорошенько!*

Безошибочно знай, что до тех пор, пока еретик или приспешник еретиков старается уклониться от выдачи других еретиков и соумышленников их, их заблуждений и тайн, никоим образом нельзя верить, что он искренне и вполне вернулся к вере и церкви...

31. Некогда они совершенно не соглашались на клятву, и поэтому легко было их уличать и казнить в большом количестве. Но вот, став теперь осторожнее, чтобы не сгинуть совсем, они отрекаются и клянутся всеми правдами и неправдами, дабы выпутаться, — за исключением редких, которые тем упорнее открыто исповедуют свои заблуждения; этих людей они считают «совершенными» и почитают за наставников и всячески заботятся, чтобы таковых у них не захватывали; ибо

с изъятием их нетрудно уловить их соумышленников, и сделать это можно по пяти верным признакам:

32. Как уличается приспешник еретический.

Первое. Те, которые тайно навещают их («совершенных»), когда они содержатся в тюрьме, и перешептываются с ними и снабжают их пищей, берутся на подозрение, как последователи их и соучастники. Второе. Те, которые сильно плачутся о задержании их или смерти, были, очевидно, особливые их друзья при жизни; ибо быть долго в дружбе с еретиком и не видать его ереси едва ли вероятно. Третье. Если кто распространяет слух, что те несправедливо осуждены, тогда как на самом деле они были явно уличены или даже сами сознались в ереси, тот, очевидно, одобряет их учение и допускает ошибку церкви, их осудившей. Четвертое. Если кто станет со скорбным лицом смотреть на преследователей еретиков и на успешных их обличителей, так что при желании можно подметить это по глазам, носу и по выражению лица, и не сможет глядеть им прямо в глаза, тот берется нарочито на подозрение, что он питает ненависть к тем, кто огорчил его сердце, настолько, что это отражается даже на лице, и, значит, любит тех, о гибели коих столь скорбит. Пятое. Если кто-либо попадется в том, что тайно собирает ночью, как реликвии, кости сожженных еретиков, — ибо они, несомненно, почитают святыми тех, чьи кости собирают, как святыню, — такие лица — еретики...

Сии признаки дают значительное право заподозреть их в ереси, хотя еще не вполне достаточны для осуждения, если не присоединяются другие доказательства, из которых совершенно явствует, что они совершали все это во славу ереси. И если будут такие, которые сумеют и захотят мудро проследить их и с благословения епископа прикинутся сторонниками и друзьями еретиков и сумеют поговорить с ними осторожно, без лишней лжи, и которые не внушают опасения, что они заразятся от них, — такие могли бы проникать во все их тайны, узнавать обычаи и речи, устанавливать личности еретиков и их сторонников, выслеживать их притоны и сходбища и отчетливо замечать и записывать все, чем отдельные лица могут быть уличены

в ереси, выведывать также, когда присутствуют их учителя или когда они собираются вместе, с тем чтобы своевременно указывать это и многое другое инквизиторам, и давать их схватить и выступать по закону свидетелями против них, что много поможет церкви в искоренении еретической мерзости. То же будет достигнуто, если некоторые из бывших прежде в их секте, вернувшись к истинной вере, честно все выдадут, получив обещание, что за это строгость закона смягчится для них в покаяние...

33. О том, как добиться сознания в ереси.

Того, кто не слишком еще погряз в ереси, можно иногда вернуть угрозой смерти, и дается ему тогда надежда сохранить жизнь, если он пожелает чистосердечно признаться в заблуждениях еретического учения и выдать других, кого он знает из секты. Если же он откажется это сделать, он опять отправляется в тюрьму, и ему внушается страх, что против него есть свидетели, и что если он будет уличен свидетелями, то без всякого милосердия предадут его смерти; кормят его впроголодь, так чтобы страх совсем его ослабил, и не допускают к нему никого из его товарищей, чтобы тот не укрепил его и не научил хитро отвечать и никого не выдавать; и вообще никого к нему не пускать, только изредка двух надежных и испытанных людей, которые осторожно, как бы сочувствуя, станут увещевать его избавиться от смерти и чистосердечно сознаться, в чем и как погрешил, и пообещают ему, что, сделав это, он может избежать сожжения.

Ибо страх смерти и жажда жизни смягчают сердца, ничем иным не смягчаемые.

Говорить же им вкрадливо: не бойся и спокойно сознайся, если ты, быть может, считая их за добрых людей, которые учат тому-то и тому-то, доверился им, охотно слушал их, поддерживал их из своего имущества, порой принимал их в своем доме и даже исповедывался у них, делая это по простоте своей и из любви к ним, считая их добрыми и ничего дурного про них не зная; а обмануться в этом ведь могут и люди значительно помудрее тебя.

34. О том, сколь осторожно надо вести допрос.

Если после этого он начнет подаваться, размякать и

захочет кое-что сказать, что он иногда от подобных учителей в укромных местах слышал об евангелии, посланиях или тому подобном, то тут же, по горячим следам, спросить его, учили ли эти учителя тому-то и тому-то, а именно, что чистилищного огня нет, что молитвы за умерших не помогают, что дурной священник, сам погрязший в грехе, не может и другим отпустить грехи, и вообще о таинствах церкви. А потом осторожно выпросить, считает ли он сам учение их хорошим и истинным; если да, то он уже сознался в исповедании ереси... Если же ты прямо спросишь его, верит ли он сам всему вышеуказанному, он отвечать не будет, боясь, что ты хочешь изловить его и обвинить в еретичестве, почему и следует ловить его осторожно, иным путем, как я сказал; ибо хитрую лису надо ловить лисьей же хитростью...

Средневековье в его памятниках//Сб. переводов. Под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913. С. 256—259.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Добиаш -Рождественская О. А.* Церковное общество во Франции в XIII в. Пг., 1914.
- История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.
- Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках. Пг., 1915.
- Ле Гофф Жак.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Сказкин С. Д.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
- Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978.
- Bishop M.* The Penguin Book of the Middle Ages. Harmondsworth, 1978.
- Bokenkotter Th. S.* A Concise History of the Catholic Church. N. Y., 1977.
- Delaruelle J.-F.* La piété populaire au Moyen Age. Torino, 1975.
- Gerhard D.* Old Europe. Study of Continuity, 1000—1800. N. Y.-L., 1981.
- Hamilton B.* The Medieval Inquisition. L., 1981.
- Lambert M. D.* Medieval Heresy: Popular movements from Bogomil to Hus. L., 1977.

РАЗДЕЛ VIII

ФРИДРИХ II СИЦИЛИЙСКИЙ И ЕГО ЭПОХА

«Справедливо считается свободным тот, кто подчинен королевской власти»

Фридрих

Одним из самых выдающихся государей XIII в., который сыграл важную роль в истории Европы, являлся Фридрих II Гогенштауфен, или Фридрих II Сицилийский — государь Сицилийского королевства (Южная Италия и Сицилия¹) и король, а затем император Германии.

Яркая, сложная и противоречивая личность, он привлекал к себе напряженное внимание современников. Преследуя цель создать «мировую империю» (цель, обреченную на неудачу), Фридрих ожесточенно боролся с отстаивавшими свою независимость североитальянскими городами и их естественным союзником — папами. В своих манифестах он обосновывал теорию независимости светской власти от духовной. Фридрих создал в Сицилийском королевстве централизованное государство, но управлял им как неограниченный владыка восточного типа. Коррупция, которая разъедала непомерно большой бюрократический аппарат, и непосильный налоговый гнет подорвали экономические,

¹ В дальнейшем мы будем, как принято, условно называть Сицилийское королевство Сицилией, а его жителей — сицилийцами.

социальные и политические силы королевства. Широко образованный император был склонен к религиозному скептицизму, но вольнодумие уживалось в нем со свирепым преследованием еретиков, в которых он видел опасных врагов государства. Обратимся к истории его царствования.

Дед Фридриха II по отцу — Фридрих I Барбаросса (1152—1190 гг.) был воинственным и властолюбивым правителем. Главной целью его царствования была реализация многовековой мечты германских императоров — создание мировой империи. Само их государство называлось «Священной Римской империей». Что должна была представлять собой мировая монархия — было неясно самим императорам; они видели в ней что-то вроде давно ушедшей в небытие древней Римской империи, но не языческой, а христианской (отсюда и ее название). Четко рисовался им лишь первый шаг, который следовало сделать (его пытались осуществить все императоры, начиная с основателя империи в 962 г. — Оттона I, что и дало ему формальное право на имперский титул), — присоединение Италии, лишь номинально входившей в ее состав. С этой целью Фридрих Барбаросса, собственные планы которого — завоевание Северной и Средней Италии — провалились, женил своего старшего сына Генриха на наследнице Сицилийского королевства Констанце — последней представительнице Норманской династии. Единственным сыном и наследником Генриха VI был Фридрих II.

В своем стремлении подчинить себе непокорных сицилийских подданных Генрих VI прибегал к крайне жестоким мерам. В 1197 г. он умер, и страна оказалась в состоянии анархии. Фридриху II, унаследовавшему сицилийский престол, не было еще трех лет. Регентшей государства стала его мать Констанца, но год спустя и она умерла. По завещанию она передала опеку над Фридрихом только что избранному на папский престол Иннокентию III (1198—1216 гг.). Это был самый могущественный из пап Средневековья, который лелеял мечту подчинить Европу не только своей духовной, но и, косвенно, светской власти.

Юг Италии и Сицилия раздирались бесконечными усобицами — между получившими при Генрихе VI на юге должности и земли германскими феодалами, с одной стороны, и местными баронами и церковью — с другой. Сицилийские светские и церковные магнаты, пользуясь благоприятной ситуацией, расхищали государственные земли и захватывали важные привилегии. Города, которые при норманских королях в значительной мере утратили свои вольности, вновь обрели их. Бари, Бриндизи и некоторые другие города даже заключали самостоятельные торговые и политические договоры со свободными морскими республиками Северной и Средней Италии — Венецией, Генуей и Пизой. Сарацины (арабы), владевшие до норманского завоевания (в конце XI в.) Сицилией, продолжавшие там жить и после утраты своей независимости, теперь вооружались и уходили в горы, откуда совершали нападения на равнинную часть острова.

В 1208 г. Фридрих формально достиг совершеннолетия, но он и в дальнейшем нуждался в поддержке Иннокентия III.

Тем временем папа непрестанно вмешивался в Германию в борьбу за престол между Филиппом Швабским — младшим сыном Барбароссы — и Оттоном, происходившим из сильнейшего в стране княжеского рода Вельфов. После гибели Филиппа Иннокентий короновал императором Оттона IV. Однако вскоре он изменил свою позицию по отношению к нему: Иннокентий III, как и последующие папы, смертельно боялся соединения в одних руках германской и сицилийской корон — это означало бы, при условии реального включения в империю Северной и части Центральной Италии, окружение папского государства имперскими владениями. Поэтому, когда Оттон вторгся в Сицилийское королевство и, захватив юг Италии, готовился к завоеванию острова, папа отлучил его от церкви. «Жалею, что сделал его человеком» — сказал папа. В качестве противовеса Оттону Иннокентий обратился к Фридриху. Последний отправился в Германию и, с помощью папы,

¹ Баронами именовали в Сицилии всех крупных светских феодалов.

короновался в 1212 г. немецким королем. При этом он подтвердил, что Сицилия является папским леном. Кроме того, Фридрих, женившийся ранее на сестре арагонского государя, обещал признать сицилийским королем своего первенца Генриха. Разумеется, эти обещания были дипломатическим шагом: Фридрих с самого начала своего правления и помыслить не мог отказаться от верховной и суверенной власти над своей Сицилией, а позднее и над всеми обретенными им владениями, что было неременным условием его далеко идущих имперских планов.

Вскоре Фридрих нарушил данное Иннокентию III обязательство: в 1220 г., когда следующий папа Гонорий III короновал его также имперской короной, он сделал немецким королем своего восьмилетнего сына Генриха — под именем Генриха VII, что отнюдь не означало освобождения Германии из-под его власти.

Таким образом, в дальнейшем борьба за Северную и Среднюю Италию — связующее звено между Германией и Сицилией — была неотвратима. Ее следствием являлась и борьба с папством, ибо итальянская политика Фридриха таила в себе, как мы видели, непосредственную и весьма серьезную угрозу папству.

Какая же роль отводилась в этих планах Сицилии? Фридрих II считал себя и первую очередь сицилийским королем и неоднократно клялся в посланиях сицилийцам в своей любви к ним, называя Сицилию «зеницей ока». Находясь во время VI крестового похода в Палестине, он, по словам одного из современников, сказал: «Бог иудеев не мог бы так восхвалять страну, которую он дал своему народу, если бы он знал Сицилию».

У Фридриха имелись все основания считать юг Италии и остров Сицилию важнейшей частью своих владений. Это был очень плодородный регион, где, кроме зерновых, давали высокий урожай виноградники, росли оливковые рощи, каштаны, которые составляли важную составную часть пищи, особенно небогатых людей. На острове арабы выращивали цитрусовые, сахарный тростник, тутовые деревья; эти культуры начали, по распоряжению Фридриха, насаждать на юго-западе полуострова. Именно богатства

Сицилии он рассматривал как материальную, а также военную базу своей имперской политики.

Остров являлся перекрестком торговых путей между Западом и Востоком. Столицей государства при Норманской династии и Фридрихе был Палермо — один из самых крупных культурных центров Европы, средоточие европейского, византийского и арабского влияний (см. ниже).

Основатель Сицилийского королевства Рожер II сумел к середине XII в. создать государство с сильной центральной властью. Перед Фридрихом — его внуком по материнской линии — на первых порах встала задача воссоздать это государство. Предводительствуя своим войском, он истребил значительную часть сарацинских повстанцев. Но ему удалось одержать лишь неполную победу. Оставшиеся в горах продолжали сопротивление. Даже в конце 30-х годов император жалуется на «испорченность [сарацин], которую они проявляют тайными злодеяниями»¹.

Покорившихся сарацин он поселил еще в 20-е годы в Апулии (юго-западная часть Южной Италии), в давно опустевшем древнеримском городе Лючере. Вокруг нее возвели крепостные стены в 2 км длиной, со сторожевыми башнями. В городе были построены мечети. Сарацины составили военную колонию. В мирное время они занимались земледелием, в случае надобности составляли войско, которое сохраняло Фридриху верность и в трудные времена.

В 1220 г. Фридрих издал закон, обязывавший баронов вернуть все земли короны, захваченные за последние 30 лет «различными сеньорами, ущемлявшими нашу свободу, на погибель всему королевству». Постепенно Фридрих восстанавливает в прежних размерах обширный королевский домен и даже расширяет его. Так, он подчас высылал какого-либо магната из страны и присваивал себе его владения. Закон предписывал также разрушить все построенные за эти 30 лет (т. е. после смерти норманского

¹ Все цитаты из источников: написанных по-латыни писем Фридриха II, его законов, а также хроник и других документов даны в переводе автора.

короля Вильгельма II) замки и укрепления. Полностью реализовать эти предписания на практике было невозможно, но основы восстановления сильного государства были заложены.

Первым из многочисленных конфликтов, неизбежно связанных с общей направленностью его имперской политики, было столкновение с ярким противником — папой Григорием IX, который отлучил Фридриха от церкви под предлогом, что тот не выполняет данное им ранее обещание предпринять крестовый поход. Император все же отправился на Восток в 1228 г. Прибыв в Палестину, он сумел добиться того, чего не удалось сделать участникам предыдущих пяти походов: вместо военных действий Фридрих приступил к дипломатическим переговорам с египетским султаном; в результате он получил на 40 лет Иерусалим и другие христианские святыни (вскоре — в 1244 г. утраченные). Это дало ему корону Иерусалимского королевства, впрочем, не принесшую реальных выгод.

В то время как Фридрих находился на Востоке и прилагал усилия к возвращению святых мест, папские войска вторглись в Южную Италию. Вернувшись, Фридрих без всякого труда освободил ее, и папе пришлось заключить с ним в 1230 г. мир, сняв с опального императора отлучение и восстановив статус кво.

Так у Фридриха II появилась возможность приступить к устройению Сицилийского государства. В 1231 г. были изданы Мельфийские конституции — самый обширный свод законов, составленных в XIII в. в Европе. Он имел своей целью определить характер вассально-ленных отношений, судопроизводства, административного аппарата, положение всех слоев населения и пр. Продолжая во многом политику своих предшественников (особенно — Рожера II), Фридрих включил в свод многие их законы. Свод обнаруживал немалое влияние не только европейских, но и византийских и отчасти (в сфере финансов) арабских традиций. Прежде всего подчеркнем, что государство оставалось по своему характеру феодальным. Рыцарство в широком смысле слова (т. е. все светские феодалы) было юридически оформлено в замкнутое сословие, принадлеж-

ность к которому являлась наследственной, и лишь специальное разрешение короля могло дать людям, не происходившим из рыцарского рода, это звание. Таким образом право фиксировало непреодолимую пропасть между дворянами и людьми, принадлежавшими к низшему, третьему сословию.

Санкционировалось особое, привилегированное положение дворянства. За побои, нанесенные рыцарю крестьянином, последнему отрубали руку, а рыцарь, избивший другого рыцаря, лишь изгонялся на один год из королевства и утрачивал свой титул, «ибо справедливо лишать рыцарского звания того, кто пытался [это звание] опозорить». В шкале наказаний за различные преступления среди «благородных» порой устанавливается иерархическая лестница: граф, барон, рыцарь.

Для политики Фридриха по отношению к феодалам характерно стремление поставить их, в особенности магнатов, в полную зависимость от себя. Уже законом 1220 г. (и в 1231 г. — повторно) у них было отнято столь важное право судить по уголовным делам. Им запретили не только вести междоусобные войны, но всем — от графа до «простого рыцаря» — носить оружие — явление, неслыханное для Средневековья. Отныне все феодалы должны были нести военную службу королю; впрочем, на практике Фридрих все же предпочитал рассчитывать на мелких рыцарей-наемников. Был установлен строгий контроль за наследованием феодалов и передачей их другому лицу. Даже на вступление в брак и выдачу замуж своих дочерей всем непосредственным вассалам короля (графам, баронам и части мелких рыцарей) требовалось согласие короля.

Точно так же, как светских магнатов, Фридрих намеревался подчинить себе церковь. В 20-е годы он резко сократил ее землевладение. Позднее церковь утратила право приобретать земли и получать их в дар. Поясняя эту меру в письме папе, который жаловался на конфискацию некоторых территорий у обосновавшихся в Сицилии духовно-рыцарских орденов госпитальеров и тамплиеров (см. раздел VI), Фридрих заявил: «Если бы им было разрешено свободно и на вечные времена покупать или принимать земли..., они бы в короткий срок... скупили и

приобрели все Сицилийское королевство». По всем вопросам, кроме церковных, клириков судил государственный суд. Влияя на выборы сицилийских епископов, Фридрих в конечном итоге создал епископат, полностью изолированный от Рима.

Наконец, для того чтобы добиться предельной концентрации власти в своих руках, Фридриху предстояло лишить города самоуправления. В своде 1231 г. (как и в 1220 г.) предписывается, чтобы все должностные лица в городе назначались королем или его представителями. «Если же в дальнейшем какая-либо [городская] община¹ [сама] поставит таковых, она будет разрушена навеки и все жители этого города будут навечно превращены в крепостных».

И в самом деле, когда в 1232 г. вспыхнули волнения в ряде городов острова, они не только были подавлены, но некоторые города полностью разрушены. Семь лет спустя «злокозненность», по выражению короля, проявили жители небольшого южноитальянского города Читта-Сан-Анджело. Фридрих приказал стереть город с лица земли, часть жителей казнить, а остальных выселить. «Мы желаем, чтобы это поселение навеки опустело», — писал он юстициарию (главе провинции). В 1240 г. Фридрих распорядился осадить непокорный ему Беневенто. В этом распоряжении говорится: «Жители Беневенто более помышляют о себе и собственном благе, чем об удовлетворении [желания] нашего Величества. По этой причине мы повелеваем, чтобы находящиеся внутри [города] до тех пор иссушались муками голода, пока сей жестокий голод... не принудит их повиноваться нашим приказам».

В городе надзором за качеством товаров ведали не цеховые старейшины (существования цехов Фридрих не потерпел бы), а само государство, как и контролем над торговцами. Местные чиновники назначали специальных лиц, надзиравших за работой золотых и серебряных дел мастеров, кузнецов, оружейников и других ремесленников. Если они изготавливали товары низкого качества, а торговцы

¹ Под «городской общиной» подразумевается сообщество горожан, город.

занимались обманом покупателя, те и другие платили, согласно закону, штраф в I фунт золота, неимущих подвергали «в назидание другим» публичному бичеванию, уличенным во второй раз отрубали руку, в третий — вешали.

Средневековое представление Фридриха о ростовщичестве, которое неизменно клеймила церковь как богопротивное занятие, обусловило включение в Мельфийские конституции закона, запрещающего под угрозой конфискации имущества заниматься кредитными операциями.

Уже Рожер II положил начало прикреплению крестьян к земле законодательным путем. Фридрих дополнил его, включив в свод 1231 г. закон Вильгельма II, предписывавший королевским должностным лицам захватывать беглых крепостных и передавать их господину или же, если последний неизвестен, поселять на королевском домене. В дальнейшем стали назначать особых чиновников, которые занимались розыском и принудительным возвращением крепостных, бежавших с земель домена или из вотчины феодалов. Впрочем, Фридриха более заботило, чтобы домен, служивший для него важным источником доходов благодаря выращиванию и продаже зерновых, был обеспечен рабочими руками. Поэтому найденные беглые и даже их дети и внуки чаще посылались на земли короны.

Немалый интерес представляет правовая система. Так называемый Божий суд¹ заменялся, как в Англии на 60—70 лет ранее и во Франции — позднее, расследованием с помощью присяжных, которые были и свидетелями, и следователями. Испытания огнем, водой и раскаленным железом (ордалии) отменялись не потому, что они бесчеловечны (пытки в ходе процесса сохранялись), а со следующей любопытной мотивацией: они бесполезны, ибо противоречат естественному порядку вещей, а следовательно, не могут обнаружить истины.

Важным нововведением являлась отмена кровной мести: отныне никто не имеет права мстить за нанесенную обиду; возмездие за преступление становится функцией не пострадавшего или его родственников, а государства. Кара преследует также цель устрашения подданных. Так, еретики

¹ см. Часть третью.

сжигаются публично, «на глазах у народа». В уголовном праве появляется еще один новый мотив: стремление *предотвратить* преступление. «Наше разумное стремление, — говорится в кодексе, — должно быть направлено не столько на наказание [преступления], сколько на то, чтобы пресечь пути и средства к свершению такового»,

Значительная часть свода посвящена строительству разветвленного государственного аппарата, которого не имелось ни в одной из стран Запада. Он должен был являться эффективным орудием политики государя. Этот аппарат состоял из чиновников на жаловании; тем самым был решительно отвергнут принцип замещения государственных должностей королевскими вассалами. Чиновников должны были назначать из лиц испытанных и верных королю. Они находились на особом положении, ибо, как говорится в законе, «они представляют личность короля». По этой причине судью или нотарию запрещалось назначать из крестьян или незаконнорожденных.

Особое место занимают главы Мельфийских конституций, которые имели своей целью обосновать с помощью норм позднеимперского права неограниченную власть государя. Во Введении к Конституциям, составленным для Сицилийского королевства, а не для империи, Фридрих именуется Цезарем Августом. Сами Конституции получили название «Книга Августа», а на чеканившейся в Сицилии в эти годы золотой монете — августале был изображен император в лавровом венке и одеянии цезарей, на обороте — римский орел и надпись: «Римский император Цезарь Август».

Следуя примеру Рожера II, он включает в кодекс 1231 г. закон об «оскорблении величества», предусматривавший смертную казнь. Пересуды о приговорах и предписаниях государя расцениваются как святотатство. Он непогрешим, ибо его действия исходят непосредственно от Бога. Не случайно, что Фридрих первым в Европе издал закон «О сожжении еретиков», в которых он усматривал своих врагов. Вскоре он сжег несколько человек, возглавивших восстание в Мессине. Папа позднее не без основания укорял его в том, что «под видом еретиков... погибали не еретики, а верующие, которые нанесли тяжкое оскорбление твоему Величеству».

«Цезарю, — гласит одна из Конституций, — надлежит быть отцом и сыном правосудия: отцом — в издании законов, сыном — в их соблюдении и служении праву». В посланиях Фридрих заявлял: «Подданные живут только великодушной милостью государя», «Гибель правителя влечет за собой и гибель народов». По его убеждению, свободны те, «кто подчинен королевской власти».

Фридрих и его приближенные создают в Сицилии культ государя, стоящего на недостижимой высоте над своими подданными. Он окружает себя восточной роскошью, поражающей современников. Некоторые из построенных в Южной Италии крепостей являлись в то же время дворцами. Особенно великолепен был дворец в Фодже (недалеко от Лючеры). Там устраивались пышные праздники. На них присутствовали тысячи гостей, в том числе, прибывших из других стран, которых услаждали певцы и танцовщицы. В Фодже и Лючере находились зверинцы, где содержали слонов, верблюдов, львов, леопардов, обезьян и жирафа. Зверинец, негры-музыканты и сарацины-слуги сопровождали его во время некоторых поездок в Верону и другие союзные североитальянские города для того, чтобы произвести впечатление — «Поелику императорскому величеству подобает выступать в великой славе». Остается спорным вопрос о том, был ли у него гарем из сарацинских девушек, охраняемых евнухами, в чем его обвиняли враги.

При дворе был введен торжественный церемониал. Противники писали, что в его присутствии следовало преклонять колена. Кардинал Райнер из Витербо писал: «Восседая в храме Господнем, как Бог, он заставлял епископов и клириков лобызать себе ноги и приказывал называть себя святым». Из имперской канцелярии исходили неумеренные восхваления Фридриха, в которых античный и византийский слог перемешивались с библейскими оборотами. Эти восхваления особенно усилились в последний период его царствования, так как они были связаны с его имперской политикой и служили определенным политическим целям. В известном смысле идеалом Фридриха была деспотия восточного типа. Он сам пишет об этом: «О, счастливая Азия, о, счастливые властители Востока, которые не стра-

шатся оружия своих подданных». В Сицилии он имел возможность использовать всю полноту своей власти. Комментаратор Мельфийских конституций, живший в XIII в., называет Сицилию «матерью тиранов».

* * *

Политика Фридриха II по отношению к Германии резко контрастировала с той, которую он проводил в Сицилии.

К XIII в. Германия представляла собой страну, в которой все более усиливались князья, а центральная власть соответственно теряла свои верховные prerogatives. Фридрих осознавал насколько трудным, почти безнадежным были бы попытки ее объединения. Впрочем, эта задача его не интересовала. Он стремился добиться лишь расположения немецких князей, их поддержки и военной помощи после начала своих итальянских походов. В 1220 г., после восьмилетнего пребывания в Германии, он покинул ее с тем, чтобы в дальнейшем лишь дважды, на короткий срок, побывать там. Перед отъездом он дал привилегии всем духовным князьям: право чеканить собственную монету и собирать торговые пошлины. Прелатам предоставлялось монопольное право строить на своей территории крепости. Подтверждались их права на земельные владения.

Однако его сын Генрих VII, правивший с того времени, когда он достиг совершеннолетия, самостоятельно, стал предпринимать шаги, которые шли вразрез с политикой его отца. Он сблизился с низшим дворянством и горожанами — силами, враждебными князьям, и пытался обуздать отдельных влиятельных князей. Противостояние слабавольного и даже легкомысленного Генриха воле отца диктовалось и личными мотивами: он хотел развестись со своей женой Маргаритой Австрийской (этот брак был устроен Фридрихом, как и его собственные три брака, по политическим мотивам), чтобы жениться на своей возлюбленной — Агнесе Богемской. Однако ему не удалось достичь задуманной цели. В 1231—1232 гг. Фридрих пожаловал светским князьям Германии как сословию суверенные права, которые они к тому же, в отличие от

духовных князей (не имевших семей), передавали по наследству: суд по всем делам (высшая юрисдикция), сбор рыночных пошлин и чеканку монеты. За князьями подтверждалось право основывать новые города. Враждебный характер по отношению к городам носило запрещение Фридрихом городских союзов и даже ремесленных цехов (запрет, который, конечно, не мог быть осуществлен в действительности).

Генриху пришлось подчиниться и признать новые уступки князьям. Но вскоре он вновь почувствовал себя достаточно уверенно и решился на открытый разрыв с отцом: в 1234 г. он сблизается с рядом городов и низших дворян, а затем предпринимает отчаянный шаг: заключает союз с ломбардскими городами — врагами Фридриха. Мятеж Генриха побудил Фридриха в начале следующего года поспешно отправиться в Германию, захватив с собой, помимо пышной свиты, вместо войска более действенное оружие: большую сумму денег для подкупа князей. Как пишет немецкий хронист, Генрих пытался добиться у городов и князей «с помощью денег, угроз и подарков участия в сопротивлении отцу», но напрасно. Тогда он полностью отдал себя на милость Фридриха (июль 1235 г.). На суде, в присутствии собравшихся князей, Генрих долго лежал, рыдая, на полу. Фридрих не казнил его, но посадил в тюрьму. Он пробыл сначала в немецких, потом в южноитальянских темницах семь лет. В 1242 г., когда его перевозили в другую тюрьму, он вместе с лошадью упал с горной кручи. Остается неизвестным, было ли это самоубийством.

В Германии Фридрих организовал в 1237 г. выбор князьями королем своего девятилетнего сына Конрада IV. Его политика в стране мало отличалась от прежней. Правда, Фридрих объявил общий мир, запретил частные войны и попытался законодательным путем укрепить свою верховную власть над князьями. Однако эти меры были явно запоздалыми и не могли остановить процесс углубления в стране княжеской власти.

* * *

После «устроения» Сицилийского королевства Фридрих приступает к подчинению Северной и части Средней Италии. «Ведь Провидение столь могущественно и даже удивительным образом направляет наши шаги... для того, чтобы этот центр Италии, окруженный со всех сторон нашими силами, вернулся к повиновению нашему Величеству и к единству империи», — писал он.

Однако Фридрих явно недооценивал силу сопротивления, которую таили в себе ломбардские города. Обретя в конце XII или начале XIII в. свободу и превратившись в коммуны, они все более богатели, являясь главными посредническими центрами в средиземноморской торговле между Западом и Востоком и выделяясь развитым ремеслом, а следовательно — усиливались. Фридрих, разумеется, рассчитывал использовать серьезные противоречия между городами, соперничавшими во внешней торговле, а также стремившимися отвоевать друг у друга пограничные территории или удобные гавани. Этот клубок разнородных противоречий еще более запутывался из-за борьбы в стенах самого города — между пополанами (средние ремесленники и торговцы) и грандами (городская аристократия), гвельфами (сторонники папства) и гибеллинами (приверженцы империи), — борьбы доходившей нередко до кровавых столкновений. Все это давало Фридриху возможность привлекать отдельные города в имперский лагерь, умело используя противоречия между ними и их противниками. Так, поскольку Милан, занимавший господствующее положение в Ломбардии (Северная Италия), возглавлял со времен Барбароссы антиимперский лагерь, Фридрих опирается на враждебную Милану Кремону. Император называет кремонцев своими истинными друзьями и щедро награждает город привилегиями. Его союзниками были также Павия, Пиза, Лукка. В целом Фридрих стремится лавировать между враждующими городами, опираясь с этой целью на партию гибеллинов.

С середины 20-х годов, когда положение Фридриха в Сицилии в достаточной мере упрочилось, он приступил к мерам, имевшим своей целью лишить города Северной и Центральной Италии их независимости. Ответным шагом

было торжественное восстановление Ломбардской лиги городов, организованной в ходе борьбы с Барбароссой. Во главе ее вновь встал Милан, а в состав вошли Падуя, Болонья, Мантуя и многие другие коммуны. В военном отношении Фридрих был еще слишком слабым, чтобы расправиться с непокорными городами. На первых порах он ограничивается манифестами, в которых звучит высокомерное презрение и ненависть к ломбардскому союзу.

Между тем папа Григорий IX воочию убедился в агрессивных планах императора в отношении Северной Италии. Начинается длительная и упорная борьба Фридриха одновременно с двумя противниками: городами и их союзником — папой, настроенным столь же непримиримо, как и города.

Для итальянских коммун исход этой борьбы был вопросом жизни или смерти. Они требуют, чтобы Фридрих не вмешивался в их внутренние дела, обвиняют его (в 1232 г.) в том, что он, «исполненный вражды, с оружием в руках напал на ломбардцев и их друзей, жестоко убивая людей, позорно и бесчестно насилуя женщин и сжигая их дома». Положение обостряется. Фридрих призывает своих сицилийских подданных к подавлению «кровавой дерзости мятежников», «вероломства ломбардцев», называя Ломбардскую лигу «неким сборищем злоумышленников ... подобным плевелам в житнице и стоку нечистот».

Причины его негодования особенно ярко раскрываются в письме французскому королю Людовику IX: «Некоторые города Италии пытаются презреть верховную власть [империи] и, забыв о собственной выгоде, излишество какой-то шаткой свободы предпочитают мирному покою и правосудию... Мы преследуем беззаконие и стремимся искоренить ... ростки ненавистной свободы». Он пытается, и чем далее, тем активнее, привлечь европейских государей к общему, по его убеждению, делу — «обузданию наглой дерзости подданных».

В итальянских городах крепнет осознание необходимости совместными усилиями защитить свою свободу и избежать «ярма рабства», — как говорится в письмах, которыми они обмениваются.

В 1237 г. при Кортенуове (Ломбардия) Фридрих неожиданно напал с 12—15-тысячным войском (которое состояло из немецких и сицилийских рыцарей, сарацин и других воинов) на 10-тысячный отряд ломбардцев и нанес им сокрушительное поражение. Были захвачены трофеи. В торжественном, весьма экзотическом шествии по улицам близлежащей Кремоны Фридрих выступал как непобедимый цезарь. Слон тянул за собой миланскую повозку со знаменем города; к ней был привязан захваченный в плен правитель Милана (сын венецианского дожа), сзади шли закованные в цепи пленные. «Да возрадуется весь мир по поводу столь великой победы государя, — пишет он, — ... Пусть... придут в смятение безумные мятежники и трепещут враждебные [нам] народы из-за столь [печального для них] исхода великой битвы».

Триумф ослепил Фридриха. Он твердо уверовал в то, что сопротивление коммун сломлено и решил окончательно расправиться с их вольностями. Однако неудача лишь еще сильнее сплотила мятежные города. Когда император потребовал от Милана безоговорочной капитуляции, его жители, по словам хрониста, «ответили на тираническое требование, что они никоим образом не сделают этого, говоря: мы... предпочитаем умереть со щитом, мечом, копьем и стрелами, чем от петли, голода или огня». Фридрих оказался перед перспективой длительной войны с городами, оказывающими ему стойкое противодействие. Так, после трехмесячной осады сильным имперским войском сравнительно небольшой Брешии Фридриху пришлось отступить.

В 1239 г. Григорий IX вторично отлучает Фридриха от церкви, обвинив его в преследовании сицилийского духовенства и отклонении от католического правоверия. Противники обмениваются манифестами, пытаясь склонить на свою сторону общественное мнение. Фридрих отправляет послание римлянам, в котором заявляет о необходимости вернуть Риму утраченную мощь и сделать его столицей своей мировой монархии.

Главной темой ожесточенного публицистического спора являлся вопрос о взаимоотношениях папства и империи.

Этот важнейший для судеб Европы вопрос впервые был поставлен в XI в., когда папа Григорий VII развил так называемую теорию папской теократии — верховенства главы духовной власти — папства не только над церковью, но и над светской властью, иными словами — обоснование права папы вмешиваться во внутренние дела европейских государств, даже низлагать королей и императоров. Со своей стороны, его противник — германский император Генрих IV прилагал все силы к тому, чтобы поставить в зависимость от себя имперскую церковь. Следующим этапом было столкновение Фридриха I Барбароссы с итальянскими городами и папством. Апогеем папского могущества было правление Иннокентия III. Он объявил себя наместником Бога на земле (ранее считалось, что папы являются наместниками апостола Петра) и потребовал от правителей Европы вассальной присяги. В этом он частично преуспел: короли Англии, Арагона, Португалии, Швеции, Дании и некоторые другие государи признали себя его вассалами. В дальнейшем обстановка в Европе меняется: усиливаются централизованные государства — Англия и Франция и, как следствие этого, папство начинает клониться к упадку и его притязания — как и претензии императора — постепенно теряют под собой почву (хотя папство остается в целом сильнее империи)¹.

Вскоре после отлучения Фридрих в письме кардиналам обосновывает равноправие обеих властей: «При сотворении мира... невыразимая мудрость Бога установила на небесном своде два светила: большее и меньшее, большее — для того, чтобы оно управляло днем, меньшее — чтобы оно правило ночью. Оба эти светила... мирно описывают свои пути таким образом, что одно не задевает другого... Подобным образом вечное Провидение хотело, чтобы землей управляли две власти: папство и империя, первая — для защиты душ, вторая — для охраны тел, чтобы человек, влекомый в две стороны, удерживался двойными поводьями. Однако, какое неслыханно новое чудо! Солнце стремится затемнить луну и лишит ее света, а именно: папа нападает

¹ См. Часть третью.

на императора, и апостольское Высочество пытается скрыть блеск нашего Величества, в то время как мы получили императорское достоинство от Бога». В следующих манифестах повторяется мысль о том, что Бог дал папе духовный, а императору — светский меч, а папа претендует на пользование последним¹. Фридрих обвиняет папу в том, что он притязает на мировое господство. Ожесточение борьбы увлекает его все дальше. Папа сравнивается с купцом, который сидит в своей лавке, ибо он так же отпускает грехи за деньги. Пользуясь языком Апокалипсиса, авторы имперских посланий (приближенные императора) изображают папу Антихристом, драконом, соблазнившим весь мир и т. п. Предвосхищаются в известной мере идеи реформы церкви: папа является преемником апостола Петра, не имевшего ничего, кроме сетей; «Ты же всегда стремишься к тому, чтобы все поглотить, и никогда весь мир не сможет удовлетворить твой ненасытный желудок». «Но почему же, — говорится далее, — ты, который по повелению Христа как пастырь церкви проповедуешь бедность, сторонись того, что ты сам проповедуешь, и постоянно стремишься громоздить золото на золото?»

Фридрих рассылает послания другим государям, в которых появляется еще один мотив: необходимость совместными усилиями оградить себя от папы, который, вмешиваясь в чужую сферу (поддерживая мятежные города), злоупотребляет своей властью. «Бегите к вашим домам с водой, — пишет он, — когда огонь загорается в соседних..., страшитесь того, что и вам грозят подобные же опасности. Ведь легко может наступить унижение других королей и властителей, если ослабеет могущество римского цезаря, щит которого выносит натиск первым».

Манифесты Григория IX были написаны в тех же апокалиптических тонах (с прямыми заимствованиями из Апокалипсиса). В 1239 г. в послании прелатам Фридрих изображается следующим образом: «Выходит из моря зверь,

¹ Спор о том, подчинен ли светский меч (власть государя) духовному (папской власти) или же они равноправны, был начат папой Григорием VII в его борьбе с Генрихом IV.

преисполненный богохульства; ноги у него, как у медведя, а пасть у него, как пасть у бешеного льва, а другие члены, как у леопарда, и изрыгает он хулу на имя Божие... Своими железными когтями и зубами жаждет он все сокрушить и своими ногами растоптать [весь] мир». Фридрих обвиняется в ереси: якобы он заявлял, что мир ввели в заблуждение три обманщика: Иисус Христос, Моисей и Магомет, что «глупцы все, кто верит, что Бог мог родиться от девы».

Весной 1241 г. Григорий IX объявил о созыве в Риме вселенского собора для того, чтобы низложить с престола отлученного от церкви императора. Но на генуэзские корабли, перевозившие в Рим французских, испанских и североитальянских епископов, аббатов и других прелатов, напали имперские галеры. Они захватили в плен прелатов; их большая часть была доставлена в Южную Италию и заключена в темницы, где они остались до своей смерти.

Фридрих отправился с войском к Риму. Жарким летом 1241 г. девяностолетний папа умер в осажденном городе. Два года спустя кардиналы избрали папой Иннокентия IV (1243—1254 гг.). Фридрих полагал, что Иннокентий примирится с ним. Но он обманулся в своих надеждах. Столь же убежденный приверженец идеи папской теократии новый папа не походил на необузданного Григория IX, обладая холодным и гибким умом. Несмотря на необычную уступчивость Фридриха, Иннокентий IV тянул со снятием отлучения. Затем он тайком, переодевшись рыцарем, в 1244 г. бежал в Геную, а оттуда — в Лион, фактически не зависимый ни от императора, ни от Людовика IX. Здесь он созвал летом 1245 г. вселенский собор, на котором Фридрих, снова обвиненный в ереси и в многочисленных преступлениях против церкви, был низложен, а его подданные освобождены от клятвы верности. Известный английский хронист Матвей Парижский пишет, что Фридрих, узнав об этом, с грозным видом воскликнул: «Я еще не утратил своей короны и не намереваюсь ее лишиться без кровопролитной борьбы... В состоянии ли подлая дерзость так возвыситься, чтобы ему [папе] удалось низвергнуть с вершины императорской власти меня, высшего из власти-

телей, которого никто не превосходит, которому даже никто не равен?»

Фридрих обращается с посланиями к королям и князьям Европы, призывая их оказать сопротивление папе, который присвоил себе право вмешиваться в дела государей и даже по своей прихоти лишать их королевств. «С нас начинается, но знайте, что кончится вами... Таким образом, защищая свое право в нашем деле и заботясь заблаговременно о себе и своих наследниках, окажите нам подобающую помощь». Папа «вклинивает свой серп в чужую жатву», — говорится в другом манифесте. И вновь он настаивает на необходимости реформировать церковь и обуздать мятежных подданных.

Оказали ли какое-либо влияние манифесты Фридриха на другие страны? Матвей Парижский замечает, что своим обещанием освободить Англию от уплаты папе вассального побора (который страна давала ему с начала XIII в.) «господин император расположил к себе сердца многих». В Англии, Франции и Арагоне папские посланцы при попытке собрать деньги встретили сопротивление. Короли западноевропейских государств не признали низложения Фридриха, но последний смог добиться только их нейтралитета, но не помощи в своих действиях, направленных против Иннокентия IV: они были настроены не менее враждебно по отношению к императору, претендующему на верховенство над ними, чем по отношению к папе, который стремился к той же цели.

Неудачи преследовали Фридриха и в его походах в Северную Италию. Высокие налоги, возложенные на сохранявшие ему верность города, более жесткая политика с конца 30-х годов, имевшая своей целью полное уничтожение независимости коммун и управление ими посредством имперских чиновников, — все это наглядно показало городам, какие последствия влечет за собой подчинение императору. Пармский хронист Салимбене пишет: Фридрих «хотел подчинить ломбардцев своей власти, но не мог [этого сделать], ибо в то время как он овладевал одной местностью, он терял другую».

В 1247 г. поднял мятеж Витербо. Фридрих осадил город.

Две атаки (одним отрядом предводительствовал сам император) были отражены горожанами. Осада затянулась. Однажды император в ярости сказал, что если бы он уже одной ногой стоял в раю, он бы ее отдернул, чтобы отомстить Витербо. Лишь четыре года спустя ему удалось одержать победу над жителями города.

Самым тяжелым ударом было поражение под Пармой — важным связующим звеном между севером и югом Италии. В том же 1247 г. Парма перешла на сторону врагов Фридриха. На помощь восставшим поспешили миланцы. Фридрих окружил Парму войском, состоявшим из сицилийцев, немцев и жителей некоторых североитальянских городов. По его приказу около городских стен построили целый деревянный город — с укрепленными стенами, башнями, рвом. Город был заранее назван Викторией («Победой»). В феврале 1248 г. жители Пармы внезапно напали на Викторию, сожгли ее, убили 500 и взяли в плен 1000 человек. Они захватили богатейшую добычу: королевскую казну, имперский трон, золотую, усыпанную драгоценными камнями корону. Фридриху пришлось спастись бегством.

Автор анналов Генуи замечает: «И с этого дня его [Фридриха] почти во всем стали преследовать несчастья». Начиная с 1246 г., было устроено несколько заговоров с целью его убийства, в которых участвовали и близкие ему люди. Болонцам удалось взять в плен командовавшего военными действиями Энцо — любимого сына Фридриха. В ответ на грозное письмо Фридриха, требовавшего его освобождения, болонцы написали: «Перестаньте устрашать нас словами, подобными ветру... Знайте впредь, что мы держали, держим и будем держать в плену... Энцо, ибо это наше право». Если же Фридрих прибегнет к силе, «мы опояшемся мечами и бросимся как львы, чтобы одержать над вами победу. Вам не поможет бесчисленное множество [войск]. Как гласит древняя пословица, «и маленькая собачка нередко может поймать вепря». Энцо умер в болонском заключении 23 года спустя.

В 1249 г. Фридрих приказал бросить в тюрьму и ослепить Петра Винейского, своего ближайшего сподвижника, ко-

тогого он, по словам хрониста Салимбене, «сердечно любил и вознес выше всех других своих придворных». Возможно, что он был виновен в хищениях из казны (начав свою карьеру простым нотариусом при дворе, он оставил после себя огромное состояние). В одной из темниц Петр Винейский разбил себе голову о столб, к которому он был прикован. Данте в «Божественной комедии» помещает его в Ад, в окаменевший лес самоубийц. Петр говорит ему:

Я тот, кто оба сберегал ключа от сердца
Фредерика¹...
Хранитель тайн его, больших и малых.
Неся мой долг, который был мне свят,
Я не щадил ни сна, ни сил усталых

Ад. Песнь XIII.

Далее Петр сообщает поэту, что его оклеветали завистники.

Войны с императором тяжело отразились на состоянии Северной и Средней Италии. Об их последствиях свидетельствуют письма самого Фридриха; к примеру: «Мы, пройдя с нашим победоносным войском, опустошили всю область [Болоньи], полностью разрушая огнем и мечом укрепления и замки». К концу 40-х годов Италия пришла в состояние, которое образно (хотя и несколько сгущая краски) описывает Салимбене: «В те времена шла ожесточенная война, которая продолжалась много лет. Люди не могли ни пахать, ни жать, ни обрабатывать виноградники, ни собирать с них урожай, ни жить в деревнях... Чрезвычайно возросло количество разбойников и грабителей, Они захватывали людей и сажали их в темницы, чтобы (эти люди] выкупали себя., и разбойники были более жестокими, чем демоны... И опустела земля, потому что не было ни землевладельца, ни путника, проходящего по ней... Чрезмерно размножились птицы и лесные звери... куропатки и перепела, зайцы и дикие козы, олени, кабаны и хищные волки. Они не находили в деревнях, как

¹ Имеются в виду ключи милости и немилости.

водилось исстари, пищи — ягнят или овец, так как деревни были целиком сожжены. По этой причине волки, собравшись в великом множестве вокруг рва какого-либо города, издавали ужасный вой. Ночью они врываются в города и пожирали людей».

Итак, к концу царствования Фридриха его планы овладения Северной и частью Центральной Италии провалились.

* * *

Вернемся к Сицилийскому королевству и рассмотрим внутреннюю политику Фридриха и соотношение его законодательства с социальной практикой.

Мы видели, что его представление о роли в государстве горожан было консервативным. Законы сковывали их экономическую инициативу, подавляя деятельность ремесленников, купцов, ростовщиков. О пренебрежительном отношении к горожанам свидетельствует письмо чиновнику, возглавлявшему одну из провинций: «Непомерно оскорбительной явилась для нашего Величества недавняя весть, что в нашем городе Салерно ты допустил избрание на должность судьи Маттео Куриале, ...купца... Мы не желаем, чтобы законы стали предметом торговли кем-либо из купцов, чьи руки неизменно проворно тянутся к наживе». Купца следует отстранить, — продолжает Фридрих, — а на его место поставить человека достойного, верного и образованного. В законе, запрещавшем ростовщичество, подданным предлагалось публично заявлять о «бесстыдстве ростовщиков». В этих актах проявилось полное непонимание роли города как экономической и политической опоры центральной власти — непонимание, отличавшее Фридриха от французских и английских королей. Его политика вообще не имела своей целью развитие местного производства. Фридрих поощрял ввоз в страну северо- и среднеитальянских товаров и экспорт вина, оливкового масла и других сельскохозяйственных продуктов. С 30-х годов XIII в. ключевыми позициями во внешней торговле (кроме вывоза на север Италии зерна) овладели венецианские, генуэзские

и пизанские купцы. Сицилия начала превращаться в продовольственную базу для севера Апеннинского полуострова.

Для ведения войн в Северной и Средней Италии было необходимо извлечь из Сицилии огромные средства. Немалых денег стоило и содержание обширного аппарата управления, пышного двора, строительство в королевстве крепостей. В методах изыскания средств и получения от своих подданных все новых и новых денег Фридрих намного опередил других государей Западной Европы. Перенятую у норманских государей систему налогов и пошлин он дополнил новыми.

Издавна из Сицилии вывозились большие массы зерна. Отныне торговля им разрешалась частным лицам лишь после того, как зерно с земель короны было продано. Лейтмотивом всех хозяйственных распоряжений Фридриха было: действовать так, «чтобы это приносило наибольшую прибыль нашей казне».

Фридрих ввел государственную монополию на торговлю металлами и солью. Последняя особенно тяжело отразилась на населении, так как этот продукт массового потребления резко подорожал. Особый закон предусматривал конфискацию имущества у тех, кто приобретал соль в обход государства.

Система многочисленных пошлин и косвенных налогов (взимавшихся при купле-продаже) повышала цену и на другие товары. Но самым обременительным был прямой налог — так называемая коллекта. Взимавшаяся вначале нерегулярно, она превратилась с середины 30-х годов в подлинный бич для сицилийцев. При этом Фридрих обращался к своим подданным с письмами, в которых клялся в своей любви к ним и уверял, что отягощает их поборами "не без большого сострадания». Заканчивались такие письма призывом, чтобы они «радостно поспешили внести деньги».

Уже в 20-х годах один из влиятельных приближенных Фридриха Томас из Газты предостерегал Фридриха против коллекты, приводившей к обнищанию королевства: «Дайте пройти некоторому промежутку времени между одним налогом и последующим. Придерживайтесь меры при наложении повинностей, дайте и без того изнуренному

королевству, которое было столь богатым и процветало в счастливые времена ваших королевских предшественников, возможность оправиться от тягот: пусть высохнут слезы и пусть прекратятся страдания народов. Обращайтесь милосерднее с населением... вашего государства., дабы отдохнуло сердце народа, уязвленного бременем многочисленных налогов и поборов, и дабы оно могло вновь прочно привязаться к Вам... Ибо если его сердце искренне предано Вам, это представляет большую ценность, чем все крепости и все войска».

Однако в дальнейшем бремя еще более увеличилось, и Фридрих требует, чтобы сборщики коллекты не делали послабления при взимании недоимок, конфискуя в случае надобности имущество должников. Хотя послание Томаса Гаэтанского содержит, в духе времени, несомненные преувеличения, хищническая эксплуатация Фридрихом страны привела к концу его царствования к подрыву экономики Сицилии.

Законы и письменные распоряжения жестко регулировали частную жизнь сицилийцев. У феодалов, предававшихся роскоши, отбирали лен, давая взамен умеренное содержание. Неоднократно издавались законы против игроков в кости и «тех, кто считает трактир своим домом». Эти законы относились также к судьям и нотариам, которые теряли свою должность, и к рыцарям, «позорящим свое достоинство такой постыдной жизнью». Из Великой курии (верховного органа управления) рассылались приказы: по второму удару колокола к вечерне должны закрываться трактиры, после третьего удара, «в ночные часы», не разрешалось ходить по улицам.

Любопытно отметить еще один закон 1221 г.: каждому человеку разрешалось по его усмотрению безнаказанно карать богохульствующих странствующих певцов и музыкантов. Тем самым заранее предполагалось, что они предаются богохульству. Все, что находилось за рамками официальной, придворной культуры, вызывало у Фридриха подозрение и неприятие. Что же касается неуклонного и сурового надзора за поведением подданных, с его точки зрения, это было оправданно полученным свыше правом

государя вмешиваться в жизнь, даже повседневный быт подданных.

И действительно, время от времени проводились по всему королевству расследования, во время которых искали не только убийц и прочих преступников, но и игроков. В последний период царствования Фридриха игроков, пьяниц и других «людей, ведущих дурную жизнь», стали посылать на публичные работы.

В 1233 г. иностранцам (в основном речь идет о жителях Северной и Средней Италии, к которым относились с подозрением) запрещают постоянное пребывание в стране, ибо «чистота местных жителей замутняется в результате браков с чужаками и растет ненадежность и порочность народов [сицилийцев]». Отныне для поселения в государстве иноземцев требуется особое разрешение короля. Подданным, осмелившимся заключить брак с чужестранцами без согласия короля, грозила конфискация имущества.

С целью обеспечить свой аппарат управления кадрами образованных и преданных ему чиновников, а также для того, чтобы местные жители не отправлялись учиться в высшие школы североитальянских коммун (прежде всего — в знаменитую Болонскую школу права) и не воспринимали там идеи городской свободы, Фридрих основал в 1224 г. в Неаполе первый в Европе государственный университет. Настоятельно приглашаются «ученые мужи», которым он обещает обилие плодов земных и морских и другие блага, а школярам, вдобавок, и книги взаймы. Однако Фридрих, судя по письмам, намерен сам назначать преподавателей (а в дальнейшем — контролировать занятия). Еще существовавшее следующее его заявление: «Пусть под страхом наказания... ни один из школяров не осмеливается покинуть королевство с целью обучения [в другом месте]». Однако университет так и не смог занять видного положения и стать соперником Болонской школы, которую Фридрих пытался закрыть, но безуспешно. В значительной мере это объяснялось тяготевшей над профессорами и над студентами королевской опекой, которая была связана с общим духовным климатом, господствовавшим в Сицилии.

Весьма типична для Фридриха противоречивая политика

в отношении «неверных» — сарацин, с IX в. живших на острове, и евреев. Как тем, так и другим Мельфийские конституции гарантируют безопасность: «Мы никоим образом не можем лишать иудеев и сарацин нашей могущественной защиты, поелику различие религий возбуждает к ним вражду [правоверных католиков] и лишает всякой иной помощи». В Лючере, заселенной сарацинами, были построены мечети и минареты. Арабам разрешается заниматься торговлей по всему королевству. Однако в 1239 г., когда в связи с повторным отлучением императора обстановка обостряется, свободное передвижение по стране сарацинам запрещается; они должны находиться только в Лючере. В отношении евреев Фридрих проявляет такую же веротерпимость. В Неаполе, Салерно и других городах, где имеются еврейские кварталы, находятся синагоги. Евреи получают на острове в аренду финиковые пальмы и плантации сахарного тростника, а специалистам поручается изготавливать сахар, еще почти неизвестный в Европе; им были переданы производство и окраска шелка, также составлявшие государственную монополию.

Однако закон ставит сарацин и евреев в приниженное положение: если после убийства христианина не удастся обнаружить виновного, местные жители платят государству сумму в два раза большую, чем в случае убийства иноверца. Иудеи и сарацины считаются «рабами курии». Евреям особым эдиктом предписывается «во славу Распятого» носить на платье голубую нашивку. У презревших это закон конфискуется имущество, если же они — бедняки, им выжигается на лбу клеймо раскаленным железом.

Уничижительное отношение к иноверцам сочетается у Фридриха с вольномыслием. Широта взглядов в интеллектуальной сфере кончается у него там, где возникает угроза противодействия ему сицилийских арабов или появляется возможность широкого и жесткого использования евреев в интересах фиска.

Разросшаяся бюрократическая машина отличалась неповоротливостью. Вмешательство короля не только в существенные, но и в незначительные дела также нарушало

порядок работы разных инстанций. Стоявшие во главе провинций юстициарии обладали судебной, административной и военной властью. Во время регулярных объездов своей территории они должны были надзирать за деятельностью всех остальных должностных лиц и за жителями провинции, чтобы «исправлять наглость злодеев». Они обладали правом производить домашние обыски, аресты и конфискацию имущества.

Обширные функции чиновников — членов королевской курии и более низкого ранга давали им легкую возможность злоупотреблять своей властью. Поэтому меры по контролю над ними все более ужесточаются. За получение денег, лошадей, оружия или других ценностей от местного населения они лишались должностей и платили штраф, в четыре раза превышавший размеры подношения. Судья, за взятку приговоривший подозреваемого к смерти, подлежал казни. Той же каре подвергался чиновник, присвоивший государственные средства, — «если король не смилостивится».

Чиновники отвечали за недостачу при сборе налога собственным имуществом; если они умирали, ущерб должны были возместить их дети или вдовы. Все это лишь подталкивало должностных лиц на вымогательства.

Страна была опутана сетью осведомителей. Они, наряду с чиновниками, надзирали как за повседневной жизнью людей любого положения, так и за должностными лицами, которые, таким образом, находились под двойным контролем. Деятельность осведомителей всячески поощрялась: в случае обоснованности обвинения они получали часть конфискованного по суду имущества. Со временем подозрительность Фридриха по отношению к частным лицам и чиновникам все более усиливалась. Росли преследования тех, кого с основанием или без основания сочли виновным в деяниях или даже помыслах, опасных для государя. «Королевство, в котором никто не осмеливается пошевелить рукой или ногой без твоего приказа», — писал Фридриху папа. И все же чрезмерный контроль парадоксальным образом оборачивался бесконтрольностью, хаос в работе аппарата по мере его разрастания усиливался. Его разъедала коррупция, с которой Фридрих был бессилён бороться.

Фридрих не находил поддержки ни в горожанах, ни в большей части многочисленного мелкого рыцарства. Растущее недовольство широких социальных групп побуждало его строить крепости и увеличивать войско, а следовательно — и бремя налогов. Создавался порочный круг, из которого не было выхода. Всемерное поощрение слежки и доносов, террор, особенно усилившийся в 40-е годы, послужили причиной заговоров и восстаний, направленных против короля. Попытка Фридриха II воплотить в жизнь модель общества, в важном и в мелочах исполняющего волю короля, окончилась неудачей, хотя отдельные особенности созданного им государства продержались на протяжении столетий.

Фридрих умер неожиданно, во время подготовки нового итальянского похода. Проболев всего несколько дней, он скончался от дизентерии, не дожив до пятидесяти шести лет.

Основным итогом его царствования были крах имперских замыслов, усиление раздробленности Северной и Средней Италии — как и Германии, начало экономического упадка Сицилийского королевства.

* * *

Фридрих II и его окружение заняли благодаря своим научным и поэтическим трудам видное место в истории европейской культуры.

Значительный интерес представляют как мировосприятие Фридриха, круг его интересов, написанный им научный трактат, так и деятельность кружка ученых, находивших неизменное покровительство при его дворе.

Вольномыслие Фридриха было широко известно в Европе. После начала борьбы с папами последние обвиняют Фридриха в безбожии — самое тяжкое обвинение в средние века, звучавшее не менее устрашающе, чем заявление, что император является Антихристом (в том же упомянутом выше манифесте 1239 г. Григория IX). В подобном духе изображали Фридриха и враждебно настроенные по отношению к нему хронисты. Салимбене писал: «Император Фридрих, которого церковь возвысила и назвала своим

сыном, был человеком вредным и дурным, раскольников, еретиком и эпикурейцем¹»; или же, в другом месте: «Он преследовал Божию церковь, которую он не должен был бы преследовать, если бы любил свою душу и Бога». Один из приписываемых Фридриху «опытов», о которых рассказывает Салимбене, состоял в том, что император будто бы велел поместить живого человека в бочку и, закупорив ее, держать там этого человека, пока он не умрет, «желая доказать, что душа гибнет вместе с телом». «Фридрих и его ученые, — продолжает хронист, — верили, что не существует никакой другой жизни, кроме земной, дабы тем свободнее предаваться плотским утехам». Такое широко распространенное убеждение в неверии Фридриха унаследовал и Данте, поместивший его в одну из огненных могил шестого круга Ада, где покоились эпикурейцы, убежденные, «что души с телом гибнут без возврата» (Ад. Песнь X).

Легенды об «опытах» Фридриха показывают, какие слухи намеренно распускались папой и хронистами — его приверженцами (как известно, хронисты вообще смешивали правду с вымыслом, порой самым фантастическим). Эти слухи имели весьма эффективное воздействие на массовое сознание.

Ментальность Фридриха II была в основе своей средневековой. Безбожие не соответствовало кругу представлений, стилю мышления человека того времени, даже самого смелого в своих воззрениях. Но Фридриху был несомненно свойственен религиозный скептицизм, что связано с его интересом к опытному знанию. Не случайно правдоподобно звучит обвинение папой императора (в том же манифесте), будто Фридрих говорил: «Человек не должен верить ни во что другое сверх того, что он может доказать, основываясь на [законах] природы». Слова о трех обманщиках — Моисее, Иисусе Христе и Магомете —

¹ Эпикурейцами в средние века принято было называть, искажая истинный смысл учения древнегреческого философа-материалиста Эпикура, всех, кто отрицал христианское вероучение или значительно отклонялся от него.

одно из главных обвинений против Фридриха — приписывалось в эту эпоху и некоторым другим ученым, Фридрих мог сомневаться в некоторых церковных догмах, например, о непорочном зачатии, о бессмертии души. Впрочем, если он и отрицал полностью церковное вероучение, Фридрих был слишком умным политиком, чтобы говорить об этом вслух, а о его глубинном пласте сознания мы никогда не узнаем.

Рационалистический характер мышления Фридриха и его религиозное безразличие, индифферентизм проявлялись и в свойственной ему терпимости к иноверцам — мусульманам и иудеям. Добавим к вышеприведенным фактам следующий. Во время пребывания Фридриха в Германии в 1236 г. горожане немецкого города Фульды устроили еврейский погром, обвиняя евреев в ритуальном убийстве ребенка. Фридрих приказал собрать из разных стран крещеных евреев и, на основании их показаний о неприятии иудейским законом человеческих жертвоприношений, запретил обвинять в этом иудеев под страхом суровой кары.

Фридрих проявлял интерес к философии, математике, физике, зоологии, медицине, архитектуре, астрономии и связанной с ней астрологии. Он вел оживленную переписку с европейскими и восточными учеными. Знаменитый математик Леонардо Пизанский посвятил ему один из своих трудов. При дворе были написаны сочинения по гигиене и диететике, о целебных источниках вблизи Неаполя. Кроме книг он коллекционировал научные приборы. Из Дамаска он получил в подарок от султана «удивительным образом сделанный шатер, где на небе искусно приводились в движение по своим орбитам изображения солнца и луны», а в другом механизме «на золотом небе со звездами из драгоценных камней двигались по своим путям планеты». При его дворе занимались науками не только сицилийские, но и приглашенные им арабские и еврейские ученые, выходцы из Испании, Южной Франции, Англии. По его инициативе переводились греческие и арабские труды. Одним из самых известных переводчиков с арабского языка был Михаил Скот — философ, математик и астролог

(родом из Шотландии). Последние восемь лет жизни (до 1235 г.) он был придворным астрологом Фридриха.

В Сицилии была написана первая в Европе книга по ветеринарии — о лошадях: их анатомии, болезнях и способах лечения. В знаменитой Салернской медицинской школе по решению Фридриха была основана (тоже впервые в Европе) кафедра по анатомии, и в процессе преподавания препарировали трупы, что категорически запрещалось церковью.

Фридрих был, конечно, не подлинным ученым, а дилетантом, но его книга «О соколиной охоте», точнее — «Об искусстве охотиться с птицами» базировалась на его собственном опыте и наблюдениях других. Она была в западноевропейском средневековом обществе одним из первых произведений такого типа — свободным от бездумного заимствования у авторитетов. «Мы следуем Князю философов [Аристотелю] не во всем, ибо он редко или никогда не охотился с птицами. Мы же эту охоту всегда любили и всегда ею занимаемся», — пишет он в трактате. И еще более важное заявление: «Наше намерение — показать вещи такими, какими они являются в действительности». Фридрих подробно описывает образ жизни и характерные черты разных видов птиц, перелеты, механизм полета, способы приручения соколов к охоте.

У истоков итальянской поэзии на народном языке (вольгаре) стояла Сицилийская школа поэтов, которые начали сочинять стихи по-итальянски — на сицилийском диалекте. К ней принадлежали сам Фридрих и его сыновья Энцо и Манфред, а также связанные со двором интеллектуалы знатного происхождения — Райнальдо да Аквино, Якобо да Морра, Фолько Руффо и др. Лишь несколько поэтов были выходцами из горожан и позднее заняли важные посты в бюрократической пирамиде: блестящий знаток права и стилист Петр Винеиский, автор многих императорских посланий (о нем уже говорилось), и Джакомо да Лентини, бывший нотариус, который нашел новую стихотворную форму — сонет¹, вскоре получивший большое распространение в Западной Европе.

¹ Сонет — лирическое стихотворение, состоящее из 14 строк — два четверостишия и два трехстишия.

Эта поэзия испытала на себе сильное влияние поэзии провансальских трубадуров, хотя здесь стихи не пели, а читали. В сицилийской лирике воспевается Прекрасная дама, но ее образ не наделен какими-либо характерными чертами, как и само любовное чувство автора. Облик обоих героев изображается весьма условно, обобщенно.

Приведем отрывок из сонета Джакомо да Лентини:

Любовь сердцам любезным суждена,
И к родственному сердцу сердце рвется,
Из двух страстей рождается одна,
И с ней алмаз поспорить не возьмется,

Что эта страсть любовная сильна,
Что не ломается она, не рвется...

Сицилийская поэтическая школа носила придворный, куртуазный характер. Стихи отличались изысканностью и утонченностью. С концом Гогенштауфенов оборвалось и творчество Сицилийской школы поэтов.

* * *

После смерти Фридриха II гибель последних Гогенштауфенов была неминуемой. Для того, чтобы они покинули историческую сцену, понадобилось всего 18 лет. Согласно завещанию Фридриха Империю и Сицилийское королевство должен был унаследовать его сын, немецкий король Конрад IV. Побочный сын Фридриха Манфред назначался наместником в Сицилии. Если же Конрад умрет, не оставив сыновей, Манфред становился сицилийским королем (тем самым Фридрих своим завещанием узаконивал его).

При известии о том, что Фридрих скончался, сразу же подняли восстание бароны и многие города Сицилии — Неаполь, Капуя и др. Иннокентий IV предпринимал энергичные меры, чтобы разжечь мятежи, одновременно добываясь от городов «верности матери церкви». Манфред противостоял им до тех пор, пока в 1252 г. на юг не прибыл Конрад IV. Однако его царствование было коротким: в 1254 г. 26-летний Конрад IV умер от малярии. Его

смерть означала юридический и фактический разрыв между Германией и Сицилийским королевством, так как находившийся в Германии сын Конрада двухлетний Конрадин не был провозглашен немецким королем.

Манфред во многом унаследовал не только таланты своего отца, но и его политические устремления, а также методы для достижения своих целей в Сицилии. Он был хорошо образован, творчески одарен, оказывал покровительство ученым и поэтам. «Он русский был, красивый, взором светел», — отзывается о нем Данте (Чистилище, Песнь III).

В Сицилийском королевстве он проявил ту же, что и Фридрих, жесткую и непреклонную волю к покорению страны. С помощью отдельных баронов, которые перешли на его сторону, и войска сарацин Манфред разбил вторгшиеся на юг папские отряды и за сравнительно короткий срок силой утвердил свою власть в Южной Италии и на острове. Восставший город Фоджу он сжег, расселив ее жителей по деревням.

В 1258 г. Манфред был коронован в Палермо сицилийским королем. Однако широкой поддержки населения он не получил. Кроме того, Манфред недооценил возможности пап и их неистовое стремление искоренить весь род Гогенштауфенов. Уже Иннокентий IV начал искать приемлемого для него кандидата на сицилийский престол. После нескольких попыток он вступил в переговоры с графом Прованса Карлом Анжуйским, братом Людовика IX. Честолюбивый, набожный и жестокий Карл Анжуйский обязался после завоевания Сицилии признать ее леном римской церкви. Позднее Манфред был отлучен от церкви.

Карл короновался сицилийским королем в Риме и с большим войском французских рыцарей и итальянских союзников отправился на юг Италии. Решающее сражение произошло на равнине около Беневенто в 1266 г. Численный перевес войска Карла и измена Манфреду сицилийских баронов из его отряда привели к разгрому последнего. Сам 34-летний Манфред, сражавшийся в одежде простого солдата с мужеством отчаяния, погиб, и его тело с трудом было найдено.

Пользуясь тем, что правление Карла I очень скоро стало вызывать резкое недовольство, в Сицилию отправился последний представитель Гогенштауфенов — сын Конрада IV Конрадин. По пути ему оказали содействие гибеллины ломбардских и среднеитальянских городов. Карл поспешил ему навстречу. Едва вступив в королевство, вблизи его северной границы, Конрадин был разгромлен при Тальякочцо Карлом. Конрадин бежал, но знатный гибеллин, у которого он просил убежища, выдал его Карлу Анжуйскому. Он был привезен в новую столицу королевства — Неаполь и предан суду. Приговоренный к смерти по обвинению в «оскорблении величества» 16-летний Конрадин кончил свою жизнь на эшафоте.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абрамсон М. Л. Законодательство Фридриха II и социальная практика в Сицилийском королевстве // Проблемы итальянской истории. М., 1987.

Абрамсон М. Л. Южная Италия IX—XIII веков // История Италии. Под ред. С. Д. Сказкина и др. М., 1970. Т. 1. гл. III.

Абрамсон М. Л. Сицилийское королевство как особый вариант государственной структуры в Западной Европе // Сб. «Средние века». Вып. 57, М., 1994.

Абрамсон М. Л. Этнос и власть в Сицилийском королевстве (XII—XIII века) // Сб. «Традиции и новации в исследовании западноевропейского феодализма. Памяти Д. М. Петрушевского и А. И. Неусыхина (печатается).

Неусыхин А. И. Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // А. И. Неусыхин. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. Гл. 4, § 2.

РАЗДЕЛ IX

ВИЗАНТИЯ. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Византия — условное название средневекового государства, основным ядром которого были Балканский полуостров и Малая Азия, а столицей Константинополь. Это название было введено итальянскими учеными эпохи Возрождения уже после того, как государство Византия перестало существовать и Константинополь был захвачен армией турецкого султана Мехмеда II (1453 г.). Но сами жители Византии именовали ее «Ромейским царством», то есть Римской империей, и считали византийского императора единственным законным преемником римских цезарей. Византия, несмотря на постоянное сокращение своих территорий (вначале включавших все Восточное Средиземноморье по побережью Европы, Азии и Африки вместе с островами, а также юг Крыма и некоторые прибрежные центры в Грузии), просуществовала почти тысячелетие.

Основание Константинополя и образование Восточной Римской (Византийской) империи

Константинополь был заложен 8 ноября 324 г. по повелению римского императора Константина I (324—337 гг.) как вторая столица Римской империи на месте мегарской колонии Византии на европейском берегу пролива Босфор. В город по повелению императора были переведены правительственные учреждения. Эти действия императора Константина были продиктованы многими причинами: близо-

стью Константинополя к богатым восточным провинциям, его благоприятным торговым и военно-стратегическим положением. Здесь отсутствовала сильная в Риме сенаторская оппозиция императору, которая отстаивала республиканский строй и языческие традиции.

Константинополь был основан в таком месте, которое словно нарочно было создано для того, чтобы быть удобным портом. Острый мыс, где был заложен город, с одной стороны омывался водами Мраморного моря, а с другой — причудливо извитым заливом, названным за свою странную форму Золотым Рогом. Залив был прекрасной естественной гаванью, которую позже перекрыли натянутой цепью, чтобы воспрепятствовать заходу в нее вражеских судов. Когда к пристани шли караваны купеческих кораблей, то цепь опускали под воду.

Император Константин I, укрепив город мощными стенами, начал возведение Большого императорского дворца. При нем главная городская улица, пересекавшая многочисленные, украшенные фонтанами площади и названная Месой — «Средней», была вымощена камнем. Здесь располагались дома переселявшейся в Константинополь римской знати, поддерживавшей императора, а также мастерские богатых ремесленников, лавки менял-ростовщиков. Город сразу начали застраивать каменными зданиями и дворцами как новую столицу — «Второй Рим».

В 431 и 447 гг. были возведены новые городские стены, созданы новые кварталы. По подсчетам ученых, уже в начале IV в. Константинополь насчитывал свыше 87 тыс. жителей. Город стремительно рос: в первой половине V в. здесь обитало уже 188 тыс. человек, а в первой половине VI в. — 375 тыс. жителей, т. е. столько же, сколько в Риме.

Сочинения византийских писателей, материалы археологических раскопок, сохранившиеся до нашего времени памятники архитектуры позволяют нам представить облик Константинополя той эпохи. Центром его являлась площадь Августейон. Вокруг нее располагались самые знаменитые достопримечательности города: храм святой Софии, Ипподром и Большой императорский дворец. Позже, при императорах из рода Комнинов (XI—XII вв.) двор переехал

из Большого дворца в новый — Влахернский. Главная улица Меса соединяла Августейон с Амастрианской площадью, а оттуда разделялась на два рукава, шедших к Золотым и к Харисийским воротам. Площади, как и в Риме, были украшены статуями. На Месе и на Большом эмволе располагались не только лавки и торговые ряды, но также и учебные заведения. Для обеспечения потребности города в воде (которой постоянно не хватало) был сооружен водопровод.

Константинополь был окружен многочисленными поместьями (проастии). Сады и виноградники располагались сразу за городскими стенами и даже в самом городе, особенно в его западной части. Собственного продовольствия городу, однако, не доставало и его приходилось привозить издалека, прежде всего из восточных провинций.

Основание Константинополя как новой столицы Римской империи не означало, однако, одновременно и раскола самой этой Империи. Официально она распалась на два государства — Западную и Восточную Римскую империи — в 395 г. История же Византии как официальной преемницы Римской империи начинается собственно с 476 г., когда Западная Римская империя под ударами варваров прекратила свое существование и Одоакр — предводитель отрядов германских наемников, захвативших и разграбивших «Вечный Город» — Рим, отослал в Константинополь знаки императорского достоинства. В ответ император Зенон (474—475, 476—491 гг.) пожаловал его высоким титулом патрикия (патриция).

Константинополь — столица империи ромеев

Византия была единственным в средневековой Европе долго просуществовавшим централизованным государством, в котором деятельность податных, судебных и военных ведомств непосредственно контролировалась из столицы. Как известно, другие крупные централизованные империи Средневековья, например империя Карла Великого, быстро распались. Константинополь олицетворял империю, а судьбы ее отражались, в свою очередь, на его истории,

его взлетах и падениях, проявлялись в социальных взрывах и политических коллизиях в этом городе, не раз выливавшихся в мощные городские восстания (см. стр. 320—327). Военные противостояния империи, опасности, угрожавшие ей извне, также запечатлены в истории ее столицы. С конца VI в. Константинополь неоднократно подвергался нападению аваров, славян, персов, арабов (см. стр. 325).

Константинополь обладал своим ритмом хозяйственного развития. Так, несмотря на спад экономической жизни в Византийской империи с конца VII в., хозяйственное значение столицы продолжало возрастать. Этому в немалой степени способствовала аграризация значительной части византийских городов, следствием чего стало сосредоточение торгово-ремесленной деятельности преимущественно в Константинополе. Устойчивый рынок для столичных ремесленников создавали императорский двор и обширная администрация. Со второй половины IX в. — раньше, чем в провинциях — в Константинополе начинается подъем ремесленного производства.

До 1081 г. власть в Византии принадлежала столичной чиновной знати, и Константинополь политически и экономически господствовал над страной. Приход к власти Комнинов, опиравшихся на провинциальные города, неблагоприятно сказался на положении Константинополя. В XII в. становится заметным упадок его ремесла и торговли. Этому способствовало также проникновение в Константинополь итальянских купцов. Реставрация бюрократической монархии при Андронике I (1183—1185 гг.) обострила социальную борьбу в Константинополе и ослабила центральную власть. В результате четвертого крестового похода 1202—1204 гг. Константинополь был взят и разграблен крестоносцами (13 апреля 1204 г.), и после этого город стал столицей созданной крестоносцами Латинской империи (см. стр. 345—346). Экономическое господство в нем перешло к венецианцам. 25 июля 1261 г. византийцы в союзе с генуэзцами отвоевали город, но экономическое значение Константинополя было подорвано. Город все больше приходил в запустение, а ключевые позиции в нем были окончательно присвоены генуэзцами и венеци-

анцами. Резко сократилось население Константинополя. К середине XV в. оно составляло уже не более 30 тыс. человек. С конца XIV в. неоднократные попытки овладеть Константинополем предпринимали турки. После длительной осады город был взят ими 29 мая 1453 г. (см. стр. 348). Константинополь стал столицей Османской империи, получив название Стамбул.

Власть императора. Государственное управление. Элита

Римские традиции имели особенное значение в сфере государственного управления. Во главе государства стоял император, власть которого, как и в Риме, не была наследственной. Важную роль в избрании императоров в первые века существования империи играло войско. Даже в более позднее время в церемонии провозглашения нового государя непременно участвовали воины. Избранника, по римскому обычаю, поднимали на щите. Позже родилась традиция венчания императора на царство высшим иерархом византийской церкви — патриархом (см. стр. 330).

Нередко, однако, императорский трон захватывали благодаря дворцовым интригам и переворотам. Этот путь привел к власти и одного из самых знаменитых византийских правителей Юстиниана I (527—565 гг.). Будущий император родился в семье простых крестьян и уже юношей попал в Константинополь, где его дядя Юстин, начав службу простым воином, достиг высоких чинов. Когда в результате дворцовой интриги Юстин стал императором, он приблизил к себе племянника и, будучи бездетным, усыновил, прибавив к его настоящему имени Петр Савватий имя Юстиниана. Юстиниан принимал участие в государственных делах и еще до смерти своего дяди был провозглашен соправителем, так что впоследствии единоличная власть перешла к нему как к наследнику.

Юстиниану было уже 40 лет, когда будущий император встретил известную актрису и куртизанку Феодору. Жизненный путь Феодоры был непрост — в детстве она и ее сестры остались сиротами, и им пришлось зарабатывать

себе на жизнь танцами и игрой на флейте в цирке, Феодора покорила Юстиниана своей красотой и умом, и вскоре танцовщица с сомнительной репутацией была коронована вместе со своим супругом. Портретные изображения бывшего крестьянина и бывшей актрисы украсили стены одной из самых знаменитых ранневизантийских церквей — церкви Сан Витале (св. Виталия) в Равенне. То, что было бы немыслимо в западноевропейских королевствах, в державе ромеев никого не удивляло: власть императора считалась божественной, а сам император уподоблялся земному богу, так что его происхождение и прежние занятия не имели никакого значения.

Признание божественности императорской власти, однако, не мешало распространению недовольства правлением, рождению самых злых сплетен о царственных особах. Народное возмущение прорывалось и в восстаниях, как это произошло во время восстания «Ника» в Константинополе в 532 г. Тогда две «партии» ипподрома — «синие» и «зеленые», называвшиеся так по цветам своих любимых команд, забыли свое соперничество, приведившее к постоянным потасовкам. Общее недовольство заставило народ объединиться и выступить против императора. По словам современника событий, «казалось, что империя находится на краю гибели», но противоречия среди восставших позволили Юстиниану и его окружению добиться подавления восстания.

Проявлением «скрытой оппозиции» стали разоблачения правящей элиты в сочинении Прокопия Кесарийского «Тайная история». Прокопий был одним из приближенных прославленного византийского полководца Велизария. Он оставил описание войн, которые империя вела в Африке, Италии и Азии. В «Тайной истории» придворный летописец, выступавший в других своих сочинениях то как льстец, то как объективный свидетель происшедших событий, является в новом образе: это обличитель тирании, желающий вскрыть тайные пороки, чтобы грядущие поколения знали истину, а правители опасались возмездия. Так, он не преминул сообщить, что Юстиниан в действительности был демоном, прогуливающимся ночью по дворцу без головы, Феодора же, по его словам, будучи женщиной

низкого происхождения и придя к власти волею случая, требовала от всех рабской покорности и унижения, а сама предавалась всевозможным порокам и извращениям (см. стр. 329).

Надо отметить, что и в более позднее время (XI—XV вв.), когда в Византии правили разные династии: Комнины (1081—1185 гг.), Ангелы (1185—1204 гг.), Ласкари (1204—1261 гг.), Палеологи (1259—1453 гг.), власть переходила к преемникам императора не как к его родственникам и прямым наследникам, что было характерно для Западной Европы, а как к соправителям, которых провозглашали императорами еще при жизни государя. Пурпур и золото считались в Византии императорскими цветами. Только василевс (царь) — так по-гречески стали называть византийских императоров — имел право носить сапожки пурпурного или красного цвета, подписываться пурпурными чернилами на грамотах, которые удостоверялись также золотой печатью и потому назывались хрисовулами (златопечатными). Золотой и пурпурный — порфирный — цвета сопровождали младших членов императорской семьи с самого рождения: они появлялись на свет в особой Порфирной палате дворца и назывались порфиrogenетами — багрянородными, что означало принц или принцесса королевской крови.

От Римской империи Византия унаследовала также централизованную систему управления страной, осуществлявшуюся через многочисленное чиновничество. Государственное регулирование в Византийской империи распространялось буквально на все сферы жизни общества. В X—XI вв. византийская, в первую очередь константинопольская, бюрократия разрастается в громоздкую систему. Положение в обществе многочисленных чиновников и придворных определяется сложной табелью о рангах. Строго регламентируется и придворный церемониал. Во дворце императоров утром и вечером происходили приемы придворных, на которых место каждого из присутствующих было четко определено. Во время парадных выходов государя его сопровождали оруженосцы нескольких рангов — протоспафарии, спафарии и спафарокандидаты. Особой

пышностью отличались встречи иноземных послов. Их церемониал должен был свидетельствовать о величии вассилевса ромеев и его державы (см. стр. 333—334).

В то же время, несмотря на приверженность ритуалу, сложность системы чинов и рангов (они не были наследственными, а предоставлялись императорами за уплату значительной суммы), изысканную церемонность при дворе, которая поражала бывавших в Константинополе западноевропейцев, в отличие от западноевропейских государств византийская правящая элита не была замкнутой. Каждый, даже порой раб или крестьянин, мог быть вознесен выше любого знатного сановника, и вельможи гордились оказываемыми им не по праву их происхождения, а по воле императора милостями.

Успехи в служебной карьере приносили и интриги, и предательство. Византийские исторические сочинения наполнены рассказами о всевозможных хитросплетениях, благодаря которым тот или иной удачливый царедворец становился фаворитом государя. Им порой оказывался и ловкий придворный, вовремя раскрывший подлинный или мнимый заговор, и лихой наездник, понравившийся императору своей удалью и физической силой, и льстивый евнух (см. стр. 330—331). Но если простой крестьянин мог стать приближенным императора и одним из первых лиц государства благодаря игре случая, то и положение придворного было ненадежно — один неверный шаг, и он отправлен в ссылку или пострижен в монахи, а то и ослеплен или казнен. Не случайно именно в XI в. — «веке переворотов» — в Византии появляются принадлежащие перу знатного византийца Кекавмена рекомендации для тех, кто хочет добиться успеха в жизни: опасаться всех, и прежде всего собственных друзей, которые в любой момент окажутся доносчиками или предателями (см. стр. 332—333).

Христианская церковь в Византии

Утверждением новой регалии — христианства — Восточная Римская империя была обязана императору Константину I. Согласно автору «Церковной истории» Евсевию,

Константин во время похода против врагов увидел над солнцем крест и слова «Сим победиши», а затем увидел во сне Христа, держащего крест в руке. Император повелел изготовить хоругвь по образу явленной ему во сне. С этим знаменем ему удалось одержать победу в битве, и впоследствии хоругвь с крестом и изображением на полотнище императора Константина с сыновьями стала знаменем империи.

Несмотря на то что первый император Восточной Римской империи обратился в христианство, вначале христиане были сравнительно немногочисленны, и христианство сосуществовало с прежними языческими обрядами и праздниками. Однако правительство повело борьбу с древней религией — идолопоклонством. В Александрии египетской в конце IV в. был разрушен Серапеум — центр языческого культа. В огне погибла и хранившаяся там знаменитая библиотека, в которой были собраны многочисленные сочинения античных писателей и ученых.

Христианство начало распространяться прежде всего в больших городах. Но в них христиане чувствовали себя окруженными многочисленными соблазнами мирской суеты. Ревностные приверженцы новой веры стали искать убежища и спасения в пустынях, где становились отшельниками. Такие пустынники — старцы и старицы — появились в III—IV вв. в Египте, Палестине, Вифинии и Каппадокии (см. стр. 336). Тогда же первые анахореты (пустынники) пришли на Афон. Позже, начиная с VII в., на Афоне, который стал называться Святой горой, появляются первые монастыри — общие убежища нескольких удалившихся от мира христиан. В X в. св. Афанасием Афонским был основан самый знаменитый святогорский монастырь — Лавра св. Афанасия. Монастыри на Афоне основывали и иноземцы: на Святой горе появился русский монастырь св. Пантелеймона, грузинский — Ивер, сербский — Хиландар. Все многочисленные монастыри Святой горы имели общее управление из совета игуменов, руководимого протом (первым). Афонская «монашеская республика» стала важнейшим центром духовной жизни византийского общества.

В монастырских скрипториях переписывались рукописи, иконописцы создавали иконы, богословы — духовные и полемические сочинения. Книги были нужны не только для монастырских библиотек. Часто изготовленные в афонских скрипториях рукописи совершали далекие путешествия, попадая в другие страны, в том числе и на Русь. На Афоне переписывались не только книги Священного писания, но и произведения античных авторов, которые дошли до наших дней благодаря труду византийских монахов.

Острые богословские споры IV—V вв. способствовали выработке христианской доктрины. Идеиная борьба внутри христианской церкви, оказывавшая огромное воздействие на византийское общество, не прекратилась после победы православия (ортодоксии) над другими течениями, оспаривавшими сложившиеся и закреплённые в постановлениях первых церковных соборов представления о соотношении божественной и человеческой природы Иисуса Христа. В VII—XII вв. в империи распространялись еретические движения, приверженцы которых отвергали саму церковную иерархию, культ святых, иконы. Особенно сильное потрясение всего византийского общества и церкви вызвала борьба иконопочитателей — приверженцев почитания икон и иконоборцев — отвергавших иконы, а также почитание мощей и реликвий святых как идолопоклонство. Важную роль в выступлении иконоборцев играли и политические мотивы — борьба за приоритет светской власти, власти императора над церковью. Именно поэтому иконоборчество поддерживало в первую очередь высшее столичное чиновничество, заинтересованное в укреплении светской государственности. В VIII в., когда к власти в империя пришли императоры-иконоборцы, в обществе произошли значительные перемены. Часть церковных богатств была конфискована, православные христиане, особенно монахи, подвергались гонениям. В это время многие иконопочитатели бежали в афонские монастыри, увозя с собой священные реликвии, рукописи, иконы.

В 754 г. на иконоборческом соборе были преданы анафеме — проклятию и отлучению «древопоклонники и

костепоклонники». Однако единства по вопросу об иконах и реликвиях не было не только в обществе, но и в самом императорском дворце, где даже члены императорской семьи продолжали тайно молиться перед иконами. Все более усиливалось недовольство политикой императоров-иконоборцев. Военные успехи империи сменились поражениями. Расходы на содержание армии, раздача значительных средств поддерживавшим политику иконоборцев чиновникам, затраты на проведение реформ привели к увеличению эксплуатации населения со стороны государства. Не случайно императора Константина V (741—775 гг.) сами современники прозвали «угнетателем крестьян». Ожесточенная идейная и политическая борьба иконоборцев и иконопочитателей длилась около столетия, и на церковном Соборе 11 марта 843 г. было окончательно закреплено православное вероисповедание и признано почитание икон (см. стр. 337).

Несмотря на потрясения, которые переживала вселенская христианская церковь, борьбу идей и течений, поддерживаемых разными политическими силами, до середины XI в. она оставалась единой. Во главе церкви стояли высшие иерархи, среди которых особое положение занимали патриархи — Иерусалимский, Александрийский, Антиохийский, Константинопольский и Римский первосвященник — папа. В VIII в. римские папы приобрели не только высшую духовную власть над всей западной церковью, но стали и светскими государями в Италии. Между Римом и Константинополем бывали серьезные расхождения в политических вопросах. Так, римский папа короновал в Риме франкского короля Карла Великого, признав за ним титул императора и не принимая во внимание протесты константинопольского двора, считавшего этот титул законным лишь для византийских «ромейских» государей. (Византия признала Карла Великого императором только спустя 12 лет — в 812 г.) Именно Карл Великий приказал ввести в обедню — церковную службу — принятое тогда испанской церковью добавление к символу веры (Credo) о том, что св. Дух «исходит от Отца и от Сына» (Filioque). Эта формулировка, о которой с IX в. шел спор между римскими

и греческими богословами, была окончательно принята римской церковью в начале XI в., но на Востоке продолжала считаться еретической.

В IX в. византийская и римская церковь вступили в соперничество в миссионерской деятельности. Посланцы Константинополя братья Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий начали свою деятельность по просвещению славян и распространению христианства в славянских государствах — Великой Моравии и Паннонии, куда прибыли и немецкие проповедники, направляемые Римом. Восточная церковь, в отличие от римской, признавала право новообращенных народов вести богослужение на своем родном языке. Братья Кирилл и Мефодий создали для славян, которые не имели письменности, первый алфавит — глаголицу и перевели на славянский язык Священное писание. Успешно начатая проповедь христианства, однако, скоро прекратилась из-за распада Моравского государства и завоевания Паннонии венграми, но ученик и продолжатель дела братьев Кирилла и Мефодия Климент был поставлен на епископство в Болгарии царем Борисом, крестившимся и принявшим имя Михаила. Болгария становится христианским государством (см. стр. 338).

В царствование Константина VII Багрянородного (913—959 г.) в Константинополь прибывает русская княгиня Ольга, принявшая в столице Византии крещение вместе со своими приближенными (957 г.) (см. стр. 334—335). Сын Ольги Святослав был язычником, но ее внук — Владимир стал христианином. Князь Владимир в 988 г. выступил в поход против византийских владений в Крыму и захватил город Херсон (Корсунь). После этого он заключил союзнический договор с Византией, по которому должен был креститься и жениться на сестре византийского императора Анне. Крещение князя Владимира стало началом утверждения христианства на Руси. Новообращенный правитель по возвращении в Киев велел креститься и многочисленным жителям своей столицы, уничтожив прежний языческий культ и приказав бросить в реку идолов — изображения языческих богов.

Вступив в союз с Византийской империей и приняв

христианство, славянские государства оказываются под влиянием византийской культуры, включаются в «византийское содружество».

В XI в. римской церкви также удалось расширить сферу своего влияния. В это время норманны вели победоносную войну за византийские владения в Италии. На завоеванные земли распространилась духовная власть Рима. В связи с этим константинопольский патриарх Михаил Кируларий направил послание с предостережением христианам бывших византийских земель против заблуждений западной церкви, в том числе против принятого римской курией добавления в символ веры слов об исхождении св. Духа «и от Сына». Для переговоров с патриархом в Константинополь прибыли легаты, посланные римским папой. Они потребовали от константинопольской церкви уступок. Михаила Кирулария поддержали три восточных патриарха — Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский. Стороны не пришли к согласию, и летом 1054 г. легаты (посланники папы) возложили на алтарь собора св. Софии отлучительную грамоту, в которой провозглашалось отлучение и проклятие «Михаилу (Кируларию, патриарху) и сообщникам его, пребывающим в выше указанных заблуждениях...» В ответ была произнесена анафема легатам, которые «пришли в богохранимый град... подобно диким кабанам, чтобы низвергнуть истину». Давнее соперничество привело к полному разрыву отношений между двумя церквями. Римская церковь отныне стала именоваться католической (всеобщей), а восточная — ортодоксальной (православной). В дальнейшем неоднократно предпринимались переговоры о воссоединении церквей — унии. Однако нежелание византийского духовенства признавать высшую власть римского папы над всей церковью, расхождения в обрядности и догматических вопросах, а также политические противоречия не позволили осуществить унию на деле, даже когда на ее заключение соглашались высшие иерархи и константинопольское правительство¹.

¹ См. также Раздел III Части первой.

Крестьяне и ремесленники. Деревня и город

Основой византийской экономики являлось крестьянское хозяйство. Труд земледельца был тяжел — каменистые почвы Греции и Малой Азии требовали больших усилий для их обработки. В то же время, в отличие от древнего Рима, где крестьянский труд считался презренным занятием, недостойным свободного гражданина, в Византии труд крестьянина почитался: не случайно многие византийские святые происходили из крестьянских семей.

Деревенские жители были объединены в общину, которая совместно владела угодьями, имела свои органы самоуправления, обеспечивала сбор податей, помогая их выплатить в срок неимущим. Яркую, хотя и явно идеализированную картину жизни византийской сельской общины дает житие Филарета Милостивого. В нем рассказывается, как праведный Филарет, разбогатеv, решает все свое состояние, по евангельскому слову, раздать нищим. Но вот в деревню приходят послы из Константинополя, которые ищут невесту самому императору и хотят остановиться в большом доме Филарета. Жене его нечем угощать послов — ведь все роздано беднякам. Она укоряет мужа: «Ты так хозяйничал, что в доме у нас не осталось и единой курицы. Навари диких овощей и угощай своих друзей». Но тут соседи и друзья-односельчане выручают Филарета, принеся ему всяческих яств, и на столе собирается богатое угощение, а увидев красавиц-внучек Филарета, «послы императорской мерой стали мерить рост первой девушки, он оказался точь-в-точь, и размер ее головы тоже, и длину стопы они нашли такой, как нужно». В Константинополе из всех собравшихся девушек император выбрал себе в жены внучку Филарета Марию и награждает всю семью богатыми подарками.

Деревня составляла замкнутый мир, жизнь которого определялась годичным циклом сельскохозяйственных работ и скрашивалась церковными праздниками. Государственные чиновники нередко посещали села, хотя отнюдь не только в поисках царской невесты: главной задачей представителей властей был сбор податей и контроль за выполнением

многочисленных повинностей (строительством укреплений, дорог и т. п.). Крестьянин вынужден был отдавать значительную долю получаемого урожая в виде разнообразных налогов. Нередко, спасаясь от податного гнета, крестьяне покидали свои участки и переселялись во владения крупных землевладельцев (в том числе монастырей) или на государственные земли, и таким образом в Византии X—XI вв. сформировалось феодально-зависимое крестьянство. Одной из характерных черт византийского аграрного строя была важная роль государства как собственника земель, которые обрабатывали зависимые крестьяне (парики).

Некоторые виды налогов выплачивались крестьянами в деньгах. Необходимые для уплаты средства земледелец мог выручить, продавая часть собранного урожая на местной ярмарке или в городе. Крупные землевладельцы также сбывали в городах продукты, полученные в виде податей со своих имений. Однако объемы торговли были ограниченными, и хозяйство оставалось натуральным — не случайно знатный византиец Кекавмен советовал все нужное производить в собственном доме, чтобы не зависеть от ненадежного рынка.

В византийских источниках содержатся яркие и красочные описания многолюдных городских торговых площадей и изобилия всевозможных товаров на ярмарках. На эти ярмарки съезжались не только крестьяне, желавшие продать что-то из продуктов, чтобы получить сумму, необходимую для уплаты налога, но и богатые иноземные купцы с заморскими товарами — специями, восточными шелками, а впоследствии сукнами, которые начали во все большем количестве поступать с Запада, прежде всего из Италии (см. стр. 341—343).

Крупнейшим торгово-ремесленным центром Византии был Константинополь. После захвата арабами восточных провинций империи, где находились древние процветающие города, столица империи заняла поистине уникальное положение в государстве. Как писал один из византийских авторов, в Константинополь свозилось все, производимое руками человека: оливковое масло с Пелопоннеса, шелковые ткани из Фив, зерно из Македонии и Малой Азии.

Современники именовали Константинополь «царицей городов», а иногда даже просто «Городом», и было ясно, что имеется в виду именно столица, Константинополь.

Византийская империя всегда оставалась страной городов, сохранявшихся с древних времен. Пережив упадок в VII — первой половине IX в., в XI—XII вв. византийские провинциальные города испытывают новый экономический подъем. В это время расширяется ремесленное производство в Афинах, Фивах, Коринфе, городах Малой Азии (Никее, Смирне). Городские ремесленники работали в своих мастерских, используя труд одного, иногда нескольких помощников. Тут же, в лавке, они продавали готовую продукцию — глиняную посуду, металлические и стеклянные изделия, обувь, одежду. Важным отличием византийского ремесла от западноевропейского было отсутствие организации ремесленников типа цеха (см. стр. 119—132). Константинопольские ремесленники составляли корпорации — сообщества ремесленников одной профессии, руководимые старшинами, но мы не располагаем данными о существовании таких объединений в провинциальных городах. О деятельности ремесленных корпораций в столице империи, правда, объединявших не все профессии, а только те, которые были связаны с производством предметов роскоши (особенно шелковых тканей, ювелирным делом), а также с какими-то государственными функциями (особую корпорацию составляли нотариусы — писцы и составители юридических документов), снабжением города продовольствием, известно по «Книге эпарха». «Книга эпарха» — это сборник постановлений, регулирующих занятия ремеслом и торговлей в Константинополе, которыми должен был руководствоваться в своей деятельности эпарх — глава города. Корпорации ремесленников находились под строгим контролем государственной власти и не могли сравниться с сильными и влиятельными цехами, существовавшими в западноевропейских городах.

Византийский город был тесно связан с пригородом, сельской округой: грань между городом и деревней в Византии казалась почти стертой. За окружавшей город крепостной стеной сразу же начинались поля, оливковые

сады и виноградники, принадлежавшие горожанам, да и в городе, даже в самом Константинополе, о чем уже говорилось, как впрочем и в западноевропейских городах, жители занимались сельским хозяйством на своих участках. Византия не знала и развитого городского права, каких-либо городских статутов и установлений, подобных записям городского права, которые регулировали жизнь горожан в Западной Европе. Жители города и жители деревни подчинялись общим для всех законам.

Византия и окружающий мир

От Рима Византия унаследовала идеологию избранности империи и власти императора над всей «ойкуменой» — т. е. над всеми «обитаемыми землями». Соседние народы византийцы, как некогда древние греки и римляне, называли «варварами», считая их нецивилизованными. В первые столетия своего существования Византия постоянно вела войны, чтобы вернуть бывшие римские провинции в состав единого государства. При императоре Юстиниане византийская армия вела успешную, но надолго затянувшуюся борьбу с вандалами в Северной Африке, готами в Италии. На востоке врагами Византии были персы, а с VII в. на восточных рубежах империи появляется новый сильный противник — арабы, в течение лишь нескольких лет захватившие богатые земли Сирии и Палестины, а затем присоединившие к своей державе и всю Северную Африку.

На Севере соседи Византии славяне в V—VI вв. начали вторгаться в пределы империи, доходя и до предместий Константинополя. На территории империи появляются поселения славян, а вскоре они составили уже значительную часть населения Балканского полуострова. В VII в. на Балканах образовалось и первое славянское государство, которое стало одним из могущественных врагов империи — I Болгарское царство.

В VII—VIII вв. империя была разделена на округа — фемы. Каждый такой округ имел свои войска во главе с командирами — стратигами. На границах государства крестьяне становились воинами, получая за это земельные

участки и освобождение от налогов. Особое значение имела оборона восточных рубежей. Здесь войны — акриты (от греческого слова «акра» — граница) сражались с мусульманами-арабами. Впрочем, отношения империи с соседями нельзя охарактеризовать только как вражду или высокомерное презрение к «варварам». Контакты развивались в самых разных областях. Восточное влияние заметно в византийском искусстве. Византийские ремесленники заимствовали у своих коллег приемы изготовления изделий и манеру их украшения. Даже популярный в Византии герой песен и легенд богатырь Дигенис Акрит был «дво-рожденным» — сыном дочери византийского военачальника и сирийского правителя-эмира.

Иноплеменники начинают играть важную роль и в византийской армии. Наемные отряды «варваров» набирались из норманнов, англосаксов, русских, печенегов, грузин, и сила оружия все больше зависит от иноземных воинов. Именно поэтому византийцы представлялись западноевропейцам людьми изнеженными, не способными к военному делу.

Важную роль в византийских городах и прежде всего в Константинополе играют иноземные купцы. В IX—X вв. русские послы и купцы часто посещают Константинополь, получив здесь значительные привилегии (право торговли без уплаты пошлин, возможность жить на особом подворье, полное содержание и снаряжение на обратную дорогу). В XI в. торговые привилегии получают купцы из Венеции, позже — из Генуи.

Однако западноевропейцы по-прежнему остаются для ромеев «варварами». Их грубые нравы и незнание византийского церемониала шокировали византийскую царевну Анну Комнину, когда войско участников Первого крестового похода (1096—1099 гг.) на пути в Сирию и Палестину проходило через византийскую столицу, где вожди крестоносцев вели переговоры с ее отцом, императором Алексеем I Комнином (1081—1118 гг.). Византийскому императору удалось настоять на том, чтобы «франки» стали его вассалами и признали сюзеренитет Византии над теми землями, которые они готовились отвоевать на Востоке (см. стр. 335).

Византийская империя, таким образом, в глазах ее правителей оставалась преемницей Рима, а Сирия и Палестина, куда отправлялось крестоносное воинство, чтобы сражаться с мусульманами и освободить Святые места от власти «неверных» — законными владениями Византии.

Император Алексей I Комнин удачно вел сложную дипломатическую игру с вождями крестоносцев, вынудив их дать ему клятву верности. Успехи сопутствовали ему и в войнах с врагами империи. Однако в конце XII в. военная удача стала изменять византийским полководцам, В 1176 г. византийское войско понесло сокрушительное поражение от турок-сельджуков в Малой Азии в битве при Мириокефале, а в 80-е годы империи пришлось признать независимость славянских государств на Балканах — Болгарии (1187 г. — образование II Болгарского царства) и Сербии.

Анна Комнина не случайно полагала, что рыцари-крестоносцы, вспыльчивые и непостоянные, только и думают о захвате империи и ее богатой столицы. Это так и произошло, но столетием позже, в 1204 г., когда двинувшаяся в Четвертый крестовый поход армия западноевропейских рыцарей вновь подошла к стенам византийской столицы. Вожди крестоносцев хотели получить деньги, необходимые для уплаты Венецианской республике за предоставление кораблей для отправки войска в Египет. С этой целью они собирались помочь Алексею, сыну свергнутого византийского императора Исаака II Ангела (1185—1195 гг.), вернуть престол, а затем, в награду за поддержку, получить требуемую сумму. Но законный византийский император, восстановленный на престоле, отнюдь не торопился выполнять свои обещания. Когда же переговоры оказались безуспешными, войско западноевропейских рыцарей осадило город. Константинополь был взят штурмом (см. Раздел V, стр. 157—170).

В результате завоевания Константинополя и последовавших победоносных походов крестоносного воинства на территории империи образовалось несколько государств, находившихся под властью «латинян» — западноевропейских сеньоров, — а Константинополь стал столицей Ла-

тинской империи. Византийский двор переместился в малоазийский город Никею (см. стр. 00). Однако власть латинских императоров продержалась недолго. В 1261 г. византийское войско внезапно напало на город и овладело им, а вскоре император Михаил VIII Палеолог (1259—1282 гг.) — первый представитель последней правившей в Византии династии Палеологов — торжественно вступил в столицу восстановленной империи. Но несмотря на успешные действия по отвоеванию у латинян византийских территорий, империи так и не удалось вернуть былое могущество.

В то время как Византийская империя переживала внутренние потрясения и смуты (особенно тяжелые последствия принесли Византии гражданские войны XIV в.), в Малой Азии у нее появился новый смертельный враг. Здесь образовалось несколько тюрских государств-эмиратов, самый крупный из которых — османский — стал ядром будущей Османской империи. Византия попадает во все большую зависимость от османов: турецкие отряды принимают участие даже в гражданской войне в Византии, и император Иоанн VI Кантакузин (1347—1354 гг.) выдает замуж дочь за эмира Орхана, своего союзника, который помог ему добиться трона.

В конце XIV — начале XV в. турки-османы несколько раз осаждают Константинополь, но разгром османских войск монголами в битве при Анкаре (1402 г.) вынудил их на время оставить завоевательные планы на европейском берегу. Это на полвека отсрочило падение Константинополя.

Завоевание Константинополя турками

Когда последний византийский император Константин XI Палеолог (1449—1453 гг.) вступил на престол, территорию некогда могущественной империи составляла лишь ее столица и земли на Пелопоннесе, за которые турецкому султану уже выплачивалась подушная подать. Предлогом для нового похода против Византии послужило неосторожное обращение императора с требованием увеличения содержания находившемуся в Константинополе сыну сул-

тана. Султан Мехмед II Завоеватель (1451—1481 гг.) воспользовался этим поводом, чтобы подчинить последние византийские территории и распространить свою власть на весь Балканский полуостров. Турецкая армия осадила Константинополь. Войска осаждавших имели огромные пушки — новинку в военном деле того времени. Огонь из орудий позволил пробить бреши в стенах города, но первые штурмы защитникам удалось отбить. Для того, чтобы вести атаку на город со стороны залива, турецкие корабли волоком по суше были доставлены в гавань Золотой Рог, перекрытую цепью. Император Константин XI Палеолог отказался сдавать город, и 29 мая 1453 г. турецкая армия начала его штурм. Византийский император погиб в бою, город был взят и разграблен, жители убиты или захвачены в плен. Несмотря на то что византийская государственность еще некоторое время сохранялась на пелопоннесских землях, день взятия Константинополя войском султана считается датой гибели Византийской империи, как некогда день основания новой столицы стал ее началом (см. стр. 348).

Византийская культура. — Характеристические черты

Уже в самом названии Византии — «Ромейское царство» — проступают две особенности, во многом определившие характер византийской культуры. Во-первых (и об этом говорилось выше), Византия была единственным в средневековой Европе централизованным государством, столица которого — Константинополь не только определяла действие различных военных и административных чиновников по всей стране, но и направляла, унифицируя, идейное и эстетическое развитие. Нигде в средневековой Европе локальные особенности социальной и культурной жизни не были так приглушены, нигде культурная и идеологическая нивелировка не проявляла себя так сильно, как в Ромейском царстве. Во-вторых, Византия, будучи средневековым государством с соответствующими социально-экономическими отношениями, аналогичными западно-европейским феодальным порядком, и соответствующей

идеологией, пропитанной христианским мировоззрением, тем не менее сознательно ориентировалась на прошлое, постоянно подражая античной классике и соразмеряя себя с Римом и Грецией. Античные традиции пропитывали все: лексику, образную систему, принципы обучения, право. Гомер был в Византии образцом и наставником почти в такой же мере, как и Библия. Античные мраморы были как бы «включены в тело» византийских зданий, и даже христианские церкви подчас опирались на колонны языческих храмов. Традицию берегли, наследием гордились и только накануне падения Ромейского царства стали задумываться о том, что великое наследие до какой-то степени сковывало самостоятельную творческую активность: Георгий Схоларий, византийский писатель середины XV в., сокрушался о том, что древние греки все сформулировали, не оставили возможности потомкам двигаться вперед.

Как ни странно, но обе эти особенности византийской культуры — централизация и традиционализм — с наименьшим эффектом проявляли себя именно в ту эпоху, когда Ромейское царство и хронологически, и экономически, и политически было всего ближе к действительной Римской империи, — в период, который у историков принято называть «ранневизантийским» и который охватывает время от основания Константинополя и до завоевания арабами восточных и южных провинций Византии, то есть IV — первую половину VII в. Это было время, когда города-муниципии оставались основными политическими и культурными центрами, рабство по-прежнему играло значительную роль и латинский язык господствовал в администрации.

Ранневизантийскую культуру ни в коей мере нельзя назвать единообразной. Скорее, она была пестра, разнообразна, внутренне противоречива. Это проступает прежде всего в наличии откровенно противостоящих официальной идеологии идейных течений. Хотя христианство к концу IV в. сделалось господствующим мировоззрением и указы императора Феодосия I (379—395 гг.) поставили иноверцев вне общества, на практике языческая наука открыто развивалась на протяжении всего V столетия, а в скрытых

формах давала о себе знать и в VI в. (см. стр. 348—349). То же относилось и к искусству: церковь осудила языческие зрелища и сделала все возможное, чтобы заменить античную пантомиму, разыгрывавшуюся в унаследованном от древности театре, литургическим действием, перенесенным внутрь христианского храма, однако еще и в VI в. можно было опубликовать трактат в защиту театральных представлений. И в самой христианской среде не было единства: первые столетия византийской истории пронизаны ожесточенными богословскими спорами, вынесенными на городские площади, так что булочник (по словам одного писателя IV в.), когда у него просили хлеба, отвечал: «Бог-сын единосущ отцу».

Для ранневизантийской культуры характерно локальное своеобразие. В эту эпоху Константинополь не был не только единственным, но даже наиболее важным культурным центром. Он переживал еще стадию роста. В столицу свозили памятники с разных концов страны, уже в середине IV в. в Константинополе была основана библиотека со скрипторием при ней, появился и университет, профессора которого состояли на государственной службе (см. стр. 349—350), но университеты и библиотеки, существовавшие с древности и куда более значительные, были в таких центрах как Александрия, Бейрут, Афины. Более того, имело место не просто сохранение локальных центров, но скорее — возрождение, культурная активизация провинции. В это время обнаруживают значительное своеобразие коптская, сирийская, фракийская культуры, т. е. направление культурных влияний оказывается центростремительным. Константинопольская архитектура не только не определяет развития ранневизантийского зодчества, но, напротив, сама формируется под сильным воздействием армянских, сирийских, италийских традиций. Сирийская поэзия оказала огромное влияние на развитие греческого церковного стихосложения. Показательно, что виднейший поэт VI в. Роман Сладкопевец был выходцем из Сирии.

И традиционализм еще не стал доминирующей чертой культурной деятельности. Наоборот, ранневизантийский период — время существенных новшеств: именно в эти

столетия совершается замена старой книги-свитка новым типом рукописной книги, так называемым кодексом; строительное искусство решает ряд важных задач, в том числе возведение купола над прямоугольным в плане зданием; изобретен «греческий огонь» — горячая жидкость, направляемая из сифонов и обладавшая удивительным свойством не гаснуть в воде — страшное оружие, использовавшееся для борьбы с вражеским флотом.

В V в. философ Прокл создал целостную картину развития мира. Согласно Проклу, из «Единого» (духовного первоначала) путем диалектических превращений последовательно возникают все идеи и все феномены материального мира. Модель мира, построенная этим последним большим античным философом, рассматривала Зло не как сущность, но лишь как отсутствие Блага, ибо все сущее в мире в конечном счете восходило к Единому, то есть абсолютному, неограниченному и неопределимому Благу.

Христианское богословие отличалось в ранневизантийский период чрезвычайной творческой активностью. На эти столетия приходится деятельность значительной части тех церковных писателей, которых позднее стали называть «Отцами церкви». Они оставались виднейшими авторитетами на протяжении всего Средневековья: Василий Кесарийский, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст и др. Важнейшие понятия христианского богословия, такие как «Троица» — Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух или «единосущность Бога-Сына Богу-Отцу», отсутствующие в Библии, появились тогда или во всяком случае тогда получили определение, ставшее впоследствии классическим и общепринятым.

Христианство в IV—V вв. формируется как религия «снятого дуализма»: признавая оппозицию Земли и Неба, оно допускает снятие этого противоречия в чуде или в акте богослужения (см. стр. 356—358). Новая концепция исторического развития была разработана Евсевием Кесарийским и его последователями — историками церкви. Господствовавшее в античности циклическое представление об истории (государство уподоблялось живому организму, проходящему эпохи юности, зрелости и старости) уступило место концепции линейного развития, согласно которой

человечество движется к предустановленной цели — царству Божьему, переживая на своем пути уникальные, неповторимые этапы: потоп, установление «завета» между Богом и людьми, воплощение Сына Божьего. Таким же уникальным явлением оказывалось и возникновение христианской империи, что Евсевий связывал с деятельностью императора Константина I. Тем самым были осуществлены эсхатологические¹ надежды ранних христиан, мечтавших об установлении тысячелетнего царства справедливости: оно было объявлено достигнутым, воплощенным в христианизированной Римской империи. В официальной пропаганде она именовалась Новым Иерусалимом, а ее население — избранным народом.

В ранневизантийский период были созданы образцы христианской проповеди, жития, песнопения. Более того, ок. 500 г. неизвестный автор, скрывшийся под именем Дионисия Ареопагита (легендарного ученика апостола Павла), разработал принципы христианской эстетики (учение о прекрасном), основой которой стало учение об образе — подобии архетипа (первообраза). Через чувственно воспринимаемый образ возможен был эмоциональный взлет, приближение к архетипу не только незримому, но и вообще непостижимому в категориях логического мышления.

Ранневизантийской культуре присуще стремление к грандиозному. «Свод гражданских законов» императора Юстиниана (527-565 гг.) имел своей задачей охватить все римское право и определить нормы поведения граждан империи в любой возможной ситуации (см. стр. 351—352). Колоссальный храм, построенный при Юстиниане архитекторами Анфимием из Тралл и Исидором Милетским, — Великая церковь или церковь св. Софии («Премудрости») как бы вмещал в себя всю Вселенную (см. стр. 352—353).

Ранневизантийская культура создавалась гигантами, чье творчество окрашено уникальной индивидуальностью, пропитано их личным отношением, их любовью и ненавистью. Прокопий в «Тайной истории» с гневом и пристрастием рисует портреты Юстиниана и его жены Тео-

¹ Эсхатология — учение о конечной судьбе мира.

доры: он пользуется любыми слухами и сплетнями, он, может быть, кое-что присочиняет от себя, он преувеличивает и искажает, но созданные им антигерои, честолюбивые и безжалостные выскочки, приобретают в его изображении демоническую силу и уникальную выразительность (см. стр. 329—331).

Эпоха гигантов внезапно обрывается где-то в начале VI в. Империя вступает в полосу экономического и политического кризиса, сопровождаемого культурным спадом. Она теряет свои восточные провинции — Египет, Сирию. Большая часть городов аграризируется, ремесленное производство и торговля замирают. Константинополь, о чем уже говорилось выше, все больше и больше притягивает к себе все деятельное и энергичное в империи, но и в нем замирает культурная жизнь. Университеты уже не функционируют, да и простого учителя грамматики и риторики почти невозможно найти за пределами столицы. Строительная деятельность, столь бурная в IV—VI вв., практически останавливается — можно назвать лишь несколько церквей, возведенных в VII—VIII вв. Только в Константинополе достраивали дворцовые здания да ремонтировали грандиозный акведук, унаследованный от предыдущей эпохи. Сокращается чеканка монеты, переписка книг (греческие рукописи второй половины VII—VIII вв. почти не сохранились). Литературное творчество не только обедняется: упрощается язык и образная система, зато изложение подчас приобретает несоразмерную многословность, сознательно отвергается индивидуальность. Иоанн Дамаскин, один из виднейших богословов VIII в., гордится тем, что не сказал ничего своего. Его задачей (и, может быть, шире — задачей его эпохи) было систематизировать, упорядочить достигнутое в ранневизантийский период, отвергнуть языческое и еретическое и выразить в компактной форме то, что с позиций ортодоксальной церкви было необходимо верующему для спасения его души. Место «Свода гражданского права» занимает краткая «Эклога», регламентирующая лишь несколько более или менее случайных казусов, место индивидуального историка — безликий хронист, регистрирующий простую последовательность событий.

На эти «темные века» византийской истории (середина VII — начало IX в.) приходится идейно-политическое движение, получившее название иконоборчества. Его подъем относится к 726—780 гг., вторая волна падает на 813—842 гг. Здесь не место останавливаться на социально-экономическом и политическом аспектах иконоборчества, (см. стр. 337), но это движение имело и богословско-эстетическую сторону. Идеологи иконоборчества выступали не против изобразительного искусства вообще, нет, они допускали изображения светских сцен, например, ристаний (скачек), декоративных узоров, символов, например, Креста на Голгофе. То, что подлежало искоренению, с их точки зрения, — это антропоморфизм религиозного искусства. В антропоморфных изображениях Христа, Богородицы, святых иконоборцы видели только идолов, а культ икон трактовали как идолопоклонство, поскольку художник мог передать только внешнюю, плотскую субстанцию объекта, но отнюдь не божественную природу Христа. Божественное начало представлялось иконоборцам не только неопишущим в логических категориях, но и неизобразимым. В полемике с иконоборцами вожди иконопочитателей (Иоанн Дамаскин, Феодор Студит), опираясь на Псевдо-Дионисия Ареопагита, разрабатывали теорию образа, который понимался ими не как единосущный архетипу, но лишь как его подобие. Человек поклоняется не иконе, не идолу, настаивали они, но через икону тому, кто на ней представлен. Чувственный образ божества служит средством преодоления дуализма Земли и Неба и мистического воспарения человека к Богу.

В 843 г. иконопочитание было восстановлено. В упорной борьбе, длившейся более столетия, впервые проявилась своеобразная черта византийской культуры: обнаружилось, что эстетические проблемы являются вопросом государственной политики. Победа иконоборцев или иконопочитателей означала одинаково обязательность восторжествовавшей концепции. Несогласие с господствовавшими эстетическими взглядами влекло за собой смещение с должности, конфискацию имущества, ссылку. Для инакомыслия не оставалось места.

¹ Антропоморфизм — представление богов в человеческом образе.

«Темные века», как известно, установились и в ранне-средневековой Европе. Византия же раньше, чем Запад, сумела преодолеть их. Уже с середины IX в. начинается медленный экономический и культурный подъем, затронувший прежде всего столицу, а в XI—XII вв. и провинциальные города. Оживляется денежное обращение — первоначально на узкой полосе, примыкавшей к Эгейскому морю и Босфору. Разворачивается строительство — последний император-иконоборец Феофил (829—842 гг.) приказал достраивать Большой дворец, соперничая с роскошью дворцов мусульманского Багдада. Возрождается книжное дело: к середине IX в., скорее всего в константинопольском Студийском монастыре (см. стр. 354), вырабатывается новый тип письма — так называемый минускул — «связанное» письмо с применением лигатур (связок), в котором буквы располагались между четырьмя мысленно проведенными линейками так, что «тело» буквы находилось в среднем поле, а «хвосты» выбрасывались вверх и вниз. Минускул позволял экономить пергамен и давал возможность писать быстрее, нежели раньше, когда было принято унциальное письмо, и буквы строго вписывались в треугольник, овал при прямоугольнике одинаковой высоты. Оживляется и византийская школа, во всяком случае в Константинополе. В X в. здесь работало несколько «средних» школ, преподаватели которых обычно назначались или утверждались самим императором. Провинция, впрочем, оставалась неграмотной или довольствовалась элементарной школой, обучавшей чтению, письму и начаткам счета. В середине XI в. в Константинополе возрождается университет — философская и юридическая высшая школа (см. стр. 355—356). В IX—X вв. переписывалось много книг античных авторов. Некоторые книголюбы снабжали их схолиями — пометками на полях, своего рода комментарием. Стали появляться словари и компендиумы — сборники выдержек из старых книг по темам: «Геопоники» — свод агрономических суждений, «Василики» — выборки из Юстинианова «Свода гражданского права». В середине IX в. Фотий составил «Библиотеку» — описание множества древнегреческих сочинений: философских, исторических, богословских, медицинских.

Отличительной чертой византийской культуры (особенно в IX—X вв.) было то, что ее фонд составлял как бы жесткую сетку знаний и эстетических принципов, основывавшуюся прежде всего на Библии, сочинениях Отцов церкви, выборке из произведений древнегреческих авторов и римском праве. В этой сетке таилась некоторая искусственность, нарочитость, поскольку она опиралась на тексты, созданные в глубокой древности, в общественной среде, существенно отличавшейся от византийской реальности. Более того, сам язык этих текстов (с VII в. — исключительно греческий) не был разговорным языком IX—X вв., который и лексически, и грамматически уже разошелся не только с гомеровской речью, но и с «койнэ» — греческим языком, на котором говорили в эллинистическую эпоху. Образованный византиец усваивал, таким образом, не только традиционные идеи, но и их устоявшееся словесное выражение, особый язык, не доступный непосвященным, с его готовыми формулами, стереотипными словосочетаниями и образами. Всякий новый опыт не просто соотносился с готовой сеткой знаний, но переосмыслился в ее свете, приспособлялся к привычным понятиям и стереотипам.

Эта жесткая сетка традиционных знаний и принципов приводила к унификации культурной деятельности, к поглощению индивидуально-творческого стереотипным, к повторности («массовости») художественной продукции. Если ранневизантийское зодчество носило печать гениальной индивидуальности — это относится не только к храму св. Софии, — стремилось к неповторимому, то в IX—X вв., напротив, вырабатывается «стандартизованный» тип так называемой крестово-купольной церкви, названной так потому, что ее план был подобием греческого креста, центральная часть которого перекрывалась куполом, покоившемся на барабане, в свою очередь опиравшемся на четыре колонны, образуя в интерьере «паруса» — сферические треугольники. Крестово-купольные храмы (с различными вариациями и, в частности, с различным числом боковых нефов) распространяются (особенно в XI—XII вв.) не только в Византии, но и за ее пределами — в Болгарии, на Руси, в Закавказье.

Единообразие византийской церковной архитектуры усугублялось и тем обстоятельством, что около 900 г. в Константинополе вырабатывается и распространяется по всей империи устойчивый стереотип художественного оформления интерьера (конечно, с известными вариантами). В отличие от западного храма, где центральным изображением было скульптурное распятие, византийская церковь украшалась живописно: мозаиками, фресками, полированным мрамором. В доминирующем пункте храма, на куполе помещали образ Спаса-Вседержителя. С купола взор входящего переносился к полусводу (конхе) апсиды¹, где можно было видеть Богородицу с младенцем, а на столбах, отделявших центральный неф от боковых, размещались «праздники» — сцены из евангельской истории Христа.

Если средоточием художественной активности классической античности был театр, то в Византии эта роль перешла к литургическому действу, разыгрывавшемуся в храме. Театр кончился вместе с ранневизантийским периодом и, в отличие от Западной Европы с ее мистериями, византийское общество практически не возвращалось к театральным представлениям. Литургия — символическое действие, воспроизводящее историю жизни, смерти и воскресения Христа, с ее процессиями («выходами»), пением, завершалась чудом пресуществления (превращения хлеба и вина в плоть и кровь Христову). Церковная служба концентрировала эмоциональные переживания византийцев и вместе с тем служила типическим выражением византийской культурной жизни (см. стр. 356—357).

В самом деле, художественный стереотип находил в литургии максимально четкое выражение. Повторение от раза к разу все тех же формул и жестов, совершавшееся на фоне все тех же изображений Христа, Богородицы, святых, как бы прерывало течение времени, создавало иллюзию неподвижности. Искусное использование поверхностей храмового интерьера, золото, мозаики, мрамор в дымке фимиама, при мерцании множества свечей создавали впечатление реальности живописных образов, превращали

¹ Апсида — полукруглая, выступающая часть здания.

их в современников зрителя, в соучастников литургии. Быстротекущая жизнь с ее опасностями, голодовками оставалась где-то в другом измерении — стереотипность и упорядоченность византийской художественной деятельности создавали инобытие, отрицавшее подвижную, изменчивую реальность, создавали искусственный антимир, воспринимавшийся как высшая реальность, как приближение к божественному архетипу.

Реакция против упорядоченной и традиционной (антиклизированной) модели мира пришла с двух сторон. Во-первых, это была тенденция к изоцированной духовности, к индивидуалистической мистике, к личному постижению и достижению божества. Ее сформулировал Симеон Новый Богослов на рубеже X и XI в., который видел путь к спасению не в «праведной этике»¹ и не в церковном ритуале, но в индивидуальном «обожении», позволяющем человеку видеть божественный свет и физически ощущать присутствие Бога. Духовному индивидуализму Симеона соответствовал социальный индивидуализм писателя XI в. Кекавмена, отрицавшего (подобно Симеону) дружбу и учившего осторожности в отношениях с людьми: следует оказывать почтение начальству, держаться подальше от соборщ, не брать и не давать в долг, не помогать мятежникам, ибо «царствующий в Константинополе всегда возьмет верх» (см. стр. 332—333).

Во-вторых, направление, которое условно можно было бы назвать «предренессансным». Конечно, его критические и реалистические черты не следует преувеличивать: традиционные стереотипы сохраняют значение и в литературном, и в изобразительном творчестве. Речь идет о нюансах, но эти нюансы существенны. Создаются кружки писателей и ученых, прославляющих в своей переписке верность и дружбу. К XII в. складывается литература на разговорном языке, представленная, в частности, пародийными сочинениями Феодора Продрома (см. стр. 339). В богословии уже с конца XI в. появляется «рационалистическая» струя, требующая доказательности теологических

¹ Этика — система норм нравственного поведения.

тезисов, подвергающая сомнению ряд традиционных положений. Бурный подъем переживает в XI—XII вв. историческая проза: историки Михаил Пселл и Никита Хониат порывают с традициями византийской хронистики и создают индивидуальные образы своих современников, окрашенные личным пристрастием писателя, к тому же подчас сложные и противоречивые, не поддающиеся однозначной оценке. В изобразительном искусстве этому направлению соответствует тенденция к динамизму, к реалистическому воспроизведению деталей. К сожалению, кроме книжных миниатюр, до нас не дошли памятники светской живописи византийского предренессанса. Но из письменных памятников мы узнаем об их существовании и политических функциях. Живопись XII в. подчас использовалась для прямой политической пропаганды. Император Андроник I Комнин (1183—1185 гг.) приказал выставить в Константинополе свой портрет, где государь был изображен в крестьянской одежде, что должно было подчеркнуть его демократизм. Портреты же задушенной по его приказу императрицы, красавицы Ксении, он распорядился уничтожить или же переписать, изобразив ее морщинистой старухой. Когда же Андроник был низвергнут, его преемник Исаак II Ангел (1185—1195 гг.) повелел изобразить сцены переворота, представив свой успех как исполнение божественной воли.

В 1204 г. Константинополь был занят крестоносцами. Несмотря на то что византийцам удалось восстановить державу ромеев, последние столетия ее существования (1261—1453 гг.) были временем экономического и политического упадка. Предренессансные тенденции не нашли питательной среды, византийский гуманизм не сложился. Конечно, какие-то новые черты пробивались. Можно проследить появление новых поведенческих норм. Историк конца XIII — начала XIV в. Георгий Пахимер упоминает о «странном» поведении патриарха Иосифа Галисиота, который строго соблюдал монашеский образ жизни, но вместе с тем не пренебрегал и «человеческой добродетелью», т. е. любил встречаться с людьми, беседовать, смеяться, устраивать обильные застолья.

В живописи начала XIV в. возникает стремление передать трехмерное пространство, быстрое движение, силу эмоций. Трактаты Плифона (XV в.) предлагали утопическое переустройство общества по образцу государства Платона.

В Византии XIV—XV вв. не возникло характерного для Возрождения интереса к механике и естественным наукам. Византийские интеллектуалы не были художниками и тем более скульпторами, в принципе относя этот род творчества к простому ремесленному производству. Полимата — многообразие знаний византийских ученых того времени — не отличалась принципиально от образованности Пселла в XI в. Она оставалась книжной и зиждилась на античных традициях. Богословские диспуты по-прежнему были главной формой идеологических дискуссий, и никому не приходила в голову возможность слияния христианства с праздничным миром олимпийских богов. Не сложилось в Византии, в отличие от стран Запада, и оптимистически радостное, жизнеутверждающее — ренессансное — мироощущение. Человеческая судьба казалась поздневизантийским историкам направляемой не самим человеком, но либо — по христианской традиции — Божественным Промыслом, либо слепой Судьбой. Человек жил в постоянном ожидании кары за грехи или же непредвиденных бедствий¹. То и другое воплощалось в турецких набегах, гражданских войнах, церковных смутах. Византийская культура, наконец, оставалась закрытой для внешних влияний. Случайные переводы латинских классиков или использование персидских математических сочинений не делали погоды, однако централизованность культуры несколько ослабела: Фессалоники, Мистра, Трапезунд наряду с Константинополем были в XIV—XV вв. значительными культурными центрами.

Турецкое завоевание трагически оборвало развитие византийской культуры.

(Раздел подготовлен по материалам работ А.П. Каждана).

¹ См. Часть третью.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

НАПАДЕНИЯ СЛАВЯН НА ВИЗАНТИЮ В VI В.

Славяне глазами византийцев

...Войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, так как их никто не защищал, славянам удалось взять; они разбрелись по всем окрестным местам, совершенно свободно производя опустошения.

* * *

...Племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. А также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных... Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский... Да и внешнею они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни их грубый и неприхотливый, как и у массагетов, и, как и те, они постоянно покрыты грязью, — впрочем, они менее всего коварны или злокозненны, но и в простоте своей они сохраняют гуннский нрав.

Прокопий Кесарийский. Война с готами//Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. I—VI вв. М., 1991. С. 183, 185 и 337.

2.

ВОССТАНИЕ «НИКА» В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

...В Византии неожиданно вспыхнул в народе мятеж, который против чаяния чрезвычайно распространился и имел самый пагубный для народа и сената конец. Вот как это было. Издревле жители в каждом городе разделялись на венетов (синих) и прасинов (зеленых), но с недавнего времени за эти имена и за места, на которых сидят во время зрелищ, стали расточать деньги и подвергать себя жесточайшим телесным наказаниям и даже постыдной смерти. Они заводят драки со своими противниками, сами не ведая за что, подвергают себя опасности, будучи, напротив того, уверены, что одержав верх над ними в этих драках, они не могут ожидать ничего более, как заключения в темницы и казни... Даже родные братья, приставшие один к одному из этих цветов, другой к другому, бывают в раздоре между собою... Около того времени... в Византии приговорили к смерти некоторых из этих мятежников. Тогда обе стороны договорились, соединились и освободили тех, кого вели на казнь; тут же ворвались в темницы, выпустили всех, содержащихся там связанными за мятеж или за другие проступки. При этом служители городского начальства были по произволу избиваемы. Мирные граждане, чуждые всех беспорядков, бежали на противоположный материк; город был поджигаем, как будто был в руках неприятелей. Храм Софии, бани Зевксиппа и царские дворцы... сделались жертвою пламени и вместе с ними... многие дома богатейших людей и большое богатство. Царь и супруга его вместе с некоторыми сенаторами заперлись в Палатии и там оставались в бездействии. Димы подавали друг другу условное выражение: ника (побеждай), и оттого мятеж тот известен до сих пор под именем Ника... Между тем у царя происходило совещание, что лучше сделать, оставаться тут или бежать на судах. Много говорено было в пользу того и другого мнения. Наконец, царица Феодора сказала: «Лишним было бы теперь, кажется, рассуждать о том, что женщине неприлично быть отважною между мужчинами, когда дру-

гие находятся в нерешительности, что им делать или чего не делать... По моему мнению, бегство теперь, больше чем когда-нибудь, для нас невыгодно, хотя бы оно и вело к спасению. Тому, кто появился на свет, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовал, скитаться изгнанником невыносимо!.. Итак государь! Если хочешь спасти себя бегством, это нетрудно! У нас много денег; вот море, вот суда! Но смотри, чтоб после, когда ты будешь спасен, не пришлось тебе когда-нибудь предпочитать смерть такому спасению. Нравится мне старинное слово, что царская власть — прекрасный саван»... Слова ее воодушевили всех... Царь полагал всю надежду на Велисария и на Мунда... С великими усилиями и не без больших опасностей пробираясь по развалинам и полусгоревшим местам [ипподрома], Велисарий вошел на ристалище... Он боялся, что народ нападет на него в таком тесном проходе, уничтожит его вместе с отрядом, а потом тем удобнее ринется на царя. Итак, он рассудил лучше напасть на народ, на это бесчисленное множество стоявших на ристалище и в большом беспорядке толкавшихся людей. Он обнажил меч, велел воинам своим следовать его примеру и с криком ринулся в середину скопища. Народ, не знавший строя, видя, что покрытые латами воины, заслужившие великую славу храбростью и опытностью, поражали всех без пощады, предался бегству. Поднялся громкий крик. Находившийся недалеко оттуда Мунд, человек смелый и предприимчивый, хотел принять участие в деле, но в настоящем положении не знал, что ему делать. Догадавшись, наконец, что Велисарий уже действует, он вторгся на ипподром... Мятежники, поражаемые с двух сторон, подверглись истреблению. Победа была полная; убито великое множество народа. Полагают, что тогда погибло более 30 тысяч человек.

Прокотий Кесарийский.
Война с персами//Хрестоматия по истории средних веков/Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1950. Т. I. С. 363—368.

3.

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМА СВЯТОЙ СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Некогда в Византии городская толпа и подонки общества восстали против императора Юстиниана, и произвели тот мятеж, который получил название «Ника»... Показывая, что не против одного только императора, но в своем беззаконии они подняли руки и против Бога, они дерзнули сжечь и церковь христианскую (византийцы называют ее храмом Софии («Премудрости»), дав такое ей название, как наиболее приличествующее Богу), попустил Господь совершить им такое беззаконие, в предвидении, с какой красотой этот храм будет перестроен в будущем. И вот император со всем рвением приступил к строительству, не жалея никаких средств; со всей земли он собрал каких только мог мастеров... Этот храм представлял чудесное зрелище, — для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нем — совершенно невероятным. В высоту он поднимается как будто до неба, и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом... Несказанной красотой славится он... Можно было бы сказать, что место это не извне освещается солнцем, но что блеск рождается в нем самом: такое количество света распространяется в этом храме. Чистым золотом выложен потолок, соединяя с красотой и великолепие; соревнуясь в блеске, его сияние побеждает блеск камней. С той и другой стороны — две галереи; и у них потолок является куполом, а украшением золото. Одна из этих галерей назначена для молящихся мужчин, другая для женщин... Кто исчислил бы великолепие колонн и мраморов, которыми украшен храм? Можно было бы подумать, что находишься на роскошном лугу, покрытом цветами.

Прокопий Кесарийский.

О постройках//ВДИ. 1939.

№ 4(9). С. 208—210.

ИЗ «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ» ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Некоторые из приближенных Юстиниана, остававшиеся при нем до глубокой ночи, конечно, из числа несших служебные обязанности по дворцу, ...говорили, что вместо него видели какое-то необычайное привидение дьявольского вида. Один из них рассказывал, что Юстиниан, внезапно вскочив с императорского трона, начинал ходить по всему дворцу, и вдруг у него пропадала голова Юстиниана, а остальное тело продолжало совершать эти долгие прогулки взад и вперед. Рассказывавший говорил, что при таком зрелище, не доверяя, что он видит это своими глазами, потрясенный и в полном смущении, он долгое время стоял на одном месте. А затем голова вновь возвращалась к телу Юстиниана... Это я пишу не как очевидец, но услышал я все это от тех, которые серьезно и настойчиво утверждали, что видели это сами... Феодора же своей подруге танцовщице Македонии говорила, что ей ночью во сне явилось видение и приказало не заботиться о деньгах, так как прибыв в Византию, она возляжет на ложе владыки демонов и при помощи всяких своих ухищрений... станет его законной супругой, и тогда она будет властно распоряжаться всеми богатствами империи... Чтобы быть принятым императрицей даже для людей, занимавших высшие должности, требовалось много времени и труда; постоянно должны были все они сидеть там в каком-то рабском ожидании, находясь все время в узком и душном помещении. Не быть здесь для любого из начальствующих лиц равнялось смертельной опасности. Все время стояли они [в этом коридоре] на цыпочках, каждый стараясь вытянуть шею и голову выше своих соседей, чтобы выходящие из внутренних покоев императрицы евнухи могли его видеть.

Прокопий Кесарийский.
Тайная история. // ВДИ.
1940. № 2. С. 310—311,
316—317.

5.

ИЗБРАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКИФОРА II ФОКИ (963—969 ГГ.)

...Все провозгласили Никифора августейшим василевсом ромеев... Он принял власть и надел красную обувь — высший знак царского достоинства, ...снял и отбросил в сторону свое обычное платье, облачился в царственное одеяние самодержца и предстал в наиболее подобающем государю виде. Сидя на горячем белом коне, украшенном царской сбруей и пурпурными коврами, он въехал в Золотые ворота, восторженно встречаемый и приветствуемый народом и вельможами... Вскоре затем Никифор вступил в знаменитейший храм Господень [храм Святой Софии] и принял достойные почести от причта священнослужителей, а патриарх Полиевкт увенчал его царской диадемой.

Лев Диакон. История. М., 1988. С. 26—29.

6.

ИНТРИГИ ПРИ ВИЗАНТИЙСКОМ ДВОРЕ И ФАВОРИТЫ ИМПЕРАТОРА

Был у царя Михаила конь, норовистый, буйный, неукротимый и непокорный... Как-то раз царь отправился на охоту и, сидя на этом коне, собственноручно поразил палицей зайца. Обрадованный царь тотчас соскочил на землю, чтобы убить зайца, а оставленный на свободе конь ускакал. Тут сбежалось множество людей, главные конюший... засуетились, но поймать коня никто не мог... А Василий, стоявший рядом со своим господином, спросил, не навлеку ли я на себя гнева царя, если догоню лошадь и со своего коня перепрыгну на спину царского, ведь он украшен царскими бляхами. Царю об этом доложили, и, когда он велел тому и быть, Василий легко и ловко все совершил. Царь видел происходящее, ему понравились соединенная с мужеством ловкость и ум Василия, и он тут же забрал его... и зачислил в царские страторы (воины).

* * *

...Василий, жаждая царского достоинства, сдружился с... Самоной из агарян (арабов). Он открылся перед Самоной и сказал, что если умрет наша тетка Зоя (императрица), женится царь на другой женщине и прогонит нас. Дай мне слово, что сохранишь тайну и расскажу тебе все, что задумал... Самона же пришел к царю и сказал: «Хочу, господин, с глаза на глаз сообщить нечто, о чем, если расскажу, будет гибель мне, если умолчу — тебе». И рассказал царю весь заговор Василия. Но царь не поверил его словам и спросил, не по чужому ли внушению такое сказал. Самона же говорит: «Если хочешь убедиться, отправь кого хочешь в мой покой, я спрячу этих людей в укрытии, и пусть запишут все, что сказано будет между мной и Василием, и тогда убедишься, что нет в сказанном и слова лжи». И вот посылает царь... Христофора вместе с... Калокиром. Они пришли в покой Самоны и спрятались. Самона же, поймав Василия на приманку и дав ему клятвенные заверения, заставил снова ясно описать весь заговор и перечислить заговорщиков... Пока те завтракали, они пошли и зачитали царю свою запись. ...Собрав всех... вельмож, царь огласил перед ними донесения Самоны. Они превознесли его как спасителя императорской жизни и признали достойным высшей чести. Царь тотчас удостоил его сана протоспафария и сделал своим ближним.

Продолжатель Феофана.
Жизнеописания византийских царей//Изд. подг. Я. Н. Любарский. Спб., 1992. С. 98—99, 151.

7.

РОД КОМНИНОВ (1081—1185): СТУПЕНИ К ВЛАСТИ

...(Братья) Комнины уже были готовы облегчить душевные страдания императора, причиненные опустошением (врагами) городов, и подняли павший дух самодержца,

утверждая, что город (Кизик) легко может быть возвращен, и внушая ему добрые надежды... «Только, — говорили они, — пусть благоденствует твое владычество, а завоевателей города постигнут в семь раз большие беды, чем те, которые они сами причинили»... Они привели в восхищение императора; отпустив братьев с пира, он без забот провел остаток дня. С этого времени Комнины вменили себе в обязанность являться во дворец и еще более ублажать лиц, окружавших императора. Они старались не доставлять своим противникам ни малейшего повода, не давать им никакого предлога для вражды; напротив, они хотели всем внушить любовь к себе и заставить в мыслях и в речах держать их сторону... Комнины старались не потерять расположение императрицы и не сделаться, таким образом, добычей врагов. Ведь легкомысленные нравы изменчивы и, как воды Еврипа, подвержены приливам и отливам.

•

*Анна Комнина. Алексиада/
Вст. ст., пер., коммент.
Я. Н. Любарского. М., 1965.
С. 95.*

8.

ЗНАТНЫЙ ВИЗАНТИЕЦ О ПРАВИЛАХ ПОВЕДЕНИЯ ПРИДВОРНОГО

Если ты служишь василевсу, всячески остерегайся клеветы против тебя, каждый день вызывай пред глаза свои картину падения твоего, так как не знаешь, какие козни плетут за твоей спиной дурные люди. Я видел нечто подобное и оплакал жизнь человеческую. А именно, я видел эксвасилевса Михаила [V], который некогда был кесарем, поутру, на восходе солнца, — державным василевсом, а в третьем часу дня — жалким и сирым слепцом.

* * *

...Если кто-нибудь затеет мятеж и провозгласит себя василевсом, не вступай с ним в сговор, а держись от него в стороне. Если ты можешь воевать с ним и совершить на него нападение, то войой за василевса и всеобщий мир. А если ты не можешь сразиться с ним, отдались от него, как сказано, и, заняв какое-нибудь укрепление со своими людьми, пиши василевсу и старайся, сколь в твоих силах, исполнять службу, чтобы были почтены и ты, и твои дети, и твои люди. Если у тебя нет людей, чтобы захватить укрепление, брось все и беги к василевсу. А если случится так, что ты не осмелишься бежать из-за своей семьи, присоединись к нему (мятежнику), но помыслами останься с василевсом и, когда сможешь, соверши достохвальное дело, находясь с мятежником, сговоришься со своими задушевными друзьями и схвати его. Храни верность василевсу в Константинополе — и не ошибешься в своих расчетах.

Кекавмен. Советы и рассказы. Сочинение византийского полководца XI в. М., 1972. С. 123, 249.

9.

ПОСОЛ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРАТОРА ВО ДВОРЦЕ

Перед троним императора стояло бронзовое позолоченное дерево, на ветвях которого сидели птицы разных пород, тоже из бронзы с позолотой, певшие соответственно своей птичьей породе на разные голоса. Трон императора был так искусно построен, что одно мгновение он казался низким, в следующее — повыше, а вслед за тем возвышенным. Этот трон как бы охраняли необыкновенной

величины львы, не знаю, из бронзы или из дерева, но вызолоченные. Хвостами они били по полу, разевали пасть, и, двигая языком, издавали рычание... При моем появлении зарычали львы, защебетали птицы, каждая на свой лад,., когда, склонившись перед императором, я в третий раз отвешивал поклон, то, подняв голову, увидел его, кого только что видел сидящим на небольшом возвышении, сидящим теперь чуть ли не под потолком зала и одетым в другие одежды.

Лиутпранд Кременский.
Антаподосис. VI.5 // По-
ляковская М. А., Чекало-
ва А. А. Византия: Быт и
нравы. Свердловск, 1989.
С. 11.

10.

ПРИЕМ ВО ДВОРЦЕ РУССКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Девятого сентября, в четвертый день, состоялся прием... по прибытии Эльги, архонтиссы [правительницы] России. Сия архонтисса вошла с ее близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее знатными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней. Остановилась она на месте, где логофет [управитель почты и внешних сношений] обычно задает вопросы [о здоровье]. За ней вошли послы и купцы архонтов России и остановились позади, у занавесей... В тот же самый день состоялся торжественный обед... На... трон сели деспина [императрица] и невестка [ее]. Архонтисса же стояла сбоку. Когда трапезит [распорядитель пира] по обычному чину ввел архонтисс и они совершили проскинесис [простираание ниц на полу перед императором], архонтисса, наклонив немного голову, села к императорскому столу на том же месте, где стояла... Знай, что певчие... присутствовали на торжественном обеде, распевая василики [величальные песни]

в честь императорской семьи]. Разыгрывались также и всякие театральные игрища... На... столе... был сервирован десерт в украшенных жемчугами и драгоценными камнями чашах.

Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора // Г. Г. Литаврин. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников / ВВ. 1981. Т. 42. С. 35—48.

11.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ РЫЦАРИ И ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСЕЙ I КОМНИН

Император, желая склонить графов к той клятве, которую уже принес Готфрид, стал приглашать их к себе по отдельности, с глазу на глаз объяснять им свои намерения, стараясь через благоразумных повлиять на непокорных... Когда все... были уже в сборе и когда все графы дали клятву, кто-то из знати осмелился сесть на императорский трон. Император стерпел это, не сказав ни слова, так как давно знал надменный нрав латинян. Но граф Балдуин подошел к этому человеку, взял его за руку и, заставив встать, сказал с упреком: «Нельзя так поступать, ведь ты обещал служить императору. Да и не в обычае у ромейских императоров, чтобы их подданные сидели рядом с ними. Тот же, кто, поклявшись, стал слугой его царственности, должен соблюдать обычаи страны». Тот ничего не сказал Балдуину, но, пронизав его недобрый взглядом, проговорил про себя на родном языке: «Что за деревенщина! Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников!»

Анна Комнина. Алексиада.
С. 288—289.

**ВИЗАНТИЙСКИЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ:
МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ**

Два с половиной хлеба были у меня с собой, когда я переправилась через Иордан; вскоре они зачерствели и высохли, и я их понемногу съела. Семнадцать лет я сражалась в этой пустыне с необузданными своими страстями, как с лютыми зверьми. Когда я садилась есть, мне хотелось мяса и египетской рыбы, хотелось вина, столь моего любимого, ибо, живя в миру, я много его пила; здесь же, не находя и воды, я сгорала от жажды и несказанно страдала. Посещала меня и безрассудная тоска по разгульным песням, постоянно смущая меня и побуждая напевать их демонские слова, которые я помнила. Тогда я плакала и била себя в грудь, вспоминая об обете, который дала, удаляясь в пустыню, и однажды мысленно очутилась я пред иконой Богоматери... и жаловалась ей, умоляя прогнать соблазны... Съев те хлебы, о которых упомянула, я 17 лет питалась травами и тем, что могла найти в пустыне. Гиматий [платье] же, бывший на мне, когда я переправилась через Иордан, сносился. Мне пришлось немало страдать от холода и летнего зноя, когда меня палила жара или, дрожащую, сковывал холод. Но с того времени и до сих пор сила Божия всяким путем обороняла мою грешную душу и жалкое тело. Ведь брашно мое и крепость — слово Господне. Ибо не хлебом единым живет человек, и совлекшие с себя покров греха облакаются скалой, когда им нечем скрыть наготу.

Житие Марии Египетской //Византийские легенды. Л., 1972. С. 93—94.

ИКОНОБОРЧЕСТВО В ВИЗАНТИИ

...Против веры безумствовал он [император Лев V (813—820 гг.)] ужасно, так что почитал дурным даже помянуть имя божие... И где только ни находил он людей, блюдущих истинное учение, истязал их жестоко и страшно. Кроме того, он сколачивал и собирал отряды и полки единоверцев, держал их при себе и осыпал милостями... Этим-то людям и велел Лев написать сочинение, провозглашавшее дерзкую и мерзкую веру, а потом двинулся в поход на божественные иконы... Был у царя один увечный мужичонка по имени Дендрис, ...речью он обладал невнятной, возбуждал... смех, и во дворце его держали ради увеселения. Как-то зайдя в царицыны покои, он застал ее прижимающей к сердцу божественные иконы и со рвением подносящей их к своим глазам. Увидев такое зрелище, сей помешанный спросил, что оно означает, и подошел поближе. На что она ответила на народном языке: «Это мои дорогие ляльки, я их очень люблю». Царь в это время угощался за столом и, когда тот зашел к нему, спросил, где он был. И он ответил, что был у мамы [так он именовал Феодору] и видел, как она из-под подушки доставала красивых лялек. Царь все понял, вспылал гневом и, как встал из-за стола, сразу отправился к жене, осыпал ее всякой бранью и бесстыдным языком своим обозвал идолопоклонницей и передал слова помешанного. На что она, уняв гнев, сразу ответила: «Не так, совсем не так, царь, понял ты это. Мы со служанками смотрелись в зеркало, а Дендрис увидел отраженные там фигуры, пошел и без всякого смысла донес о том господину и царю». Так удалось ей тогда погасить царский гнев.

Продолжатель *Феофана.*
Жизнеописания... С. 16—18,
43.

СЛАВЯНСКИЕ ПЕРВОУЧИТЕЛИ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

...Ростислав, князь моравский, по божьему наущению держал совет с князьями своими и мораванами, а [потом] послал к цесарю Михаилу, говоря: «Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру, чтобы и другие земли, глядя на это, уподобились нам. Так пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. От вас ведь исходит во все земли добрый закон».

И цесарь, собрав собор, призвал Константина Философа, дал знать ему об этом деле и сказал: «Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто совершить не может, только ты». Отвечал Философ: «Тело мое утомлено, и я болен, но пойду туда с радостью, если есть у них буквы для их языка». И сказал цесарь ему: «Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?» Философ же сказал: «Кто может записать на воде беседу и (кто захочет) прослыть еретиком?» Отвечал же ему снова цесарь с дядей своим Вардой: «Если захочешь, то может тебе дать (их) бог, что дает всем, кто просит без сомнения, и открывает стучащим».

Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему их Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письмена, и начал писать слова Евангелия: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и прочее. Возрадовался же цесарь, и прославил бога со своими советниками, и послал его с многими дарами, написав Ростиславу такое послание: «Бог, который хочет, чтобы каждый пришел к познанию истины и достиг большего достоинства, увидев веру твою и старание, сотворил и ныне в наши годы — объявив буквы для языка вашего — то, чего не было дано (никому)

после первых времен, чтобы и вы были причислены к великим народам, что славят бога на своем языке»...

Житие Константина // **Сказания о начале славянской письменности.** М., 1981. С. 86—87.

15.

**«ПРОДРОМИКА»
(НАРОДНОЯЗЫЧНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПОЭТУ ПРОДРОМУ)**

Он счет деньгам у нас ведет, а ты таскаешь воду;
Он деньги в сундуке хранит, а ты — головки лука;...
Ты взад-вперед по улицам сандалями топчешь,
А он на славном скакуне повсюду разъезжает,
И на ногах его торчат воинственные шпоры...
Он ходит в шерстяном плаще, а ты одет в рогожу,
И на постели у него четыре покрывала,
А ты в соломе спишь всю ночь, и вши тебя кусают.
Четыре раза в месяц он бывает в бане, ты же
От рождества до рождества не видишь и лохани...
Он десять фунтов золота хранит в своем закладе,
А ты и медного гроша не сыщешь за душою,
Чтобы хоть свечечку купить, хоть постриженья ради!

**Памятники византийской
литературы IX—XIV веков.**
М., 1969. С. 220.

**МИХАИЛ ПСЕЛЛ О ХАРАКТЕРЕ ВИЗАНТИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРА РОМАНА III АРГИРА (1028—1034 ГГ.)**

Этот муж был воспитан на эллинских науках и приобщен к знаниям, которые доставляются наукой латинской, отличался изящной речью, внушительным голосом, ростом героя и истинно царской внешностью. Однако о знаниях своих мнил много больше, чем они заслуживали; мечтая к тому же уподобить свое царствование правлению знаменитых древних Антонинов, мудрейшему философу Марку и Августу, он посвятил себя двум занятиям: наукам и военному делу, но в последнем был совершенно невежествен, науки же знал поверхностно и неглубоко. Самолюбие и напряжение сверх меры сил души ввели его в заблуждение в вещах весьма значительных. Тем не менее он раздувал любую тлевшую под золой искру мудрости и собрал все ученое племя — я имею в виду философов, риторов и всех тех, кто занимались или, по крайней мере, считали, что занимаются науками. То время произвело на свет немногих ученых, да и те дошли лишь до преддверия аристотелевской науки, а из Платона толковали только о символах, не знали ничего сокровенного и того, о чем рассуждают люди, знакомые с диалектикой и наукой доказательств. Не имея четких понятий, царь ложно судил об этих философах. Хотя предпосылки проблем были заложены еще в наших священных речениях, большая часть трудных вопросов так и осталась без решения, они же искали, как совместить целомудрие и зачатие, деву и плод, и исследовали предметы сверхъестественные. И вот его царствование приняло тогда философское обличье, но было это маской и притворством, а не исканием и познанием истины. Едва успевал Роман произнести несколько слов, как вновь обращался к щитам, заводил речь о поножах и панцирях; ведь намерением его было разгромить всех варваров, восточных и западных, и хотел он их не словом покорить, а оружием одолеть. Если бы эти две страсти были не баловством и хвастовством, а истинным стремлением, он принес бы немало пользы государству, но

дальше намерений он не пошел; более того, возбудив радужные надежды, сам же их, можно сказать, и разрушил своими делами.

Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 22—23.

17.

ПРАВИЛА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ПРОДАЖИ ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ¹

Вестиопраты [продавцы одежды] имеют право покупать шелковые одежды, но никакой иной товар, за исключением того, что предназначено для их личного употребления и что они не имеют права перепродавать другому. Не разрешается передавать пришлым извне что-либо из запрещенных товаров: фиолетовых шелковых [тканей] или же шерстяных, окрашенных в пурпур, высокосортных, чтобы те не переправили эти товары иностранцам. Кто нарушит эти правила, будет подвергнут телесному наказанию и конфискации... Тот кто желает быть допущенным к профессии вестиопратов, должен предварительно представить пять лиц той же профессии, которые бы перед эпархом свидетельствовали, что он достоин заниматься этим делом. После этого он может быть зачислен в состав вестиопратов и может открыть свою лавку и торговать. Он должен уплатить шесть номисм (монет) корпорации.

Византийская книга эпарха.
М., 1962. С 52—53 (IV. 1.5).

¹ Продажа фиолетовых, алых, пурпурных тканей иноземцам не разрешалась, так как считалась посягательством на императорские цвета, и значит и на само достоинство императора.

ГОРОДСКОЙ РЫНОК И ЯРМАРКА В ФЕССАЛОНИКЕ¹

Большая государственная дорога, ведущая с запада на восток, проходила через Фессалонику и поневоле склоняла путников остановиться и здесь закупать все необходимое. Поэтому мы оказывались обладателями всевозможных, каких только ни назовешь, благ. Улицы города всегда наполняла пестрая толпа фессалоникийцев и проезжих гостей, так что легче было пересчитать песчинки на морском берегу, чем людей, проходивших по рыночной площади и занятых торговыми делами. У многих здесь накопились несметные сокровища — золото, серебро и драгоценные камни, а шелковые ткани шли наравне с шерстяными.

*Иоанн Камениата. Хроно-
графия//Две византийские
хроники X в. М., 1959. С.
165.*

* * *

День святого Димитрия — такой же большой праздник, как Панафинеи в Афинах или Панионии в Милете; это — величайшее македонское торжество, и стекается на него народ не только тамошний, македонский, но всяческий и отовсюду: греки из разных областей Эллады, мисийские племена, населяющие земли вплоть до Истра и пределов Скифии, кампанцы, италийцы, иверы, луситанцы, кельты из-за Альп. Коротко говоря, даже побережье Океана посылает молящихся поклониться этому святому — так велика его слава по всей Европе.

Я же, человек из дальней Каппадокии, не бывавший на этом празднике, а питавшийся только слухами о нем, хотел видеть все, чтобы ничто не ускользнуло от моих

¹ Византийские авторы XI в. — эпохи расцвета византийских городов — оставили описания многолюдных и богатых торговых площадей, изобилия разнообразных товаров.

глаз. Для этого я устроился на холме рядом с ярмарочной площадью и со своего места без помехи все разглядывал. Ярмарка выглядела так: палатки купцов, выстроенные одна против другой, тянулись ровными рядами; отстоя далеко друг от друга, эти ряды создавали в середине широкий проход для великого множества народа, снующего по ярмарке... Если же тебя, мой любознательный друг, интересует, что было внутри этих палаток, что я увидел, спустившись с холма, — то представь себе, — все на свете, что создается руками ткачей и прях, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса, все, что торговые корабли везут к грекам из Италии. Немалую долю вносят также Финикия, Египет, Испания и Геракловы столпы, славящиеся лучшими в мире коврами. Все это купцы везут прямо в древнюю Македонию и Фессалонику... Еще наверху (я) дивился количеству всевозможных животных и прислушивался к странному многоголосому звуку, доносившемуся до моих ушей: кони ржали, быки мычали, овцы блеяли, поросята хрюкали, лаяли собаки, сопровождавшие хозяев и охранявшие их порой от волков, порой от грабителей.

Тимарион // Византийский сатирический диалог. Л., 1986. С. 28—30.

19.

**ПЕРЕГОВОРЫ УЧАСТНИКОВ ЧЕТВЕРТОГО
КРЕСТОВОГО ПОХОДА С ВИЗАНТИЙСКИМ
ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСЕЕМ IV АНГЕЛОМ
(1203—1204 ГГ.)**

...Бароны покинули дворец., а когда вернулись, то держали совет о том, как им быть дальше, и в конце концов послали к императору двух рыцарей, и они опять увещевали его, чтобы отослал им их плату. А он ответил послам, что ничего не заплатит им, что он и так уже с лихвой заплатил им и что он их нисколько не страшится; мало того, он потребовал, чтобы они убирались прочь и освободили его землю, и пусть знают, что если не очистят

ее как можно скорее, то он причинит им зло... С этим и возвратились послы восвояси и дали знать баронам, что ответственвал им император. Когда бароны это услышали, то держали совет, что им предпринять, и в конце концов дож Венеции сказал, что он сам хотел бы пойти и переговорить с императором... И когда он приблизился к берегу, то увидел императора, который прибыл туда на коне, и он заговорил с ним и сказал ему: «Алексей, что ты думаешь делать? ...Припомни-ка, что мы возвысили тебя из ничтожества, а затем мы сделали тебя сеньором и короновали императором; неужто ты не исполнишь своих обязательств по отношению к нам, ...и ничего больше не сделаешь для этого?» «Нет, — сказал император, — я не сделаю ничего больше того, что уже сделал!» «Нет? — сказал дож. — Дрянной мальчишка, мы вытащили тебя из грязи, ...и мы же втолкнем тебя в грязь; и я бросаю тебе вызов, а ты заруби себе на носу, что отныне и впредь я буду чинить тебе зло всей своей властью».

*Робер де Клари. Завоевание
Константинополя. М., 1986.
С. 44.*

20.

ОСАДА КРЕСТНОСЦАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Когда ...уже прошло Рождество и дело близилось к великому посту, и венецианцы и французы снова начали готовиться и снаряжать свои корабли, причем венецианцы соорудили новые мостки на своих нефах, а французы сделали осадные орудия, ...чтобы подкапывать и разрушать стены; и венецианцы взяли доски, из которых строят дома, и, плотно их пригнав, покрыли настилом свои корабли, а потом взяли виноградные лозы и прикрыли ими доски с тем, чтобы камнеметы не могли повредить кораблям и разнести их в щепы. И греки сильно укрепили свой город изнутри, а деревянные башни, которые были над каменными башнями, они еще прикрыли снаружи

добрыми кожами, и не было такой деревянной башни, которая была бы ниже, чем в семь, или в шесть, или по меньшей мере в пять ярусов.

Там же. С. 51.

21.

ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ Глазами византийца

Спустя несколько дней латиняне, видя, что никто не сопротивляется им с суши, пододвинулись ближе к берегу. Конница отступила дальше от моря, а корабли начали осаждать ту башню, к которой была прикреплена тяжеловесная железная цепь, поднимавшаяся в случае нападения неприятеля... Разорвав цепь, неприятельский флот весь двинулся вперед: наши корабли частью были захвачены, а другие, пригнанные к берегу и оставленные своими людьми, были разрушены... О разграблении главного храма [Св. Софии] нельзя и слушать равнодушно. Святые аналои, затканые драгоценностями и необыкновенной красоты, приводившей в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда им было нужно вынести из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым были обложены кафедры, амвоны и врата, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами.

*Никита Хониат. История//
Сборник документов по со-
циально-экономической ис-
тории Византии. М., 1951.
С. 241—242.*

...И глазами рыцаря

Когда город был взят и пилигримы разместились, как я вам об этом рассказал, и когда были взяты дворцы, то

во дворцах они нашли несметные богатства... А потом приказали, чтобы все захваченное добро было снесено в некое аббатство, которое было в городе. Туда и было снесено все добро, и они выбрали 10 знатных рыцарей из, пилигримов и 10 венецианцев, которых считали честными, и поставили их охранять это добро... Столько там было богатой утвари из золота и из серебра, и столько златотканых материй, и столько богатых сокровищ, что это было настоящим чудом, все это громадное добро, которое туда было снесено... Сам же я думаю, что и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось столько добра, сколько было найдено в Константинополе... И те самые люди, которые должны были охранять добро, растаскивали драгоценности из золота, и все, что хотели, и так разворовывали добро; и каждый из могущественных людей брал себе либо золотую утварь, либо златотканые шелка, либо то, что ему больше нравилось, и потом уносил¹.

*Робер де Клари.. Завоевание
Константинополя. С. 58, 59.*

22.

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА (XV В.)

Вот что написано о законах и наилучшем государственном устройстве, размышляя о которых, следуя которым в частных и общественных делах и особенно заботясь о которых, люди смогут жить прекраснейшей, наилучшей и, насколько это возможно, счастливейшей жизнью. Ибо всем людям от природы свойственно главным образом стремиться к этой самой якобы счастливой жизни. Это единое и общее желание присуще всем людям и является целью жизни для каждого, ради чего они как раз и занимаются всем прочим. Однако следуют они этому общему желанию

¹ См. также Раздел V.

уже не одними и теми же путями, а каждый своим собственным. Одни проводят жизнь в постоянном наслаждении, думая таким образом стать максимально счастливыми и считая, что все нужно делать не ради чего-нибудь другого, но ради всяческого разнообразного наслаждения, вкусить каковое они смогут, откуда бы оно ни шло. Другие находят счастье в приобретении состояния, всю свою жизнь занимаясь только тем, что постоянно обогащаются. Третьи охвачены жаждой славы, и главный предмет их забот — жить, будучи почитаемыми и восхваляемыми большинством людей. Четвертые, презрев все остальное, сделали целью своей жизни добродетель и красоту, считая, что одна только добродетель действительно может сделать счастливыми и блаженными упражняющихся в ней. Да и законы самой добродетели не для всех одни и те же. Ибо не для всех одинаковыми представляются прекрасное и постыдное, как и общепринятое. Вот, например, есть люди, которые отрицают, что требуется кое-что и от разума, и от наук для достижения добродетели. Некоторые даже изо всех сил избегают занятий этими вещами, считая под влиянием некоторых шарлатанов... что это является для них каким-то бесчестьем и развращением. Но другие эти же самые вещи считают сущностью добродетели и больше всего заботятся о том, чтобы стать наиболее разумными и наиболее мудрыми.

Плифон Георгий Гемист.
Законы. // И. П. Медведев.
Византийский гуманизм
XIV—XV вв. Л., 1976. С.
176—177.

23.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ОСАДЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ (1453 Г.)

Военное счастье уже склонялось на сторону турок... И можно было видеть полное содрогания зрелище, ибо ромеи и латиняне, препятствующие придвигающим к стенам лестницы, одни были ими рассечены, другие же, закрыв глаза, падали со стены, сокрушив тела и ужасным образом лишаясь жизни. Лестницы же стали турки приставлять теперь беспрепятственно и поднимались на стену, как орлы летящие.

Дука. История//Хрестоматия по истории средних веков. М., 1961. Т. 2. С. 654—655.

24.

ФИЛОСОФИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

...Философия IV—VII вв. — непосредственное продолжение позднеантичной философии. Она перенимает школьную традицию последней, ее понятийный аппарат и рабочие навыки мышления, ее терминологию, распорядок ее дисциплины. Конечно, акценты неизбежно передвигались, но само передвижение соотносилось с заданной точкой отсчета и проходило в рамках заданной системы. Сознательный традиционализм, определявший формы профессионально-философского мышления, проявлялся, между прочим, в том, что новое сплошь да рядом преподносилось как комментарий к старому — к какому-нибудь античному тексту... Позднее тексты ранневизантийских христианских мыслителей сами становились объектом комментирования, подчас по-своему творческого... Философия IV—VII вв. — порождение эпохи, когда основной формой идейной борьбы была борьба религий и религиозных исповеданий. Уходящее язычество сопротивлялось христианству. Гностические и хилиастические ереси отстаивали себя в споре с церковью.

Арианство выступало против никейской ортодоксии, несторианство — против эфесской ортодоксии, монофиситство — против халкидонской ортодоксии, оспаривая авторитарный статус церковной доктрины...

Аверинцев С. С. Эволюция философской мысли// Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 42—43.

25.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ — ЦЕНТР ПРОСВЕЩЕНИЯ В ВИЗАНТИИ

Константинополь, после того как он был провозглашен столицей государства и резиденцией августов, становится главным центром просвещения в империи. Сюда из Греции, Сирии, Малой Азии, Африки прибывают грамматиканы, риторики, философы либо самостоятельно, либо по вызову правительства. Вслед за ними в Константинополь съезжаются многочисленные слушатели. В столице открываются частные и общественные школы, где обучают греческой и латинской грамматике, красноречию и философии. Существование их подтверждает закон Феодосия II от 27 февраля 425 г. ...У нас нет конкретных сведений ни о программе, ни о системе преподавания в этих учебных заведениях. Вероятнее всего, педагоги придерживались эллинистических традиций. Самыми выдающимися учителями данного периода были Ливаний, который дважды приезжал в Константинополь и несколько лет вел там занятия по риторике, и Фемистий, которого современники считали главным инициатором культурного развития города и превращения его в центр философского образования.

В царствование Юлиана, Валента, Феодосия I и Аркадия окончательно укрепилось положение Константинополя как культурного центра империи. В 425 г. указом Феодосия II в столице был основан университет. В нем были учреждены

кафедры греческой и латинской грамматики и риторики, права и философии. Обучение велось на греческом и латинском языках. Общее число преподавателей было определено в 31 человек, из них 10 греческих и 10 латинских грамматиков, 3 латинских и 5 греческих риторов, два профессора права и один философ.

Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии. IV — первая половина VII в. С. 500—501.

26.

ОБРАЗ ХРИСТА В ХРИСТИАНСКОМ УЧЕНИИ

В центре христианской мифологии находится образ Иисуса Христа... Иисус — в полном смысле слова посредник между земным и небесным, ибо он сын Божий и вместе с тем сын человеческий, совершенный Бог и совершенный человек. Он не полубог, но именно существо, чудесным образом сочетающее в себе и божественное, и человеческое. Поэтому в нем обнаруживается удивительная противоположность: с одной стороны, Иисус — Бог, который сидит одесную отцовского престола и который на Страшном суде будет судить праведников и грешников, а с другой стороны, мифологический образ евангельского Иисуса вбирает в себя все, что, казалось бы, может служить унижению человека: Иисус родом из Галилеи, из палестинского Пошехонья («Что доброго из Галилеи?» — говорили в те времена); его сопоставляют с рабом, представителем самого униженного сословия, и обрекают на казнь на кресте — самую позорную по тем временам; он общается с грешниками, с распутными женщинами, с мытарями, а накануне решительного дня колебания охватывают его, и он молит Бога-отца: «Пронеси чашу сию мимо меня» (Марк. 14.36). Противоречивость мифологемы Иисуса Христа как бы воспроизводится, кстати сказать, в уже

известной нам противоречивости византийской конструкции власти василевса с его всемогуществом и бессилием.

Мифологический образ Иисуса Христа внешне эклектичен, он вобрал в себя множество архаичных элементов, заимствованных из старых религий. Тут и тотемистические представления о боге-агнце и боге-рыбе, элементы земледельческого культа умирающего и воскресающего бога-зерна и бога-виноградной лозы. Тут и традиционный иудейский образ праведного царя, мессии, помазанника (по-гречески — «христос») божьего. Тут и популярный образ бога-целителя и не менее популярный образ мудрого учителя и чудотворца. И все-таки образ Христа не сводим только к сумме этих традиционных элементов, в нем есть новое — а именно то, что он оказывается посредником, преодолевающим «земное тяготение», связью земли и неба, и в силу этого — спасителем.

Не представление о боге-отце, а именно представление о Христе-спасителе находилось в фокусе богословских дискуссий IV—V в. И это естественно, ибо учение о спасителе-посреднике и есть краеугольный камень христианского мировоззрения...

Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968. С. 111—112.

27.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА

I. Из Конституции «О составлении Дигест».

Император Цезарь Флавий Юстиниан... привет Трибониану, своему квестору.

1. Тогда как среди всех дел нельзя найти ничего столь важного, как власть законов, которая распределяет в порядке божественные и человеческие дела и изгоняет всяческую несправедливость, мы, однако, обнаружили, что все отрасли законов, созданные от основания города Рима и идущие

от Ромуловых времен, находятся в таком смешении, что они распространяются беспредельно и не могут быть объяты никакими способностями человеческой природы. Нашей первой заботой было начать с живших прежде священных принцепсов, исправить их конституции и сделать их ясными; мы их собрали в один кодекс и освободили от излишних повторений и несправедливых противоречий, дабы их искренность давала всем людям быструю помощь. 2. Совершив это дело... мы приступили к высшему и полнейшему исправлению права — собрать и исправить все римские постановления и включить в один кодекс столько разрозненных томов авторов. И этот труд, на который никто не осмеливался возлагать надежды и которого никто не осмеливался желать, казался нам труднейшим делом и даже невозможным. Но, воздев руки к небу и призвав вечную помощь, мы озаботились этим делом, положившись на Бога...

Дигесты Юстиниана.

М., 1984. С. 19.

28.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРАМЫ

Знаменательно, что раннее христианство вообще начинало с негативного отношения к культу, с призывов к упрощению культа. Напротив, победившее христианство создало пышные формы богослужения, напоминавшие и театральные зрелища, и церемонии императорского дворца. Богослужение шло в специальных помещениях, храмах, функция которых принципиально отличалась от назначения античных храмов. Греко-римские храмы были жилищем статуи бога (кроме того, в некоторых случаях, казнохранилищем города), и доступ внутрь святилища был открыт лишь жрецам. Верующие не выступали участниками религиозных церемоний, но наблюдали их извне. Христианство, распахнув двери храма, сделало верующих соучастниками богослужения. Поэтому в греческом храме основную

художественную нагрузку нес экстерьер: зритель воспринимал храм преимущественно снаружи. Византийская церковь (особенно ранняя), наоборот, была лишена бросающихся в глаза наружных украшений — зато ее внутреннее пространство украшалось мозаикой и фресками, колоннадами и арками. Здесь горели сотни свечей, причудливо отражавшихся на мраморе стен и пола, на стеклянных кубиках мозаик; священник и диакон выходили в парадных одеяниях; певчие исполняли гимны, славившие Христа и Богородицу.

Ранневизантийские храмы воздвигались преимущественно в форме базилик, вытянутых в длину зданий, центральная часть которых (нередко разделенная двумя рядами колонн на три «корабля», или нефа) вела к расположенной строго на востоке апсиде, сводчатой нише, где находился алтарь с престолом. Двускатная кровля на стропилах постепенно уступает место куполу, водруженному над центральным квадратом храма.

Ко второй половине IX в. в Византии вырабатывается новый тип храма, получивший название крестовокупольного: базиликальная вытянутость исчезает, свободное пространство словно концентрируется под куполом, опирающимся на четыре опоры. С четырех сторон к куполу примыкают полуцилиндрические своды, образуя в плане подобие «греческого креста», что и дало название этому типу церквей. Восточную ветвь креста замыкает алтарная апсида.

Исходным принципом христианского культа был символизм, благодаря которому реальные предметы наделялись сверхъестественным смыслом. Все элементы культа становились символами, аллегориями, обнаруживали иное, внутреннее, тайное значение. Самый храм оказывался символом космоса, и вся его архитектура, вся система мозаик и росписи предназначались к тому, чтобы воплощать в зримых образах христианскую идею связи земного и небесного.

Каждан А. П. Византийская культура... С. 114—115.

КНИГОПИСАНИЕ В ВИЗАНТИИ

В Студийской мастерской был выработан новый почерк — минускул. Евангелие — первая известная нам сейчас рукопись, написанная этим почерком. Буквы связаны между собой, а не стоят отдельно, как имело место до сих пор при унциальном письме. Такой почерк позволял писцу быстрее чертить литеры. Кроме того, текст, написанный связным письмом, занимал гораздо меньше места, чем написанный отдельными. Это было крайне важно при той дороговизне пергамента, которая существовала в средневековье.

Вместе с писцами в скриптории работали и художники. Очевидно, как все монахи монастыря, они подчинялись строгим правилам, установленным Феодором (Студитом, игуменом монастыря). Созданию икон и миниатюр этот знаменитый игумен придавал большое значение в тот период, когда особенно страстно сопротивлялся иконоборцам. О том, что в монастыре находилось много икон, можно судить по тому свидетельству, что в одно из вербных воскресений Феодор организовал процессию. Во время нее каждый из участников, монахов Студiosa — а их было около трехсот, — держал в руках икону как символ борьбы за иконопочитание. Мы знаем также, что Феодор послал кесарю Варде икону Богоматери. Над могилой Феодора было помещено его изображение.

Возможно, хотя доказательства этого и отсутствуют, в Студийском монастыре была исполнена в первой половине IX века Псалтирь, которая по фамилии своего бывшего владельца называется Хлудовской. (Ныне она хранится в отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве.) Рядом с текстом псалмов на полях этой рукописи помещены разнообразные по своим темам изображения. Все это подкрашенные рисунки, свободно разбросанные на желтоватом пергамене. Их более двухсот. Они не ограничены рамой. Для того чтобы сделать ясным зрителю их сюжет, художник часть из них соединяет линиями с теми строками, к которым они относятся.

Пропорции фигур не отличаются классической красотой, движения выразительны, лица экспрессивны. Иногда художник, помещает персонажей в три четверти или в профиль к зрителю, что говорит о развитии повествовательного начала.

Среди сцен Нового завета, которые, по мнению средневековых теологов, были предсказаны в псалмах, встречаются, что для нас особенно важно, эпизоды, связанные с современной художнику действительностью. Во многих сценах он изображает иконоборцев, причем показывает их как отрицательных персонажей. У них длинные, доходящие до пояса языки, что демонстрирует бессмысленность тех многочисленных речей против икон, которые они произносят. В сцене, где иконоборцы хулят образ Иисуса Христа, они представлены с растрепанными волосами и ожесточенным выражением лиц.

*Лихачева В. Д. Искусство
Византии IV—XV веков. Л.,
1981. С. 93—95.*

30.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ — ЦЕНТР ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ

Наряду с частными учебными заведениями в Константинополе функционировали называемые иногда «университетами» высшие школы, организуемые либо императорами, либо от их имени регентами. Это были государственные учреждения, возникавшие благодаря покровительству просвещенного правителя, увлеченного науками и стремящегося возродить их изучение. На содержание профессоров, занимавших весьма видное место в столичной иерархии, и студентов выделялись довольно значительные средства. Обучение в них было бесплатным и теоретически было доступным представителям всех социальных слоев в империи. В действительности же здесь получала образование византийская элита, так как поступающие в них должны были обладать определенным минимумом знаний, приоб-

ретаемых на более низких ступенях обучения, большей частью платных. Число студентов в государственных школах было невелико. Главной задачей, стоящей перед ними, была подготовка чиновников государственного аппарата. Основное внимание уделялось преподаванию семи свободных искусств, являющихся базой обучения. Богословие среди них отсутствовало. Высшие государственные школы имели светский характер на протяжении всей истории своего существования. В штат «университетов» были включены профессора по отдельным дисциплинам, обеспечивающие высокий уровень их преподавания, это отличало их от частных школ, где почти всегда занятия вел один педагог.

Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 394.

31.

ЛИТУРГИЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХРАМЕ

Столь же символичными были и богослужebные действия. Важнейшим среди них византийцы считали литургию, во время которой совершалась евхаристия — чудесное воспроизведение рождения и смерти Христа. Евхаристия... не рассматривалась как напоминание или изображение центральной мифологемы христианства — нет, для византийцев она была подобием и символом и, следовательно, каждый раз оказывалась новым воспроизведением евангельских событий. Это было именно чудо. Реальные предметы обнаруживали сверхъестественный смысл: священник разрезал изготовленную из хлеба просфору — но это уже была не просфора, а Дева, богоматерь: он извлекал из нее частицу кубической формы, называемую агнцем, и клал ее на дискос — и это был божественный младенец, лежащий в яслях. Он разрезал агнца крестообразно — и это был символ

смерти Иисуса Христа на кресте. Потом диакон подносил вино, смешанное с водой, в специальном сосуде, который назывался потир. Потир и дискос покрывались пеленой, и в этот момент происходило самое главное — пресуществление, превращение хлеба и вина в истинную плоть и кровь Христову. Грань между землей и небом оказывалась преодоленной, и каждый, причащаясь плотью и кровью богочеловека, как бы становился соучастником этого чудесного перехода от материального и грешного мира земли к божественным небесам.

Причащение было таинством, чудом, но чудо стало нормой для христианского мировоззрения...

Помимо причащения, церковь совершала и таинство крещения (византийцы называли его также печатью, «сфрагис»): в отличие от причащения, которое можно было повторять чуть ли не ежедневно, крещение оставалось однократным действием. Погружение в воду, магически освобождая от грехов, знаменовало принятие человека в общину верных, в ряды христиан. Таинствами считались также бракосочетание, поставление священником, покаяние и некоторые другие действия. Сохраняемое поныне в православной церкви седмиричное число таинств устанавливается в Византии, по-видимому, не ранее XIII в.

Византийская церковь стремилась к унификации культа, и тенденция эта становится особенно заметной в конце IX—X в. Именно в это время окончательно вырабатывается пышная программа византийской литургии, а также каноническая система украшения храма и иллюстраций богослужебных книг... Появляется также канонический минологий, свод житий, разделенных по месяцам и дням и предназначенных для богослужебных целей, для чтения в церкви.

Если воплощение сына божьего, согласно христианскому учению, создавало возможность спасения, то культ означал реализацию этой возможности. Следовательно, спасение осуществлялось через богослужение, через литургию, через таинства, и потому церковь как учреждение как бы присваивала себе монополию спасения. Правда, этот принцип никогда не подчеркивался в Византии с такой энергией,

как на иерархическом Западе, однако он существовал и здесь, хотя и порождал разнородное и разнохарактерное сопротивление.

Каждан А. П. Византийская культура. С. 118—119.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.*
История Византии//Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 1—3.
Каждан А. П. Деревня и город в Византии, IX—X вв. М., 1960.
Каждан А. П. Византийская культура. X—XII вв. М., 1969.
Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984.
Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989.
Культура Византии: XIII — первая половина XV в. М., 1991.
Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984.
Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VIII вв. Л., 1970.
Лазарев В. Н. История византийской живописи. 2-е изд. М., 1986.
Литшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв. М., 1986.
Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978.
Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв.: Проблемы истории одного столетия, 976—1081 гг. М., 1977.
Медведев И. П. Византийский гуманизм. XIV—XV вв. Л., 1976.
Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: Быт и нравы. Свердловск, 1989.
Попова Т. В. Византийская народная литература. М., 1985.
Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии в IV—VI вв. М., 1958.
Рансимен С. Падение Константинополя в 1453г. М., 1983.
Сахаров А. Я. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
Удальцова З. В. Византийская культура. М., 1988.
Успенский Ф. И. История Византийской империи. СПб., М., Л., 1913—1948. Т. 1—3.
Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968.

РАЗДЕЛ X

ОБРАЗОВАНИЕ, ШКОЛЫ, УНИВЕРСИТЕТЫ

В эпоху Средневековья монополистом в сфере образования и просвещения была католическая церковь. Долгое время не существовало образования вне церкви и вне духовенства. Подавляющее большинство светского населения — не только крестьяне, но и большая часть сеньоров — были неграмотными и невежественными людьми. Именно из среды духовенства привлекались грамотные люди в королевский и в сеньориальные аппараты управления.

После гибели Римской империи ее высокая культура и сложившаяся в ней система образования разрушились. Ее обломки сохранила церковь, единственная организация раннесредневекового общества, имевшая в этом практическую потребность. Поэтому и в дальнейшем оставаясь достоянием духовенства, образованность была естественно обязана ему своим постепенным распространением, хотя впоследствии все большую роль в этом процессе начинают играть города и государство.

Свое первое возрождение школа пережила при Карле Великом, которому в большом числе потребовались образованные люди для осуществления его имперских реформ. В специальном «Капитулярии о науках» он предписал открыть школы не только для клириков, но и для мирян при каждом соборе и монастыре. Советник императора, глава каролингской Академии Алкуин основал в 796 г. знаменитую школу в монастыре св. Мартина в Туре, которую он позднее возглавил (см. стр. 362—364). Алкуин

развивал идеи широкого образования через разветвленную сеть приходских школ, но они, как и многие планы его великого патрона, так и остались на бумаге, а блестящее «каролингское возрождение» захлебнулось в последующих смутах.

Новый подъем средневекового школьного образования начинается с ростом городов в XI—XII вв. И все же в XI—XIII вв. школ было немного и основная масса детей крестьян и ремесленников проходила мимо них. Они получали необходимые трудовые навыки в семье или отдавались в обучение к мастерам. Школы существовали главным образом при монастырях и епископских кафедрах и имели своей целью подготовку духовных пастырей, располагавших набором знаний, которые требовались для богослужения и проповеди. В этих школах господствовала строжайшая дисциплина, поддерживаемая тотальным надзором наставников и телесными наказаниями, в том числе и самым распространенным приемом воспитания — розгами.

Обучение в монастырских и кафедральных (соборных) школах было бесплатным (старшие преподаватели — схоластики или магистры — получали за свои труды соответствовавшие их должности бенефиции и нанимали других, менее обеспеченных учителей), но учащиеся «открытых» школ, в отличие от учеников «внутренних» школ, которые уже в детском возрасте были приняты в монахи или каноники, не получали содержания и могли рассчитывать только на средства родителей или частную благотворительность. Дошедшие до нас сведения показывают, что многие из них жили в постоянной нужде. «Ученик, который часто был оторван от родителей и жил на пансионе у учителя или на постоялом дворе, не вылезал обычно из забот. Ему надо было добыть пропитание, иначе у него не будет «на зубах ничего», как тогда говорили, «кроме церковного звона». Он пьет только воду и ест хлеб тверже мельничного жернова. В доме он выполняет обязанности слуги (как и ученик у ремесленника) — это его посылают на рынок за мясом, которое будут есть другие, тогда как школяр

только выскребает котелок» (А. Л. Ястребицкая. Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978. С. 104).

Бытовые неурядицы, конечно, не способствовали успехам в учебе. А между тем даже простое обучение грамоте сталкивалось с огромными трудностями: ведь речь шла о том, чтобы научить читать не на родном, а на чужом и непонятном латинском языке и по неразборчивым рукописям, изобиловавшим различными сокращениями и условными знаками. Согласно принятой методике заучивание наизусть молитв с голоса предшествовало изучению азбуки и чтению псалтыри, что требовало от учащегося хорошей памяти, необыкновенной усидчивости, терпения, постоянного внимания.

С ростом городских, цеховых и частных школ все больше значения придается специальным знаниям, образование приближается к практическим потребностям, интересам мирской жизни. Передовая педагогическая мысль того времени пыталась преодолеть традиционную методику бессмысленного зазубривания. Автор анонимного трактата «О школьной науке», рассматривая вопрос о взаимоотношениях между учителем и учеником в процессе обучения, писал: «Подчинение ученика должно состоять в трех вещах: во внимательности, благожелательности и понятливости. Понятливый умом, внимательный в упражнениях, благожелательный в душе. Внимательный — чтобы слушать, понятливый — чтобы понимать, благожелательный — чтобы запоминать» (Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1990. С. 125.). Он не только рекомендует ученикам не просто заучивать, а осмысленно воспринимать предлагаемый материал, но и критически подходить к тому, что говорит учитель, подвергать его речи сомнению. Позднее — в XV в. — педагоги-гуманисты разработали методы обучения и воспитания юношества на основе изучения трудов античных авторов. Так, например, советовали при чтении текста каждое слово произносить громко и четко для его лучшего понимания и запоминания. «При встрече с непонятным отрывком необходимо вновь и вновь возвращаться к нему. Затем нужно кратко изложить главу за главой в основных

чертах и так до тех пор, пока в ней не останется ни единого слова без объяснения. Если в тексте встречается описание мудрых поступков, изящных выражений или остроумных ответов, то они должны быть заучены наизусть. То, что было выучено на память, обязательно должно быть повторено вечером, через неделю, через месяц. Цель тщательного изучения классической литературы заключалась не только в совершенствовании латинской грамматики, а, что гораздо более важно, в том, что она должна была служить делу воспитания личности, руководством в жизни и украшением ее» (*Н. И. Николаева. Педагогические взгляды Гуарино Веронезе//Школа и педагогическая мысль средних веков, Возрождения и начала нового времени. М., 1991. С. 161.*).

Что касается содержания образования в эпоху Средневековья, то оно определялось унаследованной от античной традиции системой семи свободных искусств, которая подразделялась на начальную ступень — тривиум, включающий грамматику, риторику, диалектику (логику), и высшую ступень (она проникает в общеобразовательную систему только с XIII века) — квадриум, состоявший из арифметики, геометрии, музыки и астрономии. Учебные программы строились в соответствии с позднеримскими руководствами (см. стр. 364—369.).

Курс начальной школы практически ограничивался грамматикой и счетом. Риторике как ораторскому искусству вовсе не учили, на деле она сводилась к искусству составления писем, грамот и других документов. Особое внимание уделялось логике, которую называли «наукой наук». В арифметику, помимо действий над числами, входило и их символическое толкование. Геометрия до XI в. почти не преподавалась и сводилась по существу к описанию земли и существ ее населяющих (в нее входили многочисленные «Бестиарии», в которых разыгравшаяся фантазия средневековых авторов помещала фантастические описания о растущих на корню баранах, птицах, рождающихся из плодов и т. п.). Впрочем, дети знатных людей и некоторые наиболее одаренные учащиеся «из простых» имели возможность продолжить обучение и по-

лучить знания в других областях, ведущие педагоги Средневековья рекомендовали, в частности «благородным людям» изучение «моральных наук» (см. стр. 370—371).¹

Объем преподавания значительно расширился с возникновением высших школ — средневековых университетов, непосредственными предшественниками которых были так называемые «всеобщие школы», открытые для всех желающих вне зависимости от их происхождения, национальности и места проживания. В этих школах, получавших привилегии от папы, императора, а иногда от короля и привлекавших своих слушателей, как правило, издалека, последние могли, кроме овладения «семью свободными искусствами», изучить еще, по крайней мере, одну специальную дисциплину: право, богословие, медицину. Старейшая из «всеобщих школ» — медицинская школа в Салерно — прославилась искусством своих выпускников-врачей уже в XI в. Сам же термин «университет» (*universitas*) первоначально употреблялся для обозначения любого объединения людей, связанных общими интересами и имеющих особый правовой статус, и только с конца XIV в. он стал использоваться применительно к академической корпорации — объединению преподавателей, отделившихся от церковных и монастырских школ.

Средневековый университет как принципиально новое явление общественной и интеллектуальной жизни Западной Европы возникает в непосредственной связи с урбанизацией. Уже в конце XII или начале XIII в. пользовавшиеся европейской известностью всеобщие школы в Париже и Болонье получили ряд привилегий и превратились в университетские корпорации. Болонский университет был главным центром изучения римского права. Он возник на основе городской светской школы — знаменитой уже с конца XI в. школы «глоссаторов», ведущие представители которой впервые стали изучать римское право как целостную систему и разработали новые приемы толкования правовых норм. Мнение болонских «глоссаторов» имело общепризнанный авторитет во всех судах, где применялось

¹ См. также Часть третью, Раздел IV.

римское право. Приверженные идеям универсализма и единства латинского Запада, возрождения Римской империи болонские юристы пользовались особым покровительством со стороны и императорской, и папской власти, даровавших им целый ряд важных привилегий и оказывавших постоянную поддержку и защиту от притеснений со стороны муниципалитета. Университет также получал материальную помощь из средств церкви: преподавателям предоставлялись бенефиции и доходы с церковного имущества, студентам — общежития. В начале XIII в. в Болонью со всех концов Европы собиралось до десяти тысяч слушателей ежегодно. Именно они первые создали для защиты своих интересов студенческие конфедерации и братства. Им даже удалось на время добиться решающего влияния и подчинить власти избранного из своей среды ректора всех преподавателей. Но уже в конце XIV в. университетская корпорация стала объединять и преподавателей, и студентов.

Парижский университет, в отличие от Болонского, возник в непосредственной связи с кафедральными школами, подчиненными церковным властям (собору Парижской Богоматери), он сложился как организация преподавателей исключительно из сообщества магистров, и его внутреннее устройство имело, таким образом, менее демократический характер. Студенты не могли ни голосовать, ни участвовать в дискуссиях на университетских собраниях. В конце XII в. образовались четыре корпорации магистров четырех дисциплин (факультеты): богословия, права, медицины и свободных искусств. Слово «*facultas*» (букв. «способность») первоначально обозначало особую область знаний, но потом было перенесено на саму корпорацию преподавателей этого предмета. Итак, факультет состоял собственно из одних магистров, а студенты лишь причислялись к нему через своих наставников. Деканы, избиравшиеся магистрами из своей среды, обеспечивали и контролировали учебный процесс, руководили собраниями факультетов, защищали корпоративные привилегии.

Факультет свободных искусств был не равноправен с тремя остальными: по отношению к ним он был только подготовительным, и в студенты «старших» факультетов

(богословия, права и медицины) поступали почти исключительно клирики, окончившие курс и получившие степень магистра факультета свободных искусств. Именно на этом, самом многочисленном факультете, сформировались своеобразные землячества, которые были постепенно сгруппированы в четыре «нации»: галльскую, пикардийскую, нормандскую и английскую. К «галльской нации» принадлежали также студенты-испанцы и итальянцы, к «английской» — помимо англичан, еще и студенты из занятых англичанами областей Франции, а также из Ирландии, Шотландии и Германии. «Старшие» факультеты не подразделялись на «нации», но учившиеся в них магистры искусств примыкали к своим «нациям», пока не получали докторской степени, дававшей им право стать членами старшего факультета. В отличие от Болоньи, парижские «нации» объединяли не только приезжих преподавателей, но и местных.

Свои корпоративные права университету приходилось отстаивать в многолетней ожесточенной борьбе как с местными городскими властями, так и с капитулом собора, а затем и с королевской властью, опираясь на помощь пап. Повседневная жизнь рождала множество поводов для столкновений, в том числе и вооруженных, нередко заканчивавшихся для студентов весьма печально. Вот описание одного из подобных происшествий: «У могущественного аббатства Сен-Жермен-де-Пре шли вечные пререкания с университетом из-за прилегавшего к монастырю уголья Пре-о-Клер, где студенты проводили все свое свободное время. В 1278 г. отношения этих двух корпораций настолько обострились, что дело дошло до кровавого столкновения. Рассерженные жалобой в суд, которую подал на них университет за возведение ими новых построек, монахи решились основательно проучить своих назойливых соседей. 13 мая студентам дана была «рекреация», и они, ничего не подозревая, по обычаю отправились гулять кругом монастырских стен. Вдруг в монастыре забили в набат, заиграли сбор и сбежавшиеся на этот призыв вооруженные вассалы аббатства с обнаженными мечами ринулись на студентов, крича: «смерть, смерть клирикам!» Студенты пустились было бежать обратно в Париж, но

предусмотрительные монахи заняли все трое ближайших городских ворот и перехватывали там беглецов. Студентов ловили, били и секли до полусмерти, а потом кидали в монастырскую тюрьму. Множество студентов получило при этом тяжкие увечья, и двое из них через несколько дней скончались от полученных ран... Филипп III стал решительно на сторону студентов, и властям аббатства пришлось поплатиться за свое самоуправство» (*Н. Сперанский. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. М., 1896. С. 142—143*).

Внутренняя организация подавляющего большинства европейских университетов (а их до конца XIV в. возникло в разных странах Западной Европы около пятидесяти) ориентировалась либо на болонскую, либо на парижскую модель. Некоторые итальянские университеты (в Пизе, Флоренции, Павии и др.) представляли собой переходные формы: здесь власть была разделена между студентами, преподавателями и муниципальными властями. Участие студентов в управлении было закреплено и уставами ряда испанских университетов. В нескольких южнофранцузских университетах (в Монпелье, Анжере, Орлеане) студенты в борьбе против церковных властей действовали в союзе с профессурой.

По парижскому образцу строились университеты Северо-Западной Европы: Оксфорд, в частности, перенял в общем парижскую систему организации. Основное отличие состояло в том, что Оксфорд, как и Кембридж, возник не в епископальном городе, и соответственно его подчинение епископальным властям было гораздо менее угрожающим, чем во французских университетах. История Парижского университета — в сущности история его борьбы за освобождение из-под власти епископа и за ограничение прав епископского канцлера, контролировавшего деятельность университета и, в частности, выдачу дипломов. Напротив, оксфордский канцлер рано перестал быть епископским должностным лицом, его избирали преподаватели, а епископу принадлежало лишь право утверждения. К концу XIV в. Оксфорд полностью освободился от епископской юрисдикции.

Особенностью ранних английских университетов является сравнительно слабое развитие системы «наций», что определялось островным, замкнутым характером английской высшей школы, а также относительно высокий уровень преподавания математики и наук о природе (с первой половины XIII в.), меньшая острота богословских и политических дискуссий в этот период.

Именно в английских университетах нашла свое преимущественное развитие система колледжей, зародившаяся в Париже в конце XII в. Первые парижские коллегии были благотворительными учреждениями, создававшимися обычно при госпиталях как общежития для бедных клириков, обучавшихся в парижских школах. В 1257—1258 гг. Робер де Сорбонн, капеллан Людовика IX, создал коллегию нового типа (получившую затем его имя) — общежитие для шестнадцати бедных студентов богословского факультета (по четыре из каждой «нации»). Вскоре, благодаря новым пожертвованиям, эта коллегия была расширена, и, кроме того, в нее стали принимать более состоятельных студентов на платный пансион. По этому типу стали возникать колледжи магистров в Оксфорде и Кембридже, однако в Англии порожденная колледжами децентрализация университетской жизни оказалась более последовательной: английские колледжи были демократическими самоуправляющимися ячейками с правом кооптировать новых членов и выбирать руководство, тогда как в Париже они подчинялись внешним властям — как церковным, так и университетским; к тому же английские колледжи постепенно сосредоточили внутри себя весь процесс обучения, тогда как в Париже обучение в колледжах носило элементарный характер.¹

¹ См. Часть третью, Раздел IV.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1.

ПРЕПОДАВАНИЕ НАУК В ПАЛАТИНСКОЙ ШКОЛЕ АЛКУИНА (782—796 ГГ.)

Алкуин и Пипин¹

Пипин. Что такое буква? — Алкуин. Страж истории.

П. Что такое слово? — А. Изменник души.

П. Кто рождает слово? — А. Язык.

П. Что такое язык? — А. Бич воздуха.

П. Что такое воздух? — А. Хранитель жизни.

П. Что такое жизнь? — А. Для счастливых радость, для несчастных горе, ожидание смерти.

П. Что такое смерть? — А. Неизбежное обстоятельство, неизвестная дорога, плач для оставшихся в живых, приведение в исполнение завещаний, разбойник для человека.

П. Что такое человек? — А. Раб старости, мимо проходящий путник, гость в своем доме.

П. На кого похож человек? — А. На шар.

П. Как помещен человек? — А. Как лампада на ветру.

П. Как он окружен? — А. Шестью стенами.

П. Какими? — А. Сверху, снизу, спереди, сзади, справа и слева.

П. Сколько с ним происходит перемен? — А. Шесть.

П. Какие именно? — А. Голод и насыщение; покой и труд; бодрствование и сон.

П. Что такое сон? — А. Образ смерти.

П. Что составляет свободу человека? — А. Невинность.

П. Что такое голова? — А. Вершина тела.

П. Что такое тело? — А. Жилище души.

П. Что такое волосы? — А. Одежда головы.

П. Что такое борода? — А. Отличие полов и почет зрелого возраста.

¹ Сын Карла Великого (776—810 гг.), король итальянский.

- П. Что такое мозг? — А. Хранитель памяти.
- П. Что такое глаза? — А. Вожди тела, вместилище света, истолкователи души.
- П. Что такое ноздри? — А. Проводники запаха.
- П. Что такое уши? — А. Собиратели звуков.
- П. Что такое лоб? — А. Образ души,
- П. Что такое рот? — А. Питатель тела.
- П. Что такое зубы? — А. Жернова...
- П. Что такое небо? — А. Вращающаяся сфера.
- П. Что такое свет? — А. Поверхность (facies) всех предметов.
- П. Что такое день? — А. Возбуждение к труду.
- П. Что такое солнце? — А. Сияние шара, краса небес, счастье природы, честь дня, распределитель часов.
- П. Что такое луна? — А. Глаз ночи, подательница росы, предвестница непогоды.
- П. Что такое звезды? — А. Пестрота неба, направлятельницы мореходов, краса ночи.
- П. Что такое дождь? — А. Зачатие земли, кончающееся рождением плодов.
- П. Что такое туман? — А. Ночь среди дня, тяжесть для глаз.
- П. Что такое ветер? — А. Волнение воздуха, приводящее в движение воду и осушающее землю.
- П. Что такое земля? — А. Мать рождающихся, кормилица живущих, келья жизни, пожирательница всего.
- П. Что такое вода? — А. Подпора жизни, омовение нечистот.
- П. Что такое снег? — А. Сухая вода.
- П. Что такое зима? — А. Изгнанница лета.
- П. Что такое весна? — А. Живописец земли.
- П. Что такое лето? — А. Облачение земли и спелость плодов.
- П. Что такое осень? — А. Житница года.
- П. Что такое год? — А. Колесница мира.
- П. Кто ее везет? — А. Ночь и день, холод и жар.
- П. Кто ее возница? — А. Солнце и луна.
- П. Сколько они имеют дворцов? — А. Двенадцать.
- П. Кто в них распоряжается? — А. Овен, Телец,

Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы.

П. Сколько дней живет год в каждом из этих дворцов? — А. Солнце 30 дней и десять с половиной часов, а луна двумя днями и восьмью часами меньше.

П. Я боюсь, учитель, пускаться в море. — А. Кто же тебя побуждает к этому?

П. Любопытство. — А. Если ты боишься, я сяду с тобой и последую, куда бы ты не отправился.

П. Если бы я знал, что такое корабль, я устроил бы такой для тебя, чтобы ты отправился со мною. — А. Корабль есть странствующий дом, всегдашняя гостиница, путник, не оставляющий следа, сосед берегов.

П. Что такое берег? — А. Стена земли.

П. Что такое трава? — Одежда земли.

П. Что такое коренья? — Друзья медиков и слава поваров.

П. Что делает горькое сладким? — А. Голод.

П. Что не утомляет человека? — А. Прибыль.

П. Что такое сон наяву? — Надежда...

Стасюлевич М. История средних веков. Т. II. Птг., 1915. С. 80—82.

2.

**ОТРЫВКИ ИЗ ТРАКТАТА КАССИОДОРА «НАСТАВЛЕНИЯ В НАУКАХ БОЖЕСТВЕННЫХ И СВЕТСКИХ»
(551 г.)**

О грамматике. ...Грамматика есть искусство изысканной речи, заимствованное у знаменитых поэтов и писателей, ее задача состоит в создании прозы и стихов без изъянов. Вершина ее — в обретении способности к совершенной речи и безукоризненному письму через знание... Членораздельная речь есть колебание воздуха, воспринимаемое

слухом в зависимости от его силы. Буква — это наименьшая частица членораздельной речи, слог — сочетание букв или выражение, состоящее из одной гласной, но вмещающее несколько звуковых длиннот. Стихотворный размер — определенное количество слогов и звуковых длиннот, ударение — безошибочное искусное произношение. Знак препинания или пунктуация — ясная пауза в правильном произношении.

Частей же речи восемь: существительное, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие. Существительное — склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь: имя собственное (как Рим, Тибр) или имя нарицательное (как город, река). Местоимение — часть речи, которая, поставленная вместо существительного, обладает тем же самым значением и, кроме этого, приобретает лицо. Глагол — несклоняемая часть речи, изменяющаяся по временам и лицам. Наречие присоединяется к глаголу, чтобы разъяснить и дополнить его значение... Что касается причастия, то считается, что оно позаимствовало часть от существительного, а часть от глагола. В самом деле, от существительного оно получило род и падеж, от глагола — времена и значение, а число и форму падежа — от обоих. Союз — часть речи, связующая и упорядочивающая предложение. Предлог предшествует другим частям речи, изменяя, увеличивая или уменьшая их значение. Междометие обозначает невольное настроение или чувство, выраженное голосом...

О риторике. ...Слово «риторика» ...означает способность к составлению убедительной речи... Речь в риторике состоит из шести частей: 1) вступление; 2) повествование; 3) порядок; 4) обоснование; 5) опровержение; 6) заключение. Вступление — начало речи, подготавливающее слушателей к пониманию предлагаемого предмета; повествование — изложение фактов, которые имели или должны были иметь место, как исходных данных для доказательства; порядок — это логический анализ или упорядочивание утверждений: наших или противоположной стороны, либо обоих вместе, придающие речи ясность и доступность для понимания; обоснование представляет собой часть речи, содержащую

доказательства и призванную вызвать доверие слушателей, обеспечив делу силу и поддержку; опровержение — часть речи, ослабляющая и опровергающая доказательства противной стороны с помощью аргументации; заключение — это резюме речи...

О диалектике. Диалектику первые философы использовали в своих учениях, но они не обладали способностью превратить ее в искусство. Затем Аристотель, будучи усердным ревнителем знания, установил правила для некоторых положений этого предмета, который прежде не обладал определенными принципами... Варрон в IX книге «Дисциплин» (эта работа не сохранилась) характеризует диалектику и риторику с помощью следующего сравнения: «Диалектика и риторика — то же, что сжатый кулак и раскрытая ладонь человеческой руки»; одна заключает в узких границах свои аргументы, другая растекается в красноречии обширного высказывания; одна обладает сжатой манерой выражения, другая — пространной. И если диалектика более утонченна в рассуждениях о различных вещах, то риторика более красноречива в разъяснении своих целей. Первая иногда приходит в школы; вторая постоянно действует на форуме. Для одной необходимо несколько ученых людей; для другой — огромное количество...

Философия есть приблизительная наука о делах человеческих и божественных в той мере, в какой понимание их доступно человеку. С другой стороны она искусство искусств и дисциплина дисциплин, а также размышление о смерти... Созерцательной (теоретической, спекулятивной) называют философию, созерцающую нечто божественное, небесное, возвышающееся над видимым; все это постигается исключительно разумом, поскольку выходит за рамки телесного. Натуральная философия — та, в которой исследуется природа всякой вещи, поскольку ничто не рождается против воли природы, но для всего Создателем определено назначение, если только по воле Божьей не происходит что-либо чудесное. Доктринальной философией называется наука, изучающая абстрактное количество. Количество же является абстрактным, когда разумом, единственно путем

умозаключения, исследуем его, отделенное от материи и других случайных обстоятельств, как например, «равное», «неравное» и т. п. Божественной философию называют тогда, когда исследуются глубочайшие свойства невыразимой природы Господа, либо духовные материи, природа которых в некотором смысле весьма туманна... Практической (актуальной) философией называется та, которая содержит объяснение предпосылок вещей их воздействием. Моральная философия такова, что благодаря ей познается способ достойной жизни, а порядки (государства) направляются в русло добродетели. Хозяйственной философией называется мудро упорядоченный способ ведения домашних дел. Гражданской философией называют ту, благодаря которой достигается польза для всего общества...

О математике. Математика, которую на латинском языке мы можем назвать теоретическим предметом, — это наука, изучающая абстрактное количество. Абстрактное количество есть то, что мы рассматриваем лишь умозрительно, отделяя в уме от материи и других случайных явлений. Математика включает в себя следующие дисциплины: арифметику, музыку, геометрию и астрономию. Арифметика — наука о числовом количестве в себе. Музыка — наука, рассматривающая числа в отношении к звукам. Геометрия — наука о неизменных величинах и числах. Астрономия — наука о небесных телах во всех формах, изучающая обычное положение звезд по отношению друг к другу и к земле...

Обсудим же теперь термин «наука». Наука... есть изучение, свободное от заблуждений, порожденных субъективными взглядами; она никогда не может быть иной, чем она есть, и называется именно так, поскольку всегда функционирует на основе своих собственных правил. Она никогда не расширяется и не сужается, не подвержена переменам, но сохраняет приверженность своей природе и придерживается своих собственных установлений с неизменным постоянством. Когда мы упражняем свой разум в занятиях науками, они обостряют нашу способность к пониманию и сметают пыль невежества. И если голос разума благоприятствует нам, они приводят нас, с Божьей

помощью, к выдающимся теоретическим рассуждениям... С полным основанием Святые Отцы наставляли нас в том, что науки следует изучать людям, вдохновленным познанием, ибо подобные занятия в большой мере являются средством, уводящим нас от плотских желаний и заставляющим, с Божьей помощью, стремиться к вещам, видимым только мысленным взором,...

Заключение. ...Некоторые люди, соблазненные красотой небесных тел и сверканием их блеска, с необычайным усердием пытались выяснить причины своей собственной гибели, бросились изучать пути звезд, ослепленные настолько, что считали, будто могут предугадать исход событий путем вредоносных подсчетов, называемых астрологией. Платон, Аристотель и другие личности выдающихся способностей, не говоря уже о тех, кто писал на нашем (латинском) языке, были обеспокоены действительным положением этих вещей и единодушно заклеили подобных людей, утверждая, что ничего кроме беспорядка не может быть порождено таким суеверием, ибо если род человеческий принуждаем к различным действиям единственно неизбежными обстоятельствами своего рождения, почему тогда за добрые дела следует похвала, а за плохие — наказание, предписываемое законом? И хотя вышеупомянутые писатели не были посвящены в божественную мудрость, тем не менее они по свидетельству истины со справедливостью опровергли заблуждения этих людей...

Но давайте же мы, кто искренне желает вступить в рай посредством умственных усилий, будем верить, что Бог располагает всеми вещами по своей воле, и давайте... с презрением отвергнем тщетность мирской жизни и обратимся к тщательному изучению Священного Писания в принятом порядке с тем, чтобы, связывая все явления со славой Божьей, мы могли бы правильно отнести к небесным тайнам то, что эти люди тщетно пытались объяснить, стремясь к мирской славе. И поэтому, как говорил Блаженный Августин и другие ученые Отцы, мирские науки не следует отвергать. Необходимо однако, как утверждается в Писании, размышлять о законе (божьем)

день и ночь; ибо, хотя достойное знание некоторых предметов можно при случае получить из светских наук, этот закон является источником вечной жизни...

...Если мы верим неизменно и нерушимо, через благодать Христа мы преуспеем в познании его славы. Но если кроме того мы желаем исполниться великого света, с тем чтобы постичь сладость будущей жизни еще в этом мире, давайте рассмотрим с большим благоговением и восхищением лишь настолько, насколько в состоянии трезвый человеческий ум, как Святая Троица, различная в своих воплощениях, хотя по природе проявляющаяся и проникающая в свои создания, вездесуща в своей целостности; рассмотрим также, каким образом из-за козней дьявола кажется, что Святой Троицы нет, хотя она постоянно присутствует; и, в-третьих, подумаем, почему, несмотря на то, что сущность ее ярче любого света и сияние ее неподражаемо, никто из ее созданий не может полностью постичь ее...

Перед этими и подобными вещами неуместно всякое удивление, безуспешны все человеческие исследования, и, тем не менее, это — предмет восхищения христиан; это — великое утешение для страждущих, ибо, если мы с благоговением и усердием размышляем о подобных вещах, через благодать Христову мы разрушаем дьявола и его труды. Впрочем, эти предметы должны рассматриваться со столь великим восхищением, чтобы вера в них оставалась неизменной и безусловной; они должны приниматься как выходящие за пределы нашего понимания и пребывать однозначно данными в нашем разуме. Ибо чувства наши могут устраняться от подобных размышлений, вере же непозволительны колебания и сомнения. Но тем не менее, то, чего мы не можем достигнуть на земле (хотя мы и видели Господа благодаря его собственной милости), мы в состоянии безошибочно распознавать в той мере, в какой он одарил нас силой и в какой позволяют наши слабые способности...

**Школа и педологическая мысль
средних веков. Возрожде-
ния и начала нового вре-
мени. М., 1991. С. 34—78.**

3.

ОТРЫВКИ ИЗ ТРАКТАТА ЭГИДИЯ РИМСКОГО «О ПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРЕЙ» (ОК. 1285 Г.)

Хотя всем людям подобает знать науки, чтобы, благодаря им, сделавшись более благоразумными, они могли лучше предотвращать недозволенное, однако некоторые, по-видимому, имеют законные извинения, если не проливают пот в занятиях наукой. Таковы бедняки, не имеющие необходимых средств для жизни. Им простительно, если они удаляются от свободных наук, дабы сыскать себе необходимое для жизни. Благородные же, и в особенности государи и правители, имеющие в изобилии богатства и владения, во всех отношениях достойны порицания, если не заботятся так руководить сыновьями, чтобы те уже с самого детства обучались свободным наукам... Если кто-то с помощью знания наук делается более проникательным и более сильным благоразумием и интеллектом, то детям государей и правителей с самого детства настолько больше подобает прилагать труда к наукам, насколько подобает им быть проникательнее и благоразумнее, дабы могли властвовать по природе. Но к этому же можно было бы добавить и другое рассуждение. Ведь если правитель не славен благоразумием и интеллектом, он легко обращается в тирана, потому что не будет заботиться о добродетельных деяниях, а деньги и внешние блага будет оценивать выше, чем следует. Он, стало быть, будет тираном и грабителем народа. Итак, чтобы дети государей и правителей, когда они становятся владыками, не правили как тираны, их следует с детства научить усердно трудиться в науках, дабы они могли стать сильными благоразумием и интеллектом...

...Древним было известно семь наук. Это грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия и астрономия. Их же все называют свободными, и потому в них наставлялись дети свободных и благородных людей... Однако существует много других более благородных наук. В самом деле, естественная философия, которая учит познавать природу вещей, гораздо лучше, чем некоторые

из упомянутых выше наук... С другой стороны, и метафизика, которая человеческим способом и посредством доказательств, найденных согласно человеческой природе, трактует о Боге и об отделенных субстанциях гораздо благороднее, чем естественная философия... Далее теология, которая, [рассуждая] о Боге и ангелах не только человеческим, но и божественным способом, то есть не посредством человеческих открытий, а более по божественному внушению, гораздо и несравнимо благороднее и достойнее других.

Еще весьма полезны и необходимы детям свободных и благородных некоторые моральные науки, например, этика, которая является наукой об управлении собой, экономика — наука об управлении семьей и политика — наука об управлении обществом и государством. ...Дети благородных и в особенности дети государей и правителей, если они хотят жить жизнью политиков, управлять и руководить другими, должны этими науками заниматься очень усердно...

Там же. С. 117—122.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

История Европы. Т. 2. М., 1992.

Сперанский Н. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. М., 1896.

Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1990.

Школа и педагогическая мысль средних веков, Возрождения и начала нового времени: исследования и материалы. М., 1991.

Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978.

Cobban A. B. The Medieval Universities. Their Development and Organisation. L., 1975.

The Flowering of the Middle Ages/Ed. by I. Evans. N. Y., 1966.

Histoire mondiale de l'education. P., 1981.

Histoire des universites franchises. Toulouse, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (А. Л. Ястребицкая)..... 7

Численность населения	7
Голодовки, болезни, эпидемии	10
Гигиена. Врачебная помощь	18
Продолжительность жизни. Демографическая пирамида.....	20
Миграции в средние века	22
<i>Приложение</i>	30

РАЗДЕЛ II. ФЕОДАЛИЗМ — ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (Ю. Л. Бессмертный)36

Средневековая деревня	36
Господствующий класс	41
Понятие феодального строя	42

РАЗДЕЛ III. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В X—XI вв.: ОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (Л. П. Ретина)46

<i>Приложение</i>	61
-------------------------	----

РАЗДЕЛ IV. ГОРОДСКАЯ ЕВРОПА (А. Л. Ястребицкая) 96

История происхождения. Внешний облик.....	98
Внутренний облик. Образ жизни.....	103
Городское население. Организация управления. Социальные контрасты	112
Хозяйственная жизнь. Цехи. Корпорации. Братства. Симптомы разложения средневекового порядка	119

Город в средневековом мире	133
Приложение.....	135
РАЗДЕЛ V. ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ХРИСТИАНСКОГО МИРА. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И РЕКОНКИСТА (Л. П. Ретина).....	157
<i>Приложение</i>	170
РАЗДЕЛ VI. ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНО-РЫЦАРСКИХ ОРДЕНОВ: НЕМЕЦКИЙ ОРДЕН. ОТ АККОНА ДО ГРЮНВАЛЬДА (В. И. Матузова)	201
РАЗДЕЛ VII. ЦЕРКОВЬ, ХРИСТИАНСТВО И ЕРЕСИ В СРЕДНИЕ ВЕКА (Л. П. Ретина	226
<i>Приложение</i>	229
РАЗДЕЛ VIII. ФРИДРИХ II СИЦИЛИЙСКИЙ И ЕГО ЭПОХА (М. Л. Абрамсон).....	257
РАЗДЕЛ IX. ВИЗАНТИЯ. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА (В. Г. Ченцова)	292
Основание Константинополя и образование Восточно-Римской (Византийской империи)	292
Константинополь — столица империи ромеев.....	294
Власть императора. Государственное управление. Элита.....	296
Христианская церковь в Византии	299
Крестьяне и ремесленники. Деревня и город	305
Византия и окружающий мир	308
Завоевание Константинополя турками.....	311
Византийская культура — характеристические черты (А. Л. Ястребицкая)	312
<i>Приложение</i>	325
РАЗДЕЛ X. ОБРАЗОВАНИЕ, ШКОЛЫ, УНИВЕРСИТЕТЫ (Л. П. Ретина).....	359
<i>Приложение</i>	362